Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Хабаровский краевой суд

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ~~ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ~~ ПРАКТИКИ

*Сборник материалов Всероссийской
научно-практической конференции
27 марта 2015 г.*

Хабаровск, 2015

УДК 34
ББК я 54 (67)
Д 156

Редакционная коллегия:

ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор *А.С. Бахта;*
заместитель ответственного редактора
кандидат юридических наук, доцент *М.А. Тулиглович;*
ответственный секретарь *В.К. Твердохлебова;*

члены редколлегии:
доктор юридических наук, профессор *Н.Е. Мерецкий;*
доктор юридических наук, доцент *А.Н. Дерюга;*
доктор юридических наук, профессор *Л.Н. Древаль;*
доктор юридических наук, доцент *В.А. Болдырев;*
кандидат юридических наук, доцент *И.М. Антонов;*
кандидат юридических наук, доцент *И.С. Еремина;*
кандидат юридических наук, доцент *С.Н. Воробей;*
кандидат юридических наук *С.А. Ярошенко*

Д 156 **Актуальные** проблемы юридической науки и судебной практики : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 27 марта 2015 г. ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России ; Хабаровский краевой суд. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2015. – 328с.

ISBN 978-5-9753-0198-7

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции, в ходе которой освещались проблемные вопросы юридической науки и судебной практики.

Предназначен для широкого круга читателей.

УДК 34
ББК я 54 (67)

ISBN 978-5-9753-0198-7

© ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России, 2015
© Хабаровский краевой суд, 2015

УДК 343.8

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ НАКАЗАНИЙ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ, «БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ» ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Николюк В.В., профессор кафедры Дальневосточного
юридического института МВД России доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье рассмотрен ряд проблем, касающихся уголовно-исполнительного судопроизводства. Сделаны акценты на проблемные «болевые точки» правоприменения, такие как: запрет на «заочное» рассмотрение судами дел в отношении осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания; регламентация задержания и заключения под стражу осужденных, скрывающихся в целях уклонения от отбывания наказания, и ряд других.

Ключевые слова: судопроизводство; судебный контроль; наказание; реабилитация.

JUDICIAL CONTROL OVER THE EXECUTION OF SENTENCES: A PARADIGM SHIFT IN THE DOMESTIC LEGAL DOCTRINE OF "HOT SPOTS" OF LAW ENFORCEMENT

Nikoliuk V.V., chair professor of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Doctor of Law, professor, honored scientist of the Russian Federation

The article describes a number of issues relating to the penitentiary proceedings. To focus on the problem "weak points" of law enforcement, such as a ban on "in absentia" for courts to consider cases involving convicts who evade punishment, regulation arrest and detention of convicts hiding to evade punishment and others.

Keywords: judiciary; judicial supervision; punishment; rehabilitation.

Смена парадигмы в отечественной правовой доктрине в части трактовки сущности судебного контроля за исполнением наказаний

В рамках уголовного процесса функционирует самостоятельное, факультативное по отношению к уголовному делу **уголовно-исполнительное судопроизводство**. Оно объективно, если иметь в виду наступление правовых последствий для осужденного (а по делам об условно-досрочном освобождении от лишения свободы – и для потерпевшего) уже после вступления приговора в законную силу, меняет еще сохраняющееся в научной и учебной литературе стереотипное представление о содержании российского уголовного судопроизводства как исключительно «движения уголовного дела» из стадии в стадию. На этапе исполнения приговора, когда законченное уголовное дело «списано» (в буквальном и переносном смысле) в архив, происходит фактическая корректировка большинства вступивших в законную силу судебных приговоров в части назначенного наказания, по сути пересматриваются итоги в этой части уголовного дела, причем по упрощенному, в сравнении с судебным разбирательством, варианту. Сказанное иллюстрируется следующими статистическими данными.

В 2014 г. суды назначили наказание в виде лишения свободы на определенный срок 218,7 тыс. осужденным. В результате замены судом исправительных, обязательных работ, штрафа, ограничения свободы лишением свободы, а также отмены условного осуждения, условно-досрочного освобождения в исправительные колонии было направлено 65,3 тыс. осужденных. Таким образом, 23% осужденных, или почти каждый четвертый, отбывает наказание в местах лишения свободы не по приговору, как это вытекает из ст. 43 УК РФ, а на основании судебных постановлений, вынесенных в порядке ст. 399 УПК РФ.

За 2014 г. судами также рассмотрено: 132, 4 тыс. ходатайств осужденных об условно-досрочном освобождении от лишения свободы, из которых 54,5 тыс. удовлетворено; 31,1 тыс. ходатайств о замене лишения свободы более мягким наказанием (удовлетворено 6,5 тыс.); 6,4 тыс. ходатайств о досрочном освобождении осужденных от наказания в связи с болезнью (удовлетворено 1,4 тыс.); 128,3 тыс. дел о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом (приговор измен в части назначенного наказания в отношении 27,4 тыс. осужденных); 40,8 тыс. представлений об изменении осужденным вида исправительного учреждения, назначенного приговором (удовлетворено 22,7 тыс.); 31,9 тыс. дел о прекращении, изменении или продлении принудительной меры медицинского характера; 21,8 тыс. ходатайств о снятии судимости (удовлетворено 5,7 тыс.)[*].

Учитывая важность и значимость судебного производства, ведущегося в порядке гл. 47 УПК РФ, большое количество накопившихся в судебной практике вопросов, существенную корректировку законодателем разд. 14 УПК РФ «Исполнение приговора»[**], 20 декабря 2011 г. Пленумом Верховного Суда РФ было принято Постановление № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [3], в котором сформулирован ряд правовых позиций, фактически по-новому интерпретирующих место и значение уголовно-исполнительного судопроизводства в рамках уголовного процесса. Ключевая из них – признание судебной деятельности, осуществляемой по правилам 47 УПК РФ, правосудием (п. 2). Этому предшествовало распространение законодателем и Верховным Судом РФ в Постановлении от 20 декабря 2011 г. ряда общих условий судебного разбирательства на стадию исполнения приговора, вследствие чего объективно произошла трансформация анализируемого вида судебной деятельности в одну из форм уголовного правосудия, что и было воспринято Пленумом Верховного Суда РФ. Традиционное, классическое понимание правосудия как лишь той части деятельности суда, которая направлена на рассмотрение и разрешение дела по существу, т. е. решение вопросов виновности и наказания, стало уже не отражать действительного, реального содержания роли и значения судебной власти в уголовном судопроизводстве.

Меняющаяся трактовка в теории уголовного процесса («смена парадигмы») уголовно-исполнительного судопроизводства в сторону понимания его как новой самостоятельной формы правосудия предполагает продолжение научно-практических исследований комплекса нормативных предписаний, регулирую-

---

[*] Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел в 2014 г., форма № 1, раздел 4.

[**] С момента принятия и введения в действие УПК РФ раздел 14 кодекса «Исполнение приговора» 43 раза изменялся и дополнялся. Причем новеллы гл. 47 УПК РФ «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» носят далеко не технический характер. Только в ст. 397 УПК РФ «Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора», которая определяет границы судебного контроля за исполнением приговора, внесено 17 изменений и дополнений. При этом указанная статья дополнена 7 новыми пунктами, расширившими полномочия суда на этапе исполнения приговора.

щих данный вид судебной деятельности, с позиций ее соответствия международным и национальным стандартам отправления правосудия. Цель таких исследований – разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, его максимальное согласование с уголовно-исполнительным законодательством в направлении создания надлежащих условий для доступа к справедливому правосудию участников уголовно-исполнительного судопроизводства.

«Болевые точки» (приоритетные направления оптимизации) судебного контроля за исполнением наказаний

1. Запрет «заочного» рассмотрения судами дел в отношении осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания (пункты 2, 4^1, 7, 17, 17^2, 18, 18^1 ст. 397 УПК РФ).

В 2013 г. почти 14 тыс. дел о замене неотбытого срока обязательных или исправительных работ, ограничения свободы лишением свободы, об отмене условного осуждения и условно-досрочного освобождения рассмотрено в отсутствие осужденного с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу на период апелляционной проверки. Причем большая часть них — это дела об отмене условного осуждения (5,9 тыс.) и замене исправительных работ лишением свободы (4,5 тыс.).

Вместе с тем современная редакция ч. 2 ст. 399 УПК РФ, действующая уже более 4 лет, не допускает рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора, в отсутствие осужденного, если от него поступит ходатайство об участии в судебном заседании. В свою очередь, для того, чтобы выяснить позицию осужденного об участии в судебном заседании, надо его своевременно известить о дате, времени и месте заседания. Данное правило распространяется и на предусмотренные пунктами 2, 4^1, 7 17, 17^2, 18, 18^1 ст. 397 УПК РФ случаи. Напомним, что изменения в ч. 2 ст. 399 УПК РФ были внесены в марте 2011 г. в порядке приведения ее в соответствие с конституционными норами (ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 ст. 22, ч. 1 ст. 46, ст. 48, ст. 123 Конституции РФ), гарантирующими каждому право на судебную защиту, состязательность и процессуальное равенство сторон в судебном процессе, закрепляющими общий принцип недопустимости заочного разбирательства уголовных дел.

В обновленной в 2011 г. ч. 2 ст. 399 УПК РФ говорится о заявлении осужденным ходатайства об участии в судебном заседании. При буквальном толковании предписаний ч. 2 ст. 399 УПК РФ осужденный, чтобы принять участие в судебном заседании, должен в течение 10 суток со дня получения осужденным извещения о дате, времени и месте его проведения направить в суд письменное ходатайство. Если такое ходатайство не поступит, то суд, убедившись о надлежащем извещении осужденного, вправе провести судебное заседание в его отсутствие. Однако специфика дел о замене наказания, отмене условного осуждения объективно исключает подобное развитие событий. Она выражается в том, что, во-первых, осужденный скрывается в целях уклонения от исполнения приговора, его надлежит разыскивать и задерживать, при необходимости, заключать под стражу до рассмотрения судом дела и принудительно доставлять в суд, здесь фактор извещения осужденного о дате, времени и месте судебного заседания приобретает совершенно другой смысл; во-вторых, при удовлетворении судом в анализируемых случаях представления органа, исполняющего наказание, существенно затрагиваются права и законные интересы осужденного, и в силу своего конституционно-правового статуса он не может быть лишен возможности довести свою позицию до суда. Следовательно, в целях осуществления справедливого правосудия, принятия законного решения суд должен исходить из обязательности присутствия осужденного в судебном заседании по вопросам, связанным с заменой ему назна-

ченного наказания другим более строгим наказанием, отменой условного осуждения и условно-досрочного освобождения, отсрочки отбывания наказания.

Подтверждает данное прочтение положений ч. 2 ст. 399 УПК РФ и Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, которым в УИК РФ введена ст. 18^1, где в ч. 2 записано: объявление розыска осужденных к наказанию в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительной инспекции, осуществляется оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы. Тем самым законодатель унифицировал требования к розыску осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора, независимо от того, какое им назначено наказание и осуждены ли они условно. В пункте 9 Постановления от 20 декабря 2011 г. № 21 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что с учетом положений ст. 18^1 УИК РФ объявление розыска условно осужденного, скрывшегося от контроля (подобные решения часто принимаются судами), не относится к числу вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора.

В связи с изложенным нами было предложено дополнить п. 6 проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», принятие которого планируется в июне 2015 г., еще одним подпунктом или абзацем следующего содержания:

«Учитывая требования ч. 1 ст. 46 Конституции РФ об обеспечении права на судебную защиту, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, ч. 2 ст. 399 УПК РФ, гарантирующей осужденному участие в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, заочное рассмотрение в судебном заседании дел в случаях, указанных в пунктах 2, 4^1, 7, 17, 17^2, 18, 18^1 УПК РФ, не допускается, кроме случаев, когда от осужденного поступило ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие».

2. Полноценная регламентация задержания и заключения под стражу осужденных, скрывающихся в целях уклонения от отбывания наказания.

По делам о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания (п. 2 ст. 397 УПК РФ) в качестве меры пресечения уклонения от исполнения приговора, обеспечения явки осужденного в судебное заседание закон (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч. 4 ст. 60^2, ч. 2 ст. 60^{17}, ч. 6 ст. 75^1 УИК РФ, п. 18 и п. 18^1 ст. 397 УПК РФ) предусмотрел задержание и заключение под стражу осужденного. В УПК РФ и УИК РФ имеется минимум правовых предписаний, ориентированных на регулирование оснований и процессуального порядка заключения под стражу осужденных. Фактически в законе не создан правовой механизм реализации данной меры принуждения в стадии исполнения приговора, из-за чего, во-первых, сдерживается ее применение в случаях необходимости, и, во-вторых, в судебной практике в этой части соответствующие правовые нормы интерпретируются неодинаково, порой взаимоисключающим образом.

Встречающиеся на практике случаи применения судьями по аналогии правил ст. 108 УПК РФ при рассмотрении представлений уголовно-исполнительной инспекции о заключении под стражу осужденных в целях обеспечения их участия в судебном заседании для рассмотрения вопроса о замене наказания носят вынужденный и спорный характер.

Различная трактовка правоприменителями норм о задержании и заключении под стражу осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания, обусловлена в основном неурегулированностью законодательством более полутора десятков практически значимых вопросов, возникающих в правоприменительной деятель-

ности, отсутствием четко сформулированной позиции по ним в юридической науке, комментариях к УПК РФ и УИК РФ, в судейском корпусе.

3. Признание права на реабилитацию осужденного, незаконно содержавшегося под стражей, в связи с производством о замене наказания.

Перечень субъектов права на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, установленный ч. 2 ст. 133 УПК РФ, подлежит расширению за счет включения в него следующей категории участников уголовного процесса: осужденный – в случаях отмены постановления суда, вынесенного в соответствии с пунктами 2, 4^1, 7, 17, 17^2, 18, 18^1 УПК РФ, отказа в удовлетворении представления учреждения или органа, исполняющего наказание, и прекращении по нему производства.

Возмещаться должен вред, непосредственно причиненный осужденному заключением его под стражу (например, суммы, выплаченные в связи с оказанием юридической помощи). Зачет в срок наказания (обязательных, исправительных работ, ограничения свободы) времени содержания под стражей в связи с рассмотрением судом представления учреждения или органа, исполняющего наказание, производится на основании соответствующих норм УК РФ (ст. 72) и не охватывается правом реабилитированного на возмещение вреда. Кроме того, время содержания под стражей в указанных случаях не всегда представляется возможным зачесть в срок наказания, подлежащего отбытию (например, когда осужденный освобожден из-под стражи в связи с признанием судом незаконной отмены условного осуждения и направления осужденного для отбывания лишения свободы или замены штрафа лишением свободы).

Единичные случаи признания в судебной практике права на реабилитацию за осужденным, освобожденным из-под стражи при отмене постановления суда, вынесенного в случаях, предусмотренных пунктами 2, 4^1, 7, 17, 17^2, 18, 18^1 УПК РФ, отказе в удовлетворении представления учреждения или органа, исполняющего наказание, и прекращении по нему производства, – следствие очевидного пробела в законодательной регламентации анализируемой правовой ситуации, отсутствия каких-либо доктринальных позиций в юридической науке, в многочисленных изданиях, адресованных юристам как «Научно-практические комментарии к УПК РФ».

4. Дополнительная регламентация участия в судебных заседаниях, проводимых по правилам ст. 399 УПК РФ, прокурора, адвоката, потерпевшего.

Судебная практика в этой части крайне разноречива. Регламентируя процессуальный статус этих участников уголовного процесса, законодатель не учитывает специфику стадии исполнения приговора. Например, в гл. 47 УПК РФ говорится и об адвокате (ч. 4 ст. 399 УПК РФ), и о защитнике (ч. 3 ст. 398 УПК РФ). В уголовно-процессуальной теории также нет четкого представления о функции, которую выполняет адвокат в стадии исполнения приговора [1; 2].

В результате изменений и дополнений, внесенных в УПК РФ в 2013 г., потерпевший стал потенциальным участником судебного производства, осуществляемого в порядке гл. 47 УПК РФ, и субъектом права на апелляционное обжалование всех решений, принимаемых при исполнении приговора, когда они затрагивают его интересы. Впервые в отечественной практике уголовного судопроизводства суды стали принимать к апелляционному рассмотрению жалобы потерпевших, не согласных с условно-досрочным освобождением осужденного в связи с неполным возмещением им вреда, причиненного преступлением.

Вместе с тем в теоретическом и прикладном аспектах дополнительно предстоит выработать позицию по следующему вопросу: «Насколько юридически значима жалоба потерпевшего на постановление об УДО осужденного, когда она не связана с обеспечением его личной безопасности, защиты его семьи и близких от

угроз со стороны лица, совершившего преступление, возмещением причиненного этим преступлением вреда?». Если такая жалоба процессуально не значима, каким образом апелляционный суд должен реагировать на нее: 1) отказать в принятии жалобы к рассмотрению и возвратить ее потерпевшему? 2) принять жалобу к рассмотрению и прекратить производство по ней? 3) принять жалобу к рассмотрению и отказать в ее удовлетворении?

4. Производство экспертизы в стадии исполнения приговора: адаптация правил судебной экспертизы по уголовному делу для «нужд» стадии исполнения приговора.

Действующим законодательством (п. 2^1 ст. 102 УК РФ, п. 4^2 ст. 397 УПК РФ) прямо предусмотрена обязанность назначения и производства отдельных видов экспертиз в стадии исполнения приговора. Это подтверждено и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, данными им в п. 27 Постановления от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». В этой связи возникает ряд вопросов о пределах действия на данном этапе уголовного судопроизводства общих правил производства судебной экспертизы, которые в УПК РФ сформулированы применительно к расследованию и судебному разбирательству уголовного дела.

Литература

1. Беседин А.В. Защита в стадии исполнения приговора: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1995.

2. Воронин О.В. О функциональном содержании деятельности адвоката в стадии исполнения приговора // Адвокатская практика. 2012. № 2. С. 2-5.

3. Российская газета. 2011. 30 декабря.

УДК 343.21

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Волков К.А., судья Хабаровского краевого суда
кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена судебной практике как фактору укрепления уголовной политики. Анализируется понятие и приоритетные направления уголовной политики. На основе изучения изменений уголовного закона делается вывод о появлении в уголовном законе «норм аватаров». С учетом положений теории уголовного права и судебной практики делается заключение, что решения высших судебных органов выступают важным инструментом преодоления недостатков закона в сфере уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-правовая политика; уголовно-процессуальная политика; уголовно-исполнительная политика; недостатки закона; судебная практика Конституционного Суда РФ; судебная практика Верховного Суда РФ.

JUDICIAL PRACTICE AS A FACTOR OF STRENGTHENING OF CRIMINAL POLICY

Volkov K.A., judge of the Khabarovsk regional court
Kandidat nauk degree in Law associate professor

The article is devoted to judicial practice as the factor of strengthening of criminal policy. The concept and priorities of criminal policy are examined On the basis of changes in the

criminal law, concludes appearance in criminal law "norms avatars". To the provisions of the theory of criminal law and judicial practice, a conclusion that the decisions of the higher judiciary are an important tool to overcome the shortcomings in the field of criminal policy.

Keywords: criminal policy; criminal legal policy; criminal procedure policy; penal policy; the shortcomings of the law; the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation; the judicial practice of the Supreme Court.

В самых общих чертах уголовную политику можно охарактеризовать как систему политико-правовых отношений, юридических норм, идей, взглядов, реализующихся в принципах, направлениях и формах деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия преступности. При этом в юридической науке традиционно выделяются уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная политика.

Приоритетными направлениями российской уголовно-правовой политики последнего десятилетия со всей очевидностью стали борьба с коррупцией, террористической и экстремистской деятельностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ (так называемые «спайсы»), посягательствами на половую неприкосновенность несовершеннолетних. В свою очередь, в сфере уголовно-процессуальной политики такими направлениями являются: дифференциация форм уголовного судопроизводства, в том числе расширение института компромисса; придание важного значения судебному контролю на различных стадиях уголовного судопроизводства, вплоть до появления «института следственных судей»; усиление защиты процессуальных интересов потерпевших, а также такой категории обвиняемых, как предприниматели (можно даже говорить о появлении уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей [2]); расширение процессуальных возможностей стадии исполнения приговоров. В области уголовно-исполнительной политики векторами развития стали: гуманизация отбывания наказания; усиление контроля в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы; достижение европейских стандартов содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей, а также осужденных в местах лишения свободы; попытка «разгрузить» уголовно-исполнительную систему, в том числе за счет применения института амнистии.

Несмотря на внешне обновленные ориентиры, содержательная сторона современной уголовной политики по-прежнему свидетельствует о ее кризисном состоянии. Исследуя процесс совершенствования уголовного закона на современном этапе, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин пришли к интересному выводу, что он происходит преимущественно за счет установления все новых и новых форм общественно опасного поведения. При этом процесс криминализации не всегда сопровождается глубокой научной проработкой как самих нормативных конструкций, так и последствий их применения на практике. Авторы вполне обоснованно заявляют о феномене «мертвых норм», когда нормативные предписания уголовного законодательства по тем или иным причинам не находят применения на практике [1].

На наш взгляд, феномен «мертвых норм» в уголовном законе усугубляется появлением «норм аватаров», когда в рамках существующей ответственности за преступное деяние законодатель производит дублирование его видов, «искусственно» придавая им статус самостоятельного состава преступления, причем не в самом лучшем виде. В качестве примера может служить законодательная дифференциация уголовной ответственности за мошенничество в зависимости от сферы деятельности. Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ в уголовном законе вместо одной нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) появилось

дополнительно еще шесть (ст. 159.1-159.6 УК РФ). Сегодня приходится констатировать, что попытки усовершенствовать уголовную ответственность за экономические виды мошенничества не привели к ощутимым результатам. Более того, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 11 декабря 2014 г. № 32-П признал не соответствующими Конституции РФ положения ст. 159.4 УК РФ, предусматривающие ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. В частности, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что специальным видом мошенничества для предпринимателей установлены юридические преференции для предпринимателей. Несправедливым было названо и то обстоятельство, что мошенничество в «крупном и особо крупном» размере для предпринимателей по ст. 159.4 УК РФ начинается с суммы в шесть раз более высокой, чем для «простых» мошенников по ст. 159 УК РФ. Кроме того, в отличие от простого мошенничества, в ст.159.4 УК РФ отсутствует целый ряд квалифицированных составов, а санкция статьи в два раза мягче простого мошенничества [10].

Изучение законотворческого процесса применительно к уголовному закону свидетельствует о сохранившейся тенденции увеличения количества «норм аватаров» в статьях Особенной части Уголовного кодекса. Так, в 2014 г. было принято 23 федеральных закона по вопросам совершенствования уголовной ответственности, из них в десяти случаях законодатель устанавливал ответственность в отношении тринадцати преступных посягательств (ст. 354.1, 330.2, 282.3, 172.1, 212.1, 222.1, 223.1, 200.2, 235.1, 238.1, 263.1, 325.1, ст. 327.2 УК РФ). Проведенный анализ содержания указанных новелл свидетельствует, что только в половине случаев действительно установлена ответственность за новые преступления. В остальных же законодатель сымитировал появление составов преступлений, это означает, что даже при отсутствии законодательных новелл уголовная ответственность за преступления все равно имела место быть. Иллюстрацией тому может служить Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 370, в котором установлена уголовная ответственность за незаконное изготовление взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 223.1 УК РФ); между тем ответственность за аналогичное деяние предусматривалась ст. 223 УК РФ в первоначальной редакции.

В последнее время среди научной общественности все чаще высказывается идея капитальной ревизии текста уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного закона, вплоть до принятия новых кодексов. Так, Л.В. Инногамова-Хегай говорит о необходимости существенных изменений уголовного закона, для того чтобы он стал системным, рабочим законом, признавался большинством ученых и практических работников [6, с. 41]. Здесь сделаем небольшую ремарку, поскольку считаем, что уголовный закон пишется прежде всего для «простых» граждан, и поэтому очень важно, чтобы положения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства были приняты должным образом населением страны, соответствовали потребностям развития современного российского общества в его непростой социально-экономической ситуации.

Споры о том, каким должен быть уголовный закон по своей концептуальности – новым или обновленным; по своему содержанию – «большим, но мягким» или «маленьким, но твердым», до сих пор не утихают.

Не ставя перед собой цель сделать подробный анализ всех изъянов уголовной политики и мер по их устранению, считаем необходимым заметить, что значение судебной практики в механизме укрепления таковой не привлекает к себе должного внимания со стороны специалистов в области юриспруденции. Хотя попытки исследовать влияние отдельных форм судебной практики на развитие уголовной политики предпринимаются, при этом общее отношение к ней как объ-

екту изучения в юридической литературе наблюдается подчас настороженное. В какой-то мере это связано с отказом специалистов воспринимать уголовную политику как нечто большее, чем содержание уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства. При этом отдельные авторы в своих работах не без сожаления констатируют, что представления о современной модели уголовной политики не совпадают с ее реальным воплощением. По мнению Я.И. Гилинского, в нашей стране отсутствует научно обоснованная, четко сформулированная уголовная политики, при этом ее заменяют правовые акты ad hoc и реальная политика, выявляемая в процессе анализа правоприменительной деятельности [3, с. 39]. Таким образом, автор говорит о том, что уголовная политика – это не столько совокупность законов в сфере борьбы с преступностью, сколько ее реализация в судебной практике.

Очевидно поэтому в юридической литературе все чаще констатируется наличие судебного нормотворчества при реализации отдельных направлений уголовной политики. При этом в рамках концепции источников права обсуждается вопрос так называемого «широкого» понимания уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, которое выходит за традиционные рамки нормативистской парадигмы, включая в себя различные формы прецедентного права.

Мы убеждены, что содержание уголовной политики наряду с законами составляет интерпретационная деятельность высших судебных органов России (Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ). При таком подходе абсолютно по-новому должны рассматривается проблемы правопонимания в уголовном праве в целом. Именно по этой причине А.Э. Жалинский справедливо указывал на необходимость различать закрепленное в законе и применяемое уголовное право. По его мнению, важно найти сопоставимые индикаторы применяемого уголовного права и уделять им большее внимание на основе углубленного анализа судебной практики, и в частности аргументации судебных решений [5, с. 68].

При таком подходе основной проблемой уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права становится уже не столько проблема постижения смысла правовых норм, сколько вопросы интерпретации норм закона, осмысления правоприменителем всей правовой действительности в целом. По меткому замечанию А.И. Овчинникова, «научное и профессиональное правовое мышление не должно рассматриваться по аналогии с инженерным и естественнонаучным мышлением в общепринятом понимании - как «мышлении объективном», объясняющем. Соответственно логические критерии истины не могут быть применимы к этому уровню мышления без дополнительных поправок, смысл которых сводится к ограничению рационально-логического познания духовно-практического мира» [9].

При этом важнейшей функцией судебной практики высших судебных органов всегда выступало преодоление недостатков позитивно-правовых установлений посредством выработки наиболее удачных вариантов правоприменительной практики. Полагаем, что при общем ограничении роли высших судебных органов «применением» уголовного закона, они имеют право восполнять недостатки закона, как следствие, вносить «коррективы» в применяемый закон и уголовно-правовую политику. При этом судебные органы должны действовать не произвольно, а непосредственно опираясь на принципы уголовного права и нормы Конституции РФ. Основанием для данного утверждения служит общепризнанное правило, что суд не может отказаться от разрешения уголовного или гражданского дела по существу под предлогом неясности, неполноты или противоречия закона. Когда в судебной практике встречается казус и отсутствует закон, его регулирующий, то суд обязан рассмотреть спорный вопрос по духу всего действую-

щего законодательства, на основании его общего разума. Таким образом, роль судебной практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ состоит в обеспечении возможности преодоления противоречий уголовно-правовой политики до того момента, когда законодатель сам обратит свое внимание на них и сможет устранить на законодательном уровне.

Поэтому неслучайно П.С. Дагель утверждал, что уголовная политика не только выражается в праве и определяет содержание правовых норм, но и направляет практику их применения. По мнению автора, уголовная политика может измениться при неизменившемся законодательстве, когда изменения находят свое выражение в практике его применения [4, с. 8]. П.С. Дагель приводит пример, когда в конце 50-х гг. прошлого столетия значительно сократился удельный вес реального лишения свободы и была расширена практика освобождения от уголовной ответственности при сохранении норм УК РСФСР 1926 г.

А.В. Наумов, рассматривая судебный прецедент как источник уголовного права, также приводит многочисленные примеры, когда нормами судебного нормотворчества корректировалась отечественная уголовно-правовая политики. В частности, автор говорит о возможной фактической криминализации определенных категорий деяний при сохранении «буквы» уголовного закона, когда Верховный Суд своим толкованием этой «буквы» расширяет сферу преступного и наказуемого [8].

Исследуя проблему источников «живого» уголовного права, В.В. Кулыгин в монографической работе «Этнокультура уголовного права» на многочисленных примерах судебной практики показал, как с помощью судебного прецедента происходило наполнение новым содержанием и изменение не только уголовно-правовых норм закона, но и появление в уголовном праве правовых категории и институтов, ранее не известных уголовному праву (правила квалификации деяний с неопределенным умыслом, юридическая ошибка, уголовно-правовое задержание и пр.) [7, с. 117-136]. В последнем случае, очевидно, речь идет о временном преодолении судебным нормативорчеством пробелов уголовного права, что также является серьезным недостатком в уголовном праве, способным привести к ошибкам в правоприменении и существенному ущемлению прав и свобод граждан.

Обращение к судебному правотворчеству в уголовном праве свидетельствует о неудовлетворенности существующим представлением правопонимания в уголовного праве, что, в свою очередь, заставляет отыскивать новые парадигмы модернизации уголовной политики. При этом, какая бы парадигма правопонимания ни находилась в основе уголовно-правовых моделей, критерием справедливости норм уголовного права остается правосознание, а не норма позитивного права. Интерпретационная деятельность Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ выступает здесь центральным элементом всякого правоприменительного процесса, а где есть процесс – присутствует и механизм творческого участия.

Литература

1. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С.4-10.

2. Волков К.А. Совершенствование правосудия по уголовным делам в отношении предпринимателей // Российский следователь. 2013. № 18. С. 36-39.

3. Гилинский Я.И. Уголовное законодательство в современной России: критические заметки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы XII Междунар. науч.-практ. конф. (29-30 января 2015 г.). М.: РГ-Пресс, 2015.

4. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982.

5. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

6. Инногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы обновления уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы XII Междунар. науч.-практ. конф. (29-30 января 2015 г.). М.: РГ-Пресс, 2015.

7. Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права: монография. М., 2002.

8. Наумов А.В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 9-10.

9. Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д., 2002.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Российская газета. 2014. 24 декабря.

УДК 343.2/.7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Тулиглович М.А., заместитель начальника Дальневосточного юридического института МВД России (по научной работе)
кандидат юридических наук, доцент

Начиная с 70-х гг. XX столетия, междисциплинарная методология уверенно проникает во все сферы научного знания. Зародившись при исследовании физических и химических процессов, методология синергетики сегодня активно редуцируется в социально-гуманитарные дисциплины. В статье рассматриваются предпосылки для решения вопроса перспективности использования положений синергетики при исследовании системы уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: синергетика; междисциплинарная методология; система уголовно-правового регулирования.

THE USE OF THE INTERDISCIPLINARY METHODOLOGY IN THE STUDY OF THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW REGULATION

Tuliglovich M.A., deputy head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

Since the 70-s of the XXth century, interdisciplinary methodology has been confidently penetrating all spheres of scientific knowledge. Having been formed during the study of the physical and chemical processes, today methodology of synergetics is actively reduced into socio-Humanities. The prerequisites for resolving the issue of the prospect of synergetics in the study of the criminal law regulation system is considered in this article.

Keywords: synergetics; interdisciplinary methodology; the system of criminal law regulation.

Для достижения положительных результатов в познании сложных процессов, происходящих в социальных (человекомерных) системах, исследователь правовой материи должен иметь в своем арсенале достаточно широкий спектр научных методов. Начиная с 70-х гг. XX столетия происходит активное развитие

и внедрение в научно-исследовательскую составляющую так называемой междисциплинарной методологии, зародившейся в недрах нового научного направления, именуемого «синергетикой»[*], и выступающей связующим звеном между дисциплинами естественного и гуманитарного циклов. И если в таких гуманитарных направлениях, как история, психология, экономика, вопросы применимости концепций синергетики активно обсуждаются в течение нескольких десятилетий [5; 8; 10, с. 112; 14, с. 150; 15], то использование междициплинарной методологии в правовом поле только начинает набирать обороты [9; 13; 16].

Ключевая идея синергетики связана с категорий нелинейности. Установлено, что линейное развитие химических, биологических и социальных процессов, нахождение живой и неживой материи в равновесном состоянии не является превалирующим. Непредсказуемость поведения системы в периоды неустойчивого развития в силу наличия неопределенности, случайности в точках бифуркации, когда малейшие флуктуации способны оказать серьезнейшее резонансное воздействие на дальнейшее развитие всей системы, обусловлена наличием хаоса и значительным ростом энтропийных процессов, происходящих в самой системе. Именно этими процессами связаны новые подходы к изучению альтернатив развития, возникающих в точках бифуркации.

Сегодня синергетическая методология все больше проникает в недра исследовательской составляющей социально-гуманитарных дисциплин. Вместе с тем данный процесс не следует отождествлять только с имплементацией категориального аппарата синергетики в гуманитарное знание. Простой механический перенос терминологии из одной сферы научного знания в другую или исключительно метафорическое использование синергетической терминологии (флуктуации, бифуркация, аттрактор, самоорганизация) приводит к «зашумлению» пространства междисциплинарных коммуникаций псевдосинергетическими ассоциациями и метафорами» [6, с. 50]. Другими словами, «если мы назовем альтернативную ситуацию – бифуркацией, нестабильность общества – увеличением энтропии, стихийность во взаимодействии социальных групп – хаосом, прогресс – негэнтропией, выход из кризиса – самоорганизацией системы, мы не станем вследствие этого лучше понимать и объяснять историческое прошлое» [4, с. 15].

Значительные исследовательские результаты применения междисциплинарной методологии достигаются там, где синергетические концепции и категории находят конструктивное приложение путем применении универсальных математических моделей, получивших свое развитие в рамках теорий нелинейных динамических систем, динамического хаоса, диссипативных структур[**].

Внедряя в исследовательскую программу новую методологию, тем более, когда речь идет о редукции методов, созданных изначально для изучения исключительно физических и химических (естественных), а не социальных процессов, необходимо, прежде всего, решить вопрос о целесообразности и перспективности использования положений синергетики при исследовании системы уголовно-

[*] Синергетика сегодня представляется интенсивно развивающимся научным направлением и рассматривается в качестве теоретической платформы, в рамках которой развиваются теории сложности, теория катастроф, диссипативная структура, теория хаоса, теория фракталов и самоорганизующейся критичности.

[**] Показательны в этой связи исследования истории культуры, проведенные с использованием синергетической методологии Ю.М. Лотманом [1]; исследование исторических процессов начала XX века [2]; синергетические приложения в психологии и политологии [7; 12] и др.

правового регулирования[*]. Предпосылки использования синергетической методологии в уголовном праве проявляются в следующем[**].

Во-первых, система уголовно-правового регулирования всегда выступала в роли соответствующего индикатора, чутко улавливающего малейшие социальные, политические и экономические флуктуации, происходящие в системе государственного жизнеустройства. Темпы ее изменения и развития находятся в прямой корреляционной зависимости от процессов, непосредственно происходящих в обществе. В большинстве случаев эти изменения носят непредсказуемый характер, приводят к неожиданным результатам. Динамика системы уголовно-правового регулирования содержит все большую долю неопределенности, включает периоды хаотического нормотворчества и правоприменения, показывает характерные варианты фрактальных свойств (например, рост преступности). Во-вторых, множество элементов в системе уголовно-правового регулирования характеризуются динамическими нелинейными соотношениями. Их итеративный характер взаимодействия является очень сложным по своей структуре, что в конечном счете указывает на имеющийся потенциал к динамичному развитию в сложных формах, включая хаотические режимы и самоорганизацию. В-третьих, неудовлетворительные результаты эмпирических исследований, основанные на стандартных статистических методах (как правило, линейных), объясняются тем, что измерения были проведены слишком неточно, «грубо», случайные факторы («шум») превысили допустимый уровень. Можно затратить много усилий на решение указанных проблем, однако это вовсе не гарантирует получение приемлемого результата. Вместо этого следовало бы, возможно, использовать другой подход, введя в анализ нелинейные обратные связи, применив подходы, развивающиеся в рамках синергетики.

Наконец, в-четвертых, существенные перемены происходят в структуре метатеории, что не может не сказаться на структуре теорий в социальных науках. До недавнего времени традиционные взгляды на причины и следствия предполагали линейное мировоззрение, в котором выходной сигнал системы был пропорционален сигналу на входе. Такой подход был обусловлен применением аддитивной модели, в которой система выступает простой суммой его частей. Действие всей системы является простым и предсказуемым – нужно только понять несколько руководящих внешних правил, которые помогут определить, как будут вести себя ее части. Подобная редукционистская парадигма преобладает в уголовно-правовой мысли и является основой для большинства научных исследований и применяемых для их обоснования статистических методов. Тем не менее, данный подход не работает для многих аспектов человеческого поведения. Сложность системы уголовно-правового регулирования все чаще демонстрирует нам такие ситуации, в которых мы не можем объяснить результаты и последствия, изучая отдельные ее элементы. Это приводит нас к выводу о том, что в ряде случаев целое не просто сумма частей. «В последнее время подвергаются пересмотру главные составляющие ньютоновского взгляда на мир (равновесие, отрицательные обратные связи, возвращающие систему в равновесное состояние, неразложимость уровней системы и прямые линейные связи между элементами). Это не значит, что все перечисленные компоненты заменяются на противоположные; но последние также должны включаться в анализ» [3].

---

[*] Следует отметить, что полемика о возможности «строгого» применения концепций синергетики в исследованиях социальных и правовых процессов сегодня выражена достаточно ярко [11].

[**] В основу положены аргументы, представленные в защиту тезиса о перспективности использования теории хаоса в исследовании социальных процессов [17].

По всей видимости, предпосылки для использования междисциплинарной методологии при исследовании системы уголовно-правового регулирования все же имеются, и важность данного подхода не исчерпывается метафорами и аналогиями, вытекающими из теорий и концепций, получивших развитие в естественных науках. Вместе с тем необходимо еще настраивать данный инструментарий «и интегрировать новый подход в целом в ткань социальных наук – при полном понимании специфики последних» [17, p. 452].

Литература

1. Андреев А.Ю. «Клио на распутье»: развитие новых методологических подходов к изучению исторических процессов в трудах Ю.М. Лотмана // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1997. № 20.

2. Андреев А.Ю., Бородкин Л.И., Коновалова А.В. и др. Методы синергетики в изучении динамики курсов акций на петербургской бирже в 1990-х гг. // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М., 2001.

3. Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2.

4. Бочаров А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2002.

5. Бранский В.П. Социальная синергетика как современная философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6.

6. Буданов В.Г. Синергетика: мировоззрение, методология, наука // Экономические стратегии. 2010. № 5.

7. Венгеров А. Синергетика и политика // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 55-69.

8. Гомаюнов С.А. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2.

9. Грунина В.А. Синергетические основы правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

10. Евстигнеев В.Р. Идеи Пригожина в экономике. Нелинейность и финансовые системы // Общественные науки и современность. 1998. № 1.

11. Мальцева Н.Н. Становление и методологические проблемы синергетического подхода // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 7.

12. Митина О.В., Петренко В.П. Синергетика и психология. Тексты. Вып. 1. Методологические вопросы; Вып. 2. Социальные процессы. М., 1999.

13. Павлова Ю.В. Правовая энтропия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2004.

14. Сапронов М.В. Концепции самоорганизации в обществознании: мода или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // Общественные науки и современность. 2001. № 1.

15. Синергетика и психология / под ред. И.Н. Трофимова, В.Г. Буданов. М., 1999.

16. Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

17. Mathews K.M., White M.C., Long R.G. Why study the complexity sciences in the social sciences // Human relations. 1999. 52 (4).

УДК 347.19:349.2

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ НОРМ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА

Болдырев В.А., профессор кафедры Дальневосточного
юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент

Доказывается, что применение санкций публично-правового характера, налагающих ограничения на осуществление трудовой деятельности, является лишь предпосылкой прекращения трудового отношения с руководителем организации и прекращения полномочий действовать от имени юридического лица. В течение определенного периода может существовать ситуация, когда у одного работодателя будет два работника, обладающих трудоправовым статусом руководителя организации, однако лишь один из таких работников будет обладать гражданско-правовым положением лица, выполняющего функции единоличного исполнительного органа.

Ключевые слова: юридическое лицо; руководитель; единоличный исполнительный орган; дисквалификация; полномочия.

TERMINATION POWERS OF THE HEAD OF ORGANIZATION: CORRELATION OF PUBLIC AND PRIVATE LAW NORMS

Boldyrev V.A., chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, associate professor

It is proved that the use of public law sanctions, restricting the implementation of employment, is only the prerequisite for the termination of the employment relationship with the head of an organization and termination of authority to act on behalf of a legal entity. During a certain period may be a situation where the same employer will be two employees with labour-law status of the head of the organization, but only one of these workers will have a civil legal status of the person performing the functions of the sole executive body.

Keywords: legal person; manager; sole executive body; disqualification; powers.

Существующие связи между нормами частного и публичного права, определяющими статус руководителя организации, нередко преувеличиваются специалистами в области юриспруденции. Как следствие, поведенческие акты, совершенные в нарушение публично-правовых запретов, в том числе вопреки административным санкциям, примененным к физическим лицам, расцениваются как ничтожные, не порождающие частноправовых последствий. Однако анализ закона и правоприменительной практики позволяет говорить, что постановка знака равенства между юридическими фактами различной отраслевой природы является грубой ошибкой и приводит к поверхностным, а то и ложным выводам.

Действующее трудовое законодательство содержит широкий список оснований прекращения трудового договора с работниками, причем большая их часть принципиально применима к отношениям с участием работника-руководителя.

Статья 83 ТК РФ специально посвящена прекращению трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон. Она начинается со слов: «Трудовой договор подлежит прекращению по следующим обстоятельствам, не зависящим от воли сторон…». Подчеркнем, законодатель не говорит о том, что отношение считается прекращенным – оно «подлежит прекращению», а значит, исходя из буквального значения использованных слов, для окончания социальной свя-

зи в данном случае требуется проявление чьей-то воли, вероятно, воли работодателя.

Как это ни парадоксально, все основания «прекращения трудового отношения по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон», следует делить на те, действие которых все-таки связано с волей работодателя (например, если речь идет о дисквалификации работника), и те, действие которых с волей работодателя не связано (например, когда речь идет о смерти работника).

Согласно ч. 1 ст. 3.11 КоАП РФ, дисквалификация заключается в лишении физического лица права замещать должности федеральной государственной гражданской службы, должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации, должности муниципальной службы, занимать должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, осуществлять управление юридическим лицом в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо осуществлять деятельность по предоставлению государственных и муниципальных услуг или деятельность в сфере подготовки спортсменов (включая их медицинское обеспечение) и организации и проведения спортивных мероприятий, либо осуществлять деятельность в сфере проведения экспертизы промышленной безопасности, либо осуществлять медицинскую или фармацевтическую деятельность.

Административное наказание в виде дисквалификации назначается судьей, однако протоколы об административном правонарушении составляются рядом органов, наделенных функцией публичной власти. В Реестре дисквалифицированных лиц [8], который ведется Федеральной налоговой службой, на 16 февраля 2015 г. находились записи о 1670 гражданах. В сделанной случайным образом выборке из 100 случаев данная санкция была применена в 85 случаях к руководителю организации (директору, генеральному директору, заведующему), что совершенно очевидно говорит о том, что дисквалификация является мерой воздействия на управленцев, работающих в хозяйственной сфере.

Дисквалификация – относительно новая и особая санкция в системе административных наказаний, подтвердившая свою эффективность тем обстоятельством, что законодатель постепенно увеличивает количество составов правонарушений, за которые может быть применена данная мера ответственности [9, с. 42]. Вместе с тем явное противопоставление дисквалификации праву гражданина на труд, как видится, не требуется. Было бы не лишним прямо предусмотреть для работодателя альтернативу: либо уволить дисквалифицированного работника, либо по письменному заявлению работника отстранить его от выполнения трудовой функции до момента окончания срока действия запрета.

Впрочем, в условиях отсутствия норм о возможности отстранения руководителя от работы, требовать увольнения дисквалифицированного специалиста уже сегодня и процедурно затруднительно, и не всегда рационально. Так, при наличии затянувшегося корпоративного конфликта между двумя акционерами, имеющими полный паритет в количестве голосующих акций и не могущих договориться о персоне директора, арбитражные суды первой и апелляционной инстанции посчитали, что отказ одного из участников общества прекратить полномочия дисквалифицированного руководителя является злоупотреблением правом, и отказали в признании недействительным решения о прекращении его полномочий, принятого с грубейшими нарушениями закона [5]. Однако суд кассационной инстанции не согласился с выводом о злоупотреблении акционером своим правом и требования истца удовлетворил в полном объеме [7]. Таким образом, дисквали-

фицированный гражданин сохранил свой гражданско-правовой и трудоправовой статус руководителя.

Полномочия лица, выполняющего функции единоличного исполнительного органа, не прекращаются фактом дисквалификации, а совершенные дисквалифицированным руководителем сделки от имени юридического лица являются действительными [6].

Таким образом, применение санкций публично-правового характера, налагающих ограничения на осуществление трудовой деятельности, является лишь предпосылкой прекращения трудового отношения с руководителем организации и прекращения полномочий действовать от имени юридического лица. Само же прекращение происходит в результате возникновения юридического состава, включающего: (1) наличие вступившего в законную силу судебного акта, препятствующего осуществлению трудовой функции (или делающего его практически не возможным), и (2) принятие работодателем решения о прекращении полномочий руководителя, а затем и трудового отношения.

Развивая идею о том, что прекращение полномочий руководителя и трудоправовой статус – явления из разных правовых плоскостей, обратимся к еще одному основанию прекращения трудовых отношений. Пункт 2 ст. 278 ТК РФ предусматривает дополнительное основание увольнения работника, являющегося руководителем организации, – «в связи с принятием уполномоченным органом юридического лица, либо собственником имущества организации, либо уполномоченным собственником лицом (органом) решения о прекращении трудового договора». Правоприменительная практика строится, исходя из необходимости относить прекращение полномочий руководителя к числу увольнений по инициативе работодателя.

Интересно заключение Г.В. Казаковой, подчеркивающей неверность позиции тех специалистов, которые отождествляют прекращение полномочий руководителя с его увольнением [1, с. 58–59]. Автор резонно замечает, что в период временной нетрудоспособности такого работника-руководителя уволить нельзя, равно как и в период нахождения в отпуске. Аналогична и официальная позиция по данному вопросу [4]. В правоприменительной практике вопрос об увольнении прежнего руководителя разрешается приказом нового руководителя [2], то есть два лица, имеющих правовой статус руководителя, – это суровая реальность, с которой необходимо считаться.

Следовательно, в течение определенного периода может существовать ситуация, когда у одного работодателя будет два работника, обладающих трудоправовым статусом ***руководителя организации****, однако лишь один из таких работников будет обладать гражданско-правовым положением лица,* ***выполняющего функции единоличного исполнительного органа.***

Литература

1. Казакова Г.В. Единоличный исполнительный орган коммерческой организации как работник: некоторые проблемы передачи полномочий // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 9. С. 57–61.

2. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 24 мая 2012 г. № 33-6425/2012. Доступ из СПС «Гарант».

3. Определение об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 декабря 2013 г. № ВАС-17587/13 по делу № А46-30850/2012. URL: http://kad.arbitr.ru/Card/b2f58f88-f9b4-4012-9ce9-1d5b3de33a6e (дата обращения: 09.03.2015).

4. Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 5 сентября 2006 г. № 1333-6 // Нормативные акты для бухгалтера. 2006. № 19.

5. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2013 г. по делу № А46-30850/2012. URL: http://kad.arbitr.ru/Card/b2f58f88-f9b4-4012-9ce9-1d5b3de33a6e (дата обращения: 09.03.2015).
6. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 сентября 2013 г. № Ф04-4412/13 по делу № А27-12494/2012. Доступ из СПС «Гарант».
7. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 сентября 2013 г. по делу № А46-30850/2012. URL: http://kad.arbitr.ru/Card/b2f58f88-f9b4-4012-9ce9-1d5b3de33a6e (дата обращения: 09.03.2015).
8. Реестр дисквалифицированных лиц. URL: https://service.nalog.ru/disqualified.do (дата обращения: 16.02.2015).
9. Цуканов К.В. Актуальные вопросы порядка применения административного приостановления деятельности и дисквалификации // Современное право. 2009. № 9. С. 41–44.

УДК 343.54

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ МАЛОЛЕТНИХ

Антонова Е.Ю., заведующий кафедрой юридического факультета Хабаровской государственной академии экономики и права доктор юридических наук, доцент

В статье анализируется новелла законодателя о том, что любые действия сексуального характера (контактные и бесконтактные) в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, расцениваются как изнасилование или насильственные действия сексуального характера.

Ключевые слова: беспомощное состояние; половая неприкосновенность; насильственные действия сексуального характера.

SOME ISSUES ON CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF SEXUAL INVIOLABILITY OF JUVENILES

Antonova E.Y., chair head of the Khabarovsk State Academy of Economics and Law Doctor of Law, associate professor

This article examines the story of the legislator that any act of a sexual nature (contact and contactless) in respect of a person who has not attained the age of twelve, are regarded as rape or sexual assault.

Keywords: helpless condition; sexual integrity; sexual assault.

Руководствуясь соображениями полной защиты малолетних лиц от преступлений сексуальной направленности, законодатель (Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ) установил, что любые сексуальные контакты с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста, расцениваются как изнасилование (ст. 131 УК РФ) или насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ). Данное положение (примечание к ст. 131 УК РФ) породило множество вопросов.

Во-первых, в основу отграничения изнасилования и насильственных действий сексуального характера (ст. 131 и 132 УК РФ) от преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ, законодатель положил ненасильственный характер

совершения полового сношения, мужеложства, лесбиянства и развратных действий, а также возраст. Начнем с возраста.

В настоящее время потерпевшими в ст. 134 и 135 УК РФ являются лица, достигшие двенадцати, но не достигшие шестнадцати лет. Малолетние лица, не достигшие двенадцатилетнего возраста, в настоящее время признаются находящимися в беспомощном состоянии по признаку неспособности понимать характер и значение совершаемых с ними действий. Соответственно, в случае совершения в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста, деяний, подпадающих под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3-5 ст. 134 и ч. 2-4 ст. 135 УК РФ, законодатель требует квалифицировать содеянное по п. «б» ч. 4 ст. 131 либо п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (не совсем понятно, почему законодатель не включил в данный перечень деяния, описанные в ч. 6 ст. 134 и ч. 5 ст. 135 УК РФ, предусматривающие ответственность лиц, имеющих судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего).

В утратившем силу Постановлении Пленума Верхового Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» говорилось, что, решая вопрос о том, является ли состояние потерпевшего лица беспомощным, судам следует исходить из имеющихся доказательств по делу, включая соответствующее заключение эксперта, когда для установления психического или физического состояния потерпевшего (потерпевшей) проведение судебной экспертизы является необходимым.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» уже ничего не сказано о необходимости проведения экспертизы по установлению беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) по делам данной категории.

Проведенное Н.В Тыдыковой исследование показало, что некоторые малолетние, как мальчики, так и девочки, могут в полной мере понимать значение отношений между полами. Возникновение такого осознания зависит от разных обстоятельств (например, от воспитания в неблагоприятной социальной среде, образа жизни родителей и т.д.). В частности, ею приводятся примеры из судебной практики, когда в одном случае потерпевший в возрасте девяти лет уже понимал характер и значение совершаемых с ним действий, а в другом – у потерпевшего в 13,5 лет такого осознания еще не было [9, с. 115-116].

Более того, на практике встречаются дела, когда подросток, не достигший двенадцатилетнего возраста, не только прекрасно осведомлен о сути и последствиях сексуальных контактов и физиологически достиг половой зрелости, но и осознанно и добровольно имеет сексуальные отношения с совершеннолетним. Однако привлекается к уголовной ответственности в настоящее время взрослый именно за изнасилование (насильственные действия сексуального характера) малолетнего. Санкции за это (п. «б» ч. 4 ст. 131 и 132 УК РФ) предусматривают лишение свободы на срок от 12 до 20 лет, а половое сношение либо иные действия сексуального характера (ч. 3 ст. 134 УК РФ) наказываются лишением свободы сроком от 3 до 10 лет. Согласимся с Л.В. Иногамовой-Хегай в том, что квалификация посягательства презюмируется как изнасилование (насильственные действия сексуального характера), что не соответствует действительности, и наказание неоправданно суровое. Предыдущая редакция нормы о половом сношении либо иных действиях сексуального характера с лицом, заведомо не достигшим двенадцатилетнего возраста (ч. 3 ст. 134 УК РФ), выглядела реальнее [2, с. 89].

Аналогичные мнения высказывались и другими учеными. Так, по мнению Л.Л. Кругликова, «малолетний возраст … не всегда является свидетельством бес-

помощного состояния. Необходимо установить, что последняя, в силу своего возраста не могла понимать и действительно не понимала характера и значения поведения виновного. Если будет установлено, что потерпевшая уже имела опыт интимной жизни, была к ней в определенной мере подготовлена, половое сношение с таким лицом может влечь ответственность по ст. 134, а не за изнасилование» [10, с. 124].

Во-вторых, общепризнанным является деление развратных действий на физические (контактные) и интеллектуальные (бесконтактные).

К интеллектуальным действиям развратного характера относят: ведение бесед сексуально-циничного содержания, ознакомление с порнографической литературой, воспроизведение соответствующих аудио- и видеозаписей, демонстрация иной порнопродукции (открыток, фотографий, рисунков и т.д.), подстрекательство подростков к сексуальным контактам между собой [13, с. 534-535; 4, с. 67-68; 1, с. 63].

По такому же пути идет и судебная практика. Так, Шпаковский районный суд Ставропольского края признал С. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ (в ред. от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ). Действия виновного (23 эпизода) выразились в том, что он передавал лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, исполненные своей рукой рисунки с изображением мужского полового органа, мужчины и женщины, совершающих половые акты в извращенной форме, половых органов мужчины и женщины во время полового акта в естественной форме, с пояснительными надписями нецензурными словами сексуального содержания, а также письма сексуального характера, демонстрировал свой половой орган, возбуждая тем самым у них извращенный интерес к половым отношениям. Кроме того, виновный вел с несовершеннолетними лицами беседы на сексуальные темы, возбуждая у них извращенный интерес к половым отношениям [12].

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» к развратным действиям в ст. 135 УК РФ относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям.

Развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей.

Анализ данных действий, а также объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, позволяет заключить, что развратные действия интеллектуального (бесконтактного) характера нельзя рассматривать как «иные насильственные действия сексуального характера», квалифицируемые по ст. 132 УК РФ, поскольку считается, что признаком насильственных действий сексуального характера является обязательное сексуальное проникновение или воздействие на половые органы [8, с. 131; 11, с. 118; 13, с. 158-162].

В настоящее же время с учетом положения, закрепленного в примечании к ст. 131 УК РФ, по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ квалифицируются деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 2-4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста [5; 3]. Бо-

лее того, одни и те же действия, но в отношении потерпевших разных возрастных групп – до 12 лет и старше 12 лет – квалифицируются по-разному.

Так, в период с мая по декабрь 2012 г. виновный совершил преступления против половой неприкосновенности и общественной нравственности в отношении 18 девочек в возрасте от 9 до 13 лет. Потерпевших он искал в Интернете: в одной из социальных сетей он знакомился с девочками, представляясь женщиной – сотрудницей фотомодельного агентства «Модная львица». Под предлогом отбора для участия в конкурсе фотомоделей, посредством программы двусторонней видеосвязи «Skype», он понуждал детей обнажаться и демонстрировать перед камерой различные части тела, в том числе принимать наиболее откровенные позы сексуальной направленности. В его квартире были обнаружены и изъяты видеоматериалы и фотографии порнографического содержания с участием несовершеннолетних, которые он хранил на своем компьютере. Московский городской суд вынес обвинительный приговор, виновный осужден за совершение преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (10 эпизодов), ч. 2 ст. 135 УК РФ (8 эпизодов), п. «в», «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ (8 эпизодов), п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ [6].

Таким образом, в настоящее время с учетом содержания примечания к ст. 131 УК РФ можно говорить о необходимости расширительного толкования категории «иные насильственные действия сексуального характера». Если до внесения изменений в УК РФ Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ под иными насильственными действиями сексуального характера принято было понимать только те, которые выражаются в сексуальном проникновении [7, с. 551-552], то сегодня к таковым следует относить и бесконтактные (интеллектуальные) действия, совершенные против или помимо воли потерпевшего (потерпевшей). Совершение данных действий помимо воли потерпевшего возможно в отношении лиц, не осознающих их характер и значение в силу недостижения возраста согласия (в данном случае двенадцати лет), а против воли – когда лицо достигло возраста согласия, осознает характер и значение указанных действий, но не желает, чтобы эти действия совершались в его присутствии. Но при таком толковании мы можем прийти к парадоксальным ситуациям, когда, например, по ст. 132 УК РФ будет необходимо квалифицировать действия лица, которое против воли другого лица рассказывало в его присутствии анекдот сексуально-циничного содержания.

В целом поддерживая идею законодателя о необходимости усиления защиты малолетних лиц от преступлений сексуальной направленности, следует признать, что примечание к ст. 131 УК РФ является не до конца продуманным.

Литература

1. Гребеньков А.А., Байбарин А.А. Проблемы квалификации ненасильственных сексуальных посягательств на лиц в возрасте до 12 лет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия. История и право. 2013. № 4.

2. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2013 года. Определение № 44-АПУ13-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 1.

4. Обремченко А.Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 февраля 2014 г. № 4-АПУ14-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 9.

6. Официальный сайт Прокуратуры города Москвы. URL: http://www.mosproc.ru/news/moscow/k_14_godam_lisheniya_svobody_prigovoren_zhitel_stolitsy_za_razvrashchenie_detey_cherez_internet_i_is (дата обращения: 20.10.2014).

7. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2008.
8. Российское уголовное право. Особенная часть: учеб. / под ред. В.С. Комиссарова. СПб.: Питер, 2008.
9. Тыдыкова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
10. Уголовное право России: часть Особенная: учеб. / отв. ред. Л.Л. Кругликова. Изд. 2-е. М.: Волтерс-Клувер, 2005.
11. Уголовное право. Особенная часть: учеб. / под ред. И.В. Шишко. М.: Проспект, 2012.
12. Электронный архив Шпаковского районного суда г. Михайловск Ставропольского края за 2009 г. URL: http://shpakovsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=195
13. Энциклопедия уголовного права. Т. 15: Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2011.

УДК 343.121

О ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ДИСКРЕЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕГО УЧАСТНИКОВ

Насонова И.А., профессор кафедры Воронежского института МВД России доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются сущностные стороны производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, его структура. Анализируется один из важнейших структурных элементов производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних – значительный объем дискреционных полномочий участников, ведущих данное производство. Отстаивается позиция разумного сочетания императивных и диспозитивных норм в составе уголовно-процессуального института производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние; дискреционные полномочия; участники уголовного судопроизводства; императивные нормы; диспозитивные нормы; усмотрение; прокурор; следователь; суд.

THE CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST MINORS AND DISCRETIONARY CAPABILITIES OF ITS PARTICIPANTS

Nasonova I.A., chair professor of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Law, professor

The article discusses the essential part of the criminal proceedings against minors, its structure. The article analyzes one of the most important structural elements of the criminal proceedings against minors – a significant amount of discretion participants, leading this production. Advocated position is reasonable combination of mandatory and discretionary rules in the composition of the criminal procedure Institute criminal proceedings against a minor.

Keywords: juvenile; discretionary powers; the parties to criminal proceedings; mandatory rules; permissive rules; discretion; the Prosecutor; investigator; the court.

Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних – это система последовательно осуществляемых процессуальных действий в связи с расследованием преступлений, совершенных несовершеннолетними, и рассмотрением соответствующего уголовного дела.

Для него характерны следующие признаки:

- представляет собой деятельность, то есть систему последовательно осуществляемых процессуальных действий;
- структурировано;
- регламентировано законом;
- предметом производства являются уголовные дела в отношении несовершеннолетних;
- усилено гарантиями в области защиты прав несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого;
- расширенный субъектный состав, включающий защитника, законного представителя, участие которых является обязательным;
- участники, наделенные властными полномочиями, в данном виде производства обладают значительным объемом дискреционных полномочий, позволяющим им действовать по своему усмотрению;
- предпочтительность отделения производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних от производства в отношении взрослых.

Важное место в структуре признаков производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних отводится дискреционности полномочий участников, наделенных властным ресурсом. Дискреционные возможности указанных участников весьма значительны. Это не противоречит Пекинским правилам, призывающим предусмотреть соответствующий объем дискреционных полномочий на всех этапах судебного разбирательства и на различных уровнях отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, в том числе при расследовании, рассмотрении дела в суде, вынесении судебного решения и осуществлении контроля за выполнением судебных решений (п. 6.1) [6, с. 15].

В связи с дискрецией, всегда стояла и будет стоять проблема благоразумного применения соответствующих полномочий. Это предвидели авторы Пекинских правил, предусмотрев лаконичные требования для лиц, использующих дискреционные полномочия (п. 6.3.).

Надо сказать, вопрос соблюдения справедливости в случаях принятия решения по тем или иным вопросам, возникающим в ходе производства по делу, по усмотрению правоприменителя до сих пор остается щепитильным. Несмотря на участившиеся призывы среди авторов ограничить усмотрение, оно продолжает оставаться необходимым атрибутом уголовно-процессуальной деятельности таких властных субъектов, как следователь, прокурор, судья.

«Использование разумного усмотрения, – верно отмечает П.Г. Марфицин, – позволяет правоприменителю учесть особенности каждой конкретной ситуации, в том числе не охваченной законодательным регулированием» [5].

В то же время одним из негативных следствий функционирования категории «усмотрения» в сфере уголовного судопроизводства является риск неравенства и несправедливости в уголовном судопроизводстве. Но только правовыми мерами здесь не обойтись. Важно, чтобы правоприменитель понимал и реализовывал значение усмотрения в своей деятельности. В связи с этим нельзя не согласиться с А.Ф. Кони, считавшим, что судья не имеет права решать вопросы, исходя из принципа «я так хочу», а должен руководствоваться положением «я не могу иначе», ибо такое решение подсказывает смысл закона [4, с. 426]. Полагаем, что данная формула должна быть решающей не только в деятельности судьи, но и иных властных субъектов.

Достижение разумности в усмотрении невозможно без профессиональных знаний и опоры на высокие нравственные начала, которые должны в человеке воспитываться. И как тут не вспомнить еще одни слова А.Ф. Кони: «Воспитание…воспитание… это главное. Нужно перевоспитать… Человек выхолощенный

не то же самое, что человек воспитанный… Воспитание глубоко… Глубоко… Глубоко…» [4, с. 459].

Одним из важных дискреционных полномочий должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, является полномочие по прекращению уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ). Обстоятельством, влияющим на усмотрение следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, прокурора, суда при решении указанного вопроса, является доказанность возможности исправления несовершеннолетнего обвиняемого без применения наказания.

Следует отметить, что предусмотренный законом дискреционный характер полномочия прокурора, следователя, дознавателя по прекращению уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия подвергается критике со стороны авторов. Так, Н.А. Быданцев считает, что дискреционная формулировка ст. 427 УПК РФ должна быть изменена на императивную: необходимо предусмотреть обязанность прокурора, следователя, дознавателя при наличии необходимого основания прекратить уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего [1, с. 15]. Логичнее к этому перечню субъектов было бы добавить и руководителя следственного органа, так как с согласия последнего следователь выносит постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного характера (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

Полагаем, что реализация данного предложения разумно ограничит субъективность должностного лица, осуществляющего производство по делу, при принятии рассматриваемого решения. Уменьшение степени дискреционности полномочий правоприменителя в данном вопросе снимет в определенной мере трудности в осуществлении контроля за его деятельностью, окажет сдерживающее воздействие на условия, благоприятствующие злоупотреблению правоприменителем своими правами.

Это особенно важно в контексте защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Ведь злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве, как верно отмечает О.И. Доровских, связано с деятельностью участника, хотя и осуществляемой в процессе правомерной реализации принадлежащих ему прав, но находящейся в противоречии с их смыслом и назначением, а значит, причиняющей либо способной причинить вред или влекущей иные негативные последствия для других участников процесса, общества, государства [3, с. 32].

Непонятно только одно в подходе автора: почему носитель указанной деятельности рассматривается как участник уголовного правоотношения, обладающего процессуальными правами, а не как участник уголовно-процессуального отношения? [3]. Ведь именно обладание субъектом процессуальными правами и обязанностями позволяет говорить о его участии не в уголовно-правовых, а в уголовно-процессуальных отношениях, которые отличаются друг от друга, в том числе, и по субъектному составу.

Видимо, это понимает и автор, так как уже в другой своей работе характеризует злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве как поведение участника уголовно-процессуального правоотношения [2, с. 7].

Именно по причине исключения возможности злоупотребления правом правоприменителем, полагаем, нельзя следовать совету авторов в том, чтобы изменить императивный характер нормы, содержащейся в ст. 422 УПК РФ «Выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетне-

го», на диспозитивный, заменив в тексте указанной статьи слово «выделяется» словами «может быть выделено» [7, с. 79]. Думается, что именно сохранение императивности указанной нормы позволит больше гарантировать обозначенную в уголовно-процессуальном законодательстве тенденцию, связанную с предпочтительностью отделения производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних от производства в отношении взрослых.

В заключение хотелось бы отметить, что уголовно-процессуальный институт производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних должен разумно сочетать императивные и диспозитивные нормы с той целью, чтобы способствовать эффективности расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия.

Литература

1. Быданцев Н.А. Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2007.

2. Доровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

3. Доровских О.И. О злоупотреблении правом суда при реализации им своих дискреционных полномочий в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 1 .

4. Кони А.Ф. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. М.: Сов. Россия, 1989.

5. Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003.

6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. 1991. № 12. С. 22-24; № 13. С. 19-21; № 14. С. 22-25.

7. Рязанцев В.А. Выделение уголовных дел и материалов как общее условие предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015.

УДК 347.64

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЯХ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ДЕТЕЙ И ИХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Жукова С.Л., уполномоченный по правам ребенка в Хабаровском крае

В статье рассматриваются вопросы обеспечения прав несовершеннолетних в судебных решениях об определении места жительства детей и их имущественных прав. С учетом анализа действующей судебной практики делается вывод, что способом преодоления неблагоприятных ситуаций, складывающихся в семьях вследствие конфликта, может являться медиация.

Ключевые слова: защита прав несовершеннолетних; ответственность родителей за нарушение прав детей; медиация.

ENSURING THE RIGHTS OF MINORS IN JUDICIAL DECISIONS ABOUT THE DETERMINATION OF RESIDENCE OF CHILDREN AND THEIR PROPERTY RIGHTS

Zhukova S.L., ombudsman for Children in Khabarovsk region

The issues of ensuring the rights of minors in judicial decisions about the determination of residence of children and their property rights are considered in the article. Based on the analysis of existing court practice it is concluded that the way to overcome unfavorable situations prevailing in the families due to the conflict, may be mediation.

Keywords: protection of minors rights; responsibility of parents for the violation of children's rights; mediation.

Большое количество обращений граждан, поступающих в адрес уполномоченного по правам ребенка в Хабаровском крае, как письменных, так и устных, полученных в ходе личного приема, связано с необходимостью судебной защиты прав детей. В связи с этим хотелось бы выделить три наиболее значимые проблемы.

1. На базе учреждений для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, создаются службы по постинтернатному сопровождению воспитанников интернатного типа. В ходе работы специалисты одной из таких служб столкнулись с проблемой оказания помощи выпускникам, которые получили специализированные жилые помещения в пгт Хор муниципального района им. Лазо.

Согласно договорам специализированного найма, выпускники получили временную регистрацию по месту жительства сроком на 5 лет. Временная регистрация лишает выпускников детского дома права на получение субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг. В центре занятости населения им отказывают в выплатах пособия по безработице в связи с отсутствием постоянной регистрации по месту жительства.

На практике складывается ситуация, когда выпускники, имеющие детей, проживают на детское пособие и не могут оплачивать жилищно-коммунальные услуги. В свою очередь, невнесение платы за жилое помещение в течение более 6 месяцев является основанием для расторжения договора социального найма жилья. С такой проблемой сталкиваются все выпускники, получившие специализированные жилые помещения.

Субсидия на оплату жилого помещения и коммунальных услуг предоставляется в соответствии с Правилами предоставления субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 14 декабря 2005 г. № 761. Пунктом 8 указанных Правил установлен перечень документов, необходимых для назначения субсидии, в том числе копии документов, подтверждающих правовые основания владения и пользования заявителем жилым помещением, в котором он зарегистрирован по месту постоянного жительства (с предъявлением оригинала, если копия нотариально не заверена).

Пунктом 2 ст. 3 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-I «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон о занятости) закреплено, в частности, что решение о признании гражданина, зарегистрированного в целях поиска подходящей работы, безработным принимается органами службы занятости по месту жительства гражданина.

В соответствии со ст. 2 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-I «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (далее – Закон о свободе передвижения) под местом жительства понимается жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда (служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии, жилое помещение маневренного фонда, жилое помещение в доме системы социального обслуживания населения и другие) либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых

он зарегистрирован по месту жительства. В свою очередь, под местом пребывания признается гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристская база, медицинская организация или другое подобное учреждение, учреждение уголовно-исполнительной системы, исполняющее наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, либо не являющееся местом жительства гражданина Российской Федерации жилое помещение, в которых он проживает временно.

Правилами регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713 (далее – Правила), определены документы, подтверждающие факт регистрации гражданина по месту жительства и месту пребывания, которыми являются соответственно паспорт гражданина с отметкой о регистрации по месту жительства (п. 18 Правил) и свидетельство о регистрации по месту пребывания (п. 12 Правил).

Таким образом, решение о признании гражданина, зарегистрированного в целях поиска подходящей работы, безработным принимается органами службы занятости по месту жительства гражданина, которое указано в паспорте гражданина в отметке о регистрации по месту жительства.

Из смысла Закона о свободе передвижения и Правил следует, что одномоментно гражданин может быть зарегистрирован как по месту жительства, так и по месту пребывания. Более того, законодательством не установлен запрет на регистрацию граждан по месту пребывания в нескольких местах (населенных пунктах) одновременно.

В связи с этим регистрация граждан в качестве безработных по месту их пребывания повлечет не только нарушение требований п. 2 ст. 3 Закона о занятости, но и будет способствовать злоупотреблению правами граждан на получение пособия по безработице в нескольких центрах занятости одновременно [1].

Следует отметить, что полномочием по установлению факта проживания граждан, в том числе из числа детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа, по месту их фактического жительства обладают только суды общей юрисдикции в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом РФ.

По мнению уполномоченного по правам ребенка, возможным вариантом разрешения сложившейся ситуации может быть обращение в суд общей юрисдикции в порядке гл. 28 ГПК РФ с заявлением об установлении факта постоянного проживания гражданина по месту фактического жительства.

Вступившее в законную силу решение суда об установлении факта постоянного проживания по месту фактического жительства позволит разрешить сложившуюся неблагоприятную ситуацию и будет служить основанием для получения лицами данной категории социальных льгот и реализации их прав в данной сфере.

2. Государство поддерживает семей, имеющих детей, путем предоставления им материнского (семейного) капитала, одним из направлений расходования которого является в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» улучшение жилищных условий семьи. Так, согласно ч. 4 ст. 10 указанного Федерального закона, жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, оформляется в общую собственность родителей, детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению.

Однако в случае неисполнения родителями своих обязательств по выделению доли в жилом помещении, приобретенном за счет средств материнского (семейного) капитала, ребенок по достижении 18 лет может оспорить сделку купли-продажи такой квартиры.

Таким образом, необходимо предупредить возможные появления конфликтных ситуаций в семьях посредством внесения соответствующих изменений в законодательство.

Уполномоченным внесено предложение в Законодательную думу Хабаровского края о рассмотрении возможности внесения изменения в законодательство в части закрепления обязанности родителей уведомлять органы системы профилактики о выделении ребенку доли в жилом помещении.

Также нерешенным до настоящего времени остается вопрос об отсутствии мер ответственности родителей за нарушение прав несовершеннолетних детей в части их пренебрежения своими обязанностями по оформлению права собственности на жилое помещение либо его долю в случае отчуждения имущества несовершеннолетнего.

В соответствии с п. 3 ст. 60 Семейного кодекса РФ ребенок имеет право собственности на доходы, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка.

Право ребенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом определяется ст. 26 и 28 Гражданского кодекса РФ.

При осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребенка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении распоряжения имуществом подопечного (ст. 37 ГК РФ).

Так, статьей 37 ГК РФ установлено, что доходы подопечного, в том числе суммы алиментов, пенсий, пособий и иных предоставляемых на его содержание социальных выплат, а также доходы, причитающиеся подопечному от управления его имуществом, за исключением доходов, которыми подопечный вправе распоряжаться самостоятельно, расходуются опекуном или попечителем исключительно в интересах подопечного и с предварительного разрешения органа опеки и попечительства. Без предварительного разрешения органа опеки и попечительства опекун или попечитель вправе ежемесячно расходовать на содержание подопечного его денежные средства в пределах установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации.

Таким образом, законные представители несовершеннолетнего обязаны получить согласие органа опеки и попечительства на совершение сделки с имуществом ребенка, а после ее совершения проинформировать органы опеки и попечительства о приобретении на имя несовершеннолетнего иного имущества. Однако данное требование может быть нарушено недобросовестными родителями, что, в свою очередь, ведет к ущемлению имущественных прав несовершеннолетнего.

Обозначенная проблема требует принятия и применения соответствующих норм ответственности, возлагаемых на недобросовестных родителей.

3. Одними из наиболее распространенных вопросов, с которыми обращаются граждане к уполномоченному по правам ребенка, являются определение места жительства ребенка и порядка общения с ребенком, когда второй родитель этому всячески препятствует.

По мнению уполномоченного по правам ребенка, возможным способом преодоления таких неблагоприятных ситуаций, складывающихся в семьях вследствие конфликта, может являться медиация, то есть способ урегулирования конфликтной ситуации без участия суда. Применение медиации позволило бы сторонам

найти эффективный путь решения возникшего конфликта и договориться по интересующим вопросам с учетом мнения обеих сторон.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2003 г. № 105-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аванова Александра Яковлевича на нарушение его конституционных прав положением пункта 2 статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации».

УДК 347.965.2

НАДЕЛЕНИЕ АДВОКАТА ПОЛНОМОЧИЯМИ ЗАЩИТНИКА В УСТАНОВЛЕННОМ ПОРЯДКЕ – ГАРАНТИЯ ЗАКОННОСТИ ЕГО УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

Садохин В.А., вице-президент Адвокатской палаты Хабаровского края

Статья посвящена уголовно-процессуальному порядку наделения адвоката полномочиями защитника. На основе анализа норм действующего законодательства делается вывод о том, что адвокат, нарушивший порядок возникновения полномочий защитника, не может быть признан защитником, получившим специальные процессуальные полномочия по конкретному уголовному делу.

Ключевые слова: наделение адвоката полномочиями защитника; соглашение об оказании юридической помощи; заключение соглашения.

INVESTMENT OF THE LAWYER WITH POWERS OF THE DEFENDER IN ACCORDANCE WITH THE ESTABLISHED PROCEDURE – A GUARANTEE OF LEGALITY OF HIS PARTICIPATION IN CRIMINAL CASE

Sadohin V.A., vice-president of Chamber of Advocates of Khabarovsk Krai

Article is devoted to a criminal procedure order of investment of the lawyer with powers of the defender. On the basis of the analysis of standards of the current legislation the conclusion that the lawyer who broke an order of emergence of powers of the defender can't be recognized as the defender who received special procedural powers on concrete criminal case is drawn.

Keywords: investment of the lawyer with powers of the defender; agreement about rendering a legal aid; conclusion of agreement.

Деятельность участников судопроизводства регламентируется действующим законодательством. Законом устанавливаются их права, обязанности и полномочия. В связи с этим важным в процессуальной деятельности является соблюдение законного порядка наделения отдельных участников уголовного судопроизводства соответствующими полномочиями.

Законом установлено, что в качестве защитников допускаются адвокаты, а по определению и постановлению суда наряду с адвокатом – один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, а при производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката (ст. 49 УПК РФ).

Адвокат имеет возможность реализовывать свои общие полномочия, обусловленные его статусом. Для получения специальных полномочий защитника

ему необходимо заключить соглашение либо получить поручение о назначении в качестве защитника по уголовному делу.

Общие полномочия адвоката подтверждаются его удостоверением. Ордер адвоката является документом, подтверждающим специальные полномочия защитника. Таким образом, адвокат допускается в дело в качестве защитника при подтверждении его общих и специальных полномочий (удостоверения и ордера). Документы, подтверждающие полномочия адвоката, дают ему право на участие в производстве по конкретному уголовному делу.

Предъявление адвокатом удостоверения и ордера на защиту еще не означает, что защита им принята. Она может быть и не принята в случаях выявления препятствий к ее осуществлению (отказ от защитника, выявление обстоятельств, предусмотренных ст. 72 УПК РФ).

На наш взгляд, возникновение у адвоката специальных процессуальных полномочий защитника, допуск адвоката к делу в качестве защитника и принятие им на себя уголовной защиты не являются тождественными понятиями.

Возникнув, процессуальные полномочия защитника могут быть не реализованы в дальнейшем по различным причинам (например, отказ от защитника). В практике имеют место случаи, когда адвокат заключил соглашение на оказание юридической помощи, но оно было расторгнуто доверителем до допуска адвоката в дело и принятия им на себя защиты.

Возникновение у адвоката процессуальных полномочий защитника всегда предшествует допуску его к участию в деле и принятию на себя уголовной защиты.

В то же время защитник может принять на себя защиту доверителя как до допуска к производству по делу, так и после.

Например, после заключения соглашения защитник может принять на себя защиту и осуществить какие-либо действия, направленные на оказание юридической помощи доверителю, а после этого получить доступ к производству по делу. Также при заключении соглашения принятие защитником на себя защиты может происходить и после его допуска к делу.

Принятие защиты в порядке назначения происходит после допуска адвоката к участию в деле. Это связано с тем, что при защите по назначению отсутствует соглашение между адвокатом и доверителем, которое позволяет осуществлять действия по защите доверителя до допуска защитника к производству по уголовному делу, с момента заключения соглашения и возникновения у адвоката полномочий защитника. При защите по назначению защитник имеет возможность встречаться с доверителем только после допуска в уголовное дело и осуществлять действия по его защите. А это значит, что принятие защиты по назначению происходит только после возникновения у адвоката специальных полномочий защитника и допуска его к участию в деле.

Можно выделить следующие случаи возникновения у адвоката полномочий защитника: 1) при заключении соглашения с доверителем для оказания ему юридической помощи либо для оказания юридической помощи назначенному доверителем лицу; 2) при назначении адвоката по ходатайству доверителя; 3) при назначении адвоката в случаях отказа доверителя от помощи защитника, когда его участие обязательно; 4) при замене защитника, участвующего в деле, в случае невозможности его явки в течение длительного времени.

В соответствии с пп. «С» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4 ноября 1950 г.) «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права: *…защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника, или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами*

назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия».

Таким образом, существуют три формы реализации обвиняемым своего права на защиту: 1) защищать себя лично; 2) защищаться посредством выбранного защитника; 3) пользоваться услугами назначенного защитника.

В связи с этим следует выделить два различных варианта наделения адвоката процессуальными полномочиями защитника: путем заключения соглашения об оказании юридической помощи и в порядке назначения за счет государства.

Вариант 1 – *наделение адвоката полномочиями защитника путем заключения соглашения об оказании юридической помощи между доверителем и адвокатом (вступление в гражданско-правовые отношения).*

При заключении соглашения об оказании юридической помощи полностью реализуется право на свободный выбор адвоката лицом, которому необходима защита по уголовному делу.

Такое соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами) на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу (ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации).

Исходя из предмета поручения, адвокат осуществляет полномочия защитника. Предмет поручения является одним из существенных условий соглашения. Предметом поручения может быть охвачена стадия уголовного судопроизводства, несколько стадий либо его отдельные процессуальные процедуры, а также осуществление защиты в целом по уголовному делу, до его окончания.

Вариант 2 – *наделение адвоката полномочиями защитника путем назначения подозреваемому, обвиняемому, подсудимому защитника.*

По-другому решается вопрос наделения адвоката процессуальными полномочиями защитника при вступлении его в уголовное дело по назначению.

В соответствии с ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах «каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: *…d)….иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия этого требуют, безвозмездно для него…, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника».*

При необходимости назначения защитника лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство, принимает меры по его назначению (ст. 50, 248 УПК РФ).

Согласно позиции ЕСПЧ, «когда обвиняемый имеет защитника, предоставленного государством, он не может заявлять об отсутствии адекватной защиты просто потому, что другой защитник мог бы по-другому вести дело в суде» («Пратт и Морган против Ямайки» №А/40/40 1994 г.).

Этой позицией обосновывается отсутствие у обвиняемого права выбора конкретного адвоката, в случае его назначения за счет государства, что лежит в основе порядка назначения адвокатов в качестве защитников по уголовным делам.

Лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство, принимая меры к назначению подозреваемому, обвиняемому, подсудимому защитника, не вправе рекомендовать ему конкретного адвоката, а тем более назначать его по своему усмотрению.

Вопрос о направлении конкретного адвоката для осуществления защиты обвиняемого решается в соответствии с порядком, установленным адвокатской палатой субъекта Российской Федерации.

В качестве защитника может быть назначен только адвокат, являющийся членом адвокатской палаты субъекта РФ, на территории которого происходит назначение, и состоящий в соответствующем реестре адвокатов.

Важно подчеркнуть, что если назначение адвоката в качестве защитника происходит с нарушениями законодательства, то данное обстоятельство исключает участие назначенного защитника в деле (например, принятие поручения на защиту напрямую, без координатора) и процессуальные полномочия защитника у него не возникают. Это должно влечь признание процессуальных действий, произведенных с его участием, незаконными, а полученных с его участием доказательств – недопустимыми.

Часть 2 ст. 50 Конституции РФ гласит: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».

Нарушением Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» могут являться такие нарушения, как например, несоблюдение письменной формы соглашения об оказании юридической помощи; несоблюдение установленного порядка назначения адвокатов в качестве защитников по уголовным делам.

При наличии таких нарушений федерального закона адвокат не может являться защитником, получившим соответствующие процессуальные полномочия. Вследствие этого, полученные с его участием доказательства являются недопустимыми.

Таким образом, получение доказательств с участием адвоката, не имеющего полномочий защитника, приобретаемых в порядке, определенном Федеральным законом об адвокатуре (с нарушением норм указанного Федерального закона) в соответствии с Конституцией Российской Федерации, имеющей высшую юридическую силу и прямое действие, влечет признание их недопустимыми.

В соответствии с пп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» Совет адвокатской палаты *«определяет порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами».*

Совет Адвокатской палаты Хабаровского края установил порядок назначения адвокатов в качестве защитников по уголовным делам на всей территории Хабаровского края, а в г. Хабаровске – с использованием автоматического программного комплекса (АПК).

В соответствии с этим порядком назначение адвокатов в г. Хабаровске производится единым координационным центром адвокатской палаты, через соответствующую компьютерную программу, а на остальной территории Хабаровского края – через адвокатские образования, под контролем координаторов.

Полагаем, что приобретение специальных процессуальных полномочий защитника адвокатом (или их возникновение у адвоката) по назначению заключается в выполнении им соответствующих процедур (правил), установленных Советом Адвокатской палаты Хабаровского края.

Представляется, что процессуальные полномочия защитника в соответствии с порядком назначения адвокатов, установленным Советом адвокатской палаты Хабаровского края, возникают у адвоката после получения в установленном порядке заявки (поручения) на защиту через координатора (в г. Хабаровске из единого координационного центра) и ее принятие адвокатом.

После возникновения у адвоката специальных процессуальных полномочий защитника происходит его допуск к делу на основании удостоверения адвоката и

ордера, а затем принятие адвокатом защиты, если нет обстоятельств, препятствующих ее осуществлению.

Адвокат, нарушивший порядок возникновения полномочий защитника, не может быть признан защитником, получившим специальные процессуальные полномочия по конкретному уголовному делу. Например, у адвоката, получившего заявку (поручение) на защиту обвиняемого по уголовному делу напрямую от следователя, минуя координатора (координационный центр), не возникает специальных процессуальных полномочий защитника.

Таким образом, можно сделать вывод, что процессуальные полномочия защитника по конкретному уголовному делу возникают у адвоката в двух рассмотренных вариантах: 1) после заключения соглашения об оказании юридической помощи в письменной форме и его регистрации в адвокатском образовании; 2) после принятия заявки на участие в деле по назначению в порядке, определяемом советом адвокатской палаты.

Нарушение установленных правил наделения адвоката специальными процессуальными полномочиями защитника (например, отсутствие соглашения об оказании юридической помощи или получение поручения на защиту, минуя координатора) должно являться основаниями для признания адвоката лицом, не получившим в законном порядке процессуальных полномочий защитника, а также для признания незаконными процессуальных действий, произведенных с его участием, и недопустимыми полученных с его участием доказательств.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

УДК 343.2/.7

О ВЛИЯНИИ ЭКОНОМИКИ НА УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Лопашенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)

В данной статье автор рассматривает опосредованное и непосредственное влияние экономики на трансформацию уголовного закона и изменение уголовно-правовой политики государства. Изучаются возможности криминализации и декриминализации деяний, изменение видов наказания, а также экономическая целесообразность изменения Уголовного кодекса.

Ключевые слова: экономика; уголовный закон; криминализация; декриминализация; наказание.

THE IMPACT OF THE ECONOMY ON THE CRIMINAL LAW

Lopashenko N.A., Doctor of Law, professor
(Saratov state law Academy)

In this article the author considers the indirect and direct impact on criminal law and criminal policy of the state by means of the economy. We study the possibility of criminalization and decriminalization of acts, changes in the types of punishment, as well as the economic feasibility of changes in the Criminal Code.

Keywords: economics; criminal law; the criminalization; decriminalization; punishment.

Влияние экономики на действующее уголовное право может быть *непосредственным*, вызывая перемены в последнем, в связи с тем, что меняются экономические отношения, и это требует реакции уголовного закона или уголовной политики без каких-либо посредников. *Опосредованное* влияние меняющихся финансово-экономических реалий тоже возможно; оно осуществляется через внешние по отношению к уголовному праву факторы, хотя и связанные с уголовным правом самым тесным образом. Так, экономические трансформации (как позитивные, так и негативные) могут оказывать и оказывают влияние на преступность. Изменения преступности, в свою очередь, влекут изменения уголовного права.

Что *может* измениться в уголовно-правовом регулировании в том случае, если происходят перемены в экономике? Речь здесь идет о *возможных* изменениях.

Первое и лежащее на поверхности – это возможное изменение **круга деяний, объявляемых преступными.** Он может расшириться, если появились новые экономические отношения, требующие уголовно-правовой охраны, или сущностно изменились существовавшие ранее экономические отношения, не знавшие специальной уголовно-правовой охраны (криминализация). Он может сократиться, если исчезли (трансформировались) какие-то из экономических отношений, которые существовали, или изменилась оценка этих деяний как общественно опасных (декриминализация). И в том, и в другом случаях речь идет, прежде всего, о преступлениях в сфере экономической деятельности, но изменения могут

коснуться и преступлений против собственности и некоторых других, преимущественно экономических преступлений, в частности, экологических преступлений и т.д. Таким образом, экономические перемены в обществе и государстве преимущественно коснутся экономических преступлений.

В то же время, если экономические изменения будут такими, что потребуют или просто приведут к изменению в системе управления обществом и государством, стоит ждать перемен и в круге преступного в области должностных преступлений, преступлений против интересов службы в коммерческих или иных организациях, в управленческих преступлениях. Однако степень вероятности и необходимости таких трансформаций гораздо ниже степени вероятности и необходимости корректировки уголовно-правового регулирования экономических преступлений.

И в первом, и во втором случае речь идет о непосредственном влиянии экономики на уголовное право.

Вероятность опосредованного – через преступность – влияния изменений в экономике на уголовное право путем изменений в круге преступного тоже высока и тоже касается прежде всего экономических преступлений. Криминологическая ситуация, вызванная реформированием экономики, может привести к распространению новых общественно опасных разновидностей экономического отклоняющегося поведения и привести власть и законодателя к необходимости новой реакции на это поведение путем криминализации – объявления этих деяний преступными и наказуемыми.

Таким образом, экономика может воздействовать на уголовное право и непосредственно, обнаруживая необходимость охраны новых экономических отношений от всяческих посягательств, которые требуется объявить преступными, – упреждающе объявить, и опосредованно – через уже свершившийся факт появления таких посягательств, на которые уголовный закон не имеет возможности реагировать. Формы же криминализации или декриминализации могут быть разными: от создания новых норм или полного исключения старых до внесения изменений в диспозиции статей действующего УК РФ, при которых сфера их действия становится или более широкой, или, напротив, более узкой.

Второе очевидное изменение уголовного права под воздействием меняющейся экономики – **изменение уголовного наказания** – и в сторону ужесточения (пенализация), и в сторону смягчения (депенализация).

Понятно, что в силу того, что изменения вызваны экономическими причинами, прежде всего, это коснется экономических (в том числе имущественных) видов уголовных наказаний. Могут быть введены в УК РФ новые имущественные наказания или, напротив, исключены какие-то из известных ранее; могут появиться новые экономические иные меры уголовно-правового характера (к существующей сегодня конфискации) или произойти исключение конфискации как иной уголовно-правовой меры; возможно ужесточение или, наоборот, смягчение действующих экономических (и имущественных) наказаний или иных мер уголовно-правового характера. Если вести речь о тех наказаниях, которые уже есть в УК РФ и обладают экономическим характером, то это штраф, обязательные работы (не имущественный, но явно экономический, в том числе, характер), исправительные работы, принудительные работы.

Однако экономические причины могут в значительной степени повлиять на трансформацию и других, не экономических, видов уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. И здесь возможны различные направления реформирования: 1) изменение картины наказуемости экономических преступлений (например, отказ от лишения свободы или, напротив, ее введение в те составы, где оно отсутствовало ранее); 2) формулирование общих правил для уголовных наказаний, которые используются в составах экономических преступлений

(например, установление более высоких границ штрафа или более высоких размеров удержания при назначении исправительных работ для экономических преступлений в Общей части УК); 3) искусственное сужение сферы действия некоторых дорогих для государства в буквальном смысле видов уголовного наказания, а равно отсрочка введения в действие тех наказаний, которые до сих пор не введены (арест, принудительные работы), и т.д.

В зависимости от экономических преобразований возможны изменения в **дифференциации уголовной ответственности**: и в сторону ее расширения и дальнейшего развития, и в сторону ее сужения. Конечно, и здесь в первоочередном порядке речь идет об экономических преступлениях. В зависимости от сути экономических изменений, возможно, например, ужесточение – в рамках введения новых квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков – уголовной ответственности за любые групповые способы совершения преступления, или за совершение экономического преступления специальным субъектом, или за преступление, повлекшее тяжкие последствия, не выделявшиеся ранее, и т.д. Дифференциация может меняться путем установления или, напротив, исключения специальных видов освобождения от уголовной ответственности или изменения их условий. Дифференциация может быть расширена путем включения в Общую часть УК новых видов освобождения от уголовной ответственности или уголовного наказания либо исключения или реформирования тех, которые уже имеются, и т.д.

Под воздействием изменений в экономике значительно может меняться **индивидуализация уголовной ответственности и уголовного наказания**. Однако ее влияние на уголовное право не так существенно, как первых трех рассмотренных элементов. Это область уголовной политики. На уровне правоприменения лицам, виновным в конкретных преступлениях (опять-таки, видимо, экономических), может назначаться более строгое или менее строгое наказание, нежели в условиях докризисных, до изменений экономики. Вполне возможно, когда-то эти изменения будут опосредованно влиять и на уголовное право, однако этот процесс медленный.

Есть и еще одно направление связи экономики с уголовным правом, тоже косвенное. Любые изменения уголовного закона должны экономически просчитываться. Вроде бы, это делается, во всяком случае, раздел финансово-экономического обоснования любого законопроекта существует. Однако действительность показывает, что такие обоснования к экономике страны никто всерьез не привязывает, увы. И появляются законы, которые страна экономически себе позволить не может.

Например, в 2011 г. в Уголовный кодекс РФ был введен новый вид наказания – принудительные работы. В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что они вводятся в УК РФ «в целях расширения возможности для суда назначать наказания, не связанные с лишением свободы». Благое пожелание. Однако в финансово-экономическом обосновании к законопроекту отмечалось, что всего необходимо создать 150 исправительных центров с финансированием за счет средств федерального бюджета. При этом «затраты на создание … одного исправительного центра с лимитом наполнения до 200 человек составят от 67,6 до 72,2 млн рублей в зависимости от комплектации, учитывающей климатические условия места расположения центра, необходимые инженерно-технические средства охраны, инженерные сети и системы». С учетом общего количества – это огромные деньги, которых, как и следовало ожидать, нет. Такое законотворчество свидетельствует о настоятельной необходимости учета экономических реалий и возможностей в деле реформирования уголовного закона. Уже имея одно не введенное в действие уголовное наказание (арест), не следовало предлагать другое. Давно уже пора экономистам посчитать, во что казне обходится такое летящее законотворчество в сфере самого строгого закона и права, и поставить жестокие препоны ему.

УДК 343.21

НОВЕЛЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Авдеев В.А., заведующий кафедрой Байкальского государственного университета экономики и права доктор юридических наук, профессор;
Авдеева О.А., профессор кафедры Юридического института Сибирской академии права, экономики и управления доктор юридических наук, доцент

В статье дан анализ приоритетных направлений обновления норм уголовного закона, оптимизирующих методы и средства уголовно-правовой охраны интересов личности, общества и государства. Раскрываются проблемы моделирования уголовного закона, отражающиеся на эффективности правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика; уголовный закон; нормы криминального профиля; механизм уголовно-правового регулирования.

NOVELIZATION OF CRIMINAL LAW IN THE CONTEXT OF CRIMINAL AND LEGAL REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Avdeev V.A., chair head of the Baikal State University of Economics and Law Doctor of Law, professor;
Avdeeva O.A., chair professor of the Law Institute of the Siberian Academy of Law, Economics and Management Doctor of Law, associate professor

The article analyzes the priorities of the rules of criminal law updates, optimizing methods and means of criminal law to protect the interests of individuals, society and the state. Reveals the problems of modeling criminal law affecting the effectiveness of law enforcement.

Keywords: criminal policy; criminal law; rules of criminal profile; the mechanism of legal regulation.

Социальная политика Российской Федерации как правового государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Формирование условий реализации конституционных прав и свобод человека артикулирует взаимодействие органов государственной власти, органов самоуправления и общественных объединений, консолидацию законодательных и организационно-практических мер в сфере реализации уголовно-правовой защиты национальных интересов [14]. Претворение стратегических направлений государственно-правовой политики РФ закономерно обусловило процесс законодательной модернизации, предусматривающей гармонизацию механизма уголовно-правового регулирования в соответствии принципами международного права, доктринальными основами правовой защиты незыблемых прав и свобод человека [5].

* Статья выполнена при финансовой поддержке государственного задания № 2014/52 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части проекта № 2706 «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия преступности».

Правовая реформа детерминировала внесение многочисленных корректив в Уголовный кодекс РФ. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ с учетом новеллизации отдельных составов преступлений изменил представление о наказании в виде лишения свободы на определенный срок. Общее правило назначения наказания по совокупности преступлений или совокупности приговоров дополнено соответствующим исключением, предусматривающим возможность увеличения предела наказания за совершение преступлений против общественной и государственной безопасности, мира и безопасности человечества. В указанных случаях по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет и по совокупности приговоров – более тридцати пяти лет.

Активное противодействие совершению преступлений, направленных на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма, предопределяет законодательное оформление нового обстоятельства, отягчающего наказание. Согласующимся с современным направлением реализации уголовно-правовой политики признается исключение вероятности назначения наказания ниже низшего предела, предусмотренного статьями за совершение отдельных видов преступлений против общественной и государственной безопасности, мира и безопасности человечества. Законодательное оформление запрета назначения условного осуждения лицам, осужденным за преступления террористического характера и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, обеспечивает достижение специально-предупредительного эффекта. Обновление норм Общей части УК РФ исключает применение сроков давности, отсрочки отбывания наказания к лицам, совершившим отдельные виды преступлений против общественной безопасности, мира и безопасности человечества, а равно предусмотренные законом иные, сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления.

Впервые с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. во внимание приняты предложения о целесообразности законодательной регламентации критериев исправления осужденных, заслуживающих применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания [1]. Избранная позиция формирует необходимое представление у осужденного о реальных этапах его возвращения в общество от единичных положительных поступков к устойчивой социально полезной линии поведения, наличие которой подтверждается указанными в законе критериями исправления.

Пристального внимания заслуживает введение в уголовный закон нового вида особо тяжкого преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 205^1 УК РФ. Преступной и наказуемой признается в настоящее время организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205^3, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, или руководство совершением, а равно организация финансирования терроризма. Изменению подлежат законодательные формулы определения понятий финансирования терроризма и поддержки терроризма. Особое внимание уделяется законодательной регламентации более строгих санкций за совершение преступлений террористического характера.

Преступными и наказуемыми в современный период признаются склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, а также организация деятельности экстремистской организации, совершенная лицом с использованием своего служебного положения. Процесс криминализации подобных деяний сопровождается в случаях, требующих совершенствования уголовно-правового регулирования, пенализацией. В связи с этим законодатель принимает решения по поводу оформления более строгих

санкций, например, за совершение преступлений экстремистской направленности, отличающихся повышенной общественной опасностью квалифицированных видов основных составов преступлений.

Реализация концептуального направления обеспечения национальной безопасности требует установления новых уголовно-правовых запретов. В перечень преступлений против мира и безопасности человечества включается реабилитация нацизма, законодательная формула которого, очевидно, потребует доработки в плане регламентации как основного состава преступления, так и отдельных его квалифицированных видов. Новеллизация уголовного закона сопровождается также изменением санкций норм, предусмотренных за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой [12].

Оптимизация уголовно-правовых мер противодействия преступлениям экстремистской направленности демонстрируется Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Прежде всего, заслуживает внимания законодательное оформление нового состава преступления. Финансирование экстремистской деятельности признается самостоятельным составом преступления, требующим дополнительного теоретического осмысления, с учетом специфики диспозиции нормы и разноплановости содержания санкций основного состава преступления и его квалифицированного вида. Думается, что превентивную функцию выполняет примечание к ст. 282^3 УК РФ, регламентирующее освобождение от уголовной ответственности при наличии соответствующих основания и условия для его применения. Криминализация указанного деяния отразилась на редакционных изменениях, внесенных в Общую часть Уголовного кодекса. Перечень преступлений, результатом совершения которых является получение денег, ценностей и иного имущества, на которое распространяется конфискация имущества, дополняет финансирование экстремистской деятельности.

Обновление российского уголовного законодательства реализуется в части совершенствования норм Особенной части, направленных на нейтрализацию экстремистских проявлений в обществе. Вследствие этого в содержание отдельных диспозиций и санкций вносятся изменения и дополнения, в том числе расширяющие диапазон действия конкретных уголовно-правовых норм. Так, в частности, часть 2 ст. 280 и часть 1 ст. 282 УК РФ в настоящее время дополнены указанием, что публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства становятся возможными как с использованием средств массовой информации, так и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 195-ФЗ «О внесении изменения в статью 272 Уголовного кодекса Российской Федерации» из части второй данной статьи депенализации был подвергнут арест на срок до шести месяцев, выступавший в качестве альтернативного вида наказания за неправомерный доступ к компьютерной информации. Однако, принимая во внимание отсутствие реальных перспектив реализации исследуемого вида наказания, сложно оценить место ареста в механизме уголовно-правового регулирования [13].

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дальнейшей криминализации подвергаются преступления в сфере экономической деятельности. Введение в уголовный закон фальсификации финансовых документов учета и отчетности финансовой организации указывает на преступность и наказуемость данного общественно опасного деяния.

Следующим этапом криминализации является выделение Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» новых квалифицированных видов составов умышленного причинения тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью. В основу принятого законодательного решения положено совершение указанных деяний с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Такой подход соответствует современным тенденциям в сфере противодействия совершению преступлений, связанных с применением оружия.

Обновление положений уголовного закона отражается на изменении представления о небрежном хранении огнестрельного оружия. Согласно ч. 1 ст. 224 УК РФ, преступным признается небрежное хранение огнестрельного оружия, создавшее условия для его использования другим лицом, если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия. В качестве квалифицированного вида основного состава преступления уголовный закон признает совершение данного деяния, повлекшего смерть двух или более лиц.

Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 529-ФЗ направлен на установление наряду с верхним еще и нижнего размера наказания в виде штрафа, назначаемого за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. В современной редакции санкция нормы ст. 151^1 УК РФ предусматривает назначение наказания от пятидесяти до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы осужденного или иного дохода осужденного за период от трех до шести месяцев. Установление нижнего и верхнего предела размера штрафа, детализированного законом, обеспечивает адекватизацию уголовной ответственности лиц, неоднократно занимавшихся розничной продажей несовершеннолетним алкогольной продукции.

Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ предусматривает введение ст. 234^1 УК РФ, регламентирующей ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ [11]. Закономерным в этой связи представляется вопрос относительно перечня указанных новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых запрещен в Российской Федерации. Установлению помимо предмета данного состава преступления подлежит специальная цель – сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ. Значительно отличающимися являются категории преступлений – небольшой тяжести при отсутствии наступления по неосторожности причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека (ч. 1) и тяжкие преступления при наличии таковых (ч. 2, 3).

Вместе с тем обновление уголовного законодательства, введение новых норм в содержание Общей части, регламентация дополнительных составов преступлений, изменение санкций статей Особенной части УК РФ не обусловили должного снижения криминальной напряженности в обществе [9]. С одной стороны, анализ состояния, структуры и динамики преступности позволяет констатировать снижение абсолютных и относительных показателей значительной части преступлений, регламентированных УК РФ. Согласно данным официальной статистики, в 2014 г. было зарегистрировано на 1,8% преступлений меньше, нежели в прошлом году. Число возбужденных уголовных дел снизилось на 1,9%. Позитивной оценки заслуживает снижение на 4,6% количества погибших и на 0,4% численности лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью в результате преступных посягательств. Уменьшению на 9,5% подлежал показатель причиненного ущерба в результате совершения преступлений [15].

С другой стороны, положительная динамика снижения общей численности зарегистрированных преступлений, наблюдаемая в течение 2007-2014 гг., сопро-

вождается рядом негативных тенденций. В 2014 г. наметился рост на 3,3% рассмотренных органами внутренних дел заявлений (сообщений) о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях. Показательным является увеличение на 0,8%, по сравнению с предшествующим годом, рассмотренных заявлений (сообщений) о преступлениях. Менее эффективной (на 1,1%) становится деятельность органов внутренних дел в плане выявления зарегистрированных преступлений. Повышается на 1,1% удельный вес регистрируемых преступлений в республиканских, краевых и областных центрах. Увеличивается на 16,3% численность зарегистрированных преступлений, причинивших крупный (значительный) ущерб, совершенных в крупном (значительном) размере либо сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размерах. Кроме того, в 2014 г. на 3,2% отмечен рост экологических преступлений. Увеличилось на 9,5% число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Пристального внимания заслуживает рост на 70,5% преступлений террористического характера и на 14,3% преступлений экстремистской направленности [15]. Снижение показателей одних видов преступлений и увеличение других составов преступлений подтверждает неоднозначные тенденции в части состояния и динамики отдельных видов преступности в РФ. Стоит обратить внимание на рост удельного веса на 4,1% в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом расследованных преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления.

Анализ основных направлений новеллизации уголовного законодательства и правоприменительной деятельности позволяет констатировать актуальность проблемы дальнейшего совершенствования механизма уголовно-правового регулирования, необходимость повышения эффективности уголовно-правовой политики на каждой из стадий его функционирования [8]. Правовую основу действия механизма уголовно-правового регулирования образует нормотворческая деятельность. Повышение эффективности правоприменительной деятельности артикулирует необходимость последовательной гармонизации нормативно-правовой базы, конституционализации уголовного законодательства, устранения коллизионности норм уголовного и иного отраслевого законодательства, реализации принципов неотвратимости и соразмерности уголовной ответственности [2]. Пристального внимания заслуживают проблемы реализации уголовно-правовой политики в части регламентации привлечения к уголовной ответственности, отбывания (исполнение) наказания или иной меры уголовно-правового характера, погашения или снятия судимости в установленном законом порядке [6].

Отмечая проблемы новеллизации уголовного законодательства РФ, следует признать, что модернизация уголовного закона предопределяет необходимость научного обоснования законодательных новелл с учетом правового опыта и проведенных эмпирических исследований. Вносимые изменения, дополнения и редакционные уточнения в содержание норм УК РФ нередко оказываются недостаточно научно обоснованными. Критической оценки заслуживают введенные законодателем отдельные диспозиции и санкции уголовно-правовых норм. Сравнительный анализ вновь образованных санкций квалифицированных видов ст. 234^1 УК РФ позволил выявить рассогласованность с содержанием санкций общих уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за причинение по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью (ст. 109, 118 УК РФ). Неоднозначной оценки заслуживают изменения и дополнения редакционного характера, внесенные в нормы уголовного закона, регламентирующие преступления террористического характера и экстремистской направленности [4]. Так, внесенные дополнения, характеризующие объективную сторону террористиче-

ского акта, представляются недостаточными для решения проблемы точной юридической оценки реализованного деяния.

Пристального внимания заслуживает изложенный на страницах юридической литературы доктринальный подход к обновлению Уголовного кодекса РФ [7]. Теоретическому осмыслению подлежит опережающая модель уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере правового регулирования [3]. Несомненный интерес представляет предложение ученых, касающееся необходимого научного обоснования вносимых в УК РФ редакционных изменений и дополнений с учетом принятия федерального закона о криминологической экспертизе законов и иных правовых актов [10].

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что новеллизации национального уголовного законодательства должны предшествовать проведение многоуровневой экспертизы законопроектов, мониторинг общественного мнения по вопросам нормотворчества и правоприменительной деятельности. Обновление Уголовного кодекса предполагает соблюдение доктринально разработанных приемов и средств юридической техники, исключающих пробельность и коллизионность уголовного закона, рассогласованность норм Общей и Особенной частей УК РФ. Однозначное толкование норм российского уголовного закона позволит исключить противоречия при квалификации преступлений и определении мер уголовно-правового характера и обеспечит надлежащую эффективность на уровне реализации уголовного закона и правоприменения.

Литература

1. Авдеев В.А. Условно-досрочное освобождение несовершеннолетних в контексте достижения целей наказания // Уголовное право. 2001. № 4. С. 3-8.

2. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Конституционализация уголовного закона в сфере обеспечения права человека на жизнь // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Право». 2014. № 4. С. 207-216.

3. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 12-24.

4. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Механизм противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в Российской Федерации // Юридический мир. 2014. № 12. С. 59-63.

5. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Основные направления реализации уголовно-правовой политики РФ в сфере противодействия преступности: сравнительный анализ федеральных и региональных начал // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 46-62.

6. Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2013.

7. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 84-91.

8. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. СПб., 1999.

9. Меркурьев В.В. Криминологическая характеристика организованного сопротивления борьбе с преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 25-41.

10. Рарог А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 24-33.

11. Российская газета. 2015. 6 февраля.

12. Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2335.

13. Собрание законодательства РФ. 2014. № 30. Ст. 4259.

14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
15. URL: http:// www. mvd. ru

УДК 343.2

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Антонов И.М., доцент кафедры Дальневосточного
юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются различные подходы к определению понятия «пенализация преступлений», рассматривается соотношение понятий «пенализация» и «криминализация», формулируется дефиниция «интенсивность пенализации».

Ключевые слова: уголовно-правовая политика; криминализация; декриминализация; пенализация; депенализация.

ON THE ISSUUE OF THE CONCEPT OF PENALIZATION OF CRIMES

Antonov I.M., chair associate professor of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

This article analyzes the various approaches to the definition of "penalization of crimes", is seen wearing correconcepts "penalization" and "criminalization", formulated definitsiya "intensity penalization."

Keywords: criminal policy; criminalization; decriminalizatsiya; penalization; depenalization.

Одним из важнейших направлений социальной политики Российского государства является политика в области борьбы с преступностью или, как ее иногда называют, – уголовная политика. В свою очередь, центральное место в структуре уголовной политики занимает уголовно-правовая политика, «которая вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения и выражается в директивных документах, нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения» [8, с. 59].

Любая политика всегда базируется на определенной теории. Учитывая теснейшую связь уголовно-правовой политики и уголовного законодательства, содержание которого составляют четыре основных института: «уголовный закон», «преступление», «наказание», «освобождение от уголовной ответственности и наказания» [5, с. 4-5], следует признать, что основой такой политики должна являться теория криминализации и пенализации общественно опасных деяний.

Анализ юридической литературы показывает, что многие ученые, занимающиеся исследованиями в области уголовно-правовой политики, ограничиваются изучением институтов криминализации (декриминализации), не уделяя пенализации (депенализации) должного внимания.

Полагаем, такой подход не совсем справедлив, так как преступление немыслимо без наказания, оно всегда наказуемо, а наказание, в свою очередь, немыслимо без преступления, производно от него. Запрещенность общественно опасного деяния уголовным законом предопределяет обязательное установление за его совершение соответствующего наказания. Данное положение закреплено и в рос-

сийском уголовном законодательстве. В соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ для осуществления своих задач Кодекс не только определяет, какие деяния признаются преступлениями, но и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за их совершение.

Представляется верным мнение, что «игнорирование взаимообусловленности преступления и наказания приводит либо к признанию примата наказания над преступлением, абсолютизации наказания, либо к гипертрофии преступления с отведением наказанию третьестепенной вспомогательной роли в системе мер борьбы с ним. Обе тенденции искажают истинное соотношение рассматриваемых категорий и должны быть преодолены в ходе создания теоретических основ криминализации и пенализации» [3, с. 257].

Научная разработка проблем криминализации и пенализации имеет своей целью формулирование рациональных основ законодательства в сфере уголовного права и предполагает необходимость уяснения сущности этих понятий. В современной теории российского уголовного права термины «криминализация» и «пенализация» не имеют однозначного толкования.

Иногда полагают, что криминализация (декриминализация) и пенализация (депенализация) охватываются более общим понятием – криминализации, понимаемой в широком смысле [7, с. 18]. Так, Р.Р. Галиакбаров понимает под криминализацией конструирование новых, ранее не существовавших составов преступлений, повышение верхних пределов санкций в рамках имеющихся составов, отдельные ограничения в применении институтов освобождения от наказания, конструирование норм общего характера, вызывающих более широкий спектр нежелательных для субъекта правовых последствий [2, с. 40-41].

Сторонники широкого понимания криминализации считают, что «элементом криминализации является пенализация, представляющая собой установление уголовного наказания за деяния, признанные преступными. Поскольку это признание уже предрешает необходимость установления уголовно-правовой санкции, проблема пенализации, по существу, сводится к определению ее вида, размера, а также условий назначения, исполнения и освобождения от наказания лиц, виновных в совершении преступлений» [7, с. 17].

Такой подход, на наш взгляд, значительно расширяет понятие криминализации за счет необоснованного включения в него элементов пенализации. Терминология в данном случае имеет принципиальное значение, поскольку в научной и учебной уголовно-правовой литературе получили распространение иные, более традиционные определения понятия криминализации, согласно которым криминализация представляет собой лишь отнесение законодателем деяния к числу преступлений [1, с. 76]. Различное понимание сущности одного и того же термина приводит к спорам в теории и ничего не дает практике, поэтому вряд ли оправдано введение в научный оборот понятия «криминализации в широком смысле».

Безусловно, криминализация общественно опасного деяния означает вместе с тем и придание ему уголовной наказуемости. Однако очевидно и то, что наказуемость деяний, признанных преступлениями, может носить различный характер. С указанных позиций «пенализация не есть лишь составная часть криминализации и не поглощается полностью последней» [4, с. 137].

Кроме того, если рассматривать пенализацию в динамике, можно заключить, что этот процесс не завершается в момент установления в уголовном законе санкции за совершение криминализированного деяния. Нередки случаи, когда законодатель ужесточает или смягчает санкции за отдельные преступления, сохраняя диспозиции без изменений. Обратившись к истории развития уголовного законодательства, нетрудно убедиться в том, что уголовно-правовые санкции, равно как и система наказаний в целом, постоянно меняются.

Изменение тенденций уголовно-правовой политики всегда будет приводить к корректировке уголовного законодательства в целом и уголовно-правовых санкций, в частности. Следовательно, процесс пенализации общественно опасных деяний является постоянным, в отличие от процесса криминализации, который заканчивается на стадии формулирования новой уголовно-правовой нормы. Значит, пенализация обладает самостоятельной сферой, а процесс изменения (ужесточения или смягчения) санкций за уже криминализированные деяния правильнее именовать изменением интенсивности пенализации.

В литературе высказано и несколько иное мнение. Так, Т.И. Минаева считает, что изменение видов и размеров наказаний выражает прежде всего «интенсивность криминализации». Она полагает, что интенсивность криминализации может усиливаться путем установления за данное преступление более тяжкого вида наказания, повышения максимального или минимального предела наказания, включения дополнительных наказаний в санкцию, расширения сферы применения наказаний (в зависимости от возраста уголовной ответственности, повторности совершения преступления и т.д.), ограничения оснований и условий освобождения от наказания.

В свою очередь, снижение интенсивности криминализации, по ее мнению, возможно путем установления за данное преступление менее тяжкого вида наказания, снижения максимального или минимального предела наказания и т.д. Кроме того, уровень интенсивности криминализации меняется в зависимости от широты применения институтов освобождения от наказания, от оснований и условий их применения, предусмотренных законодателем [6, с. 155-164].

Изложенная позиция, на наш взгляд, в основном правильна, но вывод следует сделать другой. В указанных случаях речь идет исключительно о наказуемости общественно опасных деяний, поэтому более логично именовать данные процессы изменением интенсивности именно пенализации, а не криминализации, как это сделал автор.

Говоря об изменении интенсивности пенализации, необходимо особо подчеркнуть, что способы осуществления этого процесса могут быть различными. Изменение интенсивности пенализации зависит не только от смягчения или ужесточения санкций статей Особенной части уголовного законодательства. На нее оказывает влияние, как уже отмечалось выше, и корректировка отдельных положений Общей части. Например, норм о назначении наказания, об освобождении от уголовной ответственности и от наказания, об уголовной ответственности несовершеннолетних и некоторых других.

Литература

1. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

2. Галиакбаров Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980.

3. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: понятие, содержание, теоретические основы // Правовая политика субъектов Российской Федерации. Владивосток, 2002.

4. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987.

5. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999.

6. Минаева Т.И. Наказуемость деяний как показатель интенсивности криминализации (анализ изменений наказуемости убийства) // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978.

7. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982.

8. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999.

УДК 343.272

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Агильдин В.В., доцент кафедры Байкальского государственного университета экономики и права кандидат юридических наук

Статья посвящена конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера. Рассматриваются положительные и отрицательные свойства уголовно-правовой регламентации института конфискации имущества.

Ключевые слова: конфискация имущества, меры уголовно-правового характера, наказание в уголовном праве.

CONFISCATION OF PROPERTY AS ANOTHER MEASURE OF CRIMINAL AND LEGAL CHARACTER

Agildin V.V., chair associate professor of the Baikal State University of Economics and Law *Kandidat nauk* degree in Law

The article is devoted to the confiscation of property as another measure of criminal and legal character. Positive and negative characteristics of criminal and legal regulation of the institution of confiscation of property are considered in the article.

Keywords: confiscation of property; measures of criminal and legal character; punishment in criminal law.

Конфискация имущества как вид наказания в истории России известна с давних времен. Она появилась вскоре после основных видов наказаний – смертной казни, штрафов, телесных наказаний, и сохранялась на всех этапах развития уголовного права. Однако в 2003 г. в соответствии с Федеральным законом № 162-ФЗ статья 52 «Конфискация имущества» была исключена из УК РФ. В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. предложение исключить конфискацию имущества из УК мотивировалось «весьма низкой эффективностью» этого вида наказания [8, с. 233]. Исключение конфискации имущества их Уголовного кодекса вызвало множественные возражения ученых-правоведов [1; 6; 9; 10; 12]. Однако сказать, что современный российский законодатель является первооткрывателем такой постановки проблемы, нельзя. Еще в 1903 г. конфискация имущества не была включена в Уголовное уложение в качестве наказания. Тогда законодатель посчитал, что изъятие правомерно нажитого имущества идет вразрез с основными началами права собственности, подрывает доверие к прочности и неприкосновенности имущественных прав. В последующих уголовных кодексах конфискация имущества была восстановлена как вид наказания. Но некоторые ученые и тогда предлагали отказаться от конфискации как от вида наказания [4; 13].

Российский законодатель, практически через три года после исключения конфискации имущества из УК РФ, понял поспешность и ошибочность своих действий и признал, что конфискация имущества – это один из наиболее легитимных и действенных средств борьбы с преступностью.

С принятием Федерального закона № 153-ФЗ от 27 июля 2006 г. в УК РФ была введена новая специальная глава – глава 15.1 «Конфискация имущества», которая включает в себя три статьи. Введение в УК РФ новой главы 15.1 привело

к изменению названия раздела VI, который ранее именовался «Принудительные меры медицинского характера», на «Иные меры уголовно-правового характера».

Тот факт, что законодатель поместил конфискацию имущества именно в раздел VI УК РФ, свидетельствует о произошедшей трансформации уголовно-правового понятия «конфискация имущества». Если на протяжении всего развития российского уголовного права конфискация имущества являлась одним из видов наказания, то в настоящее время, наряду с принудительными мерами медицинского характера, конфискация имущества относится к числу иных мер уголовно-правового характера. Такой поступок законодателя совершенно логичен, так как конфискации имущества присущи не все признаки наказания, которыми конфискация характеризовалась ранее [2; 3; 5; 7; 11].

Да, действительно применение конфискации имущества по-прежнему носит государственно-принудительный характер, то есть исполнение решения суда является для осужденного, к которому применена данная мера, обязательным, а не отнесено на его усмотрение.

В то же время конфискация имущества не имеет карательно-репрессивной направленности, типичной для любого из видов наказания, поскольку ее принудительность состоит лишь в обязанности осужденного претерпевать ограничения, связанные с необходимостью передать в собственность государства определенное имущество, указанное в ст.104.1 УК РФ. Все остальные признаки, по нашему мнению схожи с наказанием.

Понятие конфискации раскрыто в ст. 104. 1 УК РФ «Конфискация имущества». Необходимо отметить, что по сравнению с ранее используемым понятием конфискация имущества, которая в ч. 1 ст. 52 УК РФ определялась как «*принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного*», в ст. 104.1 УК РФ приводится в значительно более развернутом виде: *1. Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества:*

а) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105, частями второй-четвертой статьи 111, частью второй статьи 126, статьями 127.1, 127.2, частью второй статьи 141, статьей 141.1, частью второй статьи 142, статьями 146, 147, 183, частями третьей и четвертой статьи 184, статьями 186, 187, 189, частями третьей и четвертой статьи 204, статьями 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 209, 210, 212, 222, 227, 228.1, 229, 231, 232, 234, 240, 241, 242, 242.1, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282.1, 282.2, 285, 290, 295, 307-309, 355, частью третьей статьи 359 настоящего Кодекса, или являющихся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации, ответственность за которое установлена статьей 188 настоящего Кодекса, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу;

б) денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями, указанными в пункте «а» настоящей части, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;

в) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);

г) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому».

Сравнение диспозиций ч. 1 ст. 52 УК РФ и ч. 1 ст. 104.1 УК РФ позволяет сделать следующие выводы.

Если по смыслу ч. 1 ст. 52 УК РФ была предусмотрена возможность конфискации всего имущества осужденного или его части, оставляя конкретное решение данного вопроса на усмотрение правоприменителя, то в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ определение конфискации имущества включает в себя исчерпывающий перечень имущества, подлежащего конфискации. Причем этот перечень закрытый и расширенному толкованию не подлежит. Такая трактовка представляется более правильной и позволяет сохранить виновному правомерно нажитое имущество, а значит и в будущем обеспечить собственную жизнедеятельность и своей семьи.

В части 1 ст. 104.1 УК РФ прямо указано, что конфискация имущества применяется на основании обвинительного приговора. В то же время статья 54 УК РФ не содержала в себе подобных указаний. Конечно, отличие малозначительное, так как конфискация была видом наказания, что само по себе на основании ч. 1 ст. 43 УК РФ подразумевало назначение ее исключительно судом. Но такое отличие все-таки имеется. Кроме того, такое специальное указание необходимо, чтобы отграничивать конфискацию имущества как иную меру уголовно-правового характера от специальной конфискации и исключить возможность применения конфискации иными государственными органами.

В части 3 ст. 52 УК РФ содержалось указание, что не подлежит конфискации имущество, необходимое осужденному или лицам, находящимся на его иждивении, согласно перечню, установленному уголовно-исполнительным законодательством РФ. Данный перечень существовал в виде приложения к Уголовно-исполнительному кодексу РФ. В статье 104.1 УК РФ подобное указание отсутствует, так как в нем нет необходимости. Конфискации, в настоящее время, подлежит только строго определенное имущество, перечисленное в ч. 1-2 ст. 104.1 УК РФ.

Согласно ст. 54 УК РФ, суд по своему усмотрению не мог назначить конфискацию имущества самостоятельно, а мог сделать это только тогда, когда конфискация предусматривалась в санкции статьи УК РФ, нарушенной лицом. В настоящее время законодатель предусматривает конфискацию как обязательную меру уголовно-правового характера применительно к определенным ситуациям, перечисленным в ст.104.1 УК РФ.

В случае, если конфискация имущества в санкции статьи была предусмотрена в качестве факультативной, суд имел право назначить или не назначить данный вид наказания по своему усмотрению. Если конфискация имущества в санкции статьи была предусмотрена в качестве обязательной, то суд был обязан назначить данный вид наказания. В настоящее время суд обязан назначить конфискацию имущества, прямо указанного в ст. 104.1-104.3 УК РФ.

В то же время проведенный анализ позволяет выявить наличие общих для этих двух понятий признаков.

Общими признаками рассматриваемых определений конфискации имущества являются:

- принудительность конфискации;
- безвозмездность конфискации;
- поступление имущества в результате конфискации в собственность государства.

Принудительность конфискации заключается в том, что при вступлении обвинительного приговора суда в силу имущество, подлежащее конфискации, изымается у осужденного или иных лиц независимо от их воли и желания.

Безвозмездность конфискации заключается в том, что стоимость изъятого имущества не компенсируется, и оно не заменяется иным имуществом.

Поступление имущества в результате конфискации в собственность государства означает, что правомочия владения, пользования и распоряжения в отношении конфискованного имущества осуществляет государство в лице уполномоченных государственных органов.

Кроме того, можно выделить еще один схожий признак. Конфискация имущества по смыслу ст.104.1-104.3 УК РФ не может назначаться отдельно или самостоятельно, а назначается лишь как дополнение к наказанию, назначенному судом в обвинительном приговоре. Ранее конфискация имущества имела статус дополнительного вида наказания, т.е. такого вида наказания, который не может назначаться самостоятельно, а лишь в дополнение к основному виду наказания.

В качестве положительных сторон новой редакции конфискации имущества можно отметить следующее:

- заслуживает одобрения реализация идеи о том, что конфискация распространяется не на все имущество, принадлежащее осужденному, а лишь на имущество, добытое преступным путем. Именно эта мысль заложена в международно-правовых документах;

- четкое определение предмета конфискации. Деньги, ценности и другое имущество, добытое преступным путем, либо предназначенные для финансирования терроризма и организованной преступности;

- прямое указание, что конфискация может применяться и случае, если имущество, добытое преступным путем, было израсходовано или отчуждено. Возможность обращать конфискацию на доходы.

Несмотря на такой «шаг вперед», анализ положений УК РФ о конфискации имущества показывает, что они содержат в себе ряд недостатков и проблемных вопросов, на которые необходимо обратить внимание.

1. Очевидной является проблема исполнения конфискации имущества. Если ранее порядок исполнения конфискации имущества был урегулирован ст. 62-67 Уголовно-исполнительного кодекса и приложением к нему, то в настоящее время отсутствует законодательный акт, регламентирующий исполнение конфискации имущества. Действительно, в ч. 2 ст. 2 УИК РФ указывается: «…*уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации устанавливаются общие положения и принципы исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации*…». Логически получается, что порядок исполнения должен быть урегулирован УИК РФ, однако фактически в нем не детализируется применение ни конфискации имущества, ни принудительных мер воспитательного воздействия, ни принудительных мер медицинского характера. В УИК РФ регламентируется порядок исполнения и отбывания наказаний, но не иных мер уголовно-правового характера наказания. Некоторые ученые предлагают отнести исполнение конфискации имущества к исполнительному производству, но думается, что это неправильный подход.

2. Так же, как проблему, можно выделить неточность, несогласованность и непоследовательность некоторых формулировок и терминов. Так, в части 1 ст. 104.1 указывается на обращение имущества «*в собственность государства*», а в ч. 2 ст. 104.3 уже говорится об обращении имущества «*в доход государства*». В другом случае законодатель в рамках одной статьи (104.1) в п. «г» ч. 1 ведет речь об *обвиняемом*, а в ч. 3 – уже об *осужденном*.

3. Перечень преступлений, перечисленный в ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, недостаточно обоснован. Так, только для нескольких из составов преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 104. 1 УК РФ, реальное получение имущества – необходимый элемент состава преступления. В то же время ряд преступлений, непосредственно связанных с приобретением имущества, в данный список не включено (например,

ст. 159, 174.1, 193 УК РФ.) Возможно, было бы правильнее заменить в указанной диспозиции статьи исчерпывающий перечень преступлений на общее указание, что конфискации подлежит любое имущество, добытое преступным путем, независимо, какое именно преступление совершило лицо.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, несмотря на отмеченные недостатки законодательной регламентации и прочие «загадки конфискации», ее возвращение в уголовный закон, пусть даже в качестве иной меры уголовно-правового характера, представляется позитивным шагом на пути повышения эффективности защиты социума от преступных посягательств.

Литература

1. Бриллиантов А. Новые законодательные подходы к уголовному наказанию // Законность. 2004. № 3.

2. Волженкин Б.В. Загадки конфискации // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2.

3. Егоров В. Сложности применения норм о конфискации имущества // Уголовное право. 2009. № 1.

4. Иванов В.Н. Должна ли сохраниться конфискация имущества как уголовное наказание? // Советское государство и право. 1958. № 9. С. 100-101.

5. Каплунов В.Н., Широков В.А. «Новая» конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера и новые проблемы // Российский следователь. 2008. № 6.

6. Кашепов В.П. Об особенностях современного уголовно-правового законотворчества // Журнал российского права. 2005. № 4.

7. Козлов В.А. К вопросу о проблеме совершенствования института конфискации имущества в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 1.

8. Коробеев А.И. Система и виды наказаний // Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб., 2008.

9. Кузнецова Н.Ф. Мнение ученых о реформе (или qui prodest?) // Уголовное право. 2004. № 1.

10. Липинский Д.А. О псевдогуманизации карательного воздействия уголовной ответственности // Право и политика. 2005. № 7.

11. Мартыненко Э.В. Достоинства и недостатки конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Российский следователь. 2009. № 16.

12. Скобликов П. Конфискация имущества упразднена. Навсегда? // Экономика и жизнь: Юрист. 2004. № 7.

13. Цветинович А.Л. Проблемы применения дополнительных наказаний // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1977. Вып. 6. С. 103-105.

УДК 343.23

К ВОПРОСУ О НЕОДНОКРАТНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Васютин С.А., заведующий кафедрой Дальневосточного
филиала Российского государственного университета правосудия

Автор исследует вопросы оценки множественности преступлений в отечественном уголовном законодательстве.

Ключевые слова: множественность преступлений; совокупность преступлений; неоднократность; рецидив.

TO THE QUESTION OF REPEATED CRIMES

Vasyutin S.A., chair head of the Far Eastern branch
of the State Justice University of Russia

The author analyses the issues of evaluation of multiplicity of offences in domestic criminal legislation.

Keywords: multiplicity of offences; the whole range of crimes; repeated crimes; recidivism.

Вопросы оценки множественности преступлений в отечественном уголовном законодательстве подверглись наиболее кардинальному пересмотру именно в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. в п. «г» ст. 12 указывали, что при определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать, совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным [8].

Аналогичная позиция сохранилась и в УК РСФСР 1922 г.

Уголовный кодекс 1926 г. предусматривал несколько форм (видов) множественности:

1) неоднократность – ч. 2 ст. 79, ч. 2 ст. 117;
2) промысел – ч. 2 ст. 59-8, ч. 3 ст. 59-12, ч. 2 ст. 104, ч. 2 ст. 164;
3) повторность (во второй раз) – ч. 2 ст. 60, ч. 2 ст. 61;
4) систематичность – ст. 109;
5) повторность – ст. 47;
6) лицом, имеющим судимость, – ч. 2 ст. 117 [7].

УК РСФСР 1960 г. закрепил многообразие видов множественности, которые законодательно не определены. Статья 40 этого Кодекса говорила лишь о назначении наказания при совершении нескольких преступлений. Сами виды множественности перечислялись в Особенной части:

1) неоднократность,
2) повторность,
3) специальный рецидив,
4) систематичность,
5) промысел и т.д.

Следует отметить, что толкование дефиниций происходило в основном на доктринальном уровне, признаки «повторность» и «неоднократность», по сути, дублировали друг друга и не исключали возможности установления совокупности преступлений.

Уголовный кодекс РФ в первоначальной редакции сохранил три вида множественности: совокупность, неоднократность и рецидив. Следует отметить, что Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.) [3] предусматривал только совокупность и рецидив.

Поскольку законодатель закрепил признаки неоднократности путем указания на специальный – однородный или тождественный – рецидив, возникла коллизия между неоднократностью и рецидивом как видами множественности.

Вопросы конституционности таких положений, наличия или отсутствия нарушения принципа «не дважды за одно» стали предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 мар-

та 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» [4] была высказана следующая правовая позиция.

«Судимость, таким образом, представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия; имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности» (п. 1.2).

Однако данная правовая позиция не была поддержана единодушно. Так, в особом мнении судья Конституционного Суда РФ Н.В. Витрук указывал: «Таким образом, согласно уголовно-правовой доктрине и положениям Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо, отбывшее наказание, искупившее свою вину, продолжает находиться под подозрением в возможности совершения им нового преступления. Это подозрение является публичным «клеймом» государства. Судимость как своеобразный уголовно-правовой испытательный срок для лица, отбывшего наказание, по существу, означает превентивное, продолжающееся уголовное наказание, которое становится дополнительным наказанием в случае совершения нового преступления.

Судимость как явление «объективного» и «субъективного» уголовного права, заменившее «неблагонадежность» времен царизма и «контрреволюционность» времен красного террора и гражданской войны, аморальна (безнравственна), противоречит принципам права, справедливости и гуманизма и представляет собой рудимент прошлого, тоталитарного режима».

В особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова приводились, наряду со многими, и такие аргументы: «Известно, что при подготовке и принятии УК Российской Федерации правоохранительные ведомства (МВД России, прокуратура) оказывали яростное сопротивление исключению понятия особо опасного рецидивиста. В новом Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует понятие особо опасного рецидивиста, но вводятся понятия простого, опасного и особо опасного рецидива (ст. 18). Такая подмена понятий была своего рода компромиссом законодателя. В доктринальном плане это объяснялось необходимостью перенесения акцента с личности преступника на преступление, что в большей степени должно было бы соответствовать конституционному принципу справедливости и равенства.

Однако это не изменило самой сути института рецидива. Атавизмы теории опасного состояния продолжают сохраняться. Конструируя понятие рецидива, законодатель сохраняет абсолютно тот же подход, который он применял и ранее, в том числе в понятии особо опасного рецидивиста: рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость, и опасность рецидива ставится в зависимость от количества и тяжести совершенных ранее преступлений. При этом никаких иных признаков (очевидно, что они

не поддаются формализации), кроме наличия судимости, даже не предполагается. Характеристика личности (судимости) в еще большей степени переносится на характеристику преступления (рецидива), презюмируя его большую опасность (тяжесть), и «перенос акцента» воспринимается буквально.

Формально рецидив не выступает в Особенной части УК Российской Федерации как квалифицирующий признак преступления, что, кстати, ошибочно отмечалось как позитивное новшество законодателя с точки зрения унификации терминологии. Однако рецидив фактически присутствует в квалификации под видом неоднократности и судимости».

В результате существенного реформирования уголовного законодательства (ФЗ от 8 декабря 2003 г. 162-ФЗ) статья 16 УК РФ утратила силу. Означало ли это, что законодатель полностью отказался от дефиниции «неоднократность» применительно к уголовному закону? Мы полагаем, что на этот вопрос можно ответить только отрицательно.

Прежде всего «неоднократность» сохранилась как составообразующий признак и в нынешней редакции УК РФ в ст. 151.1. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции; ст. 154. Незаконное усыновление (удочерение); ст. 178. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции; ст. 180. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг); ст. 212.1. Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования; ст. 314.1. Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений.

Кроме того, с 2009 г. начали изменяться сроки фактического отбывания наказания для условно-досрочного освобождения по отдельным категориям осужденных [5; 6], а это означает, что законодатель все-таки пытался сохранить особый учет отдельных видов преступлений.

Следует отметить, что с позиций практического правоприменения также предпринимались попытки реагировать на факт повторности совершения отдельных видов преступлений. Так, например, часть 2 ст. 105 УК РФ предусматривала, среди прочих, два вида квалифицированных убийств именно по признаку множественности – п. «а» – убийство двух и более лиц, и п. «н» – неоднократно. Соответственно Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» [1] раскрывало признаки убийства двух и более лиц: «если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно». Однако 3 апреля 2008 г. данный пункт был изменен – «убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден» [2]. То есть законодатель исключил указание на единство умысла и одновременность, а следовательно, дополнил п. «а» смыслом как убийства двух и более лиц в его прежнем понимании, так и убийством, совершаемым неоднократно.

Последние дополнения видов множественности были внесены Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14 [6], который включил во все составы половых преступлений новый «хорошо забытый старый» квалифицирующий признак – «Деяние.., совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего», восстановив неоднократность в форме специального рецидива преступлений.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февраля.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 4 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 2008. 9 апреля.

3. Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.

4. Российская газета. 2003. 2 апреля.

5. Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 30 июля.

6. Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Российская газета. 2012. 2 марта.

7. URL http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523&subID=100096269,100096271,100096276,100096303#text (дата обращения: 25.03.2015).

8. URL: http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr7311.htm (дата обращения: 25.03.2015).

УДК 343.231

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Забелов А.Ю., адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

Статья посвящена понятию провокации преступления в российском уголовном праве.

Ключевые слова: провокация преступления; провокация взятки либо коммерческого подкупа; соучастие.

ON THE CONCEPT OF CRIME PROVOCATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Zabelov A.Y., post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This paper is devoted to the concept of crime provocation in the Russian criminal law.

Keywords: crime provocation; provocation bribe or commercial bribery; complicity.

В последние годы, как в современной науке уголовного права, так и в правоприменительной практике, все больше затруднений вызывает вопрос использования понятия провокации преступления. Связано это, прежде всего, с тем, что на данный момент нет ни законодательной дефиниции, ни единства в правоприменении, ни единодушия ученых. Чтобы понять, что же собой представляет понятие «провокация преступления», необходимо обратиться к более общему понятию – «провокация».

Согласно Словарю иностранных слов, провокация есть подстрекательство кого-либо к заведомо вредным для него последствиям. [6, с. 410].

Обратившись к современному законодательству, мы увидим, что в Уголовном кодексе РФ запрещена провокация лишь одного преступления – провокация взятки либо коммерческого подкупа, предусмотренного ст. 304 УК РФ. Кроме данной статьи, которая не дает законодательного определения понятия «провокация преступления», в Уголовном кодексе РФ нет норм, которые касались бы данной проблемы.

О провокации упоминается в ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в которой сказано, что «…органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)…».

Однако и в этой статье законодатель не дает определения провокации, а устанавливает запрет на осуществление подобной деятельности. Интерес вызывает и тот факт, что в данном федеральном законе законодатель не связывает понятие «провокация» и понятие «преступление». Также налицо законодательное смешение ряда понятий – «подстрекательство», «побуждение» и «склонение».

Таким образом, на сегодняшний день в российском законодательстве отсутствует понятие провокации преступления.

Существует ряд мнений относительно сущности провокации преступления. Многие авторы считают, что действия по провокации лица к совершению какого-либо преступления следует рассматривать в рамках института соучастия.

Так, А.А. Пионтковский указывал на то, что провокатор, хотя и изобличает преступника до окончания преступления, должен рассматриваться как подстрекатель к совершению преступления [3, с. 574]. Аналогичную позицию занимает В.С. Прохоров, который также указывает на то, что все случаи провокационной деятельности должны рассматриваться как подстрекательство к соответствующему преступлению [2, с. 619].

Другие же ученые считают, что юридическая природа провокации преступления не входит в какой-либо из существующих институтов уголовного права. Например, Е.В. Говорухина отмечает, что провокация преступления отличается от подстрекательства к совершению преступления и не образует соучастия [1, с. 7]. С ней в этом вопросе солидарен С.Н. Радачинский, он также не отождествляет понятие провокации преступления с понятием соучастия в преступлении: «…Провокация и подстрекательство как форма соучастия не являются тождественными понятиями. Юридическая природа провокации преступления, в том числе провокация взятки либо коммерческого подкупа, не детерминируется такой разновидностью соучастия, как подстрекательство, а обладает собственными характеристиками…» [4, с. 11-12]. Также он считает, что провокация преступления есть отдельный институт уголовного права, обладающий своей спецификой [4, с. 25].

На наш взгляд, с данной точкой зрения сложно согласится, ведь институт права предполагает некую совокупность норм, регулирующих определенный вид общественных отношений. Такой совокупности норм на данном этапе развития уголовного права пока не наблюдается, ведь, как отмечалось ранее, отечественное уголовное законодательство содержит лишь одну норму, которая касается провокации преступления, а именно ст. 304 УК РФ – «Провокация взятки либо коммерческого подкупа».

Также спорным является вопрос о том, какое лицо может осуществлять провокационную деятельность. Большинство ученых сходятся во мнении, что провокатором в совершении преступления может являться абсолютно любое лицо.

Так, Е.В. Говорухина в предложенном ею определении понятия провокации преступления отмечает, что провоцировать на совершение преступления могут как сотрудники правоохранительных органов, так и другие лица: «… Провокация преступления, то есть умышленные односторонние действия лица, направленные на вовлечение провоцируемого в совершение преступления с целью изобличения последнего в содеянном, совершенные из личной заинтересованности …» [1, с. 8].

Однако ряд исследователей соотносит понятие провокации преступления только с нелегитимной деятельностью правоохранительных органов. К таким ученым относится О.А. Рыжова, которая признает метод провокации со стороны оперативных подразделений правоохранительных органов хотя и эффективным, но вместе с тем – нелегитимным и общественно опасным [5, с. 2-3]. О.А. Рыжова предлагает следующее определение провокации взятки: «… Провокация взятки, т.е. заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях дальнейшего изобличения давшего или принявшего взятку…» [5, с. 5]. Из предложенной О.А. Рыжовой формулировки диспозиции ст. 304 УК РФ следует, что провокацию могут совершать исключительно должностные лица, и никто более.

Таким образом, в теории отечественного уголовного права нет единства мнений относительно определения, юридической сущности и места такого явления, как провокация преступления. В настоящее время автор статьи работает над формулировкой оригинального понятия провокации преступления.

Литература

1. Говорухина Е.В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

2. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968.

3. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

4. Радачинский С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

5. Рыжова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с провокацией взятки либо коммерческого подкупа: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.

6. Словарь иностранных слов. М., 1990.

УДК 343.221 51

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРЕВЫШЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ЧАСТНЫМИ ДЕТЕКТИВАМИ И ОХРАННИКАМИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Чурсина И.В., преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

В статье обсуждается вопрос об уголовной ответственности юридических лиц за превышение полномочий частными детективами и работниками частных охранных организаций. На основе анализа результатов анкетирования специалистов в области уголовного права делается вывод о практической целесообразности установления уголовной ответственности юридических лиц за преступление, предусмотренное ст. 203 УК РФ. Предлагается перечень возможных мер уголовно-правового воздействия за данное преступление в отношении юридических лиц.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц; превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации; меры уголовно-правового воздействия.

CORPORATE CRIMINAL LIABILITY FOR ABUSE OF AUTHORITY PRIVATE INVESTIGATORS AND SECURITY GUARDS: OPPORTUNITY LEGISLATIVE REGULATION

Chursina I.V., lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article discusses the issue of criminal liability of legal persons for abuse of authority by private detectives and employees of private security companies. Based on the analysis results of the survey of experts in the field of criminal law, the conclusion of the feasibility of establishing the criminal liability of legal persons for an offense under the Criminal Code st.203. It offers a list of possible measures of criminal law for the offense in respect of legal persons.

Keywords: criminal liability of legal persons; abuse of authority or an employee of a private detective private security organizations; measures of criminal law.

С точки зрения теории и практики применения уголовного права субъектом превышения полномочий частными детективами и работниками частных охранных организаций не могут быть юридические лица. Однако проблема ответственности юридических лиц за служебные преступления в уголовном праве остается дискуссионной [2, с. 108].

Мы разделяем точку зрения ученых, которые считают, что действующее уголовное законодательство не может эффективно воздействовать на криминальную ситуацию без норм, предусматривающих уголовную ответственность юридических лиц [4, с. 20].

По мнению Ю.В. Трунцевского, отсутствие возможности применить уголовную ответственность юридических лиц тормозит проведение решительных мер борьбы с преступностью, конкретными видами преступлений [5, с. 21].

Особо следует отметить, что международную правовую основу противодействия преступности в России составляют Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, которая признает в качестве субъектов транснациональной организованной преступности юридических лиц [6]. Как отмечала А.И. Долгова, комментируя Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию, «в России рассматривается вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц, и в течение 2 лет со дня ратификации Конвенции данный вопрос будет разрешен» [3, с. 293]. По мнению Е.Ю. Антоновой, такой подход представляется верным [1, с. 5], тем более, что часть 2 ст. 1 УК РФ гласит: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права». В свою очередь, часть 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, то применяются правила международного договора». По-видимому, стоит согласиться с профессором Б.В. Волженкиным в том, что нельзя считать, что «в законотворческом плане проблема уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве окончательно снята» [2, с. 9].

Представляется, что участие в совершении преступления коллективного субъекта, воля которого направлена на достижение преступного результата, значи-

тельно повышает общественную опасность деяния, так как юридическое лицо обладает несоизмеримо большими финансовыми, организационными и иными возможностями для достижения преступного результата, нежели отдельный сотрудник, осуществляющий частную детективную или охранную деятельность.

В связи с этим представляется целесообразным на законодательном уровне рассмотреть вопрос об установлении уголовной ответственности в отношении юридических лиц за случаи превышения полномочий работниками частных охранных организаций, когда преступление совершается в интересах юридического лица.

Подтверждением этого вывода могут служить результаты анкетирования 24 судей и 117 сотрудников иных правоохранительных органов (органов внутренних дел, прокуратуры, следственного комитета) по вопросам установления уголовной ответственности в отношении частных охранных организаций. В частности, 26% респондентов посчитали целесообразным на законодательном уровне закрепить уголовную ответственность в отношении частных охранных организаций, поскольку охранник, превышая свои полномочия, может действовать в целях защиты незаконных интересов юридического лица. Представляется, что установление уголовной ответственности юридических лиц за данное преступление положительно отразится на эффективности механизма уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере частной охранной деятельности, так как юридические лица как субъекты российского права совершают подобные преступления.

Среди возможных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц за совершение превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации по решению суда могут стать:

а) предупреждение;

б) штраф;

в) лишение лицензии на право осуществлять частную детективную или охранную деятельность;

г) лишение права юридического лица заниматься частной детективной или охранной деятельности;

д) запрет на осуществление частной детективной или охранной деятельностью.

При этом полагаем возможным в отношении юридического лица по судебному решению применять одну или несколько мер уголовно-правового воздействия. Очень важно, чтобы до полного исполнения назначенной меры уголовно-правового воздействия на законодательном уровне был установлен запрет на реорганизацию юридического лица, в отношении которого применена мера уголовно-правового воздействия.

Таким образом, установление уголовно-правовых запретов для организаций, осуществляющих частную детективную или охранную деятельность, а также санкций за их нарушение позволит создать эффективный механизм противодействия преступлениям, совершаемым частными детективами и работниками частных охранных организаций в интересах организаций либо с использованием их финансовых и иных возможностей.

Литература

1. Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц: монография / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 2005.

2. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998.

3. Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М., 2002.

4. Смольянинов Е.С. О необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // Российский следователь. 2009. № 15.

5. Труновский Ю.В. О некоторых уголовно-правовых и криминологических проблемах борьбы с преступностью // Российский следователь. 2009. № 15.

6. Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 18. Ст. 1684.

УДК 343.01

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ*

Авдеева Е.В., старший преподаватель Байкальского государственного университета экономики и права кандидат юридических наук

Статья посвящена исследованию доктринальных основ уголовно-правового регулирования свободы личности. Особое внимание уделяется эволюции правовой мысли о личной свободе человека в процессе формирования и развития отечественной государственности.

Ключевые слова: доктрина уголовного права; права и свободы человека; свобода личности; эволюция научного представления о свободе личности.

DOCTRINAL BASIS OF LEGAL REGULATION PERSONAL LIBERTY

Avdeeva E.V., senior lecturer of the Baikal State University of Economics and Law *Kandidat nauk* degree in Law

The article investigates the doctrinal foundations of legal regulation of individual freedom. Particular attention is paid to the evolution of legal thought of personal freedom in the formation and development of national statehood.

Keywords: the doctrine of criminal law; human rights and freedoms; freedom of the individual; the evolution of scientific ideas about personal freedom.

Развитие правовой системы в условиях глобализации характеризуется актуализацией проблемы приведения национального законодательства в соответствие с принципами международного права. Одним из приоритетных направлений национальной правовой политики является создание эффективного механизма уголовно-правовой защиты незыблемых прав и свобод человека, включая право на личную свободу [5, с. 59-63]. Эффективное уголовно-правовое регулирование свободы личности требует совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности в части изменения редакции уголовно-правовых норм, предусмотренных гл. 17 Уголовного кодекса РФ [2, с. 33-35], а также разрешения спорных вопросов квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы [3, с. 26-28], торговли людьми, использования рабского труда [4, с. 20-22], незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психи-

* Статья выполнена при финансовой поддержке государственного задания № 2014/52 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части проекта № 2706 «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия преступности».

атрическую помощь в стационарных условиях [1, с. 20-22]. Вместе с тем принятие жизнеспособных законодательных формул требует соблюдения правил и приемов законодательной юридической техники, предусматривающей сбалансированность норм отечественного уголовного законодательства с учетом правового опыта и надлежащего научного обоснования. Оформление правовых постулатов в области обеспечения свободы личности в России характеризуется рядом специфических черт, обусловленных особенностями формационного, социально-экономического, политико-правового, этнического, социокультурного развития народов, образующих состав народонаселения государства.

Проблема свободы личности получила фрагментарное освещение в трудах В. Татищева (1686-1750), который, отстаивая позиции естественного права, выделял три формы ограничения свободы. Первой формой ограничения свободы человека является предусмотренная самой природой человеческого бытия власть родителей. Ко второй форме ограничения свободы В. Татищев относил зависимость человека, определяемую договорными отношениями, в частности отношения найма между хозяином и слугой. Третьей формой ограничения свободы выступает «принуждение», обусловленное рабством и невольничеством. Необходимость создания государственного механизма по обеспечению священных естественных прав человека отстаивал в своих трудах А.Н. Радищев (1749-1802). Подчеркивая в «Путешествии из Петербурга в Москву» отсталость крепостной России от западноевропейских цивилизаций, А.Н. Радищев указывал на актуальность восстановления равенства людей от природы и законодательное оформление в национальных правовых актах свободы мысли, слова и деяния [19, с. 130-177].

Существенный вклад в развитие понимания свободы личности внес государственный деятель первой четверти XIX в. М.М. Сперанский (1772-1839). По М.М. Сперанскому, основу правового регулирования общественных отношений составляет субъективное право, которое детерминируется свободой человека, предусматривающей власть человека над самим собой. М.М. Сперанский, признавая приоритет естественного права над позитивным, предложил подразделить права человека на гражданские и политические. К гражданским правам человека М.М. Сперанский причислял права, касающиеся его индивидуальной свободы. Вследствие этого главной проблемой государственного развития России признавалась ликвидация крепостного состояния крестьян.

Вопросы свободы личности получили отражение в политических программах декабристов. Так, идеолог Северного общества Н.М. Муравьев (1795-1843) в своих проектах, предлагая отменить крепостное право, деление на сословия и ввести звание «гражданина», указывал на предоставление личной свободы, свободы слова, совести и передвижения. В развитие данных положений руководитель Южного общества П.И. Пестель (1793-1826) предложил разграничить права и свободы граждан на частные, гражданские и политические. К частным правам он относил свободу личности, вероисповедания, печати, промысла. Личная свобода рассматривалась П.И. Пестелем как неприкосновенность личности и жилища. Гражданские права включали право собственности и права, возникающие из договорных обязательств.

Сторонниками естественных прав и свобод человека являлись Б.А. Кистяковский, С.М. Муромцев и П.И. Новгородцев, которые писали, что в любом государстве независимо от геополитических, социально-экономических, демографических и иных факторов человек имеет право на неотчуждаемые свободы, включая свободу личности и право на собственное достоинство.

Один из последователей марксистской философии Г.В. Плеханов в обоснование свободы личности писал, что природа человека такова, что он не может не испытывать определенных «хотений». По Г.В. Плеханову, человек свободен то-

гда, когда он может действовать так, как он хочет. Действовать свободно, по Г.В. Плеханову, значит, не быть орудием достижения чужих целей. В качестве детерминантов «своих» и «чужих целей» ученый выделял «природу человека», связанную с наследственностью и уровнем сознания. Помимо этого, Г.В. Плеханов раскрывал в своих трудах психические, логические и теологические детерминанты поведения индивида. В связи с этим Г.В. Плеханов подчеркивал значение науки социологии, призванной решить основополагающую задачу – «понять возникновение целей у общественного человека». По мнению ученых, в частности П.П. Павличенко, Д.Я. Литвиненко, именно от Г.В. Плеханова в марксисткой философии пошла традиция слияния вопроса свободы вообще со свободой воли в частности [13, с. 288].

Значительной вехой в развитии доктрины о свободе личности явились труды известного русского философа С.А. Левицкого (1905-1983), согласно которым методологическими составляющими концепции свободы личности следует признать: свободу действия, свободу выбора и, наконец, «проблему самого хотения» как «ядра вопроса о свободе воли». По мнению ученого, свобода действия представляет собой внешнюю характеристику свободы личности и не затрагивает свободы воли. Свобода выбора предполагает мотивацию поведения личности, исходя из существующих внутренних границ его «хотения». Наибольшей проблемой является свобода «хотения», определяемая волей человека.

Разработка концепции личной свободы человека и свободы личности на уровне философии и иных общественных наук сопровождалась исследованием данного вопроса представителями правовой мысли России. Так, например, Е.Н. Тарновский в своих трудах придерживался предложенной Дж. Локком «гипотезы абсолютной независимости личности», согласно которой «свободное состояние личности» признавалось «первоначальным состоянием, предшествующим образованию всякого политического союза» [22, с. 4-18]. Современное государство, по Е.Н. Тарновскому, предполагает отказ от первобытной свободы. Объединившись в государство, люди принесли в жертву часть своей свободы в целях спокойствия. Остаток первобытной свободы (естественной свободы человека) и составляет права личности. При этом права личности «стоят выше государства», так как ему предшествовали. Подвергнув серьезной критике законодательное закрепление в русском праве крепостного состояния как формы рабства, Е.Н. Тарновский предложил модернизировать закон посредством установления четырех степеней (видов) свободы: личной свободы, свободы собраний, свободы совести и свободы печати.

Небезынтересной в этой связи следует признать точку зрения исследователя истории русского права XIX в. В. Сергеевича, промульгировавшего идею уголовно-правовой защиты четырех видов общественно значимых интересов: государства; церкви; личности; «семейства и половой нравственности» [20, с. 416-417]. При этом к социально значимым интересам личности, подлежащим уголовно-правовой охране, В. Сергеевич относил жизнь, личную свободу и телесную неприкосновенность.

Внимания заслуживает подход к проблеме обеспечения свободы личности С.В. Познышева, обозначившего в качестве приоритетного направления уголовной политики государства «устранение из общественной жизни государства грубой физической силы» и установление механизма «правовой защиты каждого от произвола и насилия других» [16, с. 134]. Вследствие этого преступления против свободы личности, по мнению С.В. Познышева, должны занимать более значимое место в уголовном кодексе, так как «предметом этих преступлений служит свобода действий, свобода определяться к той или иной деятельности или бездействию, свобода избирать себе место пребывания».

Особое место проблеме уголовно-правовой защиты свободы личности уделялось в работах Л.С. Белогриц-Котляревского, который выделял три формы свободной деятельности: свободное распоряжение человека органами своего тела; свободное передвижение; свободный выбор деятельности [6, с. 374].

По мнению известного русского ученого И.Я. Фойницкого, уголовно-правовая защита свободы личности должна заключаться в ограждении человека от таких посягательств, как «лишение человека права располагать каким-нибудь членом тела», «лишение права выбора между каким-нибудь действием или бездействием», «полная потеря свободы в смысле возможности передвижения» и «потеря гражданского состояния», связанная с обращением в рабство [23, с. 84].

Заимствуя базовые принципы уголовно-правового обеспечения безопасности свободы личности, предусмотренные Уголовным уложением Германии 1871 г., Н.С. Таганцев предлагал ввести классификацию преступлений против свободы личности в форме следующих составов: угроза; насилие; самоуправство; заключение и задержание [21, с. 169].

Особенностью развития уголовной доктрины в советский период являлось своеобразие предлагаемой в условиях подготовки кодификационных актов конструкции составов преступных посягательств. Вопрос о «системе и общей классификации преступных деяний» находился в поле пристального внимания таких видных деятелей, как М.Ю. Козловский и Д.И. Курский. Согласно мнению М.Ю. Козловского, посягательства, направленные против личных (гражданских) прав и свободы человека, необходимо объединить в раздел «Преступления против жизни и здоровья». Что касается позиции по данному вопросу Д.И. Курского, то нормы Особенной части следует разграничивать на одиннадцать разделов. В качестве первого раздела им был предложен раздел «Преступления против личности», в котором законодательному оформлению подлежали такие составы, как: посягательства на человеческую жизнь; причинение тяжелых ран и увечий; изнасилование и разбой. Однако в результате активных дискуссий Особенная часть Уголовного кодекса 1922 г. предусматривала разграничение преступных деяний на восемь разделов, пятым из которых по последовательности был размещен раздел «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности».

Посягательства на личную свободу стали предметом научного исследования известного советского ученого А.А. Пионтковского [15, с. 82-88]. К преступлениям против личной свободы А.А. Пионтковский относил посягательства, связанные с умышленным и насильственным принуждением человека к определенному поведению. Насильственное воздействие предполагает «всякое принуждение к действиям, противоречащее желанию». При этом принуждение может быть как психической угрозой, так и физическим воздействием. Вследствие этого А.А. Пионтковский предлагал разграничить посягательства на свободу личности на три группы: принуждение к совершению определенных действий или бездействия; задержание, ограничивающее возможность свободы передвижения; похищение людей с той или иной целью.

Вопросы о доктринальной трактовке понятия свободы личности находятся в поле зрения современной юридической общественности. По мнению В.М. Пучнина, Уголовный кодекс РФ дает «узкое понимание свободы», отраженное в гл. 17 [18, с. 45]. Одним из актуальных вопросов на доктринальном уровне признается толкование понятий личная свобода и свобода личности. В связи с этим В.М. Пучнин пишет, что личная (индивидуальная) свобода не тождественна понятию «свобода личности» и является одной из форм ее проявления. Вследствие этого «свобода личности» значительно шире и объемнее по содержанию, чем «личная свобода». При этом он выделяет такие формы свободы личности, как политическая, экономическая, социально-культурная и иные. Личная свобода человека

определяется его физической свободой, т.е. способностью действовать в соответствии со своим волеизъявлением при условии отсутствия определенных физических (материальных) факторов, ограничивающих его действие. В качестве примера В.М. Пучнин приводит свободу выбора места проживания, нахождения и свободу передвижения. Вследствие этого он выделяет такие два критерия физической (личной) свободы, как свободная, независимая воля и отсутствие каких-либо сдерживающих ее реализацию преград.

З.Д. Еникеев, раскрывая проблемы защиты свободы личности в РФ, указывает, что свобода личности есть «чрезвычайно сложное и многоаспектное общественное явление, изучаемое с экономической, политической, философской, юридической, нравственной, психологической и других точек зрения» [9, с. 5].

Ряд авторов с учетом сложившейся многоаспектности понятия свободы личности предлагают разграничивать ее на две составляющих – социальную и правовую свободу. По мнению О.В. Волковой, социальная свобода личности есть естественная необходимость. Право как универсальный регулятор общественных отношений распространяет свое влияние на социальную свободу, «преобразуя образ допустимого поведения индивидов» посредством установления субъективных прав и юридических обязанностей. Вследствие этого происходит «преломление», и свобода из социальной категории становится правовой [8, с. 6]. Таким образом, если социальная свобода основывается на «любых устоявшихся правилах совместного сосуществования», то правовая свобода «базируется на формализованных правовых предписаниях».

Небесспорным следует признать подход к проблеме свободы личности А.И. Казамирова, который предлагает свободу разграничивать на такие две составляющих, как внутренняя сфера сознания человека и сфера внешних отношений человека с другими людьми [10, с. 20]. Внутренняя сфера сознания человека, по его мнению, должна включать «свободу совести, как свободу личного убеждения, добытого путем самостоятельной умственной работы», «свободу мысли и чувства, свободу мнения относительно вопросов практических и умозрительных или религиозных», а также «свободу выражения мнений». К сфере внешних отношений человека с другими людьми А.И. Казамиров предлагает отнести «свободу личных наклонностей и занятий, образа жизни, выбора профессии, свободу действий» до тех пор, пока не причиняются неудобства ближним. Учитывая, что Уголовный кодекс РФ не содержит дефиницию понятия «свобода личности», А.И. Казамиров считает, что данный механизм уголовно-правовой защиты предусматривает узкий подход к пониманию свободы личности, так как подразумевает охрану физической свободы – право выбора места нахождения и свободу передвижения.

С точки зрения Н.В. Бойко, свобода личности в уголовно-правовом аспекте подразумевает сознательную (волевую) деятельность человека, предусматривающую реализацию им общественных и личных потребностей и интересов [7, с. 9]. Н.Э. Мартыненко считает, что наиболее естественным проявлением свободы личности является право каждого человека свободно распоряжаться своей личностью, в том числе право человека на свободное передвижение и выбор по своему усмотрению места нахождения [11, с. 38]. Исходя из позиции А.А. Опалевой, свобода личности включает, прежде всего, личную свободу и личную неприкосновенность, которые представляют собой двуединую основу психофизической целостности и автономии личности [12, с. 46]. Если право на личную свободу есть не что иное, как право на такое состояние, при котором человек может распоряжаться собой, своим телом, то личная неприкосновенность предполагает право человека на такое состояние, при котором не допускаются действия иных лиц, общества и государства, направленные на нарушение физической и иной целостности человека путем принуждения. Позитивное и негативное содержание свобо-

ды личности предполагает введение понятия «индивидуальной свободы личности», под которой следует рассматривать свободу располагать собой, т.е. возможность беспрепятственно передвигаться, совершать поступки, располагать своим временем и т.п. Вследствие этого понятие индивидуальной свободы А.А. Опалева признает близким по содержанию с физической свободой человека.

М.Ю. Карасева утверждает, что понимание российским законодателем свободы личности как объекта уголовно-правовой охраны является достаточно полным и отражает его содержание и комплексный характер. При этом предлагает реструктурировать положения УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за преступления против свободы личности, и выделить такие составные части свободы личности, как: физическую свободу личности (ст. 126-128, 206, 301); политическую свободу личности (ст. 136, 141, 239); экономическую свободу личности (ст. 158-162, 169, 178, 179); половую свободу личности (ст. 131-133, 240); свободу личности специальных субъектов (ст. 294, 296, 309, 318, 333, 334); свободу личности в иных областях жизнедеятельности (ст. 120, 299, 302).

Небезынтересной следует признать точку зрения А.С. Горелика, который предлагает к преступлениям против свободы личности относить деяния, незаконно ограничивающие любым способом против воли человека его возможность передвигаться по территории Российской Федерации, выбирать место постоянного или временного нахождения [17, с. 411]. По мнению В.В. Панкратова, к преступлениям против свободы личности следует отнести по образцу европейского законодательства ст. 206 УК РФ (захват заложника), так как данный состав является одной из разновидностей посягательства на личную свободу человека [14, с. 18].

В завершение следует отметить, что разработка национальной доктрины в сфере уголовно-правовой защиты свободы личности должна исходить из сложившегося в процессе глобализации правового опыта и во избежание «двойных стандартов» протекать в правовом поле международных принципов, не ослабляя «престиж национальных интересов».

Литература

1. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Актуальные вопросы квалификации незаконного помещения в психиатрический стационар // Российский следователь. 2013. № 16.

2. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Законодательная регламентация незаконного помещения в психиатрический стационар // Российский следователь. 2013. № 18.

3. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы // Российский судья. 2013. № 4.

4. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Спорные вопросы квалификации торговли людьми и использования рабского труда // Российская юстиция. 2013. № 7.

5. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Механизм противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в Российской Федерации // Юридический мир. 2014. № 12.

6. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Киев, 1903.

7. Бойко Н.В. Ответственность за незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1989.

8. Волкова О.В. Личная свобода как объект уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2009. № 16.

9. Еникеев З.Д. Свобода личности как высшая ценность и проблемы ее защиты // Российский юридический журнал. 2000. № 1.

10. Казамиров А.И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2003.

11. Мартыненко Н.Э. Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспект: дис. … канд. юрид. наук. М., 1994.

12. Опалева А.А. Неприкосновенность индивидуальной свободы личности // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 1.

13. Павличенко П.П. Литвиненко Д.Я. Представления о свободе в истории человечества. Киев: Либра, 2006.
14. Панкратов В.В. Уголовно-правовая охрана личной свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.
15. Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.
16. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного закона. М., 1909.
17. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. II. Преступления против личности. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.
18. Пучнин В.М. Преступления против свободы: история формирования // Право и государство: теория и практика. 2010. № 8.
19. Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М., 1949.
20. Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Тип. М.Н. Стасюлевича, 1910.
21. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть особенная. СПб.,1883.
22. Тарновский Е.Н. Четыре свободы / под ред. П.И. Броунова, В.А. Фаусека. СПб., 1906.
23. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права: часть особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907.

УДК 343.22

К ВОПРОСУ О МИНИМАЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Бойко Н.В., доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В настоящей статье анализируются различные подходы к определению нижней возрастной границы субъекта преступления в отечественном уголовном праве. Автор приходит к выводу о том, что понижение возраста уголовной ответственности в настоящее время нецелесообразно.

Ключевые слова: преступления несовершеннолетних; субъект преступления; возраст уголовной ответственности.

ON THE ISSUE OF THE MINIMUM AGE OF CRIMINAL LIABILITY

Boiko N.V., chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

This article analyzes the various approaches to the determination of lower age limit of the perpetrator in domestic criminal law. The author concludes that the lowering of the age of criminal responsibility is currently impractical.

Keywords: juvenile crime; the perpetrator; the age of criminal responsibility.

На протяжении последних лет все большее распространение получают преступления несовершеннолетних. Вместе с негативными изменениями в динамике и уровне происходят отрицательные изменения и в качественных характеристиках таких преступлений: наблюдается тенденция усиления преступного профессионализма несовершеннолетних; сформировались и активно действуют организованные группы несовершеннолетних преступников; в среде несовершеннолетних появились и распространяются корыстно-насильственные преступления, направлен-

ные против иностранцев, коммерсантов, бизнесменов и т.п., чего ранее не наблюдалось.

Между преступностью несовершеннолетних и преступностью взрослых существует тесная связь. Ведь корни «взрослой» преступности уходят в тот возраст, когда личность формируется, вырабатываются установки на поведение вообще, когда актуальны проблемы воспитания, становления личности с точки зрения направленности ее поведения. Следовательно, на передний план выходит четкое представление о возрасте несовершеннолетнего как обязательном признаке субъекта преступления. При этом возраст несовершеннолетнего интересует нас не сам по себе, а как одна из особенностей несовершеннолетнего преступника.

Особенности возраста имеют значение при определении круга общественно опасных деяний (криминализации), а также для решения всех вопросов, связанных с определением форм ответственности, назначением наказания и освобождением от него; по существу они затрагивают все аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних.

Возраст преступника в значительной мере определяет его мышление и поведение. Различные этапы развития человека одновременно отражают биологические, психологические и психические изменения в структуре личности. Как правильно отмечал М.Н. Гернет, с возрастом связан определенный уровень развития сил, интеллекта, влечений, так сказать, «физически» становится возможным совершение определенных преступлений [1, с. 151].

Установление в законе минимального возраста уголовной ответственности обусловлено, прежде всего, тем, что это обстоятельство неразрывно связано со способностью лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Возраст уголовной ответственности законодателем установлен с учетом положений физиологии, общей и возрастной психологии и педагогики о возрасте, начиная с которого у нормально развивающегося подростка формируются указанные выше способности. Таким образом, для того чтобы лицо было признано виновным в совершении преступления, оно должно отдавать себе отчет в совершаемых действиях и руководить ими, т.е. быть вменяемым.

В современной отечественной юридической литературе встречается мнение о необходимости снижения возраста уголовной ответственности до 12 лет [6, с. 392-395]. На наш взгляд, данное предложение требует тщательного научного осмысления.

Вопрос о возрасте уголовной ответственности по-разному решался в различные периоды российского законодательства. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. впервые оговаривался возраст уголовной ответственности, который определялся с 7 лет. При этом, если преступление было совершено лицом в возрасте от 10 до 14 лет «без разумения», то на него распространялись правила, предусмотренные для детей от 7 до 10 лет. В случае совершения деяния «с умением», наказание существенно смягчалось [4, с. 130].

В 1935 г. минимальный возраст уголовной ответственности несовершеннолетних был определен с 12 лет.

С 1958 г. уголовной ответственности подлежали лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет, а за тяжкие преступления – с 14-летнего возраста [4, с. 289-294].

В уголовном законодательстве зарубежных стран также отсутствует абсолютно определенный возрастной критерий субъекта преступления.

Так, по УК Германии субъектом преступления признаются лица, достигшие 14 лет. При этом различают собственно несовершеннолетних от 14 до 18 лет и молодежь от 18 до 21 года. Несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности, если во время деяния они по своему развитию были достаточно зрелы,

чтобы предвидеть противоправность и поступать в соответствии с этим предвидением. Лицам, которые не отвечают этим требованиям, суд может назначить попечителя или опекуна [7, с. 91].

По УК штата Нью-Йорк общим субъектом преступления считается лицо, достигшее 16 лет. За такие преступления, как тяжкое убийство второй степени, ограбление, поджог, изнасилование первой степени, извращенное половое сношение первой степени, половое оскорбление первой степени, ответственность наступает с 13 лет. За похищение человека первой степени – с 14 лет [9, с. 88].

В Англии уголовная ответственность наступает с 8 лет. Однако суд в таких случаях вправе либо вообще отказаться от применения каких-либо мер, либо предписать применение воспитательных мер, лишенных карательного характера, либо назначить иную меру наказания [8, с. 345-350].

В соответствии с уголовным законодательством Японии о несовершеннолетних к лицам в возрасте от 16 до 20 лет уголовные меры могут применяться лишь за акции, наказуемые смертной казнью или лишением свободы с принудительным трудом либо без него [7].

Согласно действующему Уголовному кодексу РФ, наступление уголовной ответственности возможно по достижению лицом 16-летнего возраста (ч. 1 ст. 20 УК РФ). Однако законодатель предусмотрел возможность отклонения от общего правила в сторону уменьшения возраста уголовной ответственности – с 14 лет. В части 2 ст. 20 УК РФ дан исчерпывающий перечень преступных деяний, за которые ответственность наступает с 14 лет, то есть ни за какие иные общественно опасные виды поведения, предусмотренные уголовным законом, лицо, не достигшее минимального возрастного порога, нести уголовную ответственность не может. Лица, не достигшие 14 лет, являются малолетними и не подлежат уголовной ответственности.

Критериями отбора преступлений, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет, являются:

1) очевидность общественной опасности деяния, его уголовной наказуемости, то есть возможность осознания уже в 14 лет общественной опасности и противоправности деяний, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ;

2) распространенность многих из перечисленных преступлений именно среди подростков (кражи, грабежи, разбои, неправомерное завладение автомобилем и т.п.).

При определении возраста, по достижении которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, «за основу берется уровень сознания человека, его способность понимать характер совершенных им действий, их общественную опасность и значение, а также руководить ими» [3, с. 106]. Для этого человеку необходимо «критически оценивать и анализировать окружающую действительность, прогнозировать результаты тех действий, к выполнению которых он приступает, а также соизмерять уровень своих притязаний с юридическими, нравственными и другими нормами» [2, с. 24-25]. Такую способность человек приобретает не с рождения, а лишь с достижением им определенного возраста. Иными словами, способность нести уголовную ответственность личность приобретает на определенном этапе своего развития и социализации, по мере накопления ею более или менее значительного социального опыта.

В российском уголовном праве никогда не возникал вопрос об уголовной ответственности лиц детского возраста, потому что они не имеют еще личностных свойств, позволяющих признать их субъектами уголовной наказуемости. Лица детского возраста (малолетние) по уровню физического и социально-психологического развития, особенно по степени социализации, не могут нести уголовную ответственность за свои общественно опасные действия. У подростков

в этом возрасте на основе восприятия только формируются суждения по принципу «что такое хорошо и что такое плохо».

Признание несовершеннолетних уголовно ответственными соответствует их общепринятой социально-психологической характеристике, а российское законодательство не только устанавливает достаточно высокий возраст уголовной ответственности, но и определяет ряд особенностей ее реализации к несовершеннолетним.

Таким образом, мы поддерживаем законодательное определение минимального возраста уголовной ответственности за преступления, перечисленные в ч. 2 ст. 20 УК РФ, с 14 лет, а полную уголовную ответственность с 16 лет, и не согласны с теми, кто считает, что необходимо снизить возрастной порог уголовной ответственности до 12 лет.

Литература

1. Гернет М.Н. Моральная статистика. М.,1922.
2. Манцурова Е.Ю. Субъект преступления: лекция. Хабаровск, 1997.
3. Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958.
4. Пашковская А.В. К 15-летию Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 года // Государство и право. 1995. № 11.
5. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Общая часть. М., 1961.
6. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб., 2008.
7. Преступления и наказания в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права. М., 1991.
8. Современное зарубежное уголовное право. Т. 3. Чили, Англия, Греция, Австрия. М., 1961.
9. Уголовное право США: сборник нормативных актов. М., 1985.

УДК 343.22

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВОЗРАСТНОЙ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

Любимов Л.В., старший преподаватель кандидат юридических наук, доцент;
Резникова Е.А., курсант юридического факультета
(Воронежский институт МВД России)

Рассматриваются теоретические подходы к определению понятия возрастной невменяемости в российском уголовном праве и существующие на практике проблемы применения данного института.

Ключевые слова: возрастная невменяемость; психическое расстройство; психическое развитие; принудительные меры медицинского характера; принудительные меры воспитательного воздействия.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF USING THE AGE OF INSANITY

Lyubimov L.V., senior lecturer *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor;
Reznikova E.A., cadet of the law faculty
(Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

Theoretical approaches to the definition of age of insanity in the Russian criminal law and existing practice problems of application of this Institute.

Keywords: age-related insanity; mental disorder; mental development; compulsory measures of a medical nature; forced measures of educational influence.

Одним из актуальных вопросов современной российской уголовно-правовой науки и практики является установление у лица, не достигшего совершеннолетия, факта отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. Данное состояние психического здоровья несовершеннолетнего в науке уголовного права именуется возрастной невменяемостью. Из содержания ч. 3 ст. 20 УК РФ можно сделать вывод о том, что возрастная невменяемость – это неспособность несовершеннолетнего, достигшего возраста уголовной ответственности, вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Но само отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, установить и, тем более, доказать очень сложно, так как в этом случае не доказывается полная невменяемость несовершеннолетнего, а устанавливается всего лишь задержка в его психическом развитии, которая обусловлена индивидуальными возрастными особенностями.

Установление факта наличия у несовершеннолетнего возрастной невменяемости на практике вызывает много вопросов, так как в данном случае решается вопрос о привлечении и, наоборот, о непривлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Все это приводит к неоднозначной трактовке указанной нормы со стороны правоприменителя.

Ряд авторов утверждает, что данный вопрос подлежит рассмотрению не в рамках права, а скорее в сфере психологии или даже психиатрии, занимающихся изучением именно подросткового поведения [7, с. 20-28]. Как уголовно-правовая категория, по своему содержанию возрастная невменяемость представляет собой социально-психологический феномен, сущность которого Уголовный кодекс РФ описывает через отрицание, а именно, акцентируя внимание на том, что возрастная невменяемость не должна иметь связи с психическим расстройством. Представляется, что для более правильного понимания и применения на практике правовых норм, регламентирующих возрастную невменяемость, целесообразно на законодательном уровне предусмотреть точный перечень психических заболеваний, которых не должно быть у несовершеннолетнего при решении вопроса о применении к нему ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Юристы и психологи пришли к выводу о том, что понятие возрастной невменяемости образуют два признака. Первый – это явление должно носить временный характер, т.е. при правильном обучении и воспитании оно обратимо. И второй признак – это отсутствие связи с психическими расстройствами. Немаловажным остается тот факт, что несовершеннолетний в момент совершения преступления не осознавал общественно опасный характер совершаемого им деяния.

Практика применения ч. 3 ст. 20 УК РФ только начала складываться, но ее анализ уже позволяет говорить о пробелах в отечественном уголовном законодательстве. Вместе с тем можно с уверенностью говорить о неоднозначной оценке законодателя различных психический состояний несовершеннолетних, так как из современной трактовки уголовного закона следует, что несовершеннолетние, отстающие в психическом развитии вследствие своих индивидуальных возрастных особенностей, подлежат освобождению от уголовной ответственности, а вменяемые несовершеннолетние, страдающие психическими расстройствами

(т.е. по своей сути больные), – подлежат уголовной ответственности. Такой подход законодателя следует признать не совсем правильным, ведь несовершеннолетние не виноваты в том, что их состояние здоровья связано или, наоборот, не связано с психическим расстройством. Данное положение противоречит двум главным принципам, закрепленным в УК РФ, а именно принципу справедливости и принципу равенства граждан, в нашем случае конкретно несовершеннолетних, перед законом [3].

Следует обратить внимание на то, что в дореволюционной России похожая проблема была решена с принятием Уголовного уложения 1903 г., согласно которому был установлен возраст, с которого наступала уголовная ответственность, – 10 лет. Несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет не несли уголовную ответственность, если они «не могли понимать свойства и значения совершенного ими деяния или руководить своими поступками». К ним применялись такие меры, как передача в исправительно-воспитательное учреждение либо передача под надзор родителей или других лиц с их согласия» [1].

Также для более правильного понимания и применения ч. 3 ст. 20 УК РФ необходимо установить и максимальный возраст уголовной ответственности, по достижении которого лицо уже может полностью осознавать характер своих действий и наступающие от них последствия [2].

В ходе рассмотрения данного вопроса нельзя не затронуть основания применения к лицам, отстающим в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, принудительных мер медицинского характера, а также применения принудительных мер воспитательного воздействия [5].

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [6] дифференцировал порядок применения принудительных мер медицинского характера, а также принудительных мер воспитательного воздействия несовершеннолетним, страдающим психическими расстройствами и отклонениями, не связанными с такими расстройствами. Однако на практике комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, как правило, не назначается, а следовательно, не решается вопрос о вменяемости несовершеннолетнего либо наличии у него умственной отсталости, тогда как в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ данное обстоятельство подлежит обязательному установлению.

Применение института возрастной невменяемости требует специальных познаний в области судебной психиатрии, возрастной психологии, соответствующей подготовки экспертов, проводящих экспертизы, в которых участвуют несовершеннолетние. Однако на практике четкие и научно проработанные методические рекомендации проведения таких экспертиз отсутствуют. Экспертам в таких условиях довольно сложно решать вопросы о том, имеются ли у несовершеннолетнего признаки умственной отсталости, связанной с психическим расстройством, либо не связанной с таковым [4].

Целесообразно, чтобы заключения таких экспертиз содержали информацию не о возрасте несовершеннолетнего, а о его способности в таком возрасте осознавать общественную опасность совершенного деяния, руководить своими действиями.

Литература

1. Баумштейн А.Б. Особенности Уголовного уложения 1903 г. и его значение для российского права // Вестник академии права и управления. 2014. № 34. С. 137-141.

2. Исаева Л.М. Возрастные признаки субъекта преступления и понятие возрастной невменяемости // Юридический консультант. 2004. № 8. С. 26-29.

3. Кузнецов А.В., Кузнецова И.А. К вопросу о возрастной невменяемости в уголовном праве // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2. С. 65-68.

4. Огурцов С.А. Дискуссионные вопросы так называемой возрастной невменяемости // Вестник Российской правовой академии. 2012. № 4. С. 56-60.

5. Семенцова И.А. Проблемы учета ограниченной вменяемости и «возрастной невменяемости» в судебной практике как смягчающего обстоятельства // Проблемы современной науки и практики. 2008. № 2. С. 86-88.

6. Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

7. Цымбал Е.И. Методологические проблемы производства экспертизы для решения вопроса о возрастной невменяемости (юридический и психолого-психиатрический аспекты). Ростов н/Д: Экспертное бюро, 2002.

УДК 343.3/.7

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Осипова Т.В., доцент кафедры Пятого факультета повышения квалификации ИПК Академии СК России (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены типичные недостатки в деятельности правоохранительных органов, связанные с недостаточным исследованием обстоятельств, связанных с конкретными способами вовлечения и действиями по вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность.

Ключевые слова: вовлечение; неконкретизированное вовлечение; несовершеннолетнее лицо; годный субъект; негодный субъект.

TO THE QUESTION ABOUT WAYS OF ENGAGING IN CRIMINAL ACTIVITY

Osipova T.V., chair associate professor of the Fifth faculty of advanced training IPK Academy of the IC of Russia (Khabarovsk)

In article typical shortcomings in the activity of law enforcement bodies with insufficient investigation of the circumstances associated with specific ways of engaging and involving minors in criminal activity.

Keywords: engagement; bound involvement; minor; good subject; bad subject.

По-прежнему остается актуальной проблемой вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступления (ст. 150 УК РФ).

Изучение уголовных дел по вовлечению несовершеннолетнего лица в преступную деятельность показывает, что в числе основных причин возвращения дел прокурорами и судами следует выделить недостаточное исследование обстоятельств, связанных с конкретными способами вовлечения и конкретными действиями по вовлечению несовершеннолетних [3, с. 8-9].

Предъявляемое предварительным следствие обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, в большинстве случаев сомнительно, так как оно неконкретизированно.

Неконкретизированное вовлечение – это вовлечение, при котором действия взрослого лица представляют собой пропаганду преступного образа жизни, вербовку новых сторонников преступного мира, обеспечивающую пополнение преступных рядов и не направленную на привлечение несовершеннолетнего к совершению определенного преступления [1, с. 107].

Неконкретизированное вовлечение в судах признавалось недоказанным с последующим оправданием подсудимых.

При предъявлении годному субъекту обвинения в совершении преступления по ст. 150 УК РФ необходимо четко разделять такие понятия, как формы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и способы вовлечения.

Формами вовлечения являются «покушение на вовлечение», «соучастие» и «подстрекательство»; способами – обещания, обман, угрозы и иные.

Перечисленный список способов вовлечения в законе не является исчерпывающим. Виновный, выбирая способ для возбуждения желания у другого лица совершить преступное деяние, не должен вводить в заблуждение или полностью подавлять волю вовлекаемого лица. Вовлекаемое лицо всегда остается свободно действующим субъектом.

Способы, которые избирает виновное лицо, могут по-разному влиять на сознание и волю людей, вовлекаемых в совершение того либо иного поступка.

Например, чтобы вовлечь в совершение преступления в отношении одних лиц достаточно простых уговоров, на других же требуется воздействовать иными способами, вплоть до принуждения.

Однако, когда речь идет о подростке, на наш взгляд, самым сложным из способов вовлечения является обман.

Обман как способ воздействия на человеческую психику состоит в умышленном введении в заблуждение другого лица путем передачи не соответствующей действительности информации или умолчания о различных фактах, действиях и так далее с целью побудить его вести себя определенным образом. Редко, когда несовершеннолетнее лицо осознает факт преступности совершаемых в отношении его действий, а проще сказать, что его обманывают. В случае с несовершеннолетним субъектом, которого вовлекают в совершение преступления, последний должен понимать фактическую, но не обязательно социальную сторону совершаемого.

Поэтому при производстве следственных действий с несовершеннолетним подозреваемым или потерпевшим необходимо стараться до проведения следственного действия исследовать его индивидуально-психологические особенности, в том числе, в необходимых случаях, путем назначения психологической экспертизы [2, с. 68].

При обмане виновный использует обманутое несовершеннолетнее лицо для реализации своей преступной цели, т.е. в качестве средства совершения преступления, и для квалификации действий взрослого по ст. 150 УК РФ не имеет значения факт осознания несовершеннолетним преступности совершаемых действий.

Обман как способ вовлечения может иметь место только в том случае, когда вовлекаемое лицо, осознавая факт совершения им общественно опасного деяния, вводится в заблуждение лишь относительно тех обстоятельств, которые не связаны непосредственно с признаками состава преступления (например, обман в сумме вознаграждения за совершенное деяние).

Вменяя годному субъекту определенный способ вовлечения, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

а) применяемые способы не должны создавать состояние крайней необходимости;

б) по своим свойствам они должны обладать способностью вызывать в другом лице решимость сознательно действовать определенным образом (что не всегда возможно при обмане) [4, с. 31; 5, с. 49].

Таким образом, вовлечение выражается в совершении вовлекающим лицом действия, объективно направленного на возбуждение у другого лица желания (потребности) совершить противоправное деяние.

Литература

1. Ким Е.П., Крючкова В.Ф. Уголовно-правовая оценка вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. Вып. 1. М., 2013.
2. Костенко К.А. Психологическое воздействие при производстве следственных действий с несовершеннолетним как неотъемлемый инструмент процессуальной деятельности следователя // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 2.
3. Меркулов Д. Практика рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Российская юстиция. 2000. № 6.
4. Ткаченко А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
5. Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.

УДК 343.54

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, УСТАНАВЛИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ УСЛУГ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Семикина М.С., преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассмотрены актуальные вопросы законодательной техники нормы, регламентирующей уголовную ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование диспозиции анализируемой статьи.

Ключевые слова: несовершеннолетний; сексуальные услуги; нравственность; половая свобода.

IMPROVEMENT OF THE LEGISLATION ESTABLISHING THE RESPONSIBILITY FOR OBTAINING THE SEXUAL SERVICES OF MINORS

Semikina M.S., lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article deals with current issues of legislative technique norms regulating responsibility obtaining sexual services of a minor. Proposals to improve the disposition of the analyzed articles.

Keywords: the minor; sexual services; morals; sexual freedom.

Исторически оценка сексуальных отношений между взрослыми людьми представляется достаточно противоречивой. Однако на сексуальные контакты ребенка и взрослого лица в обществе всегда существовало табу, нарушение которого беспрекословно каралось законом. Так, Е.Ю. Пудовочкин отмечает, что на начальном этапе существования Русского государства и права обнаруживается

зарождение интереса к проблеме ответственности за преступления против несовершеннолетних. Такой интерес проявлялся в виде создания правовых запретов на отдельные формы поведения, объективно причиняющие вред несовершеннолетним. При этом законодатель не признавал ребенка самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, а нормы, его защищавшие, имели в виду охрану иных интересов и ценностей [9, с. 20].

Продолжительное совершенствование механизма защиты несовершеннолетних, в том числе в сфере половых отношений, обусловило появление такой категории уголовно-правовой охраны, как половая неприкосновенность. Общественное отрицание, подкрепленное правовым запретом предпочтений сексуального характера, возникающих в отношении лиц, не достигших половой зрелости, отразилось в уголовном законе в виде запрета сексуальных отношений с несовершеннолетними. Естественно, столь существенные ограничения оказали влияние на уголовно-правовую политику в области защиты детей путем формирования системы норм, позволяющих в полном объеме защитить их права и интересы. Однако законодательные изменения, происходящие в последнее время, породили некоторые споры. Такая ситуация сложилась, на наш взгляд, и в результате криминализации в ст. 240.1 УК РФ получения сексуальных услуг несовершеннолетнего.

Напомним, что введение данной нормы в российское уголовное законодательство обусловлено необходимостью выполнения обязательств Российской Федерации, предусмотренных Конвенцией Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений и Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. В соответствии с представленными международными документами государства-участники обязуются принять необходимые меры по криминализации деяний, связанных с использованием услуг «детской проституции». Обсуждая поправки в закон, И.Н. Зубов отметил, что фактически впервые в нашей стране регламентирована ответственность клиентов проституток в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, вне зависимости от добровольности занятия проституцией и достижения или недостижения половой зрелости. Более того, официальный представитель Правительства Российской Федерации констатировал, что проституция, в том числе с участием несовершеннолетних, повсеместно, в том числе в нашей стране, приобрела характер высокодоходного криминального бизнеса, став сферой интересов российской и международной организованной преступности [9].

Законодательные поправки направлены на обеспечение защиты сексуальной сферы несовершеннолетних, однако появление нормы, предусматривающей охрану половой неприкосновенности, среди норм о защите общественной нравственности несколько искажает представление о системе объектов уголовно-правовой охраны. Очевидно, законодатель совершенствование механизма борьбы с преступными посягательствами в отношении несовершеннолетних лиц обосновал необходимостью поддержания общественной нравственности, поскольку именно она подвержена негативным тенденциям, в то время как охрана прав и интересов несовершеннолетних выступает дополнительным объектом, нуждающимся в защите. Представленная позиция несколько противоречива и требует теоретического исследования.

В целом установление объекта уголовно-правовой охраны обусловлено сложностью и многообразием общественных отношений, благ и интересов. В нашем случае общественная нравственность по отношению к статусу несовершеннолетнего признается приоритетным объектом уголовно-правовой охраны. В то же время категория «общественная нравственность» – обширное понятие, сконцентрировавшее в себе многочисленные сферы соприкосновения человека и

общества. Э.Ф. Побегайло под общественной нравственностью понимает господствующую в обществе, выработанную населением систему правил поведения (норм), идей, традиций, взглядов о справедливости, долге, чести, достоинстве [8, с. 74]. А.В. Наумов определил общественную нравственность в качестве принципов и норм поведения людей в обществе, выражающих представления о добре и зле, справедливости, общественном долге, гражданственности и т.п. [7, с. 151]. С.Т. Иксатова отмечает, что при совершении посягательств на общественную нравственность нарушается налаженность нормальной нравственной жизнедеятельности общества, происходит дезорганизация его объективной стороны – нравственных отношений – и в то же время причиняется определенный вред его субъективной стороне, индивидуальному сознанию, душевному состоянию людей как субъектов общественных отношений [6, с. 96].

Соответственно, категория «общественная нравственность», предусмотренная уголовным законом, комбинирует в себе различные представления о морали, нравственности, нормах поведения и т.п. Вместе с тем нравственная составляющая общественных отношений, осложненная наличием несовершеннолетнего, вынуждает законодателя акцентировать внимание на лице, имеющем приоритетный статус в сфере обеспечения и защиты прав. В подтверждение сказанному В.Н. Винокуров отмечает, что признаки потерпевшего имеют значение для квалификации не только тогда, когда на него непосредственно оказывается воздействие, но и когда он опосредованно в результате преступления лишается возможности реализовывать свои интересы в различных сферах жизнедеятельности [2, с. 124].

Безусловно, указание в законе на несовершеннолетнего потерпевшего в качестве обязательного признака элемента преступления принципиально для установления конкретных общественных отношений, благ и интересов, которые пострадали от преступного посягательства. К.А. Волков по этому поводу уточняет, что важным критерием, характеризующим преступление против несовершеннолетних, являться совершение уголовно наказуемого общественно опасного деяния, которое причиняет вред (ставит под угрозу причинения) правам и законным интересам ребенка. Необходимо принимать во внимание, что ядром системы преступлений против ребенка являются те составы преступлений, в которых несовершеннолетний потерпевший рассматривается как обязательный признак объекта состава преступления. [3, с. 5]. Правильность установления пострадавшего обусловливает применение уголовно-правовой нормы, охраняющей данный объект. В сложившейся ситуации очевидна необходимость обозначить в качестве основного объекта уголовно-правовой охраны не общественную нравственность, а нравственность несовершеннолетних, которая, как известно, закладывается в раннем детстве, развивается и формируется в состояние общественной духовности и нравственности [5, с. 5].

Исходя из сказанного, считаем ошибочным расположение ст. 240.1 УК РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», поскольку это не дает возможности в достаточной мере обеспечить защиту несовершеннолетних потерпевших от сексуальной эксплуатации. Очевидна необходимость введения данной нормы в главу «Преступления против личности», где объектом уголовно-правовой охраны являются блага и интересы несовершеннолетнего.

Несмотря на то, что норма направлена на защиту несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации, спорным представляется содержание не только объекта уголовно-правовой охраны, но и признаков потерпевшего от преступного посягательства. Отметим, что потерпевшим является физическое лицо, достигшее 16 лет, следовательно, обладающее половой свободой. Половая свобода есть свобода в пределах сложившегося в обществе уклада половых отношений вступать в

половое общение с другими лицами, иным образом удовлетворять свое половое влечение и не допускать какого-либо принуждения или понуждения в этой сфере либо иного игнорирования волеизъявления лица в этом вопросе [7, с. 19]. Соответственно, обозначая возрастной критерий, о половой неприкосновенности следует говорить лишь в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет. Лица в возрасте от шестнадцати лет обладают половой свободой [4, с. 45], в связи с чем необъективным представляется запрет, обращенный к лицу, имеющему полную свободу выбора полового партнера.

Отметим, что диспозиция анализируемой нормы содержит условие предоставления сексуальных услуг – денежное или иное вознаграждение. При этом в законе нет упоминания о применении насилия, его угрозе, наличии материальной или иной зависимости жертвы, об иных условиях предоставления сексуальных услуг. В связи с этим лицо, обладающее свободой выбора полового партнера, не заинтересованное в вознаграждении, предоставляя услуги, не является потерпевшим, поскольку, во-первых, имеет на это право, а во-вторых, за свои услуги не получило материального вознаграждения. В то же время лицо, имеющее право выбора, но предоставляющее аналогичные услуги за денежное вознаграждение, становится потерпевшим, нуждающимся в уголовно-правовой защите. Представляется, что разъяснение данной нормы подтверждает противоречить и алогичность диспозиции статьи, требующей серьезной юридической проработки.

Не менее дискуссионной представляется ситуация, когда инициатором предоставления сексуальных услуг выступает сам несовершеннолетний. Соответственно признание жертвой преступления лица, самостоятельно пожелавшего оказать данные услуги за вознаграждение, исходя из возможности реализации своих законных прав и интересов, представляется нецелесообразным. Это объясняется тем, что общественная опасность данного посягательства обусловлена лишь сексуальной содержательностью самих услуг. В том случае, если несовершеннолетний будет оказывать любые другие услуги, т.е. несексуального характера, получив за это вознаграждение, он не будет нуждаться в уголовно-правовой защите, а лицо, воспользовавшееся данными услугами, не может подлежать уголовной ответственности.

Таким образом, законодательные изменения, направленные на защиту несовершеннолетних от различного рода преступных посягательств, представляются несколько неоднозначными. Во-первых, в законе целесообразно системное закрепление приоритетного объекта уголовно-правовой охраны, к числу которых относится несовершеннолетний. В связи с этим считаем необходимым закрепить данную норму в разделе «Преступления против личности», тем самым подчеркнув, что объектом уголовной правовой охраны выступает несовершеннолетний, а не общественная безопасность и порядок. Во-вторых, указание в законе на наличие одного условия – денежного или иного вознаграждения, представляется достаточно ограниченным. Необходимо предусмотреть иные условия, при наличии которых несовершеннолетний может оказывать услуги, такие как: обман, введение в заблуждение, материальная или иная зависимость, выгоды неимущественного характера. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного закона в области защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации.

Литература

1. Андреева Л.А. Энциклопедия уголовного права. Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. СПб.: ГКА, 2011.

2. Винокуров В.Н. Объект преступления: способы конкретизации, установления и закрепления в законе. Красноярск, 2010.

3. Волков К.А. Преступления против несовершеннолетних: вопросы, требующие решения // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3.
4. Герасимова Е.В. Проблемы уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-1 (48).
5. Духовность и проблемы нравственной культуры современного общества / под ред. А.Н. Алилова, К.М. Алилова, В.Н. Гончарова и др. Новосибирск, 2014.
6. Иксатова С.Т. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2014. Т. 14. № 2.
7. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996.
8. Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею. М., 1990.
9. Фрагмент стенограммы обсуждения законопроекта № 151664-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в части установления ответственности за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего. URL : http://api. duma.gov.ru /api /transcript /151664-6 (дата обращения: 15.02.2015).

УДК 343.54

СЕКСУАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОГО ПРАВА

Пляс Д.Г., преподаватель Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России

В статье исследуются нормы, регламентирующие правовой запрет на сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, закрепленные в основных источниках российского права.

Ключевые слова: источники российского права; сексуальное использование несовершеннолетних; общественная нравственность.

NORMS AGAINST SEXUAL EXPLOITATION OF MINORS IN THE FIXED SOURCES RUSSIAN LAW

Plias D.G., lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article examines the rules governing the legal ban on the sexual exploitation of minors, enshrined in the main sources of Russian law.

Keywords: sources of Russian law; sexual abuse of minors; public morality.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 240.1, предусматривающей ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста. Новелла включена в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Из этого следует, что основным объектом уголовно-правовой охраны выступают отношения в сфере общественной нравственности. Целью принятия указанной статьи является предупреждение совершения противоправных деяний,

связанных с сексуальным использованием несовершеннолетних и, как следствие, борьба с детской проституцией.

Сегодня проблема сексуальной эксплуатации детей приобретает все более глобальный характер, и борьба с этим негативным явлением стала одним из приоритетных направлений уголовной политики многих государств, в том числе и Российской Федерации.

Впервые в уголовном законодательстве России закреплена ответственность за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних. Однако установление правового запрета на получение сексуальных услуг детей и подростков не является новым для российского законодательства, хотя и выражалось это в несколько иных формах.

Первые нормы об ответственности за сексуальные посягательства на несовершеннолетних, одновременно нарушающие нормы общественной нравственности, содержались уже в первых юридических памятниках Древней Руси. Так, например, в Церковных уставах Великих князей Владимира Святославовича и Ярослава, охранявших интересы семьи и несовершеннолетних, к преступным относились следующие посягательства: «заставанье» – прелюбодеяние; «в племени или в сватьстве поимуться» – кровосмешение; «пошибанье» – изнасилование чужой жены или дочери [5, с. 46].

В статье 25 Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. было закреплено, что «будет кто мужского или женского пола, забыв страх Божий и Христианский закон, учнут делать свады жонками и девками на блудное дело, им учинить жестокое наказание» [5]. Так, согласно Толковому словарю В.И. Даля, «блуд», в церковном или книжном смысле, – это незаконное безбрачное сожитие, любодейство [1]. Из формулировки указанной статьи Уложения следует, что ненасильственное склонение женщин и девушек к блуду являлось нарушением положений христианства, а в рассматриваемый период времени это приравнивалось к нарушениям принципов морали и нравственности.

Несмотря на то, что государственная власть в тот период оставалась практически безучастной к проблеме защиты детей от сексуальных посягательств, все же установление ответственности за насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних следует относить к первым попыткам оградить детей от сексуальной эксплуатации. Закрепление в Уложении рассмотренной нормы является свидетельством озабоченности государства проблемой соблюдения принципов нравственности, защиты интересов семьи и несовершеннолетних, что согласовывалось в первую очередь с христианским вероучением.

С развитием российской государственности совершенствовалось и законодательство, а вместе с ним претерпевали изменения и нормы об ответственности за сексуальные преступления против несовершеннолетних, одновременно нарушающие и положения общественной нравственности.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривалась ответственность за ненасильственное «растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста» [6]. Указанная норма была закреплена в отделении I «О преступлениях против чести и целомудрия женщин», помещенном в гл. VI «О оскорблении чести». Несмотря на то, что закрепление указанной нормы в данной главе в первую очередь свидетельствовало о защите половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетнего, однако нормы нравственности также ставились под защиту, в том смысле, что действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних охватывались понятием «растление» и противоречили нормам христианства. В царской России именно нарушение осно-

вополагающих заповедей христианства считалось нарушением норм морали и нравственности.

Следует отметить, что отсутствие в Уложении 1845 г. норм об ответственности за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего как нормы, посягающей на общественную нравственность, обусловлено тем, что в данный период времени в России существовала система регламентации проституции. Получение сексуальных услуг за вознаграждение не противоречило нормам общественной нравственности.

В 1843 г. в ряде городов Российской империи были созданы особые врачебно-полицейские комитеты, в состав которых входили врачи и полицейские. Деятельность комитетов в дальнейшем регламентировалась Положением от 8 октября 1903 г. Нормами Положения определялись обязанности военно-врачебных комитетов, а также было закреплено, что дома терпимости разрешалось открывать женщинам не моложе 35 лет, а заниматься проституцией можно было лишь при достижении 21 года. Дома терпимости в обязательном порядке удалялись от церквей, учебных заведений, общественных мест не менее, чем на 150 саженей (а в Петрограде – на 250); если данное требование не выполнялось, они подлежали закрытию [2]. Установление данных ограничений свидетельствует о том, что государство все же ограждало несовершеннолетних от оказания ими сексуальных услуг и принимало меры по борьбе с детской проституцией.

Однако в условиях регламентации проституции существовала тайная проституция. Несмотря на правовой запрет на занятие проституцией до 21 года, возраст участниц сферы рынка сексуальных услуг был в основном более ранним: с 16 до 17 лет – 15,9 %, с 16 до 21 года – от 77 до 80,5% [3, с. 10].

Следует отметить, что режим регламентации проституции не предусматривал декриминализации ответственности за вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетних и, как следствие, защищал их от сексуальной эксплуатации, что само по себе следует отнести к предпосылкам установления правового запрета на получение сексуальных услуг несовершеннолетнего.

Проведенный хронологический анализ основных источников российского уголовного права позволяет сделать вывод о том, что на протяжении всего периода развития российской государственности совершение насильственных и ненасильственных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних противоречило нормам морали и нравственности, так как противоречило основным положениям христианства, препятствовало нормальному физическому и психическому развитию молодого поколения и, как следствие, развитию здорового и полноценного общества. Осознание этого на государственном уровне способствовало принятию норм, направленных на защиту несовершеннолетних от преступлений сексуального характера. Даже в так называемый период регламентации проституции, как явления в сущности негативного и противоречащего принципам общественной нравственности, хотя и не в рамках проводимой уголовной политики государства, но осуществлялась защита несовершеннолетних от оказания ими сексуальных услуг.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь. URL: http:// www. dic.academic.ru (дата обращения: 13.02.2015).

2. Дизер О.А. История борьбы с проституцией и развитие законодательства в области общественной нравственности. URL: http://www.superinf.ru (дата обращения: 13.02.2015).

3. Покровская М.И. Борьба с проституцией. СПб., 1900.

4. Решетникова Г.А. История развития уголовного законодательства России о преступлениях против семьи и несовершеннолетних до 1917 г. // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 6 (2).

5. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. URL: http:// www.bibliotekar.ru (дата обращения: 12.02.2015).

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: http:// www.bibliotekar.ru (дата обращения: 12.02.2015).

УДК 343.348

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ТЕЛА УМЕРШИХ» В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 244 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

Тертышникова Е.М., адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В данной статье затронуты проблемы толкования термина «тела умерших», предусмотренного ст. 244 УК РФ. В ходе исследования были выявлены подходы к пониманию указанного термина в юридической и в справочной литературе по похоронному делу. На основе проведенного анализа автор предлагает внести коррективы в диспозицию ст. 244 УК РФ.

Ключевые слова: тело умершего; надругательство над телами умерших; останки умершего.

LEGAL PROBLEMS OF DEFINITION OF "DEAD BODY" IN THE CONTEXT OF ARTICLE 244 OF THE CRIMINAL CODE RUSSIA FEDERATION

Tertishnikova E.M., post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article deals with the problems of interpretation of the term "dead bodies" under Article 244 of the Criminal Code. The study identified approaches to the understanding of the term in the law and in the references to the funeral business. As a result of analysis, the authors formulated a proposal to make adjustments to the dispositions of Article 244 of the Criminal Code.

Keywords: corpse; abuse of corpses; the remains of the deceased.

Согласно диспозиции ст. 244 УК РФ, одним из предметов предусмотренного преступного посягательства является тело умершего человека. Несмотря на использование данного понятия в нормативных актах, документах и специализированной литературе по похоронному делу, официального толкования термин «тела умерших» не получил.

Принимая во внимание, что в юридической и в справочной литературе по вопросам осуществления похоронных услуг отсутствует унифицированный подход к интерпретации вышеуказанного понятия, а также ввиду недопущения совершения ошибок при квалификации преступлений, считаем необходимым охарактеризовать один из предметов преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, – тела умерших.

Прежде всего обратим внимание на то, что законодатель при конструировании диспозиции исследуемой статьи перечисляет предметы преступления во

множественном числе, в том числе и тела умерших. По мнению В.А. Смирнова, может возникнуть ситуация, при которой надругательство над телом одного умершего не будет образовывать состав преступления. В целях недопущения этого он предлагает изменить диспозицию статьи, указав возможные предметы преступления в единственном числе, сформулировав ее как «надругательство над телом умершего…» [5, с. 92]. Однако нам представляется верной позиция И.С. Исмагилова и А.С. Шокель, считающих нецелесообразным вносить указанные изменения в Уголовный кодекс России. В качестве аргумента А.С. Шокель приводит тот факт, что в настоящее время у судов и правоохранительных органов сформировалась единообразная практика привлечения лиц к уголовной ответственности как за надругательство над одним телом умершего, так и над несколькими [9, с. 56]. В свою очередь, И.С. Исмагилов предлагает для уяснения смысла уголовно-правовой нормы прибегнуть к приему расширенного толкования. По его мнению, состав преступления налицо, независимо от того, надругался виновный над телом одного умершего человека, либо подобное деяние совершено в отношении тел нескольких лиц [2, с. 40]. Также отметим, что, согласно результатам проведенного нами анкетирования, большинство опрошенных из числа сотрудников правоохранительных органов, отвечая на вопрос о том, допустима ли буквальная трактовка законодательной формулировки ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» в случаях совершения надругательства над одним телом, ответили, что это не принципиально и в приведенных случаях деяние следует квалифицировать по ст. 244 УК РФ.

Возвращаясь к разъяснению понятия «тела умерших», отметим, что большинство авторов придерживаются мнения, что тела умерших – это останки человека после его смерти [6, с. 697; 8, с. 694]. Интересно, что ни в Рекомендациях о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации, ни в ГОСТ Р 53107-2008, устанавливающем термины и определения общих понятий в области похоронного дела, не дана расшифровка термина «тела умерших», однако в них указано, что «останки умерших – это тело умершего или погибшего и (или) его фрагменты» [1]. Полагаем, что данный подход неверен. На наш взгляд, необходимо разграничить в две самостоятельные категории тела умерших и останки умерших. Мы придерживаемся позиции, согласно которой тело умершего – это физическая оболочка ранее живого человека, органы и ткани которого после наступления биологической смерти подвергаются первичным трупным явлениям, таким, как трупное окоченение, трупные пятна, посмертное охлаждение. Указанные трупные изменения не влияют на целостность трупа, происходят до осуществления погребения тела умершего. Вместе с тем под воздействием таких поздних трупных изменений, как гниение, скелетирование, мумификация, происходит процесс разложения органических структур тела умершего, что в результате приводит к появлению останков умершего. Обычно поздние трупные явления происходят после предания тела умершего земле, воде. Таким образом, при обнаружении расчлененных частей тела умершего, не подверженных поздним трупным изменениям, их следует относить не к останкам, а к фрагментам тела умершего человека. Но в случаях выявления частей человеческого скелета, их необходимо причислить к останкам умершего.

Кроме того, предполагаем, что к останкам следует отнести и прах умершего после осуществления кремации его тела. Свою позицию строим, исходя из специфики осуществления процесса кремации, в ходе которого тело умершего предается огню и под воздействием высоких температур внутри печи (порядка 872-1092 ºС) разрушается на отдельные небольшие фрагменты (останки). Данная точка зрения находит подтверждение и в Рекомендациях о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации, в которых указано, что под прахом

подразумеваются останки тела умершего после кремации, извлечения из них инородных предметов (гвозди от гроба и т.п.) и размола в мельнице-кремуляторе [4].

На наш взгляд, совершенно справедливо использование в документах и литературе в сфере похоронного дела наравне с понятием «умерший» синонимичного понятия «погибший», которое является производным от глагола «гибнуть». Словарь С.И. Ожегова трактует его как «подвергаться уничтожению, гибели» [3]. Примечательно, что в ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» законодателем разграничены ситуации, когда сотрудник силового ведомства считается погибшим, а именно в случаях наступления смерти при прохождении военной службы (военных сборов, службы), и умершим – в результате получения увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания в мирное время, которое привело к летальному исходу [7]. Как нам кажется, такое разграничение применимо не только к сотрудникам силовых структур, но и к гражданским лицам. Таким образом, представляется, что погибший человек – это тот, кто умер неестественной смертью, в результате наступления различных явлений и событий.

С учетом результатов проведенного анализа одного из предметов преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, – «тела умерших», для устранения указанных противоречий считаем возможным изложить диспозицию исследуемой статьи следующим образом: «Надругательство над телами, останками умерших (погибших) либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением…». Полагаем, что изложенная редакция устранит спорные вопросы, возникающие при анализе элементов состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, а также позволит избежать проблем при осуществлении квалификации преступления правоприменителем.

Литература

1. ГОСТ Р 53107-2008. Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения (утв. приказом Ростехрегулирования от 18 декабря 2008 г. № 516-ст). URL:http://base.garant.ru/5923128/ (дата обращения: 12.08.2014).

2. Исмагилов И.С., Шарапов Р.Д. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны: монография. М.: Юрлитинформ, 2014.

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка URL: http://www.ozhegov.org/words/5591.shtml (дата обращения: 12.08.2014).

4. Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации, рекомендованные протоколом Госстроя России от 25 декабря 2001 г. № 01-НС-22/1 URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=STR;n=8390 (дата обращения: 12.08.2014).

5. Смирнов В.А**.** К вопросу о возможности привлечения лиц, незаконно изымающих органы и (или) ткани человека, к уголовной ответственности по ст. 244 УК РФ // Сибирский юридический вестник. 2006. № 3 (30).

6. Уголовное право РФ: Общая часть: учеб. / под ред. И.Я. Козаченко. М., 2000.

7. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (в ред. от 29.12.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173007/ (дата обращения: 12.01.2015).

8. Хабаров А.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. пособие и курс лекций для студентов дистанционной формы обучения. Ч.1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005.

9. Шокель А.С. Предупреждение преступлений, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

УДК 343.233:343.234

СОВЕРШЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦАМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ: ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ОЦЕНКА ЗАКОНОДАТЕЛЯ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Ильюк Е.В., доцент кафедры Второго факультета повышения квалификации ИПК Академии СК России (г. Екатеринбург)
кандидат юридических наук, доцент

Судебная практика идет по пути признания психических расстройств, не исключающих вменяемости, в качестве смягчающих обстоятельств. В то же время анализ других статей УК РФ позволяет сделать вывод об учете законодателем криминогенного значения психических расстройств, в том числе педофилии.

Ключевые слова: педофилия; психические расстройства; принудительные меры медицинского характера; смягчающие обстоятельства.

VIOLENT OFFENSES BY PERSONS WITH MENTAL DISORDERS: A CONTROVERSIAL ASSESSMENT OF THE LEGISLATURE AND JUDICIAL PRACTICE

Ilyyuk E.V., chair associate professor of the Second faculty of advanced training IPK Academy of the IC of Russia (Ekaterinburg)
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

Judicial practice is moving towards recognition of mental disorders not excluding sanity, as mitigating circumstances. At the same time, the analysis of other articles of the Criminal Code makes it possible to conclude that the legislator registered criminogenic value of mental disorders, including pedophilia.

Keywords: pedophilia; mental disorders; compulsory medical measures; extenuating circumstances.

Выделяют психические расстройства, которые оказывали влияние на криминальное поведение, и те, которые не повлияли на модель криминального поведения лица (например, получение взятки лицом, страдающим эпилепсией). Рассмотрим те случаи, когда психическое расстройство влияет на модель криминального поведения.

В статье 22 УК РФ законодатель указывает на то, что в силу психического расстройства лицо может не в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, поэтому оно учитывается при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. Законодатель не указал, как психическое расстройство учитывается при назначении наказания. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в п. 14 дал указание судам рассматривать наличие психического расстройства у несовершеннолетних обвиняемых в качестве смягчающего обстоятельства.

Судебная практика по ст. 61 УК РФ идет по пути признания психического расстройства смягчающим обстоятельством для всех категорий обвиняемых, даже при совершении преступлений, повлекших смерть потерпевшего (ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ), и при опасном рецидиве преступлений. Авторы Комментария к

УК РФ под ред. В.М. Лебедева формулируют свою позицию следующим образом: «Психическое расстройство существенно затрудняет работу интеллектуальной и волевой сферы деятельности субъекта, что свидетельствует о его сравнительно *меньшей* степени общественной опасности, а следовательно, должно влиять на снижение меры наказания. *Поэтому данное обстоятельство подлежит учету как смягчающее наказание»* [1]. Авторы Комментария к УК РФ под ред. Г.А. Есакова также включают в перечень смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, психические расстройства [2]. Суды, как правило, учитывают наличие психического расстройства в качестве смягчающего обстоятельства даже в тех случаях, когда одновременно учитывают рецидив (вызванный отсутствием лечения имеющегося психического расстройства) в качестве отягчающего обстоятельства [3].

Безусловно, психическое расстройство затрудняет работу интеллектуальной и волевой сферы психической деятельности, поскольку в основе психического расстройства, как правило, лежит повреждение головного мозга (внутриутробное или в младенческом возрасте), что искажает функционирование психики, исключает способность к адекватному отображению окружающего и осознанному управлению своим поведением, ограничивает способности к свободному выбору действия в криминальной ситуации, при парафилиях (расстройствах сексуального предпочтения) наблюдается снижение саморегуляции, но именно это влияние психических расстройств на поведение человека позволяет рассматривать его влияние в качестве *криминогенного фактора*, не свидетельствующего о меньшей степени общественной опасности указанной категории лиц.

Если в перечне смягчающих обстоятельств в ст. 61 УК РФ наличие психического расстройства все же отсутствует (несмотря на многочисленные предложения включить этот признак в данный перечень в УК РФ), то в перечень отягчающих обстоятельств законодатель включил «привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения», очевидно, оценивая их участие как криминогенный фактор. К перечню отягчающих обстоятельств относятся также совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.., а также совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, мучениями потерпевшего. Нередко лица, совершающие преступления указанным способом и по таким мотивам, имеют психические расстройства, которые и влияют на выбор криминальной модели поведения для решения имеющихся у них проблем. В подпункте «п» ч.1 ст. 63 в качестве отягчающего обстоятельства указано также совершение преступления в отношении несовершеннолетнего лицом, которое его воспитывает, – совершение преступления в этих случаях может быть детерминировано педофилией или другим психическим расстройством.

Статья 73 УК РФ, посвященная применению условного осуждения, исключает применение условного осуждения к лицам, осужденным за половые преступления в отношении несовершеннолетних, значительная доля которых совершается лицами с педофилией или другими психическими расстройствами. Что касается условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, то согласно п. 4^1 ст. 79 УК РФ при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении лица, совершившего в возрасте старше 18 лет преступление в отношении лица до 14 лет и страдающего педофилией, суд учитывает применение принудительных мер медицинского характера, отношение к лечению и результаты судебно-психиатрической экспертизы.

Далее вся глава 15 УК РФ посвящена применению принудительных мер медицинского характера, что свидетельствует о важном значении применения этих мер для предупреждения рецидива со стороны лиц с психическими расстройствами, а

также о заботе о восстановлении здоровья указанных лиц. На наш взгляд, сложившаяся практика рассмотрения психического расстройства как смягчающего обстоятельства, что влечет снижение наказания и уменьшение промежутка времени, когда осужденный находится под контролем психиатра и принимает лечение, не соответствует задачам охраны общественной безопасности и предупреждения преступлений.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 13-е изд. / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 4-е изд. / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. URL: «Правосудие»//sudrf.ru. (дата обращения: 03.10.2014).

УДК 343.3/.7

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НЕЗАКОННОГО МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Замалеева С.В., преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

В настоящей статье автором анализируется зарубежный опыт законодательной регламентации незаконного медицинского эксперимента, который может быть использован в российском уголовном праве.

Ключевые слова: медицинский эксперимент; уголовная ответственность; медицинский работник.

FOREIGN EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF ILLEGAL MEDICAL EXPERIMENT

Zamaleeva S.V., lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

In this article the author analyzes the international experience of legislative regulation of illegal medical experiment. The author comes to the conclusion that foreign experience of legal regulation of the issues of illegal medical experimentation on human subjects can be used in the Russian criminal law.

Keywords: medical experiment; criminal liability; medical professional.

Развитие медицины невозможно без научно-исследовательской работы, составной частью которой является экспериментирование.

Научный эксперимент как один из видов медицинской деятельности всегда осуществляется в условиях медицинского риска. В российском уголовном праве при соблюдении условий правомерности научный эксперимент, произведенный медицинским работником, является обстоятельством, исключающим преступность деяния (ст. 41 УК РФ). В случае нарушения правил проведения научного эксперимента, повлекшего смерть либо вред здоровью пациента, медицинский работник должен подлежать уголовной ответственности.

Научный эксперимент не допустим в тех случаях, когда это напрямую запрещено законодательством Российской Федерации.

Так, Федеральным законом от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» [5] запрещено клонирование человека, т.е. создание

человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека.

Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] в ст. 20 закреплены условия информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства, а в ст. 26 запрещено испытание новых методов профилактики, диагностики, лечения, медицинской реабилитации, а также лекарственных препаратов, специализированных продуктов лечебного питания, медицинских изделий и дезинфекционных средств в отношении лиц, задержанных, заключенных под стражу, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста.

Казалось бы, запреты по некоторым вопросам незаконного экспериментирования есть, однако норм об ответственности за нарушение этих запретов в российском законодательстве не предусмотрено.

В связи с этим интересным представляется зарубежный опыт законодательной регламентации незаконного медицинского эксперимента.

Некоторые зарубежные страны криминализировали проведение незаконных экспериментов на людях, однако медицинский работник в качестве специального субъекта в данных нормах прямо не предусмотрен. К странам, криминализировавшим такие деяния, относятся: Азербайджан (ст. 138 УК), Армения (ст. 127 УК), Казахстан (ст. 114.1 УК), Литва (ст. 308.1 УК), Украина (ст. 142 УК) и Эстония (ст. 124.5 УК) [6–11].

Так, согласно ч. 1 ст. 127 УК Армении, преступлением считается «проведение медицинских или научных опытов на человеке без его свободного волеизъявления или осведомления и надлежащим образом оформленного согласия». УК Азербайджана признает преступлением незаконное проведение биомедицинских исследований или применение запрещенных способов диагностики и лечения, а также лекарственных средств (ст. 138). УК Эстонии предусматривает ответственность за проведение медицинского или научного исследования на человеке, который не давал на это своего действующего согласия (ст. 124.5).

Законодатели Казахстана и Украины установили уголовную ответственность не только за факт пренебрежения принципом информированного согласия пациента на участие в биомедицинских исследованиях, но и за нарушение иных условий осуществления медико-биологических, психологических опытов над человеком. Согласно ч. 1 ст. 114.1 УК Казахстана, на медицинских работников возлагается уголовно-правовая обязанность не нарушать порядка проведения клинических испытаний и применения новых методов и средств профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации. УК Украины (ч. 1 ст. 142) предусматривает ответственность за незаконное проведение медико-биологических, психологических или других опытов над человеком, если это создавало опасность для его жизни или здоровья.

В Литве состоялся судебный процесс над медицинскими работниками, которые проводили незаконные эксперименты над больными, в частности, испытывали на них новые непроверенные препараты. Причем некоторых пациентов даже не предупреждали об этом, других лечили от того, чем они не болели. Два человека, принимавшие лекарства, умерли [2].

С субъективной стороны экспериментирование совершается всегда умышленно. Экспериментатор, совершая какие-либо действия, часто идет на риск, желает наступления благоприятных последствий, но в то же время допускает возможность наступления вредных последствий, надеясь предотвратить их. Наруше-

ние правил проведения медицинского эксперимента есть частный случай преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье человека.

Как отмечает А.Г. Блинов, материально-идеологической основой криминализации незаконного проведения медико-биологических либо психологических исследований над человеком стали нормы международного правового характера, представленные в Нюрнбергском кодексе 1947 г., Хельсинкской декларации 1964 г., Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г., Конвенции Совета Европы о правах человека и биомедицине 1997 г.

Из содержания перечисленных международных правовых документов следует, что главным условием проведения медицинского эксперимента с участием живого человека является обязательное согласие лица, подвергающегося опыту: «Медицинское вмешательство может осуществляться лишь после того, как соответствующее лицо даст на это свое добровольное информированное согласие. Это лицо заранее получает информацию о цели и характере вмешательства, а также о его последствиях и рисках. Оно может в любой момент беспрепятственно отозвать свое согласие» (ст. 5 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины) [1, с. 62].

В отношении уголовной ответственности за нарушение прав и свобод пациента при проведении медицинского эксперимента для отечественной доктрины уголовного права, нормотворческой и правоприменительной практики представляют интерес уголовно-правовые положения, сформулированные в ст. 35 УК Литвы, которая так и называется «Научный эксперимент». Данная статья входит в систему обстоятельств, исключающих уголовную ответственность (гл. V), и регламентирует условия правомерности проведения научного эксперимента. Из содержания ст. 35 УК Литвы следует, что лицо, причинившее вред при проведении законного научного эксперимента, не подлежит уголовной ответственности, если эксперимент проводился по апробированным научным методикам, решаемая проблема имеет исключительное значение для науки, а экспериментатор при этом предпринял необходимые меры предосторожности для предотвращения вреда охраняемым законами интересам. В то же время научный эксперимент запрещается при отсутствии свободного согласия участника в эксперименте, информированного о возможных последствиях. За исключением случаев, предусмотренных законами, запрещен научный эксперимент с беременной женщиной, ее плодом, несовершеннолетним, лицом с нарушенной психикой и лицом, лишенным свободы [1, с. 63-64].

УК РФ не содержит норм, предусматривающих ответственность за подобные действия. Как отмечает Н.Е. Крылова, в России отсутствуют какие-либо специальные нормативные правовые акты об условиях проведения медико-генетических и психологических исследований, экспериментов на эмбрионах человека. Лишь частично эти вопросы решают федеральные законы «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «О временном запрете на клонирование человека», Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 (в ред. от 21.11.2011) «О психиатрической помощи и гарантиях прав при ее оказании». Таким образом, российское законодательство в части биомедицинских исследований на человеке нуждается в совершенствовании [3, с. 203].

Учитывая вышесказанное, считаем, что зарубежный опыт законодательной регламентации вопросов незаконного медицинского экспериментирования на человеке может быть использован в российском уголовном праве.

Литература

1. Блинов А.Г. Уголовно-правовая охрана пациента в международном и зарубежном законодательстве / под ред. Б. Г. Разгильдиева. М., 2010.

2. В Литве судят врачей за незаконные эксперименты над пациентами. URL: http://www.baltic-course.com/rus/drugie_otrasli/&doc=48754 (дата обращения: 18.11.2011).

3. Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006.

4. Российская газета. 2011. 23 ноября.

5. Собрание законодательства РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.

6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред., предисл. И.М. Рагимова; пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. СПб., 2001.

7. Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред. В. Павилониса; пер. с лит. В.П. Казанскене. СПб., 2003.

8. Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. Е.Р. Азаряна, Н.И. Мацнева; пер. с арм. Р.З. Авакяна. СПб., 2004.

9. Уголовный кодекс Республики Казахстан / предисл. И.И. Рогова. СПб., 2001.

10. Уголовный кодекс Украины / науч. ред. и предисл. В.Я. Тация, В.В. Сташиса. СПб., 2001.

11. Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. В.В. Запевалова. СПб., 2001.

УДК 343.346

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНУЮ РАБОТУ ТРАНСПОРТА, В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Петров С.А., старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматривается уголовно-правовое значение состояния опьянения при нарушении правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. Пассажиры и пешеходы, наряду с водителями транспортных средств, нарушают правила дорожного движения, находясь в состоянии опьянения, но при наступлении общественно опасных последствий дифференцированная ответственность за состояние опьянение наступает только для водителей. Представляется, что в Уголовном кодексе РФ имеется достаточно возможностей учитывать состояние опьянения пассажира и пешехода как отягчающее обстоятельство совершения преступления.

Ключевые слова: транспорт; правила дорожного движения; нарушение правил; безопасная работа транспорта; пассажир; пешеход; уголовное право.

VIOLATION OF RULES TO ENSURE TRANSPORT SAFETY WHILE INTOXICATED

Petrov S.A., senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article discusses the importance of criminal law intoxicated in violation of the rules for safe handling of transport. Passengers and pedestrians, along with vehicle drivers violate traffic rules in a state of intoxication, but the occurrence of socially dangerous consequences, differentiated responsibility for the state of intoxication occurs only for drivers. It seems that in the Criminal Code of the Russian Federation there is ample opportunity to consider the state of intoxication passengers and pedestrians, as an aggravating circumstance of the crime.

Keywords: transportation; traffic regulations; violation of the rules; transport safety; passengers; pedestrians; criminal law.

Безопасность дорожного движения относится к числу одной из важнейших проблем в России и требует законодательного регулирования всех участников движения. Одним из факторов, влияющих на дорожно-транспортную безопасность, является нарушение правил дорожного движения лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Закономерно, что законодатель Федеральным законом от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ внес в ст. 264 УК РФ изменения, выделив квалифицирующие признаки, предусматривающие ужесточение наказания за нарушение правил дорожного движения, повлекшее общественно опасные последствия, совершенные лицом в состоянии опьянения [10]. Одно из обстоятельств, позволяющих говорить о необходимости установления уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, – это невозможность установления более строго наказания за управление транспортным средством в состоянии опьянения административно-правовыми средствами [2, с. 41-44].

Внесенные в ст. 264 УК РФ изменения вполне оправданы, так как все транспортные средства представляют источник повышенной опасности, и от водителя требуется концентрация внимания, быстрота реакции и способность правильно и своевременно оценивать ситуацию на дороге и в соответствии с ней незамедлительно принимать решение по управлению транспортным средством. Состояние опьянения нарушает нормальную деятельность лица, понижает самоконтроль и ведет к утрате обдуманности поступков и координации движений [12]. Более того, состояние опьянения является самой опасной и одной из самых распространенных причин аварийности [7, с. 78].

Однако кроме водителей транспортных средств участниками дорожного движения являются пассажир и пешеход, ответственность которых закреплена в Правилах дорожного движения, и на них в полной мере распространено требование соблюдать дорожно-транспортную дисциплину. Нередко пассажир и пешеход, находясь в состоянии опьянения, нарушают правила безопасности движения, создают аварийные ситуации, которые приводят к общественно опасным последствиям, связанным с причинением тяжкого вреда здоровью и гибелью людей по неосторожности.

Учитывая данный фактор, непосредственно влияющий на безопасность дорожного движения, некоторые авторы предлагают изменить редакцию ст. 268 УК РФ, включив состояние опьянения в качестве отягчающего обстоятельства в квалифицирующие признаки данного состава преступления. Они полагают, что пешеход, другие участники движения, указанные в ст. 268 УК РФ, и в меньшей степени пассажир, в состоянии опьянения могут причинить вред безопасности движения и эксплуатации транспорта, соизмеримый с тем, который причиняется лицами, эксплуатирующими транспортные средства [5, с. 107-109].

Более категорично высказывают свою позицию Н.В. Иванцова и А.Л. Сосновский. Им непонятно, почему наряду с изменениями, внесенными в ст. 264 УК РФ, осталась неизменной ст. 268 УК РФ о нарушении правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. Вполне возможно, что эти правила могут быть нарушены лицами, находящимися в состоянии опьянения. Подобные деяния представляют серьезную опасность для лиц, задействованных в сфере дорожного движения, а потому и они должны наказываться не менее строго, чем деяния, предусмотренные ст. 264 УК РФ [4, с. 46-47].

Позиция авторов вполне логична, так как с учетом принципа равенства всех перед законом вполне естественно обеспечить в Уголовном кодексе РФ одинаковую ответственность в отношении всех участников движения за преступные нарушения правил дорожного движения в состоянии опьянения. Однако введение дифференцированной ответственности за нарушение правил безопасности движе-

ния и эксплуатации транспортных средств для пассажиров и пешеходов, на наш взгляд, является неоправданным решением имеющейся проблемы.

В соответствии с п.2.7 Правил дорожного движения водителю запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного). Состояние опьянения снижает уровень контроля водителя за движением транспортного средства, что влечет другое нарушение (например, превышение скорости, выезд на полосу встречного движения, проезд перекрестка на запрещающий сигнал светофора) или существенно затрудняет своевременное принятие мер по корректировке движения (например, непринятие мер к снижению скорости при возникновении опасности) [1, с.4-8].

Пассажиры и пешеходы, являясь участниками дорожного движения, только взаимодействуют с транспортными средствами, и общественно опасные последствия, наступившие по их вине, являются опосредованным вредом в результате их неумышленных действий. Их нельзя приравнивать к водителям, так как в противном случае состояние алкогольного опьянения у пассажира или пешехода должно расцениваться как административное правонарушение, что является абсурдом.

Безусловно, один и тот же человек по своим поведенческим характеристикам ведет себя диаметрально противоположно в трезвом состоянии и состоянии опьянения [9, с. 48-49]. Взаимосвязь алкоголизма с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств обусловлена общностью социально-психологических корней этих явлений и возможностью формирования под влиянием алкоголя преступного поведения виновного в совершении рассматриваемых преступлений. Осмотрительность, благоразумие покидает опьяневшего человека, создавая тем самым почву для неосторожного причинения смерти, вреда здоровью, уничтожения или повреждения чужого имущества [6, с. 125-127].

Если пассажиры и пешеходы, являющиеся ежедневно субъектами правоотношений, складывающихся в области дорожно-транспортной безопасности, по каким-либо причинам и приводят себя в состояние алкогольного опьянения, то они должны нести правовую ответственность за совершение в таком состоянии деяния, но не за сам факт употребления алкоголя. В данном случае, по мнению некоторых авторов, исследовавших содержание субъективной стороны преступления, происходит нарушение причинно-следственной связи между возникновением состояния алкогольного опьянения и преступными последствиями. Причинной связи между употреблением спиртного и наступлением последствий нет [3, с. 23]. Следует отметить, что пассажир и пешеход – это пассивные участники дорожного движения, чье поведение в большей степени зависит от дорожной обстановки, складывающейся в результате управления транспортными средствами.

Кроме того, установление ответственности пассажиров и пешеходов в зависимости от состояния опьянения влечет необходимость законодательно определиться с остальными преступлениями, совершаемыми в состоянии алкогольного опьянения. Проблема уголовно-правовой оценки и назначения наказания за умышленные и неосторожные преступления против личности, в быту, совершенные лицом в состоянии опьянения, является не менее актуальной, чем нарушение правил безопасности на транспорте пассажирами и пешеходами.

И все же совершенно очевидно, что ответственность пассажиров и пешеходов за нарушение правил дорожного движения в состоянии опьянения, повлекшее общественно опасные последствия, должна быть строже. По мнению Е.В. Медведева, в настоящий момент для этого имеется достаточный юридический потенциал. Он заключен в санкциях соответствующих норм, которые предоставляют широкий выбор видов наказаний и пределов их применения [8, с. 13-16].

Решением данного вопроса стало и принятие Федерального закона от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ, который внес изменения в ст. 63 УК РФ, дополнив ее

ч. 1.1, предусматривающей, что судья, назначающий наказание в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения [11].

Наличие данной уголовно-правовой нормы в Общей части УК РФ вполне целесообразно, так как, во-первых, она будет иметь общепревентивное значение, а во-вторых, с учетом обстоятельств совершения преступления предоставляет возможность учитывать состояние алкогольного опьянения как отягчающее обстоятельство при назначении наказания.

Данный подход, предусматривающий учет состояния пассажира или пешехода, в котором он находился при нарушении правил дорожного движения, в полной мере соответствует социальной сущности и природе рассматриваемого обстоятельства и обеспечивает назначение адекватного и справедливого наказания.

Литература

1. Арзамасцев М. Состояние опьянения как квалифицирующий признак дорожно-транспортного преступления // Уголовное право. 2010. № 1.

2. Бохан А.П., Иванов В.Д. Управление транспортным средством в состоянии опьянения: уголовная или административная ответственность? // Юрист-правовед. 2013. № 5 (60).

3. Векленко С.В., Бавсун М.В., Фаткулина М.Б. Вина и ответственность в уголовном праве. Омск, 2009.

4. Иванцова Н.В., Сосновский А.Л. Безопасность движения: уголовно-правовой аспект // Законность. 2009. № 9.

5. Козун А.В. О совершенствовании признаков состава преступления, предусмотренного статьей 268 Уголовного кодекса РФ // Современное право. 2012. № 11.

6. Линкевич А.Е. Состояние опьянения как квалифицирующий признак нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и его социально-правовая обусловленность // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6.

7. Лукьянов В.В. Безопасность дорожного движения. М., 1979.

8. Медведев Е.В. Средства уголовно-правового обеспечения транспортной безопасности в УК России и зарубежных странах // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 3.

9. Спасенков С.Б. Опьянение как обстоятельство, отягчающее наказание // Человек: преступление и наказание. М., 2008. № 2 (61).

10. Федеральный закон от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ «О внесении изменений в статью 264 УК РФ».

11. Федеральный закон от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в статью 63 УК РФ».

УДК 343.72

ИТОГИ ВВЕДЕНИЯ СТАТЬИ 159.4 В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РФ

Кошкина В.В., преподаватель-методист учебного отдела
Владивостокского филиала Дальневосточного
юридического института МВД России

В статье анализируются внесенные в Уголовный кодекс РФ изменения, касающиеся такого состава преступления, как мошенничество, в частности, введение ст. 159.4 УК РФ. Автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: мошенничество; мошенничество в сфере предпринимательской деятельности; дифференциация мер уголовно-правового воздействия.

THE RESULT OF THE INTRODUCTION OF THE ARTICLE 159.4 IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Koshkina V.V., lecturer-methodist of educational department
of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article analyzes the changes made to the criminal code of the Russian Federation relating to such corpus delicti as fraud, in particular the introduction of the article 159.4 of the criminal code of the Russian Federation, moreover the question reflects the need for changes to the Criminal Code of the Russian Federation

Keywords: fraud; fraud in the sphere of entrepreneurial activity; differentiation of measures of criminal and legal influence.

Уголовное законодательство в том виде, в котором оно существует в настоящее время, – это результат большой работы органов законодательной власти Российской Федерации. В 2012 г. возникла необходимость в принятии со стороны государства мер, способных повлиять на снижение роста количества преступлений, совершенных в экономической сфере, в том числе преступлений, связанных с мошенничеством. В связи с этим 29 ноября 2012 г. был принят Федеральный закон № 207-ФЗ [4], который внес изменения в п. 4 примечаний к ст. 158, 159, а также ввел новые составы мошенничества, отличающиеся друг от друга по способу совершения мошеннических действий. В частности, на сегодняшний день в Уголовном кодексе РФ закреплены следующие специальные составы: мошенничество путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений (ст. 159.1 УК РФ); мошенничество при получении различных социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ); мошенничество с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты (ст. 159.3 УК РФ); мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 154.4 УК РФ); мошенничество путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу (ст. 159.5 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

До внесения изменений все из вышеперечисленных составов охватывались общим составом мошенничества, закрепленном в ст. 159 УК РФ. Статья 159.4 о мошенничестве, совершенном специальным субъектом – предпринимателем, появилась по инициативе уполномоченного при Президенте РФ по правам предпринимателей Бориса Титова. Именно он предложил разделить ст. 159, действующую на тот период, на шесть составов, среди которых и был состав преступления, предусмотренный ст.159.4 УК РФ.

Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности в законе понимается достаточно узко. Так, в части 1 ст. 159.4 УК РФ указано, что к такому преступлению следует относить мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. При этом данное понятие уточняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста». Согласно п. 8 данного постановления, под мошенничеством в сфере предпринимательской деятельности понимаются такие преступления, которые совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской

деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью [3].

Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, выделение видов указанного противоправного деяния в отдельные составы (в том числе это касается и состава ст. 159.4) было вызвано необходимостью дифференцировать меры уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших мошеннические действия, в зависимости от сферы совершения указанных действий, а также от предмета и способа совершения преступлений. Кроме того, обращалось внимание на значительный удельный вес преступлений, связанных с мошенничеством, в общем количестве выявленных экономических преступлений, который за последние 5 лет увеличился почти в 1,5 раза.

Анализ данных по расследованию преступлений экономической направленности, связанных с мошенничеством, за 2014 г. показал, что число уголовных дел, возбужденных по ст.159.4 УК РФ, по сравнению с прошлым годом увеличилось с 13 до 45, то есть динамика в процентном соотношении составила +246%. Совершение преступлений, предусмотренных иными специальными статьями мошенничества, также увеличилось: ст. 159.1 УК РФ – со 182 до 208 (рост составил +14,3%); ст. 159.2 УК РФ – со 120 до 189 (+57,5%); ст. 159.5 УК РФ – с 1 до 10 (+900%). В то же время произошло снижение количества преступлений, возбужденных по ст. 159.3 УК РФ, – с 17 до 15 (-11,8%), а также по так называемой общей норме – по ст. 159 УК РФ – с 377 до 161 (-57,2%)[*].

Представляется, что отраженный в статистике рост числа мошеннических преступлений, прежде всего, связан с ростом их регистрации. Выделение указанного состава в отдельную, специальную статью упростило ее выявление, поскольку больше нет необходимости выделять из общей нормы (ст. 159 УК РФ) специальные признаки, которые бы подтвердили факт совершения мошеннических действий именно в предпринимательской сфере, т.к. данные признаки уже отражены в диспозиции ст. 159.4.

При этом, если отсутствуют специальные признаки, отраженные в ст. 159.1-159.6 УК РФ, статья 159 УК РФ действует как общая норма для остальных видов мошенничества.

Выделение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в отдельный состав подтверждает тот факт, что рост преступлений в данной сфере не прошел незаметно для государственных органов, и законодатель правильно и вовремя отреагировал на их появление, выделив их в специальные статьи УК РФ. Криминализация данного противоправного деяния, по нашему мнению, будет способствовать снижению числа указанного вида преступной деятельности, в том числе за счет снижения уровня латентности данных преступлений.

Однако вовремя отреагировать государству на появление чего-то нового не достаточно, необходимо отреагировать «правильно», сопоставив вводимые нормы с действующим законодательством. Ведь преступники любую недоработку со стороны законодательного органа используют с выгодой для себя.

Поскольку объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ, совершается с прямым умыслом, «предприимчивые» мошенники заранее готовятся к совершению преступления, в том числе изучают и установленный в законе размер и вид наказания, а точнее, факт несоразмерности наказания за данное преступление в сравнении с общей нормой. Несомненно, разница между 5 годами лишения свободы (ч. 3 ст. 159.4 УК РФ), что соответствует категории преступлений средней тяжести, и лишением свободы на срок до 10 лет (ч. 4 ст. 159 УК РФ) – тяжкому преступлению, существенна. Этим умело пользуются преступ-

[*] По данным Информационного центра УМВД России по Приморскому краю за 2014 г.

ники, замышляющие мошеннические действия. По этой же причине количество преступлений, предусмотренных ст.159.4 УК РФ, значительно больше числа преступлений, квалифицируемых по общей норме.

При проведении анализа ст. 159.4 Конституционный Суд РФ «счел наказание за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности несоразмерно мягким» [2]. И с этим нельзя не согласиться, ведь даже несмотря на то, что в ст. 159.4 УК РФ отсутствуют такие квалифицирующие признаки объективной стороны, как совершение мошенничества группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения, организованной группой, или мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение, общественная опасность данного деяния нисколько не ниже (а в некоторых случаях даже выше) общей нормы мошенничества.

Кроме того, согласно статистическим данным за 2014 г., со ст. 159 УК РФ на ст. 159.4 был переквалифицирован 601 приговор, что, по нашему мнению, свидетельствует о слишком либеральной уголовно-правовой политике. Несоразмерность наказания совершенным преступлениям формирует неверие пострадавших в справедливое наказание. Данный факт способствует снижению количества обращений в правоохранительные органы, что, в свою очередь, влияет на латентность мошеннических действий. Как следствие, с заявлениями в ОВД о привлечении виновных к ответственности обращаются только те лица, которые надеются, что мошенники понесут заслуженное наказание, при этом потерпевшие получат моральную компенсацию [1, с. 92].

Таким образом, государство, предпринимая на законодательном уровне меры борьбы с мошенничеством, в некоторых случаях само и порождает его рост, давая возможность «предприимчивым» мошенникам понести менее суровое наказание, чем «простые» мошенники, преступные действия которых подпадают под признаки объективной стороны ч. 3 ст. 159 УК РФ. В связи с этим в течение установленного Конституционным Судом РФ периода (6 месяцев) для изменения данной нормы законодателю необходимо более глубоко и детально проработать положение ст. 159.4 УК РФ и внести соответствующие изменения в Уголовный кодекс РФ.

Литература

1. Семина Л.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты мошенничества. Краснодар, 2002.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 3.

УДК 343.34

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ, СОВЕРШЕННОЙ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Выходцева С.А., следователь по особо важным делам следственной части СУ Управления на транспорте МВД России по ДФО

Статья посвящена уголовно-правовой оценке незаконной рубки лесных насаждений, совершенной на особо охраняемой природной территории. С учетом анализа юридических признаков, составов экологических преступлений, анализируются актуальные проблемы квалификации преступлений.

Ключевые слова: особо охраняемая природная территория; экологические преступления; вопросы квалификации преступлений.

FEATURES OF THE CLASSIFICATION OF FOREST PLANTATIONS ILLEGAL FELLING COMMITTED IN A SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORY

Vykhodtseva S.A., the investigator for particularly important cases of the investigatory part of Investigatory Management of transport of the Ministry of Internal Affairs of the Russia on Far East Federal district

The article is devoted to criminal-legal assessment of the illegal felling of forest plantations committed in a specially protected natural territory. Based on the analysis of legal characteristics, formulations of environmental crimes, current issues of crimes qualification are analyzed.

Keywords: specially protected natural area; environmental crimes; issues of crimes qualification.

Особо охраняемыми природными территориями являются полноценные экологические системы, в которых взаимосвязано друг с другом функционируют все элементы экосистемы (растительный, животный мир, водные растения и животные и т.д.). В связи с этим уголовно-правовая защита особо охраняемых природных территорий осуществляется действующим уголовным законодательством с помощью целого ряда уголовно-правовых норм. Кроме ст. 262 УК РФ «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов» уголовная ответственность за некоторые виды нарушений режима особо охраняемых природных территорий предусмотрена отдельными, самостоятельными статьями Уголовного кодекса РФ, а именно загрязнение вод (ст.250 УК РФ), загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ), порча земли (ст. 254 УК РФ), незаконная добыча водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), незаконная охота (ст. 258 УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), уничтожение либо повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ). Наличие большого количества уголовно-правовых норм, обеспечивающих защиту особо охраняемых природных территорий в уголовном законодательстве РФ, влечет за собой проблемы и спорные вопросы при квалификации деяний, заключающихся в нарушении режима особо охраняемых природных территорий и образующих самостоятельные составы преступлений, в частности, спорным представляется вопрос квалификации незаконной рубки лесных насаждений, совершенной на особо охраняемых природных территориях.

По мнению большинства ученых (Э.Н. Жевлакова [1], Н.А. Лопашенко [2, с. 346], И.Г. Травиной, В.Д. Ларичева [3, с. 90], О.В. Шариповой [4, с. 18] и др.), в случае, если незаконная рубка лесных насаждений влечет причинение значительного ущерба особо охраняемой природной территории как целостной экосистеме, содеянное предлагается квалифицировать по совокупности со ст. 262 УК РФ.

Анализ вынесенных процессуальных решений по вопросу квалификации действий лиц, совершивших незаконную рубку лесных насаждений на особо охраняемых природных территориях, свидетельствует об отсутствии в судебно-следственной практике единой позиции по данному вопросу. В одних случаях деяния, заключающиеся в незаконной рубке лесных насаждений на особо охраняемых природных территориях, причинившие значительный ущерб, квалифицируются по совокупности ст. 262 и 260 УК РФ, в других – только по ст. 260 УК РФ. Примером квалификации незаконной рубки лесных насаждений по совокупности может служить приговор Тверского областного суда от 15 марта 2011 г., вынесенный по уголовному делу № 48/2010. Действия организованной группы были квалифицированы по совокупности ст. 260 и 262 УК РФ. В ходе судебного следствия было установлено, что в период с 19 по 30 сентября 2009 г. по указанию Русакова С.Е. члены организованной преступной группы, не имея разрешительных документов, осуществляли незаконную рубку лесных насаждений, а именно, 29 деревьев породы сосна общей кубатурой 32,50 м^3 и 7 деревьев породы ель общей кубатурой 7,18 м^3 на территории государственного природного заказника «Исток реки Волга», которая является особо охраняемой природной территорией, причинив значительный ущерб в размере 1 556 013 рублей [5]. Действия виновных лиц были квалифицированы по совокупности ч. 3 ст. 260 УК РФ и ст. 262 УК РФ.

Примером квалификации деяний, заключающихся в незаконной рубке лесных насаждений, совершенных на особо охраняемой природной территории, без совокупности ст. 262 и 260 УК РФ является приговор Пий-Хемского районного суда Республики Тыва [6], согласно которому были осуждены Н. и С. за совершение преступления, предусмотренного ст. 260 ч. 3 УК РФ. Из материалов дела следует, что Н. и С. совершили незаконную рубку лесных насаждений (31 незаклейменных стволов сибирской лиственницы) в квартале № 76 выдела № 17 Государственного учреждения «Кызылское лесничество», находящегося в местечке «Ловушка» государственного природного заказника «Тайга» Пий-Хемского района Республики Тыва, причинив ущерб в сумме 569 700 рублей, что является особо крупным размером. Действия Н. и С. были квалифицированы по ст. 260 УК РФ без совокупности со ст. 262 УК РФ. Другой пример. 28 января 2010 г. Воткинским городским судом был вынесен обвинительный приговор [5] в отношении гр. В., который совершил незаконную рубку лесных насаждений на территории национального парка «Нечкинский», причинив особо охраняемой природной территории ущерб в размере 1 100 000 рублей. В соответствии с п. 28 Положения о федеральном государственном учреждении «Национальный парк «Нечкинский», утвержденного приказом Министерства природных ресурсов РФ от 26 марта 2009 г. № 72, на территории национального парка запрещена любая деятельность, которая может нанести ущерб природным комплексам и объектам растительного и животного мира и которая противоречит целям и задачам национального парка, в том числе рубки главного пользования и проходные рубки. Действия гр. В. были квалифицированы по ст. 260 УК РФ без совокупности со ст. 262 УК РФ.

Анализ приостановленных уголовных дел[*], возбужденных по ст. 260 УК РФ, из материалов дела которых следует, что незаконная рубка лесных насаждений была совершена на особо охраняемой природной территории, несмотря на значи-

[*] Архив ОВД Хабаровского района Хабаровского края.

тельный ущерб, причиненный особо охраняемой природной территории, и наличие деяний, нарушающих режим охраны, свидетельствует о том, что уголовные дела по фактам нарушения режима особо охраняемых природных территорий, причинившие значительный ущерб, не возбуждались.

Проведенный опрос сотрудников следственных подразделений, органов дознания, прокуратуры и суда по вопросам квалификации деяний, заключающихся в незаконной рубке лесных насаждений на особо охраняемой природной территории, показал наличие диаметрально противоположных взглядов по данному вопросу. Так, на вопрос, необходима ли квалификация преступлений по совокупности ст. 260 и 262 УК РФ в случае, если незаконная рубка лесных насаждений была совершена на особо охраняемой природной территории, 58 опрошенных респондентов (что составляет 52%) ответили, что совокупность необходима, так как диспозиция ст. 260 УК РФ не охватывает деяний, предусмотренных ст. 262 УК РФ; 23 респондента (что составляет 20%) ответили, что совокупность необходима только при условии, что положением об особо охраняемой природной территории незаконная рубка предусмотрена в качестве нарушения режима охраны; 31 респондент (что составляет 28%) ответил, что квалификации по совокупности не требуется[*].

Учитывая изложенное, в силу наличия различных категорий особо охраняемых природных территорий с различными режимами охраны, некоторые из которых не содержат запрета на совершение рубок лесных насаждений, следует определить четкие критерии для квалификации действий лиц, совершивших незаконную рубку лесных насаждений на особо охраняемых природных территориях, по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 260 и 262 УК РФ.

На наш взгляд, деяния лица, совершившего незаконную рубку лесных насаждений на особо охраняемой природной территории, необходимо квалифицировать по совокупности преступлений только при соблюдении определенных условий.

Учитывая объективную сторону указанных преступлений, в случае совершения незаконной рубки на особо охраняемой природной территории, для квалификации деяния по совокупности преступлений, на наш взгляд, необходимо наличие следующих условий:

1. Совершение рубки лесных насаждений в нарушение лесного законодательства РФ.

2. Совершение рубки лесных насаждений в пределах особо охраняемой природной территории (только в пределах территории заповедников, заказников, национальных парков, памятников природы, природных парков, дендрологических парков и ботанических садов, лечебно-оздоровительных местностей и курортов, образованных в установленном порядке).

3. Режим охраны ООПТ, на котором произведена незаконная рубка лесных насаждений, должен предусматривать запрет на проведение рубок.

4. В результате незаконной рубки причинен значительный ущерб особо охраняемой природной территории как полноценной экологической системе.

С учетом соблюдения означенных выше условий, незаконная рубка лесных насаждений на особо охраняемой природной территории должна квалифицироваться по совокупности ст. 260 и 262 УК РФ.

В связи с изложенным, в целях оптимизации уголовно-правовой защиты особо охраняемых природных территорий и устранения проблем, связанных с квалификацией незаконной рубки лесных насаждений на особо охраняемых природных территориях, представляется необходимым разъяснить в Постановлении

[*] По данным авторского исследования.

Пленума Верховного Суда РФ условия квалификации незаконной рубки лесных насаждений на особо охраняемых природных территориях по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 260 и 262 УК РФ.

Литература

1. Жевлаков Э.Н. Уголовно-правовая охрана окружающей природной среды в Российской Федерации. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. Доступ из СПС «Гарант».
2. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2009.
3. Травина И.Г., Ларичев В.Д. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с незаконной рубкой лесных насаждений: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2008.
4. Шарипова О.В. Уголовная ответственность за незаконную порубку деревьев и кустарников, уничтожение или повреждение лесов: по материалам Дальневосточного региона: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006.
5. URL: http://votkinskiygor.udm.sudrf.ru/modules (дата обращения: 17.01.2013).
6. URL: http://piy-hemskiy.tva.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=125&cl=1 (дата обращения: 23.11.2012).

УДК 343.352

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Соловьев В.С., преподаватель Воронежского института МВД России кандидат юридических наук

В статье исследуется практика квалификации получения взятки за незаконные действия, обращается внимание на неопределенность ч. 3 ст. 290 УК РФ, делается предложение, направленное на совершенствование правоприменения.

Ключевые слова: получение взятки; незаконные действия (бездействие); квалификация преступлений.

CONTROVERSIAL ISSUES OF QUALIFICATION OF A BRIBE FOR ILLEGAL ACTIONS

Solovyev V.S., lecturer of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

This article is devoted to analysis of the practice of obtaining qualifications bribe for illegal actions, the author pays attention to the uncertainty of part 3 art. 290 of the Criminal Code, a proposal to judicial enforcement was made.

Keywords: accepting a bribe; illegal actions (inaction); qualification of crimes.

Как и другие преступления, охватываемые собирательным понятием взяточничество, получение взятки (ст. 290 УК РФ) имеет свои проблемные моменты в квалификации. Одной из таких проблем является квалификация преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, то есть получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации взятки за незаконные действия (бездействие). Соответ-

ственно с аналогичными проблемами можно столкнуться и при квалификации преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ.

Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [1] (далее – ППВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24) под незаконными действиями (бездействием), за совершение которых должностное лицо получило взятку (ч. 3 ст. 290 УК РФ), предлагается понимать действия (бездействие), которые: совершены должностным лицом с использованием служебных полномочий, однако в отсутствие предусмотренных законом оснований или условий для их реализации; относятся к полномочиям другого должностного лица; совершаются должностным лицом единолично, однако могли быть осуществлены только коллегиально либо по согласованию с другим должностным лицом или органом; состоят в неисполнении служебных обязанностей; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать. По всей видимости, взяткодатель должен привлекаться к уголовной ответственности за незаконную передачу вознаграждения должностному лицу в целях совершения последним аналогичных действий.

Анализ правоприменения показывает, что в судебной практике имеются проблемы с пониманием содержания незаконных действий взяткополучателя, а приведенное положение Постановления Пленума Верховного Суда охватывает не все возможные варианты таких действий.

В качестве иллюстраций противоречивости понимания незаконных действий взяткополучателей можно привести выдержки из приговоров судов, касающихся действий по оформлению процедуры приема в гражданство России, совершенных за незаконное вознаграждение.

Так, «К. в период времени с февраля 2010 года по июнь 2010 года с целью реализации преступного умысла, направленного на дачу взятки, получив в аэропорту пакет документов, необходимый для подачи заявления о приеме в гражданство Российской Федерации гражданки Кыргызской Республики Ф., прибыла в служебный кабинет отделения Управления Федеральной миграционной службы России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре в г. Когалыме, где умышленно, осознавая, что действует незаконно, достоверно зная, что в обязанности должностного лица входит осуществление приема заявлений от иностранных граждан и лиц без гражданства о приеме в гражданство Российской Федерации, совершила дачу взятки неустановленному должностному лицу в виде денег в сумме 4000 рублей в качестве благодарности за незаконный внеочередной прием заявления о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке и документов к нему в отношении гражданки Кыргызской Республики Ф., без обязательного участия данного иностранного гражданина»[*]. Деяние было квалифицировано как дача взятки должностному лицу за совершение заведомо незаконных действий.

Другой пример. К., находясь в служебном кабинете, расположенном в здании отдела УФМС России по Волгоградской области, являющимся рабочим местом инспектора Б., реализуя умысел на дачу взятки должностному лицу за совершение ею законных действий, лично передал Б. взятку за действия, входящие в ее полномочия, заключающиеся в постановке на учет иностранных граждан, когда К. выступал принимающей стороной. Представляемые им для регистрации документы соответствовали всем требованиям Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Б. принимала представляемые им документы без очере-

[*] Уголовное дело № 1-73/2011 по обвинению К. // Архив Когалымского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

ди, проверяя и оформляя их незамедлительно, лично получила от К. в качестве взятки денежное вознаграждение за законное оформление учета не менее 3 неустановленных иностранных граждан, прибывших на территорию Тракторозаводского района г. Волгограда, после чего приняла у него без очереди документы, по которым К. выступал принимающей стороной для указанных иностранных граждан, и, убедившись в соответствии документов требованиям Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ, действуя в пользу представляемых К. лиц, произвела их постановку на учет по месту пребывания[*]. В данном случае деяние по ч. 3 ст. 291 квалифицировано не было.

Из рассмотренных примеров видно, как аналогичные по сути своей действия («незаконный внеочередной прием заявления о приеме в гражданство Российской Федерации» и «принимала представляемые им документы без очереди, проверяя и оформляя их незамедлительно») влекут разную юридическую квалификацию.

В приведенных ситуациях имело место нарушение подзаконного акта – Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации [2], хотя предусмотренные законом основания и условия для реализации должностным лицом своих полномочий формально имелись. Таким образом, исходя из буквального толкования текста п. 6. ППВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24, действия должностных лиц не носили незаконный характер.

По всей видимости, имеет место пробел в толковании норм уголовного закона Верховным Судом РФ, для устранения которого предлагается следующая редакция п. 6 ППВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24: «Под незаконными действиями (бездействием), за совершение которых должностное лицо получило взятку (часть 3 статьи 290 УК РФ), следует понимать действия (бездействие), которые: совершены должностным лицом с использованием служебных полномочий, однако в отсутствие предусмотренных законом оснований или условий для их реализации; совершены должностным лицом с нарушением порядка (процедуры) их реализации; относятся к полномочиям другого должностного лица; совершаются должностным лицом единолично, однако могли быть осуществлены только коллегиально либо по согласованию с другим должностным лицом или органом; состоят в неисполнении служебных обязанностей; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

К таким действиям, в частности, относятся фальсификация доказательств по уголовному делу, неисполнение предусмотренной законом обязанности по составлению протокола об административном правонарушении, принятие незаконного решения на основании заведомо подложных документов, внесение в документы сведений, не соответствующих действительности.

Получение должностным лицом взятки за использование должностного положения в целях способствования совершению другим должностным лицом незаконных действий (бездействия) по службе надлежит квалифицировать по ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Нарушение порядка (процедуры) реализации служебных полномочий может выражаться в нарушении процессуального законодательства, административных регламентов, положений, инструкций, уставов и других нормативных актов, регламентирующих процессуальные (процедурные) аспекты деятельности должностного лица».

[*] Уголовное дело № 1-45/2011 по обвинению К. // Архив Тракторозаводского районного суда г. Волгограда.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 03.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

2. Приказ ФМС России от 11 сентября 2012 г. № 288 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» (в ред. от 21.01.2014) // Российская газета. 2013. № 83.

УДК 343.3/.7

КВАЛИФИКАЦИЯ ОБОРОТА ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Заблоцкая А.Г., кандидат юридических наук, доцент;
Третьякова Е.И., преподаватель Восточно-Сибирского института МВД России

Статья посвящена проблемным вопросам квалификация оборота фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок.

Ключевые слова: квалификация; оборот фальсифицированных лекарственных средств; здоровье.

QUALIFICATION OF THE COUNTERFEIT MEDICINE TRAFFICKING IN THE LIGHT OF CHANGES IN THE CRIMINAL LAW

Zablotskaya A.G., *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor;
Tretyakova L.I., lecturer of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article deals with problematic issues qualificationof counterfeit, substandard and unregistered medicines, medical devices and dietary supplements.

Keywords: qualification; counterfeit medicine trafficking; human health.

В центре системы национальной безопасности находятся жизненно важные интересы личности и государства в целом, которые можно определить как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития личности, общества и государства.

В структуре данных интересов одно из центральных мест в социальной сфере занимает здоровье населения, так как оно является одним из основных условий, обеспечивающих развитие государства, и рассматривается в качестве одного из существенных факторов, формирующих национальную безопасность страны.

Здоровье человека в настоящее время все чаще становится объектом преступных посягательств. В соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ здоровье определяется как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. Охрана здоровья – система мер политического, экономического, правового, социального, научного, ме-

дицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи. Прослеживается четкая взаимосвязь здоровья населения и проводимых лечебно-профилактических мероприятий, которые, в свою очередь, основываются на качестве, эффективности и своевременности лекарственного обеспечения. Криминализация сферы лекарственного обеспечения, прежде всего, связана с оборотом фальсифицированных лекарственных средств. Опасность данного явления заключается не в причинении материального ущерба государству или фармпроизводителям, а в угрозе причинения или в причинении вреда охраняемому уголовным законом объекту – здоровью населения. В связи с этим обоснованно встает вопрос о необходимости противодействия данному явлению посредством применения норм уголовного законодательства.

Противодействие обороту фальсифицированных лекарственных средств уголовно-правовыми методами стало возможным только недавно. 31 декабря 2014 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок», который ввел в УК РФ ст. 238.1 «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок».

Изменение уголовного законодательства в данной сфере выглядит логично, поскольку ранее, ввиду отсутствия специальной нормы, квалификация рассматриваемого деяния происходила по ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство». Если при этом потребители были обмануты относительно легальности производства, подлинности, потребительских свойств или качества лекарственных средств, то такие действия могли быть дополнительно квалифицированы по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», что является не совсем правильным. Все эти нормы являются общими к ответственности за оборот фальсифицированных лекарственных средств и содержат признаки только некоторых элементов состава рассматриваемого преступления, что противоречит требованиям квалификации преступлений, наиболее важным из которых признается ее точность, под которой понимают четкое указание в соответствующем процессуальном акте на статью (ее часть и (или) пункт) Уголовного кодекса. Поэтому привлечение виновных к уголовной ответственности происходило за совершенно иные преступления, а это не позволяло обеспечить дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию наказания за совершение оборота фальсифицированных лекарственных средств.

Введенная в уголовное законодательство норма не имеет практического применения. Но уже на данном этапе можно выделить некоторые недостатки. Так, норма предусматривает наступление уголовной ответственности только при производстве, сбыте или ввозе на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий.., совершенных в крупном размере. В соответствии с ФЗ «Об обращении лекарственных средств» обра-

щение лекарственных средств – разработка, доклинические исследования, клинические исследования, экспертиза, государственная регистрация, стандартизация и контроль качества, производство, изготовление, хранение, перевозка, ввоз в Российскую Федерацию, вывоз из Российской Федерации, реклама, отпуск, реализация, передача, применение, уничтожение лекарственных средств. Понято, что не все действия, включенные в понятие обращения лекарственных средств, необходимо относить к объективной стороне исследуемого состава, в силу разных причин, но и исключение некоторых из них неправильно.

Так, не совсем понятна позиция законодателя относительно таких способов совершения рассматриваемого преступного деяния, как изготовление и хранение. Можно это, конечно, связать с тем, что в соответствии с ФЗ «Об обращении лекарственных средств» производство – это деятельность по производству лекарственных средств организациями-производителями лекарственных средств на одной стадии, нескольких или всех стадиях технологического процесса, а также по хранению и реализации произведенных лекарственных средств (ст. 4). Данное определение понятия производства не совсем удачное, страдает тавтологией и не отвечает потребностям правоприменения. В законе производство определено как деятельность одного хозяйствующего субъекта, который собственную продукцию не только производит, но и хранит и реализует. По нашему мнению, хранение и реализация должны выделяться в отдельные стадии, независимо от того, совершает эти действия производитель или другое лицо, т.к. для каждой стадии существуют свои обязательные условия правомерной (технологической) деятельности.

Вообще появление на фармрынке лекарственных средств, а параллельно и фальсифицированных лекарственных средств, происходит по схеме: производство (изготовление) – распространение – реализация, а также путем выполнения сопутствующих видов деятельности, таких как хранение, перевозка.

Поэтому в качестве основного состава преступления, связанного с оборотом фальсифицированных лекарственных средств, необходимо выделить такие действия, как производство, изготовление, хранение, перевозка с целью сбыта либо реализация фальсифицированных лекарственных средств. А допроизводственная сфера обращения лекарственных средств, включающая в себя разработку, доклинические исследования, клинические исследования, экспертизу, государственную регистрацию, стандартизацию и контроль качества, может быть квалифицирована не более чем приготовление в случае, если предметом является фальсифицированное лекарственное средство.

Все рассматриваемые деяния должны совершаться в крупном размере. Крупным размером признается стоимость лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок в сумме, превышающей сто тысяч рублей. В данном случае нас интересуют фальсифицированные лекарственные средства. Справедливо возникает вопрос, как подсчитать размер стоимости фальсифицированных лекарственных средств, которую они не имеют. Конечно, логично исчислять размер деятельности, т.е. ее размах, как, например, указано в ст. 171 УК РФ: «…сопряжено с извлечением дохода в крупном размере». Опять же, если мы говорим о необходимости включения в диспозицию статьи изготовления, которое представляет собой деятельность, в результате которой получено одно или несколько фальсифицированных лекарственных средств, то следует признать ошибочным установление размера преступной деятельности.

Таким образом, спустя продолжительное время, предложения исследователей о включении отдельной уголовно-правовой нормы за оборот фальсифицированных лекарственных средств нашли свое отражение в уголовном законодательстве. Именно неотвратимость уголовной ответственности служит фактором, предупреждающим о недопустимости совершения нового преступления, связанного с

оборотом фальсифицированных лекарственных средств. При этом возникает необходимость в создании оптимальных условий применения данной нормы уголовного закона, которые должны способствовать восстановлению прав граждан. Поздняя криминализация оборота фальсифицированных лекарственных средств характеризуется отсутствием в настоящий момент сформированной модели и условий ее правоприменения, что оказывает негативное влияние на общую статистику выявления и раскрытия преступлений, предусмотренных ст. 238.1 УК РФ. К тому же проведенный анализ показал несовершенство данной нормы. Предложенные рекомендации по ее изменению будут способствовать более эффективному применению уголовного закона.

УДК 343.36

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Зимин Е.В., заместитель председателя
Арбитражного суда Хабаровского края

В статье анализируются родовой, видовой и непосредственные объекты преступлений против правосудия. На основе анализа термина «правосудия» делается вывод о широком подходе к пониманию правосудия в уголовно-правовой доктрине.

Ключевые слова: преступления против правосудия; объект преступления; квалификация преступлений.

THE OBJECT OF THE CRIME AGAINST JUSTICE

Zimin E.V., deputy chairman of the Arbitration court of Khabarovsk Krai

The article analyzes the generic, specific and direct objects of crime against justice. Basing on the analysis of the term "justice" the conclusion is drawnabout the extensive approach to the understanding of justice in criminal law doctrine

Keywords: crimes against justice; the object of the crime; the qualification of crimes.

В начале XX в. известный отечественный криминалист Н.С. Таганцев, обращаясь к вопросу объекта преступлений, отмечал, что «преступное деяние есть посягательство на норму, но в ее реальном бытии… Реальное бытие нормы – это правоохраняемый интерес» [5, с. 400]. В силу сказанного, отправной точкой для выяснения сущности любого преступления, в том числе и преступлений против правосудия, служит определение объекта преступления. Только в результате изучения объекта уголовно-правовой охраны оно становится осязаемым для человека и общества. «Действия людей сами по себе, в какой бы форме они выражены ни были, приобретают общественно опасный характер только в том случае, если эти действия угрожают реальному благу, пользующемуся охраной закона» [2, с.8].

Объектами преступлений, предусмотренных уголовным законодательством, являются общественные отношения и блага (интересы), которым причиняется ущерб в результате совершенного преступления. Известно, что почти каждое преступление посягает не на одно, а на несколько смежных общественных отношений; при этом каждый объект преступного посягательства имеет сложную внутреннюю структуру [3, с. 130].

Уголовно-правовую характеристику объекта преступлений против правосудия следует начинать с выявления особенностей, свойственных определенным его

видам. В современной теории уголовного права принята классификация объекта по вертикали: общий, родовой, видовой и непосредственный, а также по горизонтали: основной и дополнительный.

Общий объект преступления един для всех общественно опасных деяний, представляя собой всю совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений и благ (интересов). Родовой объект преступления – это группа однородных по содержанию общественных отношений и благ (интересов), охраняемых нормами, расположенными в разделе Особенной части УК РФ. Видовой объект преступления представляет собой входящую в родовой объект группу однородовых общественных отношений и благ (интересов), охраняемых нормами, расположенными в соответствующей главе Особенной части УК РФ. Непосредственный объект – конкретное общественное отношение и благо (интерес), которому причиняется вред в результате совершения конкретного преступления.

В действующем уголовном законе ответственность за преступления против правосудия предусмотрена ст. 294-316, расположенными в гл. 31 «Преступления против правосудия» разд. 10 «Преступления против государственной власти» Уголовного кодекса РФ. Исходя из этого, можно заключить, что родовым объектом преступлений против правосудия признаются общественные отношения в сфере государственной власти. Видовым объектом указанной группы преступлений выступают интересы правосудия. Поскольку непосредственный объект преступления находится в плоскости видового объекта, то непосредственным объектом преступлений против правосудия будут являться конкретные общественные отношения в сфере правосудия. При квалифицированных видах преступлений против правосудия дополнительным объектом может быть жизнь, здоровье человека, честь и достоинство лиц, участвующих в процессе, личная безопасность. При этом важно подчеркнуть, что появление дополнительного объекта возможно только в том случае, когда в плоскости непосредственного объекта помимо интересов правосудия лежат общественные отношения, обеспечивающие предпосылки для выполнения процессуальных функций суда и участников процесса.

Объект преступления против правосудия имеет важное практическое значение, поскольку позволяет отграничивать указанные преступления от иных преступлений.

Так, Р. признан виновным по ч. 1 ст. 301 УК РФ за заведомо незаконное задержание. 20 декабря 2000 г., проводя самостоятельное незаконное дознание по факту разбойного нападения на киоск, Р. вызвал продавца П. в свой служебный кабинет, где незаконными методами пытался добиться от нее признательных показаний. Поскольку П. отказалась давать ложные показания, Р. без возбуждения уголовного дела и при отсутствии признаков какого-либо административного правонарушения отвел П. в дежурную часть, где поместил ее в камеру для доставленных, то есть произвел ее незаконное задержание, тем самым нарушив конституционные права П. на свободу и неприкосновенность личности. Президиум Амурского областного суда от 22 ноября 2010 г. приговор в отношении Р. изменил, его действия переквалифицировал на ч. 1 ст. 127 УК РФ как незаконное удержание. Как указала кассационная инстанция, по смыслу закона, под незаконным задержанием, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 301 УК РФ, понимается задержание в уголовно-процессуальном порядке, и субъектом этого преступления могут быть лишь должностные лица органа дознания и следствия, к таким лицам Р. не относился, уголовно-процессуальное задержание он не производил, поэтому в его действиях отсутствует состав указанного преступления. Вместе с тем в действиях Р. имеются признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 127 УК РФ, – незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением.

Как видно из примера, в связи с неправильным установлением признаков преступления против личности, предусмотренного ст. 127 УК РФ, действия лица были ошибочно квалифицированы как преступление против правосудия[*].

На наш взгляд, центральным звеном при определении правовой природы объекта преступлений против правосудия следует признать «правосудие» как категорию уголовного права.

По меткому замечанию Ю.И. Кулешова, при определении указанного термина уголовно-правовая доктрина может соперничать с представителями теории процессуального права [4, с. 13]. При этом распространенной точкой зрения в правовой науке остается определение «правосудия» как деятельности исключительно суда по рассмотрению и разрешению по существу уголовных, гражданских, экономических и иных дел, подсудных судам, образованным в соответствии с Конституцией РФ и федеральными конституционными законами. Указанная точка зрения, очевидно, основывается на положении ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, согласно которой правосудие в нашей стране представляет собой особую функцию государственной власти, которую осуществляет только суд.

Вместе с тем буквальное толкование термина «правосудия» применительно к определению содержания видового и непосредственного объекта неприемлемо для понимания объекта преступления против правосудия, поскольку государственная деятельность, связанная с реализацией интересов правосудия, гораздо более широкая. Мы солидарны с теми авторами, которые включают в содержание данных отношений не только те, которые существуют собственно в ходе деятельности судебных органов, но и иных лиц, которые способствуют судебной деятельности, в том числе и по исполнению вынесенных судебных актов [4, с. 14-15]. В связи с этим можно констатировать, что термин «правосудия» в уголовно-правовой доктрине используется в широком смысле слова.

Литература

1. Волков К.А. Преступления против личной свободы человека в судебной практике Верховного Суда РФ // Российский судья. 2009. № 7. С. 34-37.

2. Загородников Н.И. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии. 1949. Вып. X.

3. Кудрявцев В.Н. Общая квалификация преступлений. М.: Юристъ, 1999.

4. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: монография. Владивосток, 2007.

5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1.

УДК 343.2

МОЖНО ЛИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА ПРИЗНАТЬ ПРЕДМЕТОМ ХИЩЕНИЯ?

Хилюта В.В., заведующий кафедрой Гродненского государственного университета им. Янки Купалы кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена проблемному вопросу уголовно-правовой оценки хищений по предмету преступления. Делается вывод, что в настоящее время нематериальные блага не являются предметом хищений по уголовному закону; вместе с тем, признание нематериальных благ предметом преступлений против собственности в рамках уголовного права

[*] В юридической литературе можно найти и другие примеры, когда неправильное понимание объекта приводит к ошибкам при квалификации преступлений [1].

повлечет расширение содержания общественных отношений собственности как объекта уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова: хищения; предмет преступления; нематериальные блага; квалификация преступлений.

WHETHER IT IS POSSIBLE TO RECOGNIZE THE NON-MATERIAL BENEFITS AS THE PLUNDER SUBJECT?

Khilyuta V.V., chair head of the Grodno State University of Janka Kupala
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

Article is devoted to a problematic issue of a criminal and legal assessment of plunders in a crime subject. The conclusion is drawn, now the non-material benefits aren't a subject of plunders of the criminal law, at the same time, recognition of the non-material benefits a subject of crimes against property within criminal law will entail extension of the maintenance of the public relations of property as object of criminal legal protection.

Keywords: plunders; crime subject; non-material benefits; qualification of crimes.

Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу акта законодательства, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом[*]. В соответствии с гражданским законодательством данные объекты гражданских прав: а) не имеют материального (имущественного) содержания; б) неотделимы от личности их носителя; в) обладают свойством индивидуализации самой личности – обладателя этих прав.

Нематериальные блага – это духовные ценности внеэкономического характера, которые направлены на всестороннее (физическое и социальное) обеспечение существования личности. Перечисленные блага условно можно разделить на три группы, исходя из оснований возникновения: 1) блага, которые возникают в силу закона и направлены на охрану собственной личности человека; 2) блага, которые возникают в силу закона и направлены на идентификацию субъектов гражданского права; 3) блага, которые создаются преимущественно действиями самого их носителя в процессе проявления его индивидуальных качеств и так же, как блага второй группы, создают условия его участия в гражданско-правовых отношениях [1, с. 186].

Соответственно говорить о хищении нематериальных благ не представляется возможным, ибо они нематериальны и имеют личное неимущественное содержание. Это вовсе не означает, что в правовой действительности не может быть осуществлено посягательство на данные объекты. Преступления, направленные на нематериальные блага (разглашение тайны усыновления (удочерения); незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни; клевета; оскорбление; нарушение равноправия граждан; нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан; нарушение тайны переписки, теле-

[*] Следует отметить, что «объектоспособность» нематериальных благ не находит всеобщей поддержки, так же как и само отнесение большинства из вышеуказанных ценностей к нематериальным благам является предметом постоянной дискуссии в цивилистике. Более того, анализ учебной и научной юридической литературы показывает, что эти ценности до сих пор не имеют единого общего названия.

фонных переговоров, телеграфных и иных сообщений и др.), не имеют имущественной направленности и не совершаются в процессе оборота экономических благ.

Тем не менее, в правовой литературе некоторые ученые стали утверждать, что сегодня, в век информационных технологий и в условиях рыночных отношений, нематериальные блага, имеющие легальные товарные свойства, подлежат защите в рамках учения о преступлениях против собственности [5, с. 119]. Например, В.К. Кулев и А.В. Попкова предлагают в УК РФ ввести новую ст. 158.1 – неправомерное завладение изображением гражданина и использование его в корыстных целях [2]. Свое предложение указанные ученые обусловливают тем, что изображение гражданина является его собственностью, а незаконное использование изображение гражданина есть не что иное, как кража этой собственности.

Сегодня действительно можно столкнуться с тем, что изображение гражданина без его ведома незаконно используется в различных целях: рекламные кампании, размещение в сети Интернет, публикации в СМИ и т.д. Часто подобного рода нарушения сопряжены не только с фактом незаконной публикации изображений граждан, но и с дискредитацией изображенного человека, вмешательства в его частную жизнь. Однако факт незаконного завладения изображением гражданина не носит в данном случае корыстной цели, лицо не стремится обогатиться за счет фотографии другого лица, она ему безразлична. В данной ситуации преследуется иная цель, отличная от хищения, – незаконное использование изображения. В таком случае вред причиняется не столько собственности, сколько иным нематериальным благам, таким как честь, достоинство, деловая репутация.

Обозначенный нами тезис легко продемонстрировать на примере ст. 249 УК Республики Беларусь «Дискредитация деловой репутации конкурента». Деловая репутация предполагает не нуждающееся в специальном доказывании и подтверждении уважительное отношение индивидуальных предпринимателей или должностных лиц юридического лица к своим конкурентам – иным субъектам хозяйствования [3, с. 567]. Нередко дискредитацию определяют как действия, связанные с распространением ложных, неточных или искаженных, неполных сведений, способных причинить вред общественной оценке профессиональной деятельности субъекта хозяйствования.

Согласно ч. 2 ст. 14-2 Закона Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», запрещаются и признаются в установленном порядке неправомерными утверждения при осуществлении предпринимательской деятельности, способные дискредитировать хозяйствующий субъект, товары или предпринимательскую деятельность конкурента, в том числе в результате:

а) распространения хозяйствующим субъектом непосредственно или через других лиц в средствах массовой информации, рекламных и иных изданиях, через любые электронные средства массовой информации и иными способами ложных, недостоверных, искаженных сведений о предпринимательской деятельности, финансовом состоянии, научно-технических и производственных возможностях, товарах конкурента;

б) распространения хозяйствующим субъектом непосредственно или через других лиц в любой форме и любыми способами заявлений, которые содержат информацию, порочащую деловую репутацию хозяйствующего субъекта либо его учредителя (участника, собственника имущества) или работника, и могут подрывать доверие к хозяйствующему субъекту как производителю товаров.

Итак, субъекты хозяйствования также способны выступать в качестве потерпевших в случае посягательства на их деловую репутацию. В настоящее время преступным и наказуемым в уголовно-правовом порядке признается *«распро-*

странение индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в рекламе, средствах массовой информации и иным способом заведомо ложных сведений, наносящих вред деловой репутации конкурента» (ст. 249 УК РБ).

Для привлечения к ответственности по данной статье необходимо наличие следующих оснований: 1) сведения распространены лицом в отношении конкурента; 2) распространенные сведения недостоверны; 3) такие недостоверные сведения могут нанести вред деловой репутации; 4) действия по распространению порочащих деловую репутацию конкурента недостоверных сведений совершены умышленно (в форме прямого умысла). Как видно, данная норма размещена в гл. 25 УК РБ, и тем самым констатируется, что уголовный закон сориентирован на привлечение к ответственности за распространение заведомо ложных сведений, порочащих деловую репутацию конкурента (субъекта хозяйствования) только в экономической сфере.

Между тем в настоящее время и юридическая теория, и судебная практика допускают существование репутации не только в экономической, но и в других сферах общественной жизни [4] (например, в политической, спортивной, здравоохранении, шоу-бизнеса и т.д., где можно говорить о деловой репутации политических партий, общественных объединений, профессиональных спортивных клубов, медицинских клиник). Поэтому можно было бы говорить о перенесении ст. 249 УК РБ в гл. 22 или 23 УК РБ. В этой связи следует отметить, что разд. VII УК РБ уже давно содержит такие составы преступлений, в качестве потерпевших от которых прямо указаны всевозможные организации: избирательные комиссии (ст. 191 УК РБ), общественные объединения (ст. 194 УК РБ), религиозные организации (ст. 195 УК РБ), правообладатели (ст. 201 УК РБ).

Отсутствие правоприменительной практики по ст. 249 УК РБ объясняется тем, что на законодательном уровне не предложен критерий отграничения, в данном случае преступления от правонарушения, вследствие чего субъекты хозяйствования чаще прибегают к гражданско-правовому способу защиты своих прав и интересов, нежели в частном порядке обращаются с заявлением о возбуждении уголовного дела. В отличие от исков о защите деловой репутации в гражданском (хозяйственном) процессе, распространитель сведений в уголовном процессе не обязан доказывать соответствие их действительности. Обязанность доказывания, что распространенные сведения не соответствуют действительности, возлагается на органы, осуществляющие уголовное преследование. Поэтому альтернативной мерой может являться перевод ст. 249 УК РБ в состав административных правонарушений либо вообще исключение из числа публичной ответственности.

Итак, признание нематериальных благ предметом преступлений против собственности в рамках уголовно-правового учения о защите имущественных отношений от преступных посягательств повлечет за собой расширение содержания общественных отношений собственности как объекта уголовно-правовой охраны. Но при такой парадигме уже и преступления против собственности перестанут существовать, т.к. границы предмета преступления и способа преступного деяния будут крайне нивелированы и представлять собой аморфную конструкцию.

Литература

1. Вабищевич С.С. Нематериальные блага как объекты субъективных гражданских прав // Право.by. 2011. № 1.

2. Кулев В.К., Попкова А.В. Неправомерное завладение изображением гражданина и использование его в корыстных целях. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nepravomernoe-zavladenie-izobrazheniem-grazhdanina-i-ispolzovanie-ego-v-korystnyh-tselyah

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010.

4. Тарбагаев А., Глисков А. Репутация юридического лица как объект преступного посягательства при клевете и оскорблении // Уголовное право. 2011. № 3. С. 58-61.

5. Шульга А.В. Охрана имущества и имущественных прав в системах норм о преступлениях против собственности и интеллектуальной собственности М., 2012.

УДК 343.15:343.8

НАУЧНАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ПРИГОВОРОВ В ПРАКТИКЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Тепляшин П.В., начальник ОН и РИО Сибирского юридического института ФСКН России кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается концепция неопределенных приговоров в отношении лиц, совершивших преступление. На основе анализа зарубежного законодательства, а также результатов опроса сотрудников УФСИН России делается вывод о возможности использования положений идеи неопределенных приговоров в отечественной правовой системе.

Ключевые слова: неопределенные приговоры; зарубежное законодательство; опрос сотрудников УФСИН России.

SCIENTIFIC PRESUMPTION OF REALIZATION OF IDEA OF UNCERTAIN SENTENCES IN PRACTICE OF EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

Teplyashin P.V., head ON and RIO of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

In article the concept of uncertain sentences concerning the persons who committed a crime is considered. On the basis of the analysis of the foreign legislation, and also results of poll of staff of OFPS of Russia the conclusion about possibility of use of provisions of idea of uncertain sentences in domestic legal system is drawn.

Keywords: uncertain sentences; foreign legislation; poll of staff of OFPS of Russia.

В настоящее время функционирование уголовно-исполнительной системы в целом открыто для ее обогащения новыми идеями, способными задать дальнейший прогрессивный вектор развития сферы исполнения уголовных наказаний. В связи с этим представляется важным обратиться к идее так называемых «неопределенных» приговоров, безусловно, имеющей радикальный для пенитенциарной системы характер. Однако ее критический анализ позволяет выявить скрытые резервы уголовных наказаний, пенитенциарных систем и их правоохранительной практики.

Идея «неопределенных» приговоров («indefinite sentence») впервые была закреплена в 1894 г. в США и являлась сутью американских реформаториев, существующих по подобию эльмирского исправительного заведения для преступников в возрасте до 30 лет (для «молодых» преступников). Данная тюрьма начала функционировать еще в 1877 г. в Эльмире, ее отличительной чертой было содержание

в ней лиц, осужденных на неопределенные сроки заключения, то есть до их исправления, факт которого определялся администрацией заведения.

В 1970-х гг. в США была проведена реформа системы неопределенных приговоров, в результате которой суд перешел к практике установления для осужденного общих достаточно широких пределов тюремного заключения (например, от 1 года до 20 лет или от 5 до 50 лет). Решение вопроса об освобождении осужденного решается, как правило, ранее избранного судом срока Советом по условно-досрочному освобождению. В 1984 г. американским законодателем был принят Закон «О реформе системы наказания», явившийся частью действующего по настоящее время Комплексного закона о контроле над преступностью. Данные нормативные акты последовательно развивали концепцию максимальной индивидуализации наказания, влияния поведения и исправления осужденного на его условно-досрочное освобождение [5, с. 32].

Необходимо отметить, что рассматриваемая практика широкой индивидуализации наказания отражает особенности американского прецедентного права. Так, одним из современных отличий американской правовой системы от английской является то, что при толковании казуса федеральные суды или суды штатов обращаются непосредственно к тексту Конституции США. Это обстоятельство открыло путь для дальнейшего полностью легитимного формирования американского прецедентного права. Таким образом, почва для концепции неопределенных приговоров была заложена в практике судебных прецедентов, позволяющей значительно расширить фактические пределы уголовного наказания и при этом не попирать роль обвинительного приговора суда. В странах романо-германской системы права рассматриваемая концепция такой основы никогда не имела, поскольку правовой позитивизм привел к формализации не только источников законодательства, но и практики его применения с одновременным сдерживанием возможностей судебно-правового регулирования общественных отношений.

В связи с анализом концепции неопределенных приговоров интересно мнение Е.Т. Байльдинова, который, с одной стороны, совершенно справедливо указывает, что лишение свободы на определенный фиксированный срок не всегда, а во многих случаях вообще не эффективно в смысле достижения таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. С другой стороны, достаточно сложно согласиться с его мнением о том, что срок наказания не должен быть фиксированным, а должен определяться объемом подлежащего восстановлению ущерба – 2N+C, то есть восстановление осужденным ущерба в двойном размере: одну часть непосредственно потерпевшему (1N), другую – обществу (1N), а также компенсировать расходы на его содержание в исправительном учреждении (C). Уголовное наказание должно «длиться до тех пор, пока осужденный своим трудом полностью не восстановит этот ущерб. Очевидно, что если срок наказания не фиксированный, а зависит от количества заработанных осужденным средств на восстановление ущерба, то вряд ли осужденный будет стараться уклониться от трудовой повинности» [1, с. 67].

Предложение Е.Т. Байльдинова вызывает критику по причинам методологического и практического характера. В частности, европейская пенитенциарная система не может воспринять такую модель эффективности уголовного наказания. Так, труд осужденных, высокая исправительная значимость которого подтверждается как в европейских пенитенциарных стандартах и правилах, так и в практике функционирования самих систем как одно из средств исправления, не может быть положен в основу универсального эквивалентного механизма исправимости осужденного при не фиксированном временными границами приговоре. Во-первых, его нельзя будет использовать при осуждении лиц, имеющих инва-

лидность либо иные заболевания, препятствующие их трудовой деятельности. Во-вторых, определенная категория осужденных в силу своего криминологического статуса, обусловленного так называемой «тюремной субкультурой», намеренно уклоняется от трудовой деятельности, что может привести к пролонгированию времени отбывания наказания и нежелательному увеличению их концентрации в исправительных учреждениях. В-третьих, даже в условиях неоспоримого признания труда как одного из лучших антикриминальных средств далеко не все исправительные учреждения могут предложить осужденным выполнение труда, который бы не только не имел монотонный и психологически угнетающий характер, но и давал возможность приобрести либо повысить профессиональную трудовую квалификацию (особенно это актуально для пенитенциарных систем стран Восточной Европы). Более того, В.Н. Кудрявцев не без основания отмечал, что «перестройка пенитенциарной системы… должна быть ориентирована не на получение экономической выгоды от труда заключенных.., а исключительно на исправление осужденных… соответствовать европейским и мировым стандартам» [2, с. 342]. Также всемирно известный английский пенолог М. Грюнхут отмечал: «работа для заключенных – милость, ее отсутствие – жестокое наказание. Принудительный труд может доставлять страдание, но лишение работы еще более тяготит заключенного» [6, p. 198]. Следовательно, труд осужденных в современных исправительных учреждениях нерентабелен и поэтому не способен в полной мере компенсировать и тем более «окупить» расходы на содержание заключенных. Таким образом, идея «неопределенных» приговоров, как в ее «чистом», так и «смешанном» виде, в настоящее время неприемлема для европейских пенитенциарных систем.

Вызывают интерес результаты анкетирования 170 сотрудников ГУ ФСИН России по Красноярскому краю, проведенного с апреля по июль 2012 г. Так, на вопрос о том, насколько будет способствовать исправлению виновного лица вынесение в отношении его приговора с неопределенным сроком уголовного наказания, предполагающего освобождение осужденного только в случае достижения исправительной цели, 83 % респондентов ответили отрицательно, и только 7% допустили такую возможность, остальные затруднились ответить. Результаты анкетирования показывают гегемонию материальной составляющей преступления и нежелание «отрывать» приговор от общественной опасности посягательства.

Вместе с тем на вопрос: «Можно ли считать, что идея неопределенного приговора проявляется в возможности условно-досрочного освобождения осужденного в период времени между появлением права на такое освобождение и отбытием всего срока назначенного наказания?» ответили утвердительно 41% сотрудников, тогда как 35% – отрицательно, остальные затруднились ответить. Данные результаты показывают более лояльное отношение к идее неопределенных приговоров и фактически свидетельствуют о ее осознании правоприменителем. Как представляется, применительно к отечественно пенитенциарной системе следует конструктивно отнестись к идее постепенного снижения минимальных сроков отбывания наказания, необходимых для предоставления условно-досрочного освобождения. Минимальные сроки могут составлять нижний предел наказания, предусмотренный санкцией соответствующей части уголовно-правовой нормы, за нарушение которой было назначено наказание. Ведь пределы наказания отражают материальную сущность преступления, показывают его общественную опасность. Минимальные границы наказания демонстрируют тот минимум карательных притязаний государства к преступнику, который достаточен для удовлетворения идеи воздаяния и восстановления социальной справедливости. Более того, расширение возможностей судебного усмотрения с одновременным снижением карательных притязаний к значительной массе лиц, совершивших преступление, продемон-

стрировано фактом принятия Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [3], которым в 68 санкциях уголовно-правовых норм УК РФ нижний «порог» лишения свободы снижен до минимально предусмотренного данным видом наказания двухмесячного срока. Думается, что предлагаемая идея о снижении нижнего формального «порога» условно-досрочного освобождения находится в общем русле уголовно-правовой политики государства последних лет. Хотя можно и критически отнестись к данной политике, в рамках которой происходит нивелирование категорий преступления. Ведь такая политика, отражающая взаимодействие уголовной и уголовно-исполнительной политики, должна согласовываться с последующим карательно-исправительным воздействием на осужденного и, таким образом, демонстрировать эффективность правового воздействия на осужденного, основанного на формально-юридических конструкциях и допустимом правоприменительном усмотрении.

Для успешной практической реализации такого предложения необходимо использовать методику конкурсного отбора претендента на условно-досрочное освобождение. Данная методика может выступать заключительным этапом реализации индивидуальной программы отбывания осужденными лишения свободы. Методика выбора приоритетного заявления при конкурсной оценке результатов поведения осужденного, дающая возможность представления его к условно-досрочному освобождению, может базироваться на многокритериальном подходе к анализу сложных проблем с использованием психофизического закона Вебера-Фехнера, метода анализа иерархий и мультипликативного метода анализа иерархий. Методика позволяет осуществлять выбор приоритетного заявления осужденного путем экспертной оценки превосходства одного критерия иерархии над другим и перехода от вербальных сравнений к числовым измерениям на основе критериально расположенных предположений о поведении осужденного. В методике может использоваться многокритериальный подход, который обладает рядом следующих преимуществ по сравнению с однокритериальным подходом: 1) обеспечивает объективность анализа и оценок; 2) дает возможность количественной оценки качественных различий в сравниваемых вариантах оптимизируемой системы; 3) позволяет косвенно оценить трудноо цениваемые и второстепенные факторы; 4) результаты расчетов даются в удобном аналитическом виде. В процессе оценки заявлений задействованы качественные различия в параметрах поведения осужденного, которые могут быть учтены только с помощью многокритериальной оптимизации – совокупности методов, направленных на определение эффективных значений переменных в условиях, когда заранее неизвестна глобальная целевая функция (преимущества конкретного осужденного), а поведение системы определяется сложной по структуре целью (исправление осужденного), которая распадается на существенные подцели, описываемые числовыми функциями [4].

Таким образом, идея неопределенных приговоров может быть положена в основу конкретных шагов в сторону более гибкого подхода в сфере исполнения уголовного наказания. Принципиальным в этом плане видится обозначенная выше трансформация института условно-досрочного освобождения, включая реализацию методики конкурсного отбора претендента на условно-досрочное освобождение.

Литература

1. Байльдинов Е.Т. Проблемы эффективности наказания и устойчивое развитие общества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 65-68.

2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003.

3. Собрание законодательства РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

4. Тепляшин П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению // Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 37-44.

5. Тохова Е.А. Зарубежный опыт социально-правового контроля за лицами, освобожденными из исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 30-36.

6. Grünhut M. Penal Reform. A comparative study. Oxford: At the Clarendon Press, 1948.

УДК 343.812:343.253

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ КОДЕКСЕ РФ

Шошин С.В., доцент кафедры Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена правовой регламентации смертной казни в действующем Уголовно-исполнительном кодексе РФ. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ делается вывод, что сегодня фактически заблокирована норма о смертной казни в России.

Ключевые слова: смертная казнь; уголовно-исполнительное законодательство; правовые позиции Конституционного Суда РФ.

UNCERTAINTY OF REGULATIONS ON APPLICATION THE DEATH PENALTY IN THE OPERATING CRIMINAL AND EXECUTIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Shoshin S.V., chair associate professor of the Saratov State University *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

Article is devoted to a legal regulation of the death penalty й the existing Criminal and executive code of the Russian Federation. On the basis of the analysis of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation the conclusion is drawn that today the norm on the death penalty in Russia is actually blocked.

Keywords: death penalty; criminal and executive legislations; legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Вопрос об отчуждаемости права человека на жизнь с давних пор волновал юристов, политиков, философов.

В 1997 г. Россия подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод об отмене смертной казни. Вместе с тем до настоящего времени в действующем Уголовно-исполнительном кодексе РФ имеется раздел VII «Исполнение наказания в виде смертной казни», включающий в себя одну главу 23 с одноименным названием. Данная глава содержит 3 статьи (ст. 184-186 УИК РФ), регламентирующит собственно исполнение уголовного наказания в виде смертной казни. Каких-либо решений (определений, постановлений) Конституционного Суда РФ по вопросам, касающимся порядка (процедуры) исполнения уголовного наказания в виде смертной казни[*], не имеется. Не соответствующими

[*] По состоянию на 15 февраля 2015 г.

действующей Конституции РФ статьи 184-186 УИК РФ соответственно признаны не были.

Вместе с тем в Конституции РФ до сих пор действует часть 2 ст. 20, которая предусматривает возможность установления смертной казни в качестве исключительной меры наказания.

Учитывая актуальность анализа проблем смертной казни, она неоднократно привлекала внимание судей Конституционного Суда РФ и, соответственно, нашла отражение в вынесенных ими процессуальных документах. Хотя Конституционный Суд РФ неоднократно предпринимал попытки к изменению сложившейся ситуации со смертной казнью как мерой уголовного наказания. Например, Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда». Или Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях».

В то же время норма, содержащаяся в ст. 59 УК РФ, устанавливающая смертную казнь в качестве меры наказания, не была никем обжалована в Конституционный Суд РФ. Соответственно, не была она и признана не соответствующей действующей российской Конституции.

Прежде некоторые представители российского электората, да и отдельные деятели российской юридической общественности предполагали, что удаление из Конституции РФ нормы о смертной казни процессуально отягощено сложностью установленного регламента внесения таких корректив в действующую Конституцию. А, соответственно, российский законодатель и не собирается устранять ее как некую досадную формальность. Исключение ч. 2 ст. 20 из текста действующей Конституции РФ практически автоматически потребовало бы от российского национального законодателя удаления соответствующих норм о смертной казни из УК РФ, УИК РФ и некоторых иных правовых актов. Сегодня, после серьезных изменений, внесенных дважды в 2014 г. российским законодателем в действующую Конституцию РФ, и принятого в связи с этим постановления Конституционного Суда РФ, подтвердившего законность таких действий, можно сделать вывод об иной мотивировке действующего сегодня российского конституционного и уголовно-исполнительного законодательства, нежели чем сложность процессуального порядка его изменения. При наличии к тому надлежащей воли у российского национального законодателя, к проектам законодательных актов о внесении указанных выше корректив в положения действующей сегодня российской Конституции легко могло бы добавиться указание на исключение из ее текста нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 20 текста Основного закона Российской Федерации.

По нашему мнению, внесение определенности в формальное закрепление в действующем Основном законе РФ положения о невозможности отчуждения основного права человека – права на жизнь, является значительно более важным для российских налогоплательщиков, чем какие-либо иные вопросы, в том числе и определение точного количества субъектов Российской Федерации. Остается со-

жалеть, что изменению действующей Конституции РФ, дважды фактически имевшему место в 2014 г., не предшествовало какой-либо серьезной научной полемики, связанной обусловленностью внесенных изменений. Между тем проведение крупных научных международных конференций и комплексных исследований сложившейся ситуации с привлечением иностранных ученых представляется необходимым.

Можно предположить, что корректировка действующей Конституции РФ в вопросе о смертной казни, связанная с необходимостью последующих изменений и, в том числе, УИК РФ, откладывается на некую перспективу.

Сложившаяся сегодня ситуация, при которой Конституционным Судом РФ фактически заблокирована норма о смертной казни, довольно оригинальна. История российского национального законодательства и практика Конституционного Суда РФ знают примеры серьезного изменения позиций Конституционного Суда РФ.

Особого интереса заслуживает анализ проблемы смертной казни в аспекте исследования уголовного законодательства, действующего в Крыму и в Севастополе. УК и УИК Украины, действовавшие там прежде, не содержат нормы о возможности смертной казни. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 5 мая 2014 г. № 91-ФКЗ (в ред. от 31.12.2014) на территории Крыма и города Севастополя действует российский УК РФ. Статья 10 этого Федерального закона распространяет действие УК РФ и на период до 18 марта 2014 г. Тем самым проблемы действующего национального российского законодательства, связанные со смертной казнью, распространяются теперь и на Крым и Севастополь.

УДК 343.9.018

ВАЖНОСТЬ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И МОНИТОРИНГА КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ДЛЯ КОНТРОЛЯ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ В СТРАНЕ

Кобец П.Н., главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России доктор юридических наук, профессор

Криминальная ситуация, складывающаяся в Российской Федерации, является неотъемлемой составной частью социально-экономической обстановки, определяется этой обстановкой и оказывает негативное воздействие на все сферы общественного бытия. В связи с этим исследование перспектив развития преступности и разработка мер по ее противодействию являются важной государственной задачей.

Ключевые слова: социально-криминологический мониторинг; криминальная ситуация; модель развития; криминологическое исследование; противодействие преступности.

THE IMPORTANCE OF CRIMINOLOGICAL ANALYSIS AND MONITORING OF THE CRIMINAL SITUATION IN THE SPHERE OF CONTROL OF THE SITUATION IN THE COUNTRY

Kobets P.N., chief researcher of the National Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, professor

Criminal situation in the Russian Federation is an integral part of the socio-economic situation, defined by this situation and has a negative impact on all spheres of social life. In this

regard, the Outlook study on crime and development of measures to combat, is an important state task.

Keywords: socio-criminological monitoring; the criminal situation; development model; criminological research; fighting crime.

Сегодня в нашей стране мониторинг как форма слежения за социальными процессами в обществе является важнейшим средством всестороннего изучения социальной сферы, позволяющим правоохранительным органам получать более точную информацию о состоянии социальных объектов, с максимальной точностью оценивать вероятность наступления возможных негативных тенденций и явлений, в итоге – более эффективно воздействовать на социальную сферу в целях повышения или понижения вероятности наступления конкретных событий, тех или других направлений развития.

Эффективное достижение долгосрочных целей развития нашей страны предъявляет высокие требования к совершенствованию социально-экономического и криминологического мониторинга. В соответствии с Федеральным законом от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» [8] в стране действует единая система государственных прогнозов и программ перспективного развития общества, реализуются формы и методы соответствующей управленческой деятельности.

В настоящее время, согласно прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2013 г. и на плановый период 2014 и 2015 гг. [4], разработанному на основе одобренных Правительством Российской Федерации сценарных условий социально-экономического развития Российской Федерации, исходя из ориентиров, приоритетов социально-экономического развития, сформулированных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., все федеральные органы исполнительной власти осуществляют разработку соответствующих материалов перспективного содержания, вариантов прогноза социально-экономического развития по отраслям и секторам экономики, бюджетных заявок на финансирование целевых программ, а также обеспечивают согласование (защиту) показателей бюджета в соответствии с требованиями Правительства России [3; 5; 6].

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации составной частью указанной работы являются анализ и оценка перспектив развития криминальной ситуации в стране на ближайшую и среднесрочную перспективу. Нормативно-правовую и организационную базу для проведения мониторинговых исследований составляют: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»; приказ МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках МВД России» [7; 1]; приказ МВД России от 30 декабря 2007 г. № 1246 «О повышении эффективности исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации» [2].

Криминальная ситуация, складывающаяся в современном российском обществе, является неотъемлемой составной частью социально-экономической обстановки, определяется этой обстановкой и оказывает негативное воздействие на все сферы общественного бытия. По этой причине изучение перспектив развития преступности и разработка мер борьбы с криминализацией общества являются важным звеном в единой системе государственного, отраслевого прогнозирования и бюджетного планирования.

Материалы оценки криминальной ситуации в России должны представлять собой аналитический документ, содержание которого определено текущими потребностями правоохранительных органов России в объективной оценке криминальной напряженности в стране. Они могут быть использованы для обоснования и защиты финансово-бюджетных ресурсов правоохранительной деятельности. Базовый информационный массив исследования должны составлять официальные данные государственной статистики, социально-экономические показатели и характеристики, представляемые Министерством экономического развития и торговли, а также статистические сведения Главного информационно-аналитического центра МВД России. Достоверность (надежность) расчетных количественных значений ожидаемого развития криминальной ситуации должна составлять 0,95 для доверительного интервала, заданного границами двух вариантов социально-экономического развития Российской Федерации и показателей функционирования экономики страны.

Социально-криминологическое моделирование представляет собой мощный инструментарий современных исследований, имеющих целью прогнозирование сложных взаимосвязанных процессов, которые характеризуют противоречивую динамику развития российского общества. Модель развития криминальной ситуации в Российской Федерации должна базироваться на устойчивой зависимости между складывающейся социально-экономической обстановкой в стране и статистическими характеристиками преступности. Наиболее значимыми факторами этой модели на среднесрочную перспективу должны выступать сложные социальные, экономические и политические процессы, которые выходят на передний план динамического развития нашей страны.

Криминологическая значимость прогнозируемых экономических показателей не является социально-позитивной, так как соответствующие указанной динамике пропорциональные расходы на правоохранительную деятельность, особенно в случае ограниченного финансирования, будут недостаточными для безопасного развития общества. Как показала практика предшествующих лет, неожиданное ухудшение макроэкономических показателей может сопровождаться снижением финансирования сферы правопорядка и борьбы с преступностью.

Возможны и иные, множественно-негативные воздействия на оперативную обстановку в сфере деятельности правоохранительных органов со стороны неблагоприятной макроэкономической среды. Таким образом, прогнозируемый экономический рост не позволяет гарантировать радикальное увеличение бюджетного финансирования правоохранительной деятельности в сфере борьбы с преступностью. С учетом наиболее вероятного развития обстановки и реализации общегосударственных мер по укреплению положительных тенденций в сфере борьбы с преступностью перспективы развития криминальной ситуации определяются, исходя из конкретных вариантов количественно-качественных характеристик социально-экономического развития страны и реальных тенденций развития оперативной обстановки в сфере борьбы с криминалом. Варианты сценариев социально-экономического и криминологического развития должны базироваться на основных программных целях и задачах развития страны и учитывать основные факторы, предопределяющие как позитивную, так и негативную динамику.

Системный анализ социально-экономических реалий и криминогенных процессов, происходящих на территории Российской Федерации, позволяет заключить, что насущная потребность современного общества в эффективной борьбе с преступностью определяется особенностями сложившейся в стране социальной ситуации и остро негативными тенденциями криминализации, масштабы и уровень общественной опасности которой продолжают расти. В складывающихся экономических условиях развития российского социума охрана правопорядка и

борьба с преступностью являются существенной бюджетоемкой сферой, требующей весомых финансовых и материально-технических вложений, направленных на укрепление правоохранительных институтов государства и общества. В этой сфере все основные решения должны опираться на надежные механизмы криминологического анализа и государственного программно-целевого планирования, что создаст предпосылки для максимальной активизации и совершенствования организационно-управленческой, правоприменительной и оперативно-служебной деятельности всех органов, призванных осуществлять контроль над криминальной ситуацией в Российской Федерации.

Литература

1. Приказ МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках МВД России». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70276506/

2. Приказ МВД России от 30 декабря 2007 г. № 1246 «О повышении эффективности исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации» (в ред. приказа МВД России от 19.12.2012 № 1114). URL: http://mvd.ru/mvd/documents/20120328164545/14/

3. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (расширенная версия долгосрочного прогноза, утвержденного Правительством Российской Федерации, с дополнительными рабочими материалами). URL: http://base consultant.ru/cons/cgp/online с gired=doc:baze=LAW:n=144190

4. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2013 год и плановый период 2014-2015 годов. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70126500/

5. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2333.

6. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2334.

7. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 февраля.

8. Федеральный закон от 20 мая 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». URL: http://base.garant.ru/1518908/

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Самойлюк Н.В., старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

В статье исследуются вопросы общего и специального предупреждения преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Ключевые слова: иностранный гражданин; преступность мигрантов; предупреждение преступлений; незаконный мигрант.

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF CRIME PREVENTION COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS AND PERSONS WITHOUT CITIZENSHIP

Samoiliuk N.V., senior lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law

This article explores the questions of general and special prevention of crimes committed by foreign citizens and stateless persons.

Keywords: foreign national; crime migrants; prevention of crime; illegal migrants.

Криминологические меры противодействия преступности, совершаемой иностранными гражданами и лицами без гражданства, – это деятельность государства и общества, направленная на предупреждение проявлений исследуемого вида преступности, выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению указанного вида преступности, выявление, предупреждение, пресечение, ликвидацию или минимизацию последствий преступности, совершаемой иммигрантами.

В системе предупредительной деятельности выделяется общее, специальное и индивидуальное предупреждение преступлений.

Говоря об общем предупреждении преступлений, отметим, что в основе системы противодействия такому специфическому блоку преступности, как преступность, совершаемая иностранными гражданами и лицами без гражданства, лежит и проблема, связанная с масштабами незаконной миграции.

Разработка мер противодействия незаконной миграции и ее криминальным проявлениям в Дальневосточном федеральном округе должна осуществляться с учетом демографических, экономических, социальных перспектив в регионе.

Следует помнить, что миграция остается основным источником восполнения численности как в стране в целом, так и ее Дальневосточном регионе, в частности. Поэтому в Дальневосточном федеральном округе необходимо развитие региональных программ по привлечению и закреплению населения.

В рамках общего предупреждения указанного вида преступлений необходимо заключение межправительственных соглашений по противодействию незаконной миграции. Такие соглашения должны быть заключены прежде всего со странами, откуда в большинстве своем прибывают мигранты. В настоящее время действует Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче, Соглашение между Федеральной пограничной службой Российской Федерации и Министерством обороны Китайской Народной Республики о пограничном сотрудничестве, Соглашение о сотрудничестве между Министерством безопасности Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской границы, Соглашение о сотрудничестве между Министерством безопасности Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе и др. Данные нормативные акты направлены на борьбу с незаконной миграцией, выполнение совместных мероприятий по пресечению противоправной деятельности на государственной границе, способствование возвращению лиц в случае взаимно установленного факта незаконного пересечения

российско-китайской государственной границы, выдачу лиц для привлечения к уголовной ответственности.

Плодотворной может стать работа по организации механизмов досудебного решения трудовых конфликтов.

К мерам общего характера в исследуемой нами сфере относится обеспечение взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по проведению совместных операций, оперативно-розыскных и поисковых мероприятий по обнаружению, пресечению и предотвращению деятельности на территории России лиц и преступных групп, связанных с организацией трансграничной переправки незаконных мигрантов, торговлей людьми.

К специальным мерам предупреждения преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Дальневосточного федерального округа, в том числе на объектах транспорта, относится разработка региональных программ по противодействию преступности мигрантов, которые должны быть направлены на сокращение масштабов незаконной миграции на территории Дальневосточного федерального округа. В программе должны быть закреплены понятия незаконной миграции и незаконного мигранта. Программы должны включать в себя следующие мероприятия:

1) создание банков данных, закрепляющих информацию о местах наиболее сконцентрированного нахождения незаконных мигрантов. На данных объектах необходимо усиление иммиграционного контроля. Кроме того, необходимо ужесточить контроль за мигрантами в отдельных отраслях их жизнедеятельности, в том числе на объектах транспорта. Создание таких банков данных позволит обеспечить более эффективную систему профилактики незаконной деятельности иностранных граждан, прибывающих в Дальневосточный регион;

2) проведение съездов руководителей предприятий и частных предпринимателей, привлекающих иностранных работников по вопросам разъяснения миграционного законодательства, деятельности, направленной на оказание помощи мигрантам в адаптации в трудовом коллективе и бытовой сфере;

3) разработка системы контроля предприятий, привлекающих иностранную рабочую силу;

4) выявление мигрантов, склонных к совершению преступлений;

5) совершенствование системы учета иностранных граждан и лиц без гражданства. Необходимо формирование банка единого учета, куда должна поступать информация не только от заинтересованных правоохранительных и контролирующих органов, но и от администрации различных видов транспорта. Данная информация должна касаться не только анкетных данных иностранных граждан и данных о въезде, пребывании, нахождении, но и других обстоятельств, имеющих значение для выработки системы профилактики правонарушений и преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Дальневосточного федерального округа;

6) обеспечение возможности посещения мигрантами центров по адаптации мигрантов.

В рамках специального предупреждения необходимо осуществлять контроль за фактическим содержанием информации специального (профилактического) назначения в средствах массовой информации.

В целях наиболее эффективной организации противодействия преступности мигрантов необходимо заключение региональных соглашений с учетом реальной обстановки и особенностей миграционной ситуации Дальневосточного региона.

Существование преступности мигрантов связано, в том числе, с отсутствием необходимой инфраструктуры для адаптации иммигрантов в новой среде. В связи с этим в рамках индивидуального предупреждения преступлений, совершаемых

исследуемой категорией граждан, необходимо создание адаптационных центров для иностранных граждан, прибывающих в нашу страну как на постоянное место жительства, так и временно. Основными направлениями деятельности таких центров должны стать:

- разъяснение иностранным гражданам и лицам без гражданства законодательства по вопросам их прав и обязанностей, въезда, выезда, пребывания, транзитного проезда, трудовой деятельности и др.;
- введение курсов русского языка;
- предоставление первой медицинской помощи;
- предоставление информации о жилищных услугах, рынке труда и другой справочной информации;
- проведение лекций по вопросам культуры, национальных обычаев, законодательства принимающей стороны;
- оказание помощи в организации централизованного досуга, культурно-массовых мероприятий;
- проведение мероприятий, направленных на противодействие ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости, в том числе с использованием средств массовой информации.

В адаптационных центрах должны работать как представители принимающей стороны, так и представители стран выхода иностранных граждан и лиц без гражданства. Кроме того, целесообразно создание адаптационных центров и на родине мигрантов.

Итак, в рамках исследуемых проблем для Дальневосточного региона целесообразно:

1) создание условий для активного применения существующих форм, направленных на недопущение проникновения на территорию Дальневосточного региона нелегальных мигрантов;

2) создание необходимой инфраструктуры для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих выдворению, депортации и реадмиссии на территории региона;

3) разработка региональных программ противодействия незаконной миграции с учетом демографических и экономических особенностей региона;

4) противодействие вовлечению мигрантов в преступную деятельность;

5) увеличение комплекса социально-экономических возможностей приграничных территорий для их хозяйственного освоения и укрепления обороноспособности;

6) ведение профилактической и разъяснительной деятельности с мигрантами по вопросам миграционного законодательства и исключения случаев вовлечения иностранцев в преступную среду;

7) координация деятельности служб, ведущих миграционный учет;

8) соблюдение приоритета государственной безопасности при расселении населения региона.

УДК 343.85

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УЧАСТКОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПОЛИЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫЕ ЭТНИЧЕСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

Баских Е.И., адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России

В данной статье автор рассматривает предупреждение участковым уполномоченным полиции правонарушений и преступлений, совершаемых этническим населением. Вносятся предложения по совершенствованию деятельности участкового полиции в области предупреждения административных и уголовно-наказуемых деяний. Анализируются проблемы, связанные с миграционным режимом и миграционной политикой в России.

Ключевые слова: этническое население; миграционная политика; иностранные граждане; предупреждение преступлений; участковый уполномоченный полиции.

PREVENTION OF THE POLICE PRECINCT OF OFFENSES AND CRIMES COMMITTED BY THE ETHNIC POPULATION

Baskih E.I., post graduate of the East-Siberian
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

In this article the author considers the precinct police warning, offenses and crimes committed by ethnic population. Makes proposals to improve the work of the district police in the prevention of administrative and criminal offenses. And also understand the problems associated with migration regime and migration policy in Russia.

Keywords: ethnic population; migration policy; foreign citizens; prevention of crime; the district commissioner of police.

Этническая преступность значительно отличается от общей преступности тем, что имеет более латентный характер. Латентность имеет скрытые механизмы развития и перехода на иной уровень. В ней легче осуществляется круговая порука, позволяющая скрывать многоуровневый характер преступности, практически не подвергая себя риску и не неся ответственности.

На традициях в организации и осуществлении преступной деятельности в значительной степени отражаются имеющиеся этнические традиции. У многих иммигрантских групп существуют значительно отличающиеся от общепринятых моральные нормы и ценностные ориентации. У немалого числа этногрупп преобладает групповая мораль, отодвигающая общечеловеческие и религиозные нормы на второй план. В этом они схожи с мировоззренческими принципами, исповедуемыми преступными группировками. Основные виды деятельности традиционных обществ вращаются вокруг проблем кланового жизнеобеспечения. Модернизация жизни, осуществляющаяся ускоренными методами в советское время, дала свои результаты, но не успела затронуть глубинные традиции значительных групп в составе кавказских и среднеазиатских народов. Переселение в Россию стало для таких групп продолжением тех же самых мировоззренческих установок и ценностных ориентаций – реализовать свои надежды на материальное благополучие.

Активизировавшаяся в последнее десятилетие неконтролируемая миграция, особенно из стран ближнего зарубежья, привела к заметному влиянию на криминогенную обстановку в стране противоправного поведения представителей некоторых этнических групп.

Представители любой этнической группы, находясь в условиях, не типичных для традиционного существования этноса, длительный период пребывают в ситуации социальной дезадаптации и поэтому более подвержены криминогенным факторам, чем основное население. Этому способствует и неэффективная пока национальная и миграционная политика некоторых стран, в том числе и России.

Программа миграции, мигрантов, национальных меньшинств выдвигается на первое место среди других социальных проблем, аккумулируя при этом целый спектр различных вопросов: социальное неравенство, столкновение культур, этническая преступность, религиозный экстремизм и терроризм и т.п. Все это может привести к межнациональным столкновениям в различных государствах, а возможно, к более глобальным конфликтам.

Этнические криминальные группы из числа нелегальных мигрантов являются специфическим видом организованных преступных групп. Они отличаются четкой структурой, строгой дисциплиной, имеют межрегиональные и международные связи. Главами структурных единиц выбираются старейшины, выполняющие роль лидеров и «авторитетов», а соподчиненность определяется состоянием межличностных отношений. Этническая основа, тесные родственные связи, единоверие, круговая порука, применение насилия, позволяющие решать проблемы дисциплины внутри группы, культивирование этнических традиций, не препятствующих занятию преступной деятельностью, обеспечивают сплоченность таких групп. Их преступная деятельность становится более конспиративной и тщательно спланированной. Преступная деятельность делает из рядового преступника «патриота», борющегося за свой народ, что придает ему чувство уверенности в правоте совершаемых им действий. Преступные группировки, целью которых является только получение прибыли, в этом отношении более уязвимы и менее устойчивы.

Сотрудники службы участковых уполномоченных полиции обязаны осуществлять профилактику не только преступлений и административных правонарушений, но и профилактику иных видов социально-отклоняющегося поведения.

Необходимо постоянно проводить целенаправленное обучение формам, методам, приемам индивидуально-профилактической работы, для чего использовать положительный практический и теоретический опыт соседних регионов, иногда и международный опыт работы с таким слоем населения. Кроме того, в рамках повышения квалификации участковых уполномоченных полиции предусмотреть подготовку специалистов в области профилактики преступлений и правонарушений, совершаемых этническим населением.

Восстановление и развитие связей службы участковых с населением – решающее условие обеспечения эффективности предупреждения правонарушений и преступлений, совершаемых этническим составом населения. Необходимы целенаправленные усилия по преодолению социального негативизма значительной части граждан к приезжающим из ближнего зарубежья.

Требуется разработать и осуществить комплекс целенаправленных мер по повышению уровня правосознания и правовой культуры среди населения, адекватному противодействию укоренившимся традициям правового нигилизма, антиобщественным мотивам, взглядам и привычкам, другим субъективным причинам и условиям преступности среди этнического слоя населения. Этому в первую очередь должна способствовать система правового просвещения, обучения и воспитания, которую необходимо создать, взамен разрушенной, с учетом ценностей и условий жизни обновленного общества [1, с.13].

Необходимо повысить уровень взаимодействия службы участковых с представителями существующих общественных формирований правоохранительной направленности, оказывая им практическую помощь в их деятельности и обучая

формам и методам индивидуальной профилактики преступлений и правонарушений, совершаемых этническим слоем населения.

Целесообразно наладить и развивать тесное сотрудничество участковых уполномоченных полиции с политическими партиями и движениями, религиозными конфессиями, негосударственными СМИ; способствовать как возрождению традиционных (общественные пункты охраны правопорядка, добровольные народные дружины, уличные, квартальные, домовые комитеты, советы профилактики на предприятиях и др.), так и созданию новых общественных структур профилактической направленности.

В целях активизации деятельности по противодействию экстремистским проявлениям необходимо разработать план мероприятий, направленный на предупреждение проникновения экстремизма в молодежную среду, обеспечить оперативное прикрытие молодежных объединений, выявление мест тиражирования и распространения печатной продукции экстремистского направления.

Отсутствие у участковых уполномоченных полиции возможности использования автоматизированных информационно-поисковых и адресно-справочных баз данных снижает уровень их упреждающего влияния на криминогенные процессы в местах проживания населения. В ряде субъектов Российской Федерации приостановлена работа по доведению численности данной категории сотрудников органов внутренних дел до установленных нормативов, развитию контрактной формы приема на службу и увеличению количества их помощников; по-прежнему крайне медленно решаются вопросы материально-технического и социально-бытового обеспечения участковых уполномоченных полиции. Большинство из них не имеет служебных помещений и жилой площади на обслуживаемых ими административных участках. Необходимых усилий по разрешению этих проблем со стороны руководителей УМВД, ГУМВД, УМВД субъектов Российской Федерации не предпринимается [2, с. 24].

Участковый уполномоченный полиции должен знать население административного участка, характер его занятости, этнический состав, местные обычаи, традиции, культуру проживающего населения. Кроме того, выявлять на административном участке общественные и религиозные объединения либо иные организации, деятельность которых сопряжена с совершением противоправных действий либо с побуждением к их совершению. Принимать к ним в установленном порядке в пределах своей компетенции меры, предусмотренные законодательством.

Участковый уполномоченный в целях выявления, предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений должен:

- анализировать складывающуюся оперативную обстановку на административном участке и вносить руководству органа внутренних дел предложения по повышению эффективности оперативно-профилактической деятельности подразделений органа внутренних дел и улучшению координации их деятельности;

- осуществлять контроль за своевременным принятием мер руководителями организаций по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений. В случае невыполнения ими ранее данных рекомендаций докладывать руководству органа внутренних дел для принятия мер;

- осуществлять проверки соблюдения должностными лицами и гражданами Российской Федерации установленных правил регистрационного учета; вести списочный учет постоянно проживающих на административном участке иностранных граждан и лиц без гражданства, ежемесячно осуществлять проверки их фактического проживания;

- по письменным запросам паспортно-визового подразделения в отношении лиц, обратившихся по вопросу приобретения гражданства Российской Федерации, проводить проверку фактического проживания данных лиц по месту регистрации, а также подтверждения их трудовой деятельности. О результатах проверки в месячный срок направлять рапорт инициатору запроса.

Литература

1. Геворгян Г.М. Криминологические проблемы борьбы с организованными этническими преступными формированиями в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
2. Приказ МВД России от 16 сентября 2002 г. № 900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции».

УДК 343.85

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Хомик Э.В., преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассмотрена проблема отсутствия в Кодексе об административных правонарушениях понятия семейного дебошира и об определении ответственности за проявление насилия в семейно-бытовой сфере.

Ключевые слова: административное правонарушение; санкция; семейный дебош; превентивные меры.

THE PROBLEM OF PREVENTING CRIMES IN THE DOMESTIC SPHERE

Khomik E.V., lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article considers the problem of absence in the Code of administrative offences of the concept of family of rowdy and determination of responsibility for violence in the family domestic sphere.

Keywords: administrative offence; a sanction; a family brawl; preventive measures.

Проблема насилия в семье в России на протяжении всей истории является одной из основных проблем развития государства. Общество с неохотой вмешивается в дела семьи, тем самым попустительствует процессу развития нравственного упадка российских семей. Насильственные межличностные отношения между членами семьи давно стали нормой, что влечет за собой искаженное понимание понятия семьи как социального института и его значение для гражданского общества.

В Российской Федерации 40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье. От домашнего насилия чаще всего страдают самые слабые и незащищенные члены семьи – женщины, дети, инвалиды и пожилые люди.

Только за 2013 г. от преступных посягательств погибли 9100 женщин, 11 300 получили тяжкий вред здоровью. Согласно официальной статистике, в 2013 г. 46 тыс. несовершеннолетних стали жертвами насильственных преступлений. Около 2 тыс. погибли, 3,6 тыс. получили телесные повреждения. Половина

этих преступлений были совершены дома [5]. Такая ситуация с несовершеннолетними и малолетними приводит к увеличению количества беспризорников. Дети уходят из семей на улицу, что неизбежно приводит к различного рода заболеваниям, ухудшению образовательного уровня и отсутствию у таких детей правильных жизненных установок с дальнейшим их вовлечением в криминальную среду.

Рост конфликтных ситуаций в семье обусловлен распространением бытового пьянства, алкоголизма, безработицы, имущественных споров. Согласно статистике, треть всех преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения [1]. Причинами домашнего насилия является и отсутствие механизма воздействия на «домашнего тирана» и его безнаказанность со стороны общества. Более половины лиц, совершающих преступления, не имеют постоянного источника дохода. Совершение тяжких и особо тяжких преступлений в сфере семейно-бытовых отношений приводит к росту преступности среди женщин и несовершеннолетних, изменяя качественную структуру преступности и усугубляя социальные процессы в обществе.

Система предупреждения преступности в России на современном этапе развития должна работать в качественно ином правовом пространстве. Эта необходимость диктуется объективными факторами: изменился подход к уголовной политике, реализация прав и свобод человека и гражданина стала одним из приоритетных направлений развития государства, поменялись исторические реалии, динамично развиваются все отрасли законодательства.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» дает определение понятию профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В законе говорится о профилактике как о системе социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [4].

Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в семье, дает правоохранительным органам возможность предотвращать рост более тяжких преступлений против личности, а также оказывать раннее профилактическое воздействие на негативные факторы в семье, под влиянием которых еще в несовершеннолетнем возрасте может формироваться личность, склонная к совершению преступлений насильственного характера.

Одной из эффективных мер предупреждения преступлений в семейно-бытовой сфере является выявление превентивных составов преступлений. Традиционно к числу таких преступлений принято относить умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ), истязание (ст. 117 УК РФ), угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) и др. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 115 и 116 УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются только по заявлению потерпевших или их законных представителей и подлежат прекращению в связи с примирением с обвиняемым. Именно это положение и является основным препятствием при привлечении виновных за насилие в семье. Практика показывает, что почти 50% жертв семейного насилия не обращаются в полицию, потому что, как правило, они живут на одной жилплощади с лицом, совершающим противоправные действия, и другого места проживания у них нет, они находятся в экономической зависимости, боятся пострадать еще больше от семейного дебошира. Кроме того, на первых порах после семейного дебоша очень многие мужчины просят прощение и обещают, что насилие больше не повторит-

ся. Поэтому те женщины, которые все же решаются подать заявление в полицию, часто впоследствии подают заявление о примирении с обвиняемым, что, в свою очередь, может быть связано с давлением, которое оказывают на них мужья или другие члены семьи. Российское правосудие очень охотно прекращает уголовные дела по ст. 115 и 116 УК РФ именно за примирением сторон. И так как наказания не последовало, остается риск совершения впоследствии более тяжкого преступления.

Очень распространена практика привлечения к административной ответственности виновных за применение насилия в семье по ст. 20.1. Кодекса РФ об административных правонарушениях «Мелкое хулиганство». Поскольку, как правило, для привлечения виновного к уголовной ответственности доказательств бывает недостаточно, а семейный скандал обычно нарушает покой всех соседей, а не только членов семьи, то практика применение мер административного взыскания очень удобна для участковых уполномоченных полиции. Однако данная мера воздействия практически никогда не достигает своей цели – защиты личности, охраны прав и свобод человека, охраны здоровья граждан, так как основное внимание все-таки уделяется нарушению общественного порядка, а не защите жертв домашнего насилия.

УМВД по Приморскому краю и Комитет по местному самоуправлению, правопорядку и законности Думы г. Владивостока вышли с предложением к Законодательному собранию Приморского края ввести в Закон Приморского края от 5 марта 2007 г. № 44-КЗ «Об административных правонарушениях в Приморском крае» статью за бытовое дебоширство, так как в настоящее время законодательная база не позволяет в полном объеме осуществлять сотрудникам полиции превентивные меры по предупреждению преступлений указанной категории. При изучении опыта профилактики семейно-бытовых конфликтов в других регионах России, где ответственность за бытовое дебоширство установлена, наблюдается значительное сокращение бытовой преступности. Например, административная ответственность для семейных дебоширов уже установлена в Чувашской Республике, в Алтайском крае и Саратовской области.

В то же время нельзя не отметить, что субъект Российской Федерации вправе устанавливать административную ответственность только в виде предупреждения или административного штрафа. Это не всегда оказывает необходимое профилактическое воздействие на правонарушителей и, как правило, влечет за собой нежелание потерпевшей стороны нести в семье финансовые потери, которые отражаются только на семейном бюджете, но никак не на поведении «хулигана». В целях предупреждения совершения в быту таких преступлений, как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, на наш взгляд, целесообразно изолировать на время семейного дебошира, для чего необходимо предусмотреть санкции за семейно-бытовое дебоширство в виде административного ареста сроком до 15 суток. При этом механизм привлечения виновных лиц должен быть проработан таким образом, чтобы исключить привлечение за действия, не подпадающие под категорию злостных, с точки зрения морали.

Анализ практики показывает, что залогом комплексной и своевременной профилактики бытовых нарушений является правовая пропаганда. В связи с этим правоохранительными органами должна быть проведена работа, направленная на разъяснение среди жителей, проживающих в одном доме с бытовыми дебоширами, законодательства о возможности привлечения их к административной, уголовной, гражданской ответственности [4].

Данные меры имеют правовой характер и применяться должны в системе с социальными и экономическими мерами предупреждения преступности. Проблема предотвращения правонарушений в условиях современного состояния общей

экономической и социальной ситуации в России чрезвычайно актуальна. Противоправное поведение в семейно-бытовой сфере в силу его значительной распространенности причиняет обществу ощутимый вред [3].

Таким образом, для решения проблемы бытовой преступности необходимо рассмотреть ряд вопросов, таких как введение в федеральное законодательство понятия и ответственности за бытовое дебоширство, привлечение к ответственности по превентивным составам, организация арестных домов и предоставление социальной помощи жертвам домашнего насилия.

Литература

1. Официальный сайт УМВД по Приморскому краю. URL:https://25.mvd.ru/ (дата обращения: 03.02.2015).
2. Правовое освещение по профилактике бытового дебоширства // Бековский Вестник. URL: http://www.vestibek.ru/news-3-2729.html (дата обращения: 02.02.2015).
3. Середин А.Е. Теоретико-правовые основы профилактики правонарушений в семье: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007.
4. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. URL: http://base.garant.ru/12116087/1/#block_100#ixzz3RuWW9Exb (дата обращения: 05.02.2015).
5. URL: https://www.change.org/p/госдума-требуем-принять-закон-против-домашнего-насилия-dumagovru (дата обращения: 03.02.2015).

УДК 343.85

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Сукманов О.В., старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

В настоящей статье автором анализируются методы и формы индивидуального предупреждения преступного поведения. Автор полагает, что в настоящее время имеются проблемы в определении перечня форм реализации методов индивидуального предупреждения преступного поведения, что снижает эффективность их реального использования на практике.

Ключевые слова: индивидуальное предупреждение; методы; формы; профилактическая беседа.

TO THE QUESTION OF THE FORMS OF IMPLEMENTATION OF INDIVIDUAL METHODS IN THE PREVENTION OF CRIMINAL BEHAVIOR

Sukmanov O.V., senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

In this article the author analyzes the methods and forms of individual prevention of criminal behavior. The author believes that at the present time there are problems in determining the list of forms of implementation of individual methods in the prevention of criminal behavior, which reduces the efficiency of their actual use in practice.

Keywords: individual warning; methods; forms; preventive conversation.

В настоящее время уголовная политика нашего государства определяет предупреждение преступлений в качестве одной из основных своих целей. Серьезное внимание различным аспектам предупредительной деятельности уделяется и в научной литературе. Наука должна предлагать практике рекомендации, которые повышают эффективность осуществления данного вида государственной деятельности.

Научные достижения, рано или поздно, проникают в учебную литературу, отражаясь в ней в аккумулированном виде. Учебная же литература, в свою очередь, не только предлагает обучаемым новые знания, но и формирует базу последующей познавательной деятельности.

Речь о методах и формах их реализации применительно к осуществлению индивидуального предупреждения преступного поведения в отечественной науке идет уже давно, однако до сих пор в учебной литературе весьма сложно определить общепринятую систему как методов, так и форм индивидуального профилактического воздействия.

Казалось бы, что такое положение дел дает некоторую свободу представителям науки и практикам как в определении методов и форм, так и в их реализации. Однако необходимо помнить, что предупредительная деятельность на индивидуальном уровне практически всегда связана, как минимум, с вмешательством представителей государства в частную жизнь человека, а в реальности практически всегда ограничивает какие-либо права, свободы или законные интересы граждан. И здесь мы сразу сталкиваемся с проблемой обоснованности выбора того или иного метода или формы на нормативном, а в случае отсутствия такового – на доктринальном уровнях.

Проекты нормативно-правовых актов готовят (со всеми оговорками) все же юристы, которые когда-то получали базовое образование, обучаясь в учебных заведениях и воспринимая базовые положения, применительно к теме данной статьи, такой науки, как криминология.

Например, Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, утвержденное приказом МВД России от 31 декабря 2012 г., предусматривает четыре формы (мероприятия), которые участковый уполномоченный полиции обязан осуществлять при проведении индивидуальной профилактической работы. На первом месте среди них находится проведение профилактических бесед с лицами, состоящими на профилактическом учете. То есть разработчики данного приказа в качестве основной (и, видимо, важнейшей) формы проведения профилактической работы для участкового уполномоченного полиции определили именно индивидуальную профилактическую беседу.

В весьма объемном учебном пособии для служебной подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, подготовленном коллективом авторов на базе Томского университета в 2012 г., практикам предлагаются следующие базовые знания: «Индивидуальная воспитательная работа, как и профилактика рецидива преступлений, осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями на основе… и реализуется путем проведения индивидуальных бесед, направленных на активизацию самовоспитания осужденного, искоренение пагубных привычек (алкоголизм, наркомания и т.п.), привитие общечеловеческих ценностей и ориентиров, разъяснение осужденному необходимости правопослушного поведения» [1, с. 108].

Получается, что все многообразие форм (способов) оказания профилактического воздействия сводится всего к одной форме – профилактической беседе. Представляется, что данная позиция должна вызывать, как минимум, удивление. Если даже вышеуказанный нормативно-правовой акт МВД России предлагает хоть какой-то, но выбор форм (мер) осуществления индивидуальной профилакти-

ческой работы, то учебное издание, адресованное сотрудникам, для которых индивидуальная профилактика преступного поведения является важнейшим видом оперативно-служебной деятельности, вообще лишает их любого выбора, даже на уровне теории.

Подобных примеров систематизированного представления в нормативных документах или учебной литературе проблематики методов индивидуального предупреждения преступлений и форм их реализации можно привести немало. К сожалению, современная методологическая основа осуществления индивидуального профилактического воздействия не только лишена какой-то вариативности, но и по сути сведена к примитивному алгоритму действий субъекта профилактики, что входит в противоречие с таким принципом предупреждения преступлений, как учет индивидуальных характеристик профилактируемого и специфики сложившейся жизненной ситуации.

Автор, с учетом своего личного опыта практической деятельности, в том числе и по осуществлению индивидуального предупреждения преступлений, полагает, что систематизацию современных методов и форм осуществления индивидуальной профилактики в теоретическом плане наиболее эффективно проводить на основе следующей позиции.

К методам осуществления индивидуального профилактического воздействия следует относить методы убеждения, оказания помощи и принуждения, при этом первые два могут быть реализованы в следующих формах: индивидуальные или коллективные профилактические беседы, обсуждение поведения лица, установление над ним коллективного или индивидуального шефства, стимулирование участия в общественно полезной деятельности и др. [2, с. 459]. Данный перечень с некоторыми вариациями известен криминологическим изданиям еще советского периода, однако до настоящего времени не утратил своей актуальности и практической ориентированности, естественно, с поправкой на современное состояние предупредительной деятельности.

Как можно убедиться, и в предложенном перечне на первом месте стоит профилактическая беседа. Так действительно ли именно данная форма обладает максимальной эффективностью даже в настоящее время, если не только учебная литература, но и нормативные источники ставят ее на первое место? Представляется, что это далеко не так. Необходимо вспомнить, что методология индивидуального профилактического воздействия на глубоком научном уровне начала разрабатываться еще во времена существования СССР, с ориентацией общественной идеологии на коллективистские начала, приоритет интересов государства над интересами личности. При этом советским гражданам не только прививалось уважение к любым представителям государственной власти, но и на эмоциональном уровне вырабатывалось уверенность в авторитетности этих лиц при разрешении любых ситуаций, вплоть до семейно-бытовых. В силу этого (не умаляя и других обстоятельств) субъекты индивидуального предупреждения преступного поведения (например, участковые инспекторы милиции) автоматически обладали нужным уровнем авторитетности только в силу занимаемой должности, что, в свою очередь, действительно делало такую форму профилактического воздействия весьма эффективной.

В настоящее время современные характеристики как субъектов, так и объектов профилактического воздействия на индивидуальном уровне не позволяют говорить о хотя бы достаточной эффективности профилактической беседы. Следовательно, не отрицая необходимости использования данной формы в тех или иных профилактических ситуациях, автор убежден, что оценивать ее в качестве основной, а тем более единственной формы, – значит резко снижать профилактический потенциал реализации методов убеждения или оказания помощи в целом.

Полагаем, что современное состояние уголовной политики требует глубокого переосмысления как прошлого, так и настоящего содержания методологии индивидуального профилактического воздействия. И такая необходимость возникла не только на научном или учебном уровне, но прежде всего в практической плоскости. Субъект профилактики должен не только иметь выбор таких форм с учетом специфики сложившейся профилактической ситуации, но и быть вооружен знаниями о сильных и слабых сторонах их реализации, что в конечном итоге позволит реально повысить эффективность их использования. Вполне возможно, что в целях алгоритмизации профилактической деятельности субъекта полезным окажется и систематизация форм реализации методов профилактического воздействия по какому-либо сущностному основанию.

Литература

1. Антонов С.М., Кайгородов А.А., Мелехова Т.Н. и др. Исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012.

2. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: НОРМА, 2002.

УДК 343.915

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПОВТОРНОЙ ДЕЛИКТНОСТИ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Ищенко Е.В., старший преподаватель Воронежского института МВД России

В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы повторной преступности несовершеннолетних. Делается вывод о необходимости совершенствования организации работы субъектов системы профилактики и предлагаются конкретные пути разрешения некоторых имеющихся проблем.

Ключевые слова: несовершеннолетний; правонарушения; повторная преступность; деликтное поведение; профилактика.

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RE-JUVENILE DELINQUENCY PREVENTION

Ishchenko E.V., senior lecturer of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with problems of re-arrested juveniles. It is spoken about the need of organization betterment of legal entity in the system of prevention and the ways of some problems solving are presented.

Keywords: juvenile; offenses; re-juvenile delinquency; criminal behavior; prevention.

Вопросы профилактики преступности в подростковой среде, в том числе повторной, являются актуальными на современном этапе развития общества. Проведенные исследования и уголовная статистика свидетельствуют, что в последнее время снижается возраст несовершеннолетних лиц, совершающих преступления. Так, в Воронежской области в 2010 г. 524 несовершеннолетних совершили преступления в возрасте 16-17 лет, 198 – в возрасте 14-15 лет (из них 82 подростка ранее судимые); в 2011 г. – 486 несовершеннолетних в возрасте 16-17 лет, 212 –

в возрасте 14-15 лет (из них 74 подростка ранее судимые); в 2013 г. – 475 несовершеннолетних в возрасте 16-17 лет, 219 – в возрасте 14-15 лет (из них 53 подростка ранее судимые).

В целом на территории Воронежской области отмечается снижение преступности среди несовершеннолетних на 6,8% (с 797 в 2013 г. до 743 в 2014 г.). В том числе на 1,4% снизилось количество совершенных групповых преступлений (с 277 до 273), на 12% – повторных преступлений (с 175 до 154). С каждым годом уменьшается количество административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними: в 2010 г. подростками совершено 10 809 административных правонарушений, в 2011 г. – 8290, в 2012 г. – 7238, в 2013 г. – 6965, в 2014 г. – 6266.

Правовое обеспечение предупреждения правонарушений и преступлений несовершеннолетних имеет огромное значение, поскольку во многом именно в правовых актах определяются основные направления предупреждения, формы и методы его осуществления, цели, задачи и функции субъектов предупреждения, их права и обязанности.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5] определяет основные задачи и принципы деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, управления образованием, опеки и попечительства, по делам молодежи, управления здравоохранением, службы занятости, органы внутренних дел.

Комплексный подход к проблеме профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и успешная социализация предполагают не только адаптацию несовершеннолетнего в обществе и коллективе, но и умение ему до некоторой степени противостоять, проявлять и отстаивать свою индивидуальность [1, с. 98].

Происходящие в России изменения в политической, социальной и духовной жизни общества не могут не оказывать влияние на состояние и структуру преступности в молодежной среде. Происходит изменение не только количественных, но и качественных ее характеристик [3, с. 160].

Негативные процессы, протекающие в подростковой среде, вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность, снижение уровня социально-экономического благосостояния большинства семей – все это делает работу по профилактике преступности среди несовершеннолетних, в том числе повторной, приоритетным направлением деятельности субъектов системы профилактики.

Для большинства криминологов характерна точка зрения, согласно которой личность преступника рассматривается в качестве социального типа, обладающего определенной общественной опасностью, реализуемой в конкретной ситуации совершением преступления. Однако личность преступника и деликтная личность – не тождественные понятия. Ведение антиобщественного образа жизни (пьянство, потребление наркотиков, занятие проституцией) и совершение преступлений – качественно различные между собой виды деятельности. Практический смысл административно-деликтного поведения подростка заключается в том, что оно позволяет с высокой степенью вероятности прогнозировать возможный переход к преступлению, если не принять соответствующих профилактических мер.

Изучая практический опыт работы сотрудников органов внутренних дел и представителей других субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в рамках деятельности по предупреждению повторной преступности среди несовершеннолетних, можно сделать вывод о необходимости ранней профилактики, направленной, прежде всего, на предупреждение безнадзорности, формирование антиобщественной ориентации личности

подростка, недопущение создания группировок асоциальной направленности, их разобщение, т.е. индивидуальное предупреждение групповых преступлений. Именно в группе несовершеннолетние совершают наиболее тяжкие преступления.

Неорганизованность досуговой сферы зачастую приводит к конфликтным ситуациям и стимулирует выбор линии поведения и интересов в группе сверстников. Во многих случаях подростки, пополняющие группировки с антиобщественной и криминальной направленностью поведения, воспитываются в неблагополучных семьях. У многих подростков имеются глубокие пробелы в школьных знаниях, хроническая неуспеваемость, конфликты с педагогами, что порождает неуверенность в собственных силах и способностях.

Организаторы групповых преступлений несовершеннолетних используют, как правило, их возрастные особенности: тягу к интенсивному неформальному общению, повышенный интерес к конфликтным ситуациям, стремление к оригинальности, максимализм, неустойчивость нравственных и правовых убеждений.

В целях повышения эффективности работы всех субъектов системы профилактики, в частности по предупреждению повторных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, необходимо проведение следующих мероприятий:

– разработка совместных реабилитационных программ специальными учреждениями закрытого типа для несовершеннолетних и органами социальной защиты в целях создания условий социальной и психологической адаптации несовершеннолетних по отбытию наказаний в учреждениях закрытого типа;

– решение вопросов о возможности трудоустройства несовершеннолетних, как на временной, так и на постоянной основе, на предприятия района, с предоставлением предприятиям возможных налоговых льгот;

– работа комиссий по содействию и помощи семье и школе на предприятиях в целях организации досуга и оказания социально-экономической помощи семьям;

– своевременное проведение мероприятий, направленных на формирование правовой культуры и активной гражданской позиции;

– взаимодействие всех подразделений органов внутренних дел по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений несовершеннолетних с использованием следующих методов и приемов работы: 1) раннее выявление групп с антиобщественной направленностью; 2) профориентация группы несовершеннолетних, склонных к совершению противоправных действий; 3) дискредитация лидера группы (не порочащая честь и достоинство).

Профилактическую работу необходимо проводить с каждым подростком в форме непосредственного воздействия, с учетом изучения характеризующих материалов. Необходимо понимать, что основными, наиболее эффективными формами являются своевременные меры воздействия, убеждения, оказание помощи семье или подростку со стороны органов внутренних дел, социальной защиты, здравоохранения и т.д.

Подводя итог, сделаем следующий вывод: необходима разработка типового комплексного плана-графика, который регулировал бы деятельность субъектов профилактики, направленную на предупреждение именно повторных преступлений несовершеннолетних. Мы не претендуем на полное рассмотрение проблематики в рассматриваемой сфере, так как она лежит не только в правовой, но и в социально-экономической плоскости. Хотим лишь отметить, что имеющиеся проблемы и противоречия в рассматриваемом направлении могут быть преодолены посредством надлежащего правового регулирования.

Литература

1. Агафонов П.Ю. Криминологическая характеристика групповой преступности несовершеннолетних: дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

2. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних: учеб.-метод. пособие / Т.М. Занина, А.Н. Кокорев, И.В. Лесовик. М.: Изд-во «Щит-М», 2012.

3. Мещерякова Е.И., Мишина Н.Н. К вопросу о совершенствовании профилактической деятельности подразделений по делам несовершеннолетних // Вестник ВИ МВД России. 2013. № 1. С. 160-166.

4. Организация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних: учеб.-метод. пособие / Т.М. Занина [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2011.

5. Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

УДК 343.97:343.85

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ КАК УГРОЗА ПОДРАСТАЮЩЕМУ ПОКОЛЕНИЮ, ЕГО ПРОФИЛАКТИКА

Беляева Ю.А., адъюнкт Ростовского юридического института МВД России

В статье говорится о вовлечении молодежи в деятельность экстремистских организаций. Автор раскрывает сущность понятия «экстремизм» и указывает основные направления и методы работы по профилактике молодежного экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм в молодежной среде; преступления экстремистской направленности; профилактика экстремизма; патриотическое воспитание.

YOUTH EXTREMISM IN THE MODERN WORLD AS A THREAT TO THE YOUNGER GENERATION, ITS PREVENTION

Belyaeva Y.A., post graduate of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article refers to the involvement of young people in the activities of extremist organizations. The author reveals the essence of the concept of «extremism» and indicates the main directions and methods of prevention of youth extremism.

Keywords: extremism among young people; extremist crimes; preventing extremism; patriotic education.

В связи с тем, что Россия является многонациональным светским государством и ее население исповедует различные религии, деятельность экстремистских организаций является дестабилизирующим фактором социально-политической ситуации в стране и представляет собой серьезную угрозу конституционному строю и территориальной целостности государства. Так, по официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в январе – октябре 2014 г. зарегистрировано 874 преступления экстремистской направленности, что на 11,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года [2].

Современная молодежь проходит становление в условиях «ломки» старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Появляется растерянность, пессимизм, увеличивается агрессивность, нигилизм и в конечном счете экстремизм. Не имея большого жизненного опыта, четких морально-нравственных ориентиров, подростки не всегда могут представить последствия своих противоправных действий и определить грань между преступным и непреступным деянием. В последнее время особо опасный характер приобретает вовлечение молодежи в деятельность организаций экстремистского толка.

Само понятие «экстремизм» означает приверженность к крайним взглядам и мерам, которые порождают социально-экономические кризисы, деформации политических институтов, резкое падение жизненного уровня, ухудшение социальных перспектив значительной части населения, доминирование в обществе чувств и настроений хандры, социальной и личной нереализованности, неполноты бытия, страха перед будущим, подавление властями оппозиции, инакомыслия, блокирование легитимной самодеятельности индивида, национальный гнет, амбиции лидеров, политических партий, ориентации лидеров политического процесса на экстремальные средства политической деятельности [3, с. 4].

Молодежный экстремизм отличается от взрослого меньшей организованностью, стихийностью, отсутствием идеологической основы. Действия молодых экстремистов более жестоки, поскольку в силу своего возраста они не боятся смерти, тюрьмы, физических травм, им свойственна психология максимализма и подражания.

Большинство проявлений экстремизма в молодежной среде эксперты связывают со слабой государственной политикой, с несправедливостью при реализации социальной политики, с отсутствием реальной, а не показной государственной молодежной политики, с попустительством экстремизму со стороны государственных органов.

Среди причин роста экстремистских проявлений эксперты называют также специфические особенности современного молодого поколения. Влияние этих особенностей на рост молодежного экстремизма эксперты связывают с недостатками воспитания и правового образования, с усиливающейся пропагандой насилия в СМИ, с «героизацией» образа экстремиста. Очевидным фактом является то, что экстремизм, как и терроризм, не относится к преступлениям, имеющим тенденцию совершаться незаметно и скрытно, наоборот, это те виды преступления, которые рассчитаны на общественный резонанс, и любая реклама, любое народное порицание есть достижение необходимого эффекта.

В теоретическом и практическом плане профилактика экстремизма как одного из видов асоциального поведения молодежи подразделяется на первичную и вторичную. Первичная профилактика – это работа по предотвращению притока новых членов в экстремистские формирования, иммунизация подростков в отношении экстремизма, привитие антифашистских воззрений; вторичная – профилактическая работа с участниками самих экстремистских формирований. Профилактика экстремизма может быть также представлена в следующих двух измерениях: первое – воздействие на личность, второе – на среду формирования и обитания личности.

В качестве основных направлений и методов работы по профилактике молодежного экстремизма можно выделить:

– патриотическое воспитание молодежи;

– формирование неприятия насилия как такового;

– пропаганда толерантного отношения к различным религиям и лицам других национальностей;

– создание негативного образа экстремистских формирований и их лидеров;

– разработка комплекса мероприятий по работе с неформальными молодежными группировками;

– проведение персональной профилактической работы с несовершеннолетними участниками экстремистских группировок, в том числе в форме воспитательного сопровождения;

– формирование системы подготовки специалистов противодействия экстремизму;

– проведение в студенческой среде научно-практических конференций, семинаров, «круглых столов», конкурсов на лучшие произведения и материалы антиэкстремистского характера;

– доведение до студенческой аудитории объективной информации о результатах противодействия экстремизму, о работе органов внутренних дел по выявлению и раскрытию данного рода преступлений с приведением примеров конкретных уголовных дел [1, с. 80].

Таким образом, противодействие экстремистской идеологии в молодежной среде выходит на первый план государственной молодежной политики. Приведенный перечень профилактических мер не является исчерпывающим. Как и всякое социальное явление, экстремизм постоянно расширяет и меняет формы своего воздействия на умы молодежи, что предусматривает постоянный поиск все новых методов борьбы с ним и требует от сотрудников правоохранительных органов не только досконального знания новаций, но и достаточной подготовленности, чтобы противостоять экстремистским организациям.

Литература

1. Воронцов С.А. О совершенствовании подходов к предупреждению экстремистских проявлений в молодежной среде // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 2 (51). С. 77–83.

2. Состояние преступности январь-октябрь 2014 года. URL: https://mvd.ru/folder/101762/ item/2812307/ (дата обращения: 20.02.2015).

3. Федоткин А.И., Кузьмин А.В. Правовая основа деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению экстремизма в молодежной среде: лекция. Домодедово: ВИПК МВД России, 2012.

УДК 343.97:343.85:343.341

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В БОРЬБЕ С ИДЕОЛОГИЕЙ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ОБЩЕСТВЕ КАК ГАРАНТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Королева Д.В., адъюнкт Ростовского юридического института МВД России

В статье автор отмечает необходимость умеренного отношения к историческим фактам, защиты их от искажения в целях формирования самостоятельного, независимого мировоззрения человека. Человек с индивидуальным мировоззрением, человечным отношением к другому человеку, уважающий историю своего государства, является гарантом национальной безопасности своей страны.

Ключевые слова: мировоззрение человека; человечность; история государства; система ценностей; влияние.

A PERSON'S WORLDVIEW IN COMBATING THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AND TERRORISM IN SOCIETY AS A GUARANTEE OF NATIONAL SECURITY OF THE STATE

Koroleva D.V., post graduate of the Rostov Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The author notes the need for a moderate attitude to historical facts, protect them from distortion, in order to create an independent, not dependent person's world. A man with a personal outlook, humane attitude towards another person, respecting its history, the state is the guarantor of national security of the country.

Keywords: human world; humanity; history of the state; system of values; effect.

Создавая бесчисленное количество иллюзий в своем мировоззрении, основываясь на подаваемом материале, человек часто попадает в паутину интриг, конфликтов, радикальной идеологии, обрекая себя на стадное безрассудное поведение, постоянную борьбу с самим собой и Миром в целом, забывая о существе и единстве своем духовном и физическом всецело.

Не случайно статья начинается с такого абстрактного предложения, смысл которого раскрывается достаточно легко и подвластен осмыслению любому дилетанту. Аналогично довольно абстрактными понятиями в теории являются «экстремизм» и «терроризм», об определении которых до сих пор ведутся дискуссии. На практике же их сущность раскрывается весьма конкретно и с таким масштабом, что результат становится трагедией и бедой одного человека, общества, государства и всего Мира в целом. «Слезами покроется общество то, в котором один несчастный человек, забыв о человечности своей, ради мщения, либо в чью-либо угоду из-за принятия «иного» не задумается о жизни чужой».

«Интерес к изучению экстремизма в российской науке резко возрастает к середине 90-х гг. XX в., когда объективировались многочисленные кризисные процессы, охватившие все сферы организации социума… В настоящее время в российской науке определение понятия «экстремизм» имеет множественное истолкование. При этом качественные характеристики этого явления выделяют нечетко, анализ феномена экстремизма носит преимущественно политологический и социологический характер... Экстремизм и терроризм соотносятся как общее и частное: первый образует своеобразную и идеологическую основу террористическим действиям; второй – определяется совокупностью крайних установок (обоснованием применения насилия) для достижения политических целей нелегитимным способом…» [2, с. 5-6, 9-11].

Формирование мировоззрения человека (то, как человек смотрит на мир) начинается с рождения и продолжается на протяжении всей жизни. На этот процесс влияют все существующие факторы и все окружающие лица. Эпоха и общество диктуют свои условия и накладывают свой отпечаток на его постоянное видоизменение. Каждый человек в зависимости от его мировоззрения по-разному относится к окружающему Миру и происходящим в нем процессам. Человек даже при наличии развитого самосознания подвержен влиянию «стадного инстинкта», «потребительского поведения», «легкой добычи» и «минимальной трате своей энергии».

На формирование мировоззрения в настоящее время большое влияние оказывает информационный фактор, включая телевидение и средства массовой информации. «Одно и то же событие можно преподнести по-разному. Влияние газет, радио и телевидения на психологию населения огромно. В последние годы появилась новая возможность оказывать влияние на умы сограждан – электронные СМИ, которые пока не подвластны почти никакому контролю. Психологическая работа со средствами массовой информации – еще один важный аспект многогранной проблемы…» [3]. Любая, даже документальная передача, которая якобы основана на достоверных исторических фактах, может быть представлена для зрителя с разных точек зрения. Главный герой (например, исторический деятель) в передаче одного телеканала может предстать перед зрителем положительным персонажем, в передаче другого телеканала – преступником. Один исторический факт может быть преподнесен населению с двух противоположных точек зрения. Для истории эта смена позиций неприемлема. История – это бытие, которое уже совершилось. Любой исторический факт – это совершившееся действие. Вопрос о том, как было бы правильно поступить в ту или иную историческую эпоху, является риторическим. Все подвержено изменению, абсолютно идентичного исторического момента уже не будет. Чтобы негативно не повлиять на формирование мировоззрения подрастающего поколения, не стоит «извращать и переворачивать»

исторические события. История государства – это основа национальной безопасности страны. А когда человек не может разобраться, где истина, а где ложь в истории своего государства и формирует при этом личное мнение на основе авторитета и мнения другого человека, он становится подверженным чужому влиянию, что способствует стремлению человека к участию в экстремистских группировках с радикальными взглядами. Историю нужно уважать, защищать и, главное, знать. Знание и анализ исторических фактов способствует воспитанию патриотов страны. Человек, попадая в систему ложного информирования, теряет веру в государство, в его защищенность и не представляет, кому можно доверять, кого нужно слушать. А по своим психическим свойствам (по степени подверженности влиянию со стороны других людей) человек в настоящее время – существо весьма «психологически расслабленное», и любое близкое к нему или затрагивающее его «за живое» мнение будет верным. Обида, злость, ненависть, месть порождает в человеке мотивировку к совершению возмездия. Ему внушают то, что способствует развитию в нем агрессии.

Утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров, обостренное чувство социальной неустроенности, незащищенности у граждан России, широкая пропаганда (кино, телевидение, пресса, литература) культа жестокости и силы [1, с. 66] являются теми факторами, которые способствуют появлению и формированию идеологии экстремизма и терроризма в обществе. Для сохранения жизни государства необходимо изначально жестко пресекать любые попытки экстремистского и террористического характера, так как малая экстремистская группа может быстро разрастаться и получать популярность из-за коммерческой выгоды или психологического влияния. Очень многое зависит от самого человека. Проявлять человечность, совершая поступки, обращенные к людям, – вот что необходимо в жизни общества любого государства.

Литература

1. Анисимов Ю.Н., Алтунин В.Н. Антитеррористическая деятельность и борьба с экстремизмом: опыт, организация, правовая основа / под общ. ред. А.А. Кузина. 2-е изд., изм. и доп. Майкоп: Качество, 2003.

2. Бычков В.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2013.

3. Виноградов М.В. Терроризм: психологический портрет // Терроризм: правовые аспекты борьбы / отв. ред. и рук. авт. кол. И.Л. Трунов. М.: Эксмо, 2005.

УДК 314.15

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Перелыгин С.В., преподаватель Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматривается текущая демографическая ситуация на Дальнем Востоке. Определяются направления реализации государственной демографической политики на Дальнем Востоке для преодоления тенденции миграционного оттока коренного населения и повышения привлекательности дальневосточных территорий для мигрантов.

Ключевые слова: демографическая политика; мигранты; национальная безопасность; Дальний Восток.

DEMOGRAPHIC POLICY IN THE FAR EAST RUSSIA AS THE FACTOR OF NATIONAL SECURITY

Perelygin S.V., lecturer of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

In article the current demographic situation in the Far East is considered. Demographic situation is quite dangerous for the Russian state. The development of the Russian Far East the most important geopolitical task facing the Federation, that's why very important not to allow development of negative demographic tendencies. Otherwise Far East will continue to slowly drift out of Russia's sphere of influence.

Keywords: demographic policy; migrants; national security; Far East.

В условиях сложившейся геополитической ситуации значение Дальнего Востока как стратегического региона возрастает. Обозначенный «поворот на восток» в условиях действия антироссийских санкций определяет Дальневосточный регион как центр притяжения геополитических, экономических, инвестиционных интересов.

В связи с этим влияние демографической проблемы в регионе на российскую и мировую экономику становится заметнее, в том числе и для других государств. В зарубежной прессе регулярно обсуждается вопрос об ослаблении влияния России в регионе в связи со сложной демографической ситуацией.

Длительный демографический кризис привел к снижению экономического потенциала Дальнего Востока страны. В регионе наблюдается массовый отток населения в западную часть России, что создает «вакуум» на этих территориях, угрозу национальной безопасности на фоне неограниченных людских ресурсов Китая.

Неспособность власти купировать подобные неблагоприятные демографические и экономические процессы представляет опасность для территориальной целостности страны [5].

В основе отрицательного миграционного оттока лежат две группы факторов: природно-климатические и социально-экономические. Вторая группа факторов в советский период позволяла частично компенсировать дискомфорт, связанный со сложными природными условиями, проблемами адаптации мигрантов из других регионов страны. Однако в постсоветский период социально-экономические преимущества пребывания в регионе были сведены на нет.

Назрела необходимость кардинальных перемен в демографической политике государства, осознание которой побуждает руководство страны к поиску эффективных путей реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., направленных на обеспечения устойчивого демографического развития Российской Федерации. Руководство страны пытается. Однако, несмотря на проводимую политику повышения рождаемости и сокращения смертности населения, в ближайшие десятилетия она не сможет переломить негативной демографической тенденции. Поэтому государство пошло на активизацию процесса переселения на территорию России соотечественников, проживающих за рубежом [1, с. 6]. Впрочем, программа переселения соотечественников не оказала практически никакого влияния на демографическую ситуацию на Дальнем Востоке.

Новая миграционная политика России страдает рядом недостатков.

Во-первых, она в значительной степени ориентирована на привлечение соотечественников. Однако в 2007-2012 гг. на территорию Дальневосточного федерального округа переселилось всего лишь 2624 соотечественника. Следует отметить, что в настоящее время происходит постепенное замещение русских и рус-

скоязычных мигрантов представителями титульных народов Закавказья и Центральной Азии в общем потоке миграции в РФ. В настоящее время можно сделать вывод об исчерпанности такого ресурса иммиграции, как русские-репатрианты и обрусевшие из бывших республик в СССР [4, с. 145].

Во-вторых, предполагая заселение преимущественно депрессивных территорий, правительство не сделало эти территории привлекательными: в 2012-2013 гг. большинство соотечественников стремились найти постоянное место жительства в субъектах Российской Федерации, расположенных в Центральном, Сибирском и Северо-Западном федеральных округах. В Дальневосточном федеральном округе во втором квартале 2013 г. осели только 3,1% прибывших соотечественников [2]. В теоретико-методологическом плане российским органам государственной власти необходимо соизмерять политические, экономические и социальные условия, предлагаемые соотечественникам на российских территориях вселения, с аналогичными условиями в местах их проживания за границей. Если условия не мотивируют соотечественников на миграцию, то необходимо изменять их в пользу российских территорий вселения [1, с.10].

В-третьих, декларируется приоритетное привлечение из-за границы квалифицированных специалистов, тогда как российская экономика испытывает потребности в неквалифицированных и высококвалифицированных работниках [3]. Способность эффективной реализации указанного направления вызывает еще большее сомнение в условиях обесценивания национальной валюты, когда доходы в РФ не привлекают даже неквалифицированную рабочую силу.

К сожалению, следует констатировать, что в ближайшем будущем Россия может рассчитывать только на приток мигрантов из стран полупериферии и периферии мировой экономики.

Анализ программных нормативных актов Российской Федерации, направленных на регулирование социально-экономического развития Дальнего Востока, позволяет сделать несколько выводов.

В современных условиях перед Россией первоочередными задачами демографической политики являются создание условий для повышения рождаемости, преодоление высокой смертности и управление миграционными потоками. Государство должно обеспечить привлекательность Дальнего Востока для мигрантов, создать цивилизованные условия для притока желательных для страны мигрантов и противодействовать притоку нежелательных. Только благоприятные социально-экономические условия способны снизить или ликвидировать риск внешнего демографического давления.

Геополитическая ситуация на Дальнем Востоке, интенсивное развитие азиатских стран ориентируют правительство на направление ресурсов для развития Дальнего Востока, что должно привести к значительному экономическому росту России и укреплению российских позиций в самом быстро развивающемся регионе.

Литература

1. Горяинова М.В. Политика России в отношении соотечественников, добровольно переселяющихся из-за рубежа: проблемы и предложения // Миграционное право. 2012. № 1. С. 6-11.

2. Мониторинг реализации Государственной программы за II квартал 2013 года // Федеральная миграционная служба. URL: http://www.fms.gov.ru/programs /fmsuds/monitoring/2kv_2013new.pdf (дата обращения: 07.10.2013).

3. Мукомель В.И. Новая миграционная политика России: достижения и проблемы // Миграционное право. 2010. № 3. С. 5-8.

4. Понамарева А.М., Татунц С.А. Иммиграция как проблема национальной безопасности РФ // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 135-151.

5. Шейнис В.Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность (часть II) // Полис. Политические исследования. 2010. № 1. С. 35-54.

УДК 343.131.8

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Кашапов Р.М., начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена современному состоянию предварительного расследования, выявлению причин, способствующих нарушению законности при расследовании уголовных дел дознавателями и следователями. Высказано мнение автора о причинах некачественного расследования уголовных дел, нарушений законности при производстве отдельных следственных действий.

Ключевые слова: предварительное расследование; уголовное преследование; организация и качество расследования; всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела.

PROBLEM RULE OF LAW PRELIMINARY INVESTIGATION IN CRIMINAL CASES

Kashapov R.M., chair head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

This paper is devoted to the current state of the preliminary investigation. Identify the causes that lead to violations of legality in criminal investigations interrogators and investigators. Suggested av-General on the causes of not qualitative investigation of criminal cases, violations of the law in certain investigative actions.

Keywords: a preliminary investigation; criminal prosecution; organization and the quality of the investigation; comprehensive, complete and objective investigation of the circumstances of the case.

«Современное состояние предварительного расследования в стране оптимизма не вызывает», – констатирует в своем исследовании А.А. Капустин [1, с. 2]. Эффективность работы следствия и дознания, качество расследования в настоящее время не достигают минимально необходимого уровня по целому ряду причин. Одна из них – активное противодействие, создание помех, как со стороны должностных лиц, так и граждан, участвующих в уголовном процессе. По вине лиц, противодействующих раскрытию и расследованию преступлений, установлению истины, затягиваются сроки расследования, снижается его качество, затрачиваются огромные средства и силы.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ предварительное расследование производится следователями и дознавателями.

В большинстве случаев, к сожалению, дознаватели и следователи не стремятся к установлению относительной истины при расследовании уголовных дел, т.к. в действующем УПК РФ отсутствует статья, предусматривающая необходи-

мость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела как один из важнейших принципов уголовного судопроизводства, имевший место в ст. 20 УПК РСФСР «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела».

Согласно названной статье, «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства» [5]. Без такого расследования невозможно представить убедительные доказательства виновности обвиняемого [6, с. 122].

В настоящее время приходится констатировать, что возможно все при желании лиц, обязанных раскрывать совершенные преступления, и лиц, обязанных качественно расследовать уголовные дела. Иначе, что заставляет сотрудников правоохранительных органов привлекать к уголовной ответственности невиновных лиц?[*]

Уголовное преследование нельзя использовать как средство воздействия на граждан в целях получения «правдивых» показаний и мнимого увеличения показателей раскрываемости преступлений[**].

Для искусственного улучшения статистических показателей в практической деятельности распространено избыточное вменение эпизодов преступлений, списание нераскрытых преступлений на умерших, незаконное прекращение уголовного преследования за истечением сроков давности.

В настоящее время в следственных подразделениях и подразделениях уголовного розыска, как Хабаровского края, так и других регионов России, сложилась практика, когда руководители соответствующих подразделений планируют заранее, сколько должно быть направлено уголовных дел в суд, причем нередко с минимальными данными о причастности подозреваемых в инкриминируемом преступлении, в основном уговорами о признании вины подозреваемым. При этом в большинстве материалов уголовных дел отсутствует назначение экспертиз, так как не производится изъятие соответствующих образцов для сравнительного исследования.

Опрос лиц, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений, показал, что в системе МВД России и других ведомствах нет «палочной системы», есть просто требование руководителей об эффективной работе различных подразделений, а чтобы показать эффективность, нужны показатели.

Мы согласны с тем, что руководители оперативных и следственных подразделений обязаны требовать от своих подчиненных результативную работу, но при этом только качественную, не провоцировать их на нарушение норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ, а создавать условия для работы. Получается, что в настоящее время следователь не является лицом, самостоятельно принимающим процессуальные решения. За него уже приняли решение вышестоящие руководители и требуют от него только одного – выдачи уголовного дела любой ценой и причем раньше сроков, отведенных по УПК РФ для расследования.

Вместе с тем приказом МВД России от 26 декабря 2011 г. №1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации», вслед за прошедшим организационно-штатным рефор-

---

[*] Примером может служить уголовное дело по обвинению группы офицеров УФСКН в привлечении к уголовной ответственности невиновных лиц [4].

[**] Примером может служить уголовное дело № 1-7/2014 по обвинению У. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. См.: Архив суда района им. Лазо Хабаровского края.

мированием ведомства, был определен совершенно новый подход к оценке деятельности территориальных органов.

В соответствии с данным приказом одним из основных критериев оценки деятельности органов внутренних дел, в том числе и полиции, является мнение населения о качестве их работы. Важно и то, что приказом регламентирован максимальный отход от «валовых» показателей, из-за которых раньше эффективность труда сотрудников нередко оценивалась по пресловутой «палочной» системе [3].

Таким образом, из приказа МВД России № 1310 следует, что на итоговую комплексную оценку территориальных органов МВД России влияет оценка эффективности деятельности региональных подразделений по ведомственным статистическим показателям.

Вся проблема заключается в том, что на местах руководители территориальных подразделений МВД России иначе понимают оценку эффективности. Качество расследования уголовных дел, как один из показателей эффективности, не повышается, а наоборот, ухудшается. Количество оправдательных приговоров по Хабаровскому краю увеличивается, при этом увеличивается и возврат уголовных дел в соответствии со ст. 237 УПК РФ, что можно назвать завуалированной формой оправдательных приговоров.

Известный русский юрист А.Ф. Кони писал: «Уголовное преследование – слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу» [2, с. 807].

По мнению автора, к причинам некачественного расследования уголовных дел, нарушений законности при производстве отдельных следственных действий можно отнести:

1) отсутствие принципа «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела», а именно установление объективной истины по уголовному делу. Вместо этого действует принцип «Свобода оценки доказательств» (ст. 17 УПК РФ), который позволяет лицам, расследующим дела, оценивать совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью;

2) субъективная трактовка руководителями территориальных подразделений полиции МВД России приказа МВД России от 26 декабря 2011 г. № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации», исходя из ложно понятых интересов службы, перегибы как в отношении лиц, втягиваемых в орбиту уголовного судопроизводства, так и в отношении подчиненного личного состава;

3) различные ошибки, допускаемые дознавателями и следователями вследствие слабой теоретической подготовки (ненадлежащее знание вопросов квалификации преступления, отличия преступления от иных видов правонарушений, тактики производства отдельных следственных действий, методики расследования различных видов преступлений; ошибки при проведении осмотра места происшествия и т.д.);

4) недостаточно эффективная работа оперативно-розыскных подразделений (допускается формальное исполнение отдельных поручений следователя (дознавателя), имеют место случаи доставления к следователю лиц, не имеющих никакого отношения к уголовному делу, что, в свою очередь, влечет привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц и т.д.);

5) несвоевременный надзор со стороны прокуратуры в процессе расследования, так как занятость прокурорских работников не всегда позволяет своевремен-

но реагировать на допускаемые следователем (дознавателем) процессуальные ошибки, и изучение уголовного дела происходит только при его поступлении на утверждение обвинительного заключения (акта);

6) отсутствие достаточной материально-технической базы (отсутствие достаточного количества автомашин, компьютеров, принтеров, копировальной техники, возможность выхода в сеть Интернет и т.д.).

Литература

1. Капустин А.А. Реформа советского предварительного расследования: сущность, предпосылки, основные направления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992.

2. Кони А.Ф. Избранные произведения. М., 1956.

3. Приказ МВД России от 26 декабря 2011 г. № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: http//police-rf.ru (дата обращения: 25.02.2015).

4. Судят офицеров ФСКН, организовавших уголовное преследование невиновных граждан для получения выкупа. URL: http//pravo.ru/news/view/61990 (дата обращения: 24.02.2015).

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. URL: http//democracy.ru (дата обращения: 22.02.2015).

6. Уголовно-процессуальное право: учеб. / под общ. ред. П.А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

УДК 343.1

ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Бочинин С.А., кандидат юридических наук

Автор исследует проблемы преюдиции в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется необходимости создания нового правового механизма получения доказательственного материала в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебные решения; преюдиция.

PREJUDICE IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA: MAIN TRENDS IN THE EXTENTION

Bochinin S.A., *Kandidat nauk* degree in Law

The author investigates the problem of prejudice in the criminal process. A special attention is paid to the necessity of creation of a new law mechanism of collecting proofs in the criminal procedure.

Keywords: criminal procedure; judgment; prejudice.

Понятие «преюдиция» впервые было введено в юридический оборот еще в Древнем Риме, в период действия так называемого «формулярного процесса» (120 г. до н.э. – вторая половина III в.). Изначально под упомянутым термином понималось судебное рассмотрение какого-либо отдельного вопроса, имеющего значение для принятия правильного решения по основному делу. В случае, если вопрос предварительно не разрешался, ответчик имел право выставлять «эксцепцию», чтобы в отношении конкретного дела не применялась преюдиция. Истцу необходимо было сначала предъявить преюдициальный иск, для того чтобы доказать

свое более «общее» право, а затем, после соответствующего судебного подтверждения, предъявить иск ответчику. При дальнейшем рассмотрении решение, вынесенное по первому иску, имело бы преюдициальное значение [4, с. 316].

В России, как отмечает Л.С. Заржицкая, институт преюдиции впервые появился в середине XIX в. с принятием 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства. Понятие «предсудимость» легально закреплялось как особое правило доказывания [3, с. 14].

Рассматривая это специальное правило, известный русский процессуалист И.Я. Фойницкий отмечал: «…в нашем законодательстве имеется ряд положений, которыми известные обстоятельства дозволяется удостоверять лишь точно определенными доказательствами, с полным или условным устранением всех остальных способов их удостоверения; такие предустановленные или преимущественные доказательства подлежат, правда, свободной оценке суда» [9, с. 187].

При этом, как считал ученый, законодатель связывал освобождение от доказывания лишь с презумпциями. Под ними понимались «случаи легальных предположений, абсолютных или относительных, которыми было так богато старое право» [9, с. 188].

Другими словами, предсудимость (questions prejudicielles) в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. фактически имела значение преюдициальности и заключалась в передаче уголовными судами «предсудимых вопросов» на рассмотрение тех судов и учреждений, к ведомству которых они относились юрисдикционно. В зависимости от того, какое решение принималось по предсудимому вопросу, происходило дальнейшее разрешение уголовного дела.

В советский период истории уголовно-процессуального законодательства, как отмечают некоторые исследователи, произошла трансформация нормативной интерпретации преюдиции. Законодатель в уголовном судопроизводстве отказался от трактовки преюдиции как «предрешения» или «предсудимости». Сущность этих понятий поменяла свое значение. Ни о какой неопровержимости решений, вынесенных в ходе разрешения гражданских дел в суде, речи не шло. Более того, все факты можно и нужно было перепроверять, если они вызывали хоть какое-то сомнение [6, с. 24-25].

Такой вывод также следует из нормативных предписаний ст. 12 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 28 УПК РСФСР 1960 г., в которых содержалось положение о том, что вступившее в законную силу решение, определение или постановление суда по гражданскому делу обязательно для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, при производстве по уголовному делу. Однако присутствовала существенная оговорка – только по вопросу о том, имело ли место определенное событие или деяние, а не в отношении виновности обвиняемого.

В УПК РФ 2001 г., после многочисленных научных дискуссий, законодатель нормативно закрепил институт преюдиции. Однако до сих пор по данному поводу высказываются различные позиции. Так, В.П. Божьев, анализируя нормы, регламентирующие преюдицию в уголовном судопроизводстве, отмечает: «…в соответствии с положениями ст. 90 УПК РФ и других норм преюдицию можно считать уголовно-процессуальным правилом, согласно которому для суда, рассматривающего уголовное дело, в определенной части обязателен вступивший в законную силу приговор по ранее рассмотренному уголовному делу, а также судебные решения, принятые в рамках других правоотношений» [1, с. 7].

С.В. Фидельский приходит к выводу, что в ст. 5 УПК РФ необходимо закрепить следующее понятие: «…под преюдицией понимается совокупность обстоятельств, не нуждающихся в доказывании, поскольку они установлены вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу» [8, с. 7].

Л.С. Заржицкая полагает, что статья 90 УПК РФ в редакции, действовавшей до 1 января 2010 г., позволяла игнорировать вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные в иных видах судопроизводства, что в принципе недопустимо в правовом государстве, поскольку разрушает единство государственной власти [3, с. 9]. При этом указанный автор предлагает дополнить ст. 5 УПК РФ следующим положением: «преюдиция – это признание обстоятельств, установленных ранее принятым судебным решением, допустимыми и достоверными доказательствами» [3, с. 11].

Очевидно, что проблемы межотраслевой преюдиции в современном российском уголовном процессе объясняются различными теоретическими и методологическими подходами. Вместе с тем признается главенствующее право уголовного судопроизводства на познание обстоятельств, входящих в круг его законных интересов. В науке, на наш взгляд, справедливо указывается на необходимость «выработать инновационный функциональный подход к межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, который позволил бы смягчить противоречия, непременно возникающие в ходе реализации преюдициальных ситуаций, в частности найти компромисс между идеей методологической иерархии юридических процессов и идеей процессуальной экономии» [6, с. 5].

Представляется, что экономия процессуальных сил и средств, унификация действующего законодательства и оптимизация правоприменительной деятельности будут возможны лишь в случае логичного и последовательного закрепления в УПК РФ основных понятий, связанных с преюдицией.

В нынешней редакции статья 90 УПК РФ позволяет суду, прокурору, следователю, дознавателю признавать без дополнительной проверки обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. Хотя, как отмечают А.И. Бастрыкин и А.А. Усачев, ссылаясь на Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 УПК РФ в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко», фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, сами по себе не предопределяют выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу, которая устанавливается на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при разбирательстве гражданского дела доказательства, подлежащие рассмотрению в установленных уголовно-процессуальным законом процедурах, что в дальнейшем может повлечь пересмотр гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам [7, с. 107-108].

Другими словами, если в порядке гражданского судопроизводства будут установлены какие-либо фактические обстоятельства, впоследствии признанные имеющими преюдициальное значение при рассмотрении уголовного дела, это не может служить препятствием для производства процедур, предусмотренных УПК РФ. Более того, на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая возбуждение уголовного дела, подлежат проверке фактические обстоятельства, не являвшиеся основанием для разрешения гражданского дела по существу, если имеются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ.

В судебной практике нередко возникает различное понимание вышеизложенных теоретических положений. Ведь в соответствии со смыслом ст. 90 УПК РФ преюдициальный акт обязателен полностью, а не в какой-то определенной части, поскольку он вступает в законную силу в полном объеме. Отсюда следует, что преюдиция охватывает не одну лишь «констатирующую» часть судебного ак-

та, но и изложенную судом юридическую оценку тех обстоятельств, которые им установлены.

Таким образом, преюдициальное значение может иметь не только резолютивная часть решения (приговора) суда, но и фактические обстоятельства, им установленные. Как отмечают некоторые исследователи, основой выделения преюдициальных фактов является посылка, в связи с которой суд не может рассматривать дважды один и тот же вопрос [2, с. 29].

Неоднозначную реакцию вызывает и вопрос о том, признавать или не признавать преюдициальным приговор суда, который вынесен в особом порядке судебного разбирательства. Если исходить из смысла норм, закрепленных в УПК РФ, такой приговор (вступивший в законную силу) обладает свойством преюдициальности на общих основаниях. Между тем при постановлении приговора без проведения судебного разбирательства суд не исследует обстоятельства уголовного дела непосредственно. Верховный Суд Российской Федерации в одном из постановлений указал, что суд лишь устанавливает наличие следующих необходимых условий для вынесения приговора в особом порядке – это заявление обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением; заявление такого ходатайства в присутствии защитника и в период, установленный ст. 315 УПК РФ; осознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства; отсутствие возражений у государственного или частного обвинителя и потерпевшего против рассмотрения уголовного дела в особом порядке; обвинение лица в совершении преступления, наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы; обоснованность обвинения и его подтверждение собранными доказательствами; понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с ним в полном объеме; отсутствие оснований для прекращения уголовного дела [5].

На наш взгляд, нельзя признавать преюдициальным приговор, вынесенный в особом порядке. Правы те исследователи, которые утверждают, что при особом порядке принятия решения получается, что судья полностью доверяет собранным в ходе предварительного расследования доказательствам, поскольку он не производит их тщательную проверку, а положения ч. 7 ст. 316 УПК РФ о постановлении обвинительного приговора лишь в том случае, если судья придет к выводу о доказанности и обоснованности обвинения, являются лишь декларацией, не применимой на практике ввиду отсутствия у судьи процессуальных возможностей для непосредственного исследования и проверки всех доказательств по делу [8, с. 153].

В итоге следует прийти к выводу, что преюдиция представляет собой самостоятельное правило доказывания, при котором установленные обстоятельства по другому делу признаются доказанными, не подлежат дополнительному исследованию на предмет допустимости и достоверности и проверяются лишь на предмет относимости и достаточности.

При доказывании с использованием преюдиции установленные обстоятельства не подлежат самостоятельной оценке. Доказательства, подтверждающие или опровергающие установленные обстоятельства, не собираются и не исследуются, закон прямо запрещает их сбор и исследование. Они считаются доказанными надлежащим образом до тех пор, пока признается законным постановление суда, которым они установлены [3, с. 18].

Таким образом, правовой институт преюдиции имеет особое значение для уголовного процесса, поскольку способствует исключению возможности вынесения противоречащих друг другу судебных актов по одним и тем же вопросам и позволяет экономить силы и средства органов расследования и судов.

Литература

1. Божьев В.П. Издержки системного характера при корректировке норм УПК о доказывании и преюдиции // Законность. 2010. № 6. С. 3-7.

2. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

3. Заржицкая Л.С. Место и роль преюдиции в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013.

4. Колотинский Н.Д. История римского права. Казань, 2007.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (с изм.). Доступ из СПС «Гарант-Информ».

6. Салеева Ю.Е. Преюдиция в современном уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014.

7. Уголовный процесс: учеб. / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.

8. Фидельский С.В. Преюдиция в уголовно-процессуальном праве: нормативное закрепление и порядок реализации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб, 1996. Т. 2.

УДК 343.13

ИНСТИТУТ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Воробей С.Н., доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы законодательного регулирования института досудебного соглашения о сотрудничестве. Анализируется правоприменительная практика, выделяются проблемные вопросы и перспективы развития заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; ходатайство о заключении досудебного соглашения; сделка с правосудием; следственно-судебная практика; безопасность; права подозреваемого (обвиняемого).

INSTITUTE OF PRE-COOPERATION AGREEMENT: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES AND NEEDS

Vorobey S.N., chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

The article examines the legal regulation of the institute pre-trial agreement on cooperation. Analyzes the legal practice are highlighted problematic issues and prospects of the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation; the request for pre-trial custody agreement; plea bargaining; investigative and judicial practice; safety; rights of the suspect (accused).

Процедура досудебного соглашения о сотрудничестве введена в российское законодательство 14 июля 2009 г. Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ». В результате в УПК РФ была включена глава 40.1, которая детально регламентирует вышеуказанный институт, а в УК РФ предусмотрены особенности назначения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Порядок судебного заседания и по-

становления приговора в этом случае аналогичен предусмотренному гл. 40 УПК РФ, без исследования и оценки доказательств, собранных по уголовному делу.

Данный институт, конечно, не новшество, так как сотрудничество лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, с правоохранительными органами существовало во все времена. Однако в УПК РФ оно не было четко регламентировано, что порождало на практике вопросы о его учете при назначении наказания.

Институт досудебной «сделки с правосудием» действует уже в течение пяти лет. За этот временной период значительно увеличилась следственно-судебная практика, правоприменители в своих действиях стали более уверенны, процессуально оформляя досудебное соглашение о сотрудничестве. Тем не менее, хотелось бы обратить внимание на проблемные вопросы, которые на законодательном уровне не были решены, но достаточно часто возникают при применении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Во-первых, кто на первоначальном этапе предварительного следствия разъясняет право о заявлении ходатайства о сотрудничестве?

Согласно нормам ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, подозреваемый (обвиняемый) имеет право заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного расследования. Однако в УПК РФ законодателем не указан порядок разъяснения прав подозреваемому (обвиняемому) на заключение досудебного соглашения. По логике, такое право может разъяснить участвующий в деле защитник. Но если защитник в деле еще не участвует? А в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ прямо не указано, что следователь обязан разъяснить подозреваемому (обвиняемому) право на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения. Целесообразно данное право разъяснять подозреваемому с момента начала уголовного преследования, сразу после возбуждения уголовного дела (в случае, если известно конкретное лицо совершившее преступление). В некоторых следственных органах проявили инициативу и дополнительно под роспись в протоколах допроса разъясняют право на заявление ходатайства о сотрудничестве с правоохранительными органами, так как знают, если не разъяснить это право на предварительном следствии, то прокурор или суд в последующем могут расценить это как нарушение прав подозреваемого (обвиняемого).

Таким образом, полагаем, что в ст. 46, 47 УПК РФ необходимо внести дополнения, касающиеся права подозреваемого (обвиняемого) заявлять ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Во-вторых, могут ли содержащиеся в ходатайстве сведения о причастности лиц к совершению преступления либо месте нахождения предметов, имеющих существенное значение для дела, и так далее использоваться сотрудниками правоохранительных органов в случае отказа в удовлетворении данного ходатайства?

Принятие окончательного решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, согласно ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ, принадлежит прокурору, однако у следователя есть право самостоятельно принять решение об отказе в удовлетворении поданного подозреваемым (обвиняемым) ходатайства о заключении соглашения без направления его прокурору. Не исключено, что следователь, получив от подозреваемого ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, может постараться убедить сторону защиты в целесообразности сотрудничества, а также выяснить, какие именно фактические данные обвиняемый намеревается предоставить после соглашения о сотрудничестве (с целью оценки их целесообразности), после чего на третьи сутки вынести постановление об отказе в удовлетворении ходатайства. А ведь полученные данные могут следователем в дальнейшем активно использоваться, так как на законодательном

уровне у следователя никаких ограничений на это нет. В результате подозреваемый кроме отказа в удовлетворении ходатайства, по всей вероятности, будет иметь проблемы со своими подельниками, которые могут создать угрозу его безопасности.

Представляется, что судьбу соглашения должен решать только прокурор, чтобы избежать возможных злоупотреблений и нарушений прав подозреваемых (обвиняемых) на стадии предварительного расследования. Либо при выяснении фактических данных у подозреваемого (обвиняемого) следователь должен сформулировать вопросы таким образом, чтобы при ответе на них лицу не пришлось сообщить весь объем информации, которой он располагает и которую намерен сообщить в случае заключения с ним соглашения. Например, следователь не вправе задать подозреваемому (обвиняемому) прямой вопрос о том, где находится имущество, добытое в результате преступления. Если подозреваемый (обвиняемый) отвечает на данный вопрос, то смысл заключение о сотрудничестве практически утрачивается [1]. Поэтому следователь должен задать такой вопрос, ответ на который даст основание полагать, что лицо знает, о каком имуществе идет речь, следовательно, в случае заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, сможет указать его местонахождение.

В-третьих, обеспечивается ли безопасность подозреваемого (обвиняемого), которому отказывается в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве?

В статье 317.4 УПК РФ законодатель указывает, что ходатайство и сопутствующие ему документы приобщаются к материалам уголовного дела, а в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого (обвиняемого) следователь выносит постановление о хранении этих документов в опечатанном конверте. Однако, относятся ли положения данной статьи к случаю с отказом в удовлетворении ходатайства, законодатель не уточняет. Полагаем, что статья 317.4 УПК РФ должна быть дополнена положением о том, что отказанное ходатайство о сотрудничестве не должно приобщаться к материалам уголовного дела, а сведения, содержащиеся в нем, не могут быть разглашены или использованы должностными лицами.

Законодателем до сих пор не урегулирован и другой спорный момент, в частности, в ст. 51 УПК РФ до настоящего времени не внесены изменения, указывающие на обязательное участие защитника при заявлении подозреваемым (обвиняемым) ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Полагаем в ч. 1 ст. 51 УПК РФ следует добавить пункт, закрепляющий обязательное участие защитника в ходе предварительного следствия и в судебном заседании в случае заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

К негативным моментам заключения досудебного соглашения о сотрудничестве относится вероятность злоупотреблений со стороны подозреваемого (обвиняемого), который в целях смягчения наказания может сообщить лишь о тех фактах, которые не представляют большой общественной опасности, в целях сокрытия тяжких или особо тяжких преступлений. Либо перечислить исполнителей преступления, при этом не назвав его организаторов. Конечно, в УК РФ предусмотрены санкции за нарушение подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. Если будет установлено, что лицо, с которым заключено досудебного соглашения о сотрудничестве, скрыло от органов предварительного следствия или прокурора какие-нибудь обстоятельства преступления, имеющие существенное значение, то условия смягчения к данному лицу не применяются. В такой ситуации на практике могут возникнуть трудности с доказыванием того, что были скрыты существенные обстоятельства совершения преступ-

ления, так как подозреваемый может сказать, что он посчитал их несущественными или они ему не были известны вообще.

В целом хочется отметить, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве неплохо вписался в структуру уголовно-процессуального законодательства России. Он показал свою жизненную способность. Сегодня необходимо учесть выявленные в процессе применения этого закона просчеты и недостатки и внести в него соответствующие изменения.

Литература

1. Шумилин С.Ф. Механизм реализации полномочия следователя на разрешение ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве нуждается в совершенствовании // Российский следователь. 2010. № 5. С. 9-11.

УДК 343.137

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОВОГО ИНСТИТУТА – ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Токарева Г.С., адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматриваются отдельные проблемы реализации нового ускоренного досудебного производства.

Ключевые слова: дознание; дознание в сокращенной форме; дознаватель; доказательства.

PROBLEMS OF APPLICATION OF THE NEW INSTITUTE – AN INQUIRY INTO THE REDUCED FORM

Tokareva G.S., post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article deals with some problems of implementation of the new accelerated pre-trial proceedings.

Keywords: inquiry; an inquiry into the reduced form; the investigator; evidence.

Дифференциация форм предварительного расследования привлекает к себе внимание ученых-процессуалистов и практиков на протяжении всей истории уголовного судопроизводства, поскольку она связана с рациональностью и экономичностью использования сил органов предварительного расследования, обеспечением скорейшей защиты прав и законных интересов граждан, пострадавших от совершения преступлений.

При подготовке и принятии действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ законодателем эта проблема решалась путем приближения российского уголовного процесса к мировым стандартам, создания более эффективного уголовного судопроизводства, предоставления большего доступа к правосудию, соответствующему нормам и принципам международного права.

Как известно, необходимым условием успешного развития любого государства является повышение эффективности правосудия. Среди способов ее повышения, обеспечивающих право граждан на доступ к правосудию в разумные сроки, важное место занимают упрощенные виды досудебного производства. Воз-

никновение упрощенных производств принято связывать с судебной реформой 1864 г. Реформирование суда началось с резолюции Императора Николая I по одному из дел в 1848 г.: «Изучение причин медлительности непомерной, в которой производится сие столь известное дело, ясно выявляет все неудобства и недостатки нашего судопроизводства» [1, с. 8].

На сегодняшний день одним из способов повышения эффективности правосудия выступает производство дознания в сокращенной форме, введенное в уголовно-процессуальное законодательство в 2013 г.

Появление нового института – дознание в сокращенной форме, вызвало противоречивую реакцию в научном сообществе. Ввиду сравнительно короткого срока его функционирования еще рано оценивать результаты данного вида производства и предлагать внести соответствующие коррективы в отдельные правовые нормы уголовно-процессуального законодательства РФ. Вместе с тем уже сегодня следует обратить внимание на некоторые проблемы реализации производства дознания в сокращенной форме:

- во-первых, это срок дознания в сокращенной форме (ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ). За достаточно короткий срок дознавателю необходимо признать лицо потерпевшим; разъяснить права и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме; провести сбор доказательств по уголовному делу и др. Очевидно, что дознаватель не имеет право на ошибку;

- во-вторых, это особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. Так, дознаватель должен собрать доказательства по уголовному делу в объеме, достаточном для установления события преступления, виновности лица его совершившего, характера и размера причиненного им вреда. Также дознаватель обязан произвести только те следственные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. Получается, что если отсутствует опасность утраты следов преступления или иных доказательств, то можно отказаться от проведения каких-либо процессуальных действий. Возникает вопрос: откуда возьмутся доказательства без проведения процессуальных действий? Как отмечает Е.А. Доля, упрощения, касающиеся доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, привели к нарушению принципа упрощения, согласно которому упрощать явление возможно в любых объемах, но при непременном сохранении его сущности [2].

Таким образом, анализируя институт дознания в сокращенной форме, можно сказать, что, не успев появиться, он уже требует корректировки. Однако, чтобы дать объективную оценку данному виду досудебного расследования, необходимо время.

Литература

1. Ефимова А.Ф., Пискарева И.К. Мировой судья в гражданском судопроизводстве. М., 2004.

2. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6.

УДК 343.13

НЕСКОЛЬКО АРГУМЕНТОВ В ПОЛЬЗУ НЕОБХОДИМОСТИ СОХРАНЕНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Мамошин М.А., старший преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук

В статье затрагиваются актуальные вопросы, связанные с особенностями производства на стадии возбуждения уголовного дела. Автор исследует мнения ученых – как противников, так и сторонников данного института, приводит несколько аргументов в пользу необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; предварительное расследование; уголовный процесс.

SEVERAL ARGUMENTS IN FAVOR OF THE NEED TO PRESERVE A STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Mamoshin M.A., senior lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law

This article covers the current issues associated with feature production at the stage of excitation of criminal case. The author conducted a study of the opinions of scientists – both opponents and supporters of this institution. In this regard, the author gives several arguments in favor of the need to preserve a stage of excitation of criminal case in the Russian criminal process.

Keywords: the criminal case; preliminary investigation; criminal process.

Давно существующая проблема, которая все активнее будоражит умы как теоретиков, так и практиков, связана с ликвидацией в российском уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела. Действующий УПК РФ, вступивший в силу с 1 июля 2002 г., на наш взгляд, за все эти годы не произвел ни одного полезного и по-настоящему конструктивного прорыва в сфере реформирования отечественного уголовного судопроизводства. Законодатель продолжает метаться и заниматься селекцией с переводом на современную уголовно-процессуальную платформу отдельных законодательных установок советского и дореволюционного уголовного судопроизводства вкупе с законодательными установками зарубежных государств англосаксонского семейства. Получившийся «гибрид» можно обозначить как УПК несбывшихся надежд. Но если уж законодатель начал проводить ревизию в российском уголовном процессе, то его теперь будет сложно остановить.

Проблемы, имеющие место на практике в связи с недостаточно эффективной раскрываемостью преступлений, отдельные авторы возлагают, в том числе, и на несовершенство действующего уголовно-процессуального законодательства. Одним из уязвимых мест им видится стадия возбуждения уголовного дела, которая никак не вписывается в современный состязательный уголовный процесс, является пережитком инквизиционного процесса, реликтом социалистической законно-

сти, и далее в том же духе. Действительно, многие проблемы начинаются уже на начальном этапе уголовного процесса и создают повышенный резонанс при последующих действиях соответствующих государственных органов и должностных лиц, которые либо приводят к нарушению конституционных прав и свобод личности, либо позволяют преступнику оставаться на свободе и продолжать заниматься противоправной деятельностью.

27 апреля 2013 г. Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка выступил перед сенаторами на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с докладом о состоянии законности и правопорядка в 2012 г. и о проделанной работе по их укреплению. Так, в частности, им было отмечено, что растет количество поступающих в правоохранительные органы заявлений и иной информации о происшествиях. «…В истекшем году их количество увеличилось почти на 7%, превысив число учтенных преступлений в 11,5 раза. Таким образом, поводы для возбуждения дел растут, а число таких решений, напротив, уменьшается. Причину этого мы видим в значительном количестве нарушений (свыше 3,4 млн), допускаемых на стадии приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях» [2].

Отсюда уголовный процесс, как вид государственной деятельности, направленный на расследование преступлений и изобличение лиц, их совершивших, начинает испытывать проблемы уже на самом раннем своем этапе, когда необходимо решить вопрос о возбуждении уголовного дела либо отказе в этом. В последующем же эти проблемы еще больше усугубляются. Наверное, именно этим можно объяснить желание отдельных авторов поскорее покончить со стадией возбуждения уголовного дела, которая, как им кажется, на первый взгляд, препятствует быстрому и полному раскрытию преступления, «тормозит» этот процесс, приводит к ущемлению прав и законных интересов личности.

В данном контексте сторонники отмены первоначальной стадии уголовного процесса предлагают вернуться к дореволюционному прошлому России и обратиться к Уставам уголовного судопроизводства 1864 г., которые такой стадии, как возбуждение уголовного дела, не предусматривали. Действительно, надо признать, что и советское уголовно-процессуальное законодательство во многом опиралось на империалистические концепции, разработанные УУС, но, тем не менее, подобные заимствования не выглядели прямым их копированием, а дозировались с учетом современных потребностей отечественного уголовного судопроизводства. В настоящее время сторонники ликвидации стадии возбуждения уголовного дела делают все возможное, чтобы убедить каждого, кто хоть немного интересуется данной проблемой, в том, что это нужно сделать во благо российского уголовного процесса, оперируя при этом примерами из далекого исторического прошлого и западного настоящего. Конечно, велик соблазн пойти по пути западных коллег из англосаксонского семейства, чтобы максимально упростить процедуру принятия решения о начале расследования уголовного дела, бесшабашно погружаясь в поток информации, отбросив несуразный формализм, въевшийся в ткань «мертворожденного» УПК Российской Федерации 2002 г.

Так, отдельные авторы «поют дифирамбы» прецеденту как источнику права и измышляют: «… что хоть исторически в России оно развито не было, если источником права в России будет прецедент, то это позволит использовать мировой опыт борьбы с преступностью и усовершенствовать формы предварительного расследования» [1, с. 18]. По этому поводу хочется вставить небольшую реплику: до каких пор наше великое и могучее государство будет ориентироваться на чуждые идеи зарубежного мира, насильно внедрять и навязывать их российскому обществу и утверждать, что так будет лучше? С прозападными идеями реформирования российского уголовного процесса мы в корне не согласны и настаиваем на

необходимости учета отечественного опыта, приспосабливая его к современным реалиям.

Примечательно, что ярые сторонники ликвидации стадии возбуждения уголовного дела не приводят убедительных доводов в пользу столь радикального решения. Основные их аргументы заключаются в том, что так было в дореволюционной России, так существует на Западе и в остальном мире, так мы решим ключевые проблемы, которые в настоящее время порождает первоначальный этап проверки сообщений о преступлении. Но могут ли они спрогнозировать, как будет работать уголовный процесс без стадии возбуждения уголовного дела, выдержит ли он подобной реформации, справятся ли правоохранительные службы с возложенной на них нагрузкой, как и между кем эта нагрузка будет распределяться, – ответы на эти вопросы, что называется, остаются за кадром.

Мы, в свою очередь, готовы высказать несколько весомых аргументов в пользу сохранения стадии возбуждения уголовного дела.

Аргумент первый. Стоит признать, что стадия возбуждения уголовного дела несколько замедляет процедуру принятия итогового решения по поступающей информации в правоохранительные органы. Это связано с тем, что поступающую информацию необходимо «отфильтровать», т.е. провести ее проверку на достаточность оснований для принятия решения о начале предварительного расследования. В противном случае эта информация просто захлестнет компетентные органы, которым ничего не останется, как возбуждать уголовное дело незамедлительно, без учета достоверности поступающих данных, а впоследствии уже на этапе расследования уголовного дела придется констатировать, что расследовать собственно-то и нечего. Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела предостерегает следователя (дознавателя) от необоснованного начала уголовного преследования, экономит силы и средства для фокусирования внимания на реальных обстоятельствах, несущих в себе признаки события и состава преступления.

Аргумент второй. Как известно, действующее уголовно-процессуальное законодательство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Исходя из смысла данной нормы, любое ограничение либо ущемление прав и законных интересов личности допускается лишь в исключительных случаях в целях пресечения противоправной деятельности. Уголовный процесс, как вид государственной деятельности, как раз направлен на пресечение, расследование и раскрытие преступлений, изобличение виновных лиц в их совершении. Надо понимать, что уголовно-процессуальная деятельность в силу своей специфики не может не ограничивать чьи-то права и интересы в процессе как досудебного, так и судебного разбирательства уголовных дел. Главное, четко понимать, когда эти ограничения вынужденно необходимы и целесообразны, а когда нет. В нашем случае стадия возбуждения уголовного дела создает «заслон» от дальнейших необоснованных ограничений, ущемлений прав и свобод личности, которые мало того, что могут оказаться бессмысленными в процессе расследования уголовного дела, но, что еще более важно, могут причинить непоправимый вред человеку и гражданину, нанести психологическую травму и т.д. Своевременно отказывая в возбуждении уголовного дела, компетентные должностные лица тем самым в полной мере реализуют одну из основных задач уголовного судопроизводства – защиту личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод (ч. 1 п. 2 ст. 6 УПК РФ).

Таким образом, считаем, что современный уголовный процесс не может обойтись без первоначальной стадии возбуждения уголовного дела, которая создает предпосылки для дальнейшего успешного расследования преступления,

изобличения виновного лица и, вместе с тем, обеспечивает гарантии защиты прав личности.

Литература

1. Бойцов Ю.М. Вопросы совершенствования форм предварительного расследования // Современные проблемы и перспективы развития предварительного следствия в Российской Федерации. Екатеринбург, 2014.
2. Доклад Генерального прокурора Ю.Я. Чайки в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Прокурор. 2013. № 2. С.13-15.

УДК 343.296

ОТКАЗ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ: ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ И ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Костенко К.А., заведующий кафедрой Пятого факультета повышения квалификации ИПК Академии СК России (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены актуальные вопросы правовых последствий при отказе в возбуждении уголовного дела в отношении лица по нереабилитирующим основаниям. При этом постановка на учет лиц, как совершивших преступления, в таких случаях вступает в коллизию с конституционными принципами соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, что создает препятствия для реализации некоторых гражданских прав, в большей части на трудоустройство в государственные органы и т.д.

Ключевые слова: отказ в возбуждении уголовного дела; правовые последствия; нереабилитирующие основания; гражданские права; учет преступлений.

THE REFUSAL TO INITIATE A CRIMINAL CASE ON NON-EXCULPATORY GROUNDS: THE PROBLEM OF OBSERVANCE OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES AND CIVIL RIGHTS OF INDIVIDUALS

Kostenko K.A., chair head of the Fifth faculty of advanced training IPK Academy of the IC of Russia (Khabarovsk)

The article deals with topical issues of the legal consequences in case of refusal to Institute criminal proceedings against a person for non-exculpatory grounds. In this case, the registration of persons as offenders in such cases, in conflict with the Constitutional principles, observance and protection of the rights and freedoms of man and citizen, which creates obstacles to the implementation of some civil rights, mostly for employment in state bodies, etc.

Keywords: the refusal to Institute criminal proceedings; the legal consequences; of non-exculpatory grounds; civil rights; accounting crimes.

Проверка сообщения о преступлении предусматривает в соответствии со ст. 145 УПК РФ, в том числе, принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Вынесение именно такого решения, как правило, отождествляется с отказом от уголовного преследования, где мотивируется невозможность возбуждения уголовного дела, и по своей юридической природе не должно нести какие-либо правовые последствия для лица, в отношении которого такое процессуальное решение принимается.

Анализ ст. 24 и 27 УПК РФ свидетельствует о том, что отказ в возбуждении уголовного дела является актом, который в одних случаях может утверждать об отсутствии преступления или его события (реабилитирующие основания), а в других свидетельствовать о наличии преступления (нереабилитирующие основания). Во втором случае необходимость отказа в возбуждении уголовного дела обусловлена обстоятельствами, наступившими на момент принятия процессуального решения (истечение сроков давности уголовного преследования, амнистия, устранение наказуемости деяния и др.). Но здесь возникает вопрос: если правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности либо осуждения имеют четкую регламентацию в законодательстве Российской Федерации, то какие правовые последствия для гражданина может нести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное по нереабилитирующим основаниям?

Исходя из положений ст. 24 УПК, регламентирующей основания для отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения (в том числе по нереабилитирующим основаниям), принятие любого из предусмотренных настоящей нормой закона решений является обязанностью лица, производящего расследование, или суда [3, с. 17-21].

Например, если коснуться стадии расследования, то для лица, ставшего фигурантом уголовного дела, процесс уголовного преследования, в случае его осуждения или прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, несет ряд правовых последствий. Это прямо вытекает из ряда федеральных законов. В частности, к профессиональным, деловым и нравственным качествам сотрудника Следственного комитета Российской Федерации предъявляются повышенные требования, поэтому в специальное законодательство включены дополнительные ограничения, препятствующие гражданину поступить на службу в Следственный комитет Российской Федерации. К числу таких обстоятельств отнесено прекращение в отношении его уголовного преследования за истечением сроков давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта амнистии, в связи с деятельным раскаянием (п. 2 ч. 4 ст. 16 ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»).

Аналогичные требования предъявляются к лицам, принимаемым на службу в некоторые другие государственные органы Российской Федерации. Это следует из федеральных законов «О судебных приставах», «О полиции» и др.

Вместе с тем затронутый вопрос о правовых последствиях вынесенного в отношении лица постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в настоящее время приобретает для многих граждан повышенную актуальность. В первую очередь это связано с тем, что после принятия соответствующего процессуального решения в отношении конкретного лица данные об этом лице, как совершившем преступление, поступают в базу данных ИЦ МВД России и могут быть получены по запросу соответствующего должностного лица или государственного органа.

Как показывает практика, в основном вопросы к гражданину возникают в случаях: поступления на государственную или муниципальную службу; при необходимости продвижения по службе; при замещении должности в государственных органах Российской Федерации, не относящихся к государственной (гражданской) службе и т.д.

Одним из примеров наступления правовых последствий отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям служит Определение Верховного Суда РФ от 6 октября 2011 г. № КАС11-527, из которого следует, что 1 марта 2011 г. судья в отставке К. обратился с заявлением в ВС РФ об отмене решения Высшей квалификационной коллегии судей РФ о прекращении его отставки судьи, т.к. с его согласия в возбуждении уголовного дела за совершение

преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 305, ч. 2 ст. 305 УК РФ, отказано вследствие акта амнистии, а по ст. 292 УК РФ отказано в связи с истечением сроков давности уголовного преследования на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Между тем Верховный Суд РФ признал законным вывод ВККС РФ о том, что К. не вправе пребывать в отставке и сохранять членство в судейском сообществе, поскольку совершение им действий, содержащих признаки состава преступления, безусловно, является проступком, порочащим судью и тем самым умаляющим авторитет судебной власти, и влечет прекращение отставки судьи [5, с. 44-49].

Следует заметить, что вышеуказанное решение ВС РФ в некоторой степени не совпадает с конституционными принципами, изложенными в Определении Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 583-О-О (по жалобе гражданина Волошина В.Г.), в котором Конституционный Суд высказал справедливое правовое мнение о том, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное в связи с истечением сроков давности, по своему содержанию не является актом, которым устанавливается виновность лица, в том числе в смысле ст. 49 (ч. 1) Конституции Российской Федерации, и не порождает правовых последствий, связанных с судимостью, а также с участием лица в уголовном процессе в качестве подозреваемого, обвиняемого» (далее – Определение Конституционного Суда РФ по жалобе Волошина В.Г.).

В данном «отказном определении с положительным содержанием» [2, с. 5], как и во многих других подобного рода определениях, Конституционный Суд высказал свои суждения, имеющие конституционно-правовое значение для практики конституционного правосудия.

Наряду с этим с юридической точки зрения наиболее уязвимым также является существующий в Российской Федерации порядок учета процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, установленный совместным приказом Генпрокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» (далее – приказ «О едином учете преступлений»).

В частности, в соответствии с п. 21 и 22 Инструкции «О порядке заполнения и представления учетных документов», утвержденной приказом «О едином учете преступлений», при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям выставляется статистическая карточка формы № 2, которая является основанием для постановки на учет лиц, совершивших преступления.

Следует отметить, что существующая в приказе «О едином учете преступлений» формулировка «*постановка на учет лиц, совершивших преступления*» также вступает в коллизию с правовым мнением, изложенным в Определении Конституционного Суда РФ по жалобе Волошина В.Г., ведь если уголовное дело не возбуждалось, то утверждать о том, что лицо совершило преступление, в принципе неверно.

При этом, если придерживаться позиции совместного приказа, то при постановке на учет лиц, как совершивших преступление, при отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям вряд ли можно согласиться с утверждением, что подобное решение не влечет каких-либо правовых последствий [5, с. 44-49].

В качестве примера следует привести данные проведенного в 2013-2014 гг. Пятым ФПК Академии СК России опроса работников некоторых кадровых служб государственных органов власти Хабаровского края и Еврейской автономной области. Эти данные свидетельствует, что при проверке кандидатов для приема на службу либо продвижения по службе данные ИЦ УВД (ГУВД) субъектов об име-

ющихся ранее фактах отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, как правило, влекут отказ в трудоустройстве либо в продвижении по службе, а официальные формулировки отказа не имеют никакого отношения к ранее состоявшемуся процессуальному решению.

Здесь следует констатировать, что именно в таких случаях проявляются правовые последствия решений об отказе в возбуждении уголовного дела, ведь оспорить решение государственного органа здесь фактически невозможно.

Между тем, как утверждают некоторые ученые и юристы, приведение ведомственных приказов в соответствие с действующим законодательством – часто более трудоемкий процесс. Таким образом, в настоящее время невозможно реализовать положения, закрепленные в Определении Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 583-О-О, в той части, в которой декларируются разъяснения правовой сути п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [1, с. 145-147].

Подводя итог, необходимо отметить, что существующие в государстве скрытые механизмы ограничения прав граждан, связанные с постановкой на учет лиц, как совершивших преступление, при этом не привлеченных к уголовной ответственности, противоречат конституционным принципам соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, что, несомненно, является препятствием для реализации ими ряда гражданских прав.

Литература

1. Амиров К.Ф., Седов А.Н. Законность процессуальных решений, связанных с отказом в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Научный Татарстан. 2013. № 2.

2. Ведерников Н.Т., Ведерников А.Н. Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовно-процессуального законодательства России. 2001-2007. М.:ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.

3. Ким Е.П., Костенко К.А. К вопросу о некоторых особенностях освобождения от уголовной ответственности на основании примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ // Российский следователь. 2014. № 17.

4. Ким Е.П., Костенко К.А. Проблемы реализации норм об ответственности за организацию преступного сообщества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3.

5. Согоян В.Л. Рассмотрение сообщений о преступлении после истечения сроков давности уголовного преследования // Уголовный процесс. 2014. № 11.

УДК 343.2

ПРОБЛЕМЫ НЕОБОСНОВАННОГО ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Березина Е.С., ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России кандидат юридических наук

В статье рассматриваются проблемные вопросы необоснованного приостановления предварительного следствия, причины, способствующие этому, и допускаемые процессуальные нарушения.

Ключевые слова: приостановление предварительного следствия; основания; процессуальные нарушения.

PROBLEMS OF UNJUSTIFIED SUSPENSION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Berezina E.S., leading researcher of the National Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

The article deals with the problematic issues of unreasonable suspension of the preliminary investigation, the reasons promote it, and permissible procedural violations.

Keywords: suspension of the preliminary investigation; the grounds; of procedural violations.

Часть 1 статьи 208 УПК РФ предусматривает четыре основания приостановления предварительного следствия: 1) лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено; 2) подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам; 3) место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует; 4) временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях.

Ежегодно по России приостанавливается расследование по сотням тысяч уголовных дел. При этом принятие данных решений по пунктам 1-3 названной статьи образует статистику нераскрытых преступлений. Только следователями органов внутренних дел в 2012 г. по указанным основаниям было приостановлено 796 660 дел (68,7% от общего числа расследованных), в 2013 г. – 752 975 дел (68,0%), в 2014 г. – 770 801 дел (по России без Крымского федерального округа), что составило 69,2%.

Изучение уголовных дел и информационно-аналитических материалов органов предварительного следствия МВД России[*] показало наличие по приостановленным уголовным делам ряда нарушений, которые приводят к тому, что преступление попадает в разряд нераскрытых. Следует отметить, что основными причинами таких нарушений на протяжении многих лет являются:

- непринятие на первоначальном этапе необходимых мер по изобличению виновного лица;
- непроведение в полном объеме возможных следственных действий;
- неправильная оценка следователями степени общественной опасности подозреваемого (обвиняемого), в результате которой в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления, ранее судимых, без определенного места жительства, иногородних избираются меры пресечения, не связанные с ограничением свободы;
- несвоевременное избрание меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого);
- отсутствие контроля со стороны руководителей следственных подразделений за правильностью и своевременностью избрания меры пресечения;
- несвоевременное объявление в розыск подозреваемого (обвиняемого), несмотря на то, что его местонахождение изначально было неизвестно;

[*] Анализы причин приостановления уголовных дел по основаниям п. 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в 2011-2014 годах (ГСУ ГУ МВД по г. Москве); обзоры состояния работы по предупреждению уклонения обвиняемых от следствия и суда, обоснованности приостановления производства следствия за розыском, невозможностью участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле, а также по болезни (п. 2, 3, 4 ст. 208 УПК РФ) по итогам работы за 2010-2014 годы (СУ УМВД России по Липецкой области).

- непроведение комплекса следственных действий, направленных на установление места нахождения подозреваемого (обвиняемого): обысков, контроля и записи переговоров, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления и т.д.

Комментируя указанные недостатки в организации расследования, следует отдельно остановиться на двух моментах: своевременности избрания меры пресечения и объявления в розыск. Эти проблемы являются общими для всех регионов. Практика свидетельствует, что усиление контроля за своевременным задержанием в порядке ст. 91 УПК РФ лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, и избранием в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу способствовало уменьшению количества уголовных дел, приостановленных по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Изучение приостановленных производством уголовных дел показало, что большинство имеющихся постановлений об объявлении в розыск подозреваемого (обвиняемого) вынесены следователями по истечении месячного срока расследования. При этом по значительной части уголовных дел об отсутствии подозреваемого (обвиняемого) было известно изначально, либо подозреваемому в начале расследования, вопреки данным о его личности и тяжести совершенного преступления, формально была избрана мера пресечения – подписка о невыезде.

На перспективы расследования уголовных дел по неочевидным преступлениям влияет своевременность реализации имеющейся информации о личности предполагаемого преступника. В связи с этим необходимо остановиться на качестве и сроках выполнении сотрудниками органа дознания поручений следователя, направляемых в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Существенным недостатком значительной части таких поручений является их сугубо формальный характер. В то же время по многим поручениям, указывающим перспективные сведения, ответы от сотрудников дознания не поступали неоправданно длительное время либо содержали общие стандартные фразы, которые не несли никакой значимой информации. Соответственно, преступления перешли в разряд нераскрытых.

Отдельные типичные нарушения, допускаемые при принятии решения о приостановлении предварительного следствия по указанным основаниям, на первый взгляд могут быть приняты не за нарушения уголовно-процессуального закона, а за тактические и организационные просчеты в ходе расследования. Однако пункт 5 указанной статьи обязывает следователя до приостановления предварительного следствия выполнить все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, и принять меры по его розыску либо установлению лица, совершившего преступление. Ввиду использования законодателем такой формулировки многие «недочеты» методики расследования автоматически превращаются в нарушения уголовно-процессуального закона и являются причиной отмены решения о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу.

В качестве типичных уголовно-процессуальных нарушений, допускаемых по приостановленным производством уголовным делам, следует выделить:

1. Приостановление предварительного следствия по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ ранее истечения срока предварительного следствия.

2. Приостановление предварительного следствия по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ без конкретизации основания приостановления: подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия, либо его место нахождения не установлено по иным причинам. Данное основание влияет на исчисление срока давности в случае обнаружения подозреваемого (обвиняемого): если он скрылся, то течение срока давности приостанавливается; если его место нахождения не установлено, то срок давности продолжает течь.

3. Непроведение в полном объеме следственных действий, возможных в отсутствие подозреваемого или обвиняемого.

4. Проведение судебной экспертизы после принятия решения о приостановлении предварительного следствия. Имеют место случаи, когда постановление о назначении экспертизы вынесено в рамках процессуального срока, а само проведение экспертизы полностью либо ее окончание выходит за рамки срока следствия. Тем не менее, следователь приобщает такое заключение эксперта к материалам уголовного дела, игнорируя нарушение срока.

5. Отсутствие в материалах уголовного дела в полном объеме надлежащих документов, подтверждающих действительное наличие предусмотренных п. 2-4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ оснований приостановления предварительного следствия.

Указанные процессуальные нарушения и тактические просчеты не связаны с состоянием действующего законодательства, а напрямую зависят от организации ведомственного процессуального контроля со стороны руководителей следственных подразделений, в том числе при задержании подозреваемого, предъявлении обвинения, избрании меры пресечения, особенно в виде заключения под стражу. Как правило, указанные решения принимаются следователем в короткий промежуток времени, и только руководитель следственного подразделения имеет реальную возможность оперативно изучить материалы уголовного дела, определить достаточность имеющихся доказательств, обоснованность, законность и целесообразность процессуального решения. Однако, как показывает практика, руководители многих следственных органов не используют в полной мере законодательно предоставленные им полномочия для надлежащего контроля за деятельностью следователя. Данные ими письменные указания часто формальны и не затрагивают концептуальных вопросов расследования (квалификация содеянного, избрание меры пресечения, дополнение объема доказательств), а содержат лишь перечень отдельных следственных действий в рамках методики расследования преступления. В связи с этим сами правоприменители предлагают ввести в практику обязательное согласование следователем (особенно не имеющим достаточного опыта работы) основных процессуальных решений по уголовному делу с руководителем следственного подразделения. Очевидно, что это не должно вылиться в законодательное закрепление, а может быть сформулировано в соответствующих ведомственных распоряжениях.

Следует отметить, что на региональном уровне в следственных управлениях субъектов РФ для предотвращения нарушений уголовно-процессуального закона и организационно-тактических недостатков, допускаемых по приостановленным производством уголовным делам, принимаются различные меры реагирования. Так, в определенной степени эффективно зарекомендовали себя следующие направления деятельности: изучение в территориальных подразделениях методических рекомендаций по организации работы по предупреждению уклонения обвиняемых (подозреваемых) от следствия и розыску скрывшихся лиц; регулярное проведение служебных проверок по фактам нарушений, допускаемых при приостановлении предварительного следствия; направление указаний руководителям территориальных следственных подразделений по различным вопросам (о необходимости при наличии достаточных доказательств вины избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления; постоянно обновлять сведения о подозреваемых (обвиняемых), находящихся в розыске; периодически запрашивать сведения из лечебных медицинских учреждений на предмет возможности участия подозреваемого (обвиняемого) в проведении процессуальных действий по уголовному делу, предварительное следствие по которому приостановлено по п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

УДК 343.155

ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ПРОИЗВОДЯЩИХ РАССЛЕДОВАНИЕ, КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Харитонов В.Ф., старший преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России

В статье автор попытался обозначить некоторые проблемы в сфере соблюдения прав и свобод граждан на этапе проверки сообщений о преступлении путем судебного обжалования.

Ключевые слова: обжалование; права; законные интересы; судебная защита; заявитель; представитель.

APPEAL AGAINST ACTIONS AND DECISIONS OF PERSONS MAKING INVESTIGATE HOW RIGHTS SAFEGUARDS PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kharitonov V.F., senior lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

Author listing tried to identify some of the problems in the field of human rights and freedoms of citizens in the review stage reports of crime by a court of appeal.

Keywords: appeal; rights; legitimate interests; judicial protection; the applicant; representative.

Важной гарантией соблюдения законности и защиты прав, свобод и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве является право обжалования. Оно закреплено в ст. 46 Конституции РФ и нашло свое отражение в гл. 16 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Возведение права на обжалование действий и решений органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в ранг принципов уголовного процесса свидетельствует о признании законодателем исключительного значения права на жалобу как важнейшей гарантии соблюдения прав и свобод личности при производстве по уголовному делу.

Обжалование представляет собой установленный уголовно-процессуальным законом порядок подачи, приема, рассмотрения и разрешения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда, которыми были допущены нарушения гарантированных Конституцией РФ и УПК РФ прав и законных интересов участвующих в деле лиц либо которые расцениваются ими как незаконные или необоснованные.

Правом на обжалование обладают как физические, так и юридические лица, полагающие, что нарушаются их законные интересы в сфере применения норм уголовно-процессуального права.

Жалоба в уголовном процессе – это обращение участника процесса в соответствующий орган или к соответствующему должностному лицу, правомочному рассматривать жалобы по поводу нарушения прав и охраняемых законом интересов. Значение обжалования как уголовно-процессуального института состоит в том, что оно позволяет, во-первых, реализовать участникам уголовного судопроизводства и иным лицам свои права и отстоять законные интересы, а, во-вторых,

создает механизм выявления нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа, прокурором или судом [2].

Содержание права обжалования, реализуемого в порядке ст. 123 УПК РФ, основано на том, что соответствующие действия и решения органов расследования не только затрагивают собственно уголовно-процессуальные отношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности. Откладывание оперативного судебного контроля [4] до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, восполнение которого в дальнейшем окажется неосуществимым.

По смыслу ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, право на судебную защиту не подлежит ограничению, поскольку ограничение этого права ни при каких обстоятельствах не может быть обусловлено необходимостью достижения признаваемых Конституцией РФ целей.

Праву гражданина на судебную защиту корреспондирует предусмотренная в ч. 1 ст. 11 УПК РФ обязанность должностных лиц обеспечить возможность осуществления этих прав, обязанность рассмотреть в разумные сроки жалобу по существу с доведением результатов до заявителя.

Уголовно-процессуальный закон не ограничивает круга действий или решений, которые могут быть обжалованы. Обжаловать можно любые действия, производимые в процессе расследования, и принимаемые в связи с этим решения. Закон не устанавливает каких-либо требований к форме или виду жалобы, что создает благоприятные условия для ее принесения и служит одной из гарантий свободы обжалования. Жалоба может быть письменной или устной. Письменная жалоба подается должностному лицу или в орган, правомочный принимать, рассматривать и разрешать жалобы. Устная жалоба должна быть занесена дознавателем, следователем, руководителем следственного органа в протокол, в котором помимо требований, указанных в ст.166 УПК РФ, должны найти свое отражение данные о том, кто обратился с устной жалобой, а также содержание последней [1].

Право на обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц, ведущих судопроизводство, имеют все участники уголовного процесса со стороны обвинения (п. 18 ч. 2 ст. 42, ст. 43, п. 17 ч. 4 ст. 44, ст. 45 УПК РФ) и со стороны защиты (п. 10 ч. 4 ст. 46, п. 14, п. 18 ч. 4 ст. 47, п. 10 ч. 1 ст. 53, п. 12, п. 14 ч. 2 ст. 54, ст. 55 УПК РФ), а также иные участники уголовного судопроизводства (например, свидетель – п. 5 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

Потребность в защите прав и законных интересов любого лица возникает с момента вовлечения его в уголовное судопроизводство. Пункт 55 ст. 5 УПК РФ трактует уголовное судопроизводство как «досудебное и судебное производство по уголовному делу».

С учетом положений п. 9 ст. 5 УПК РФ, определяющих досудебное производство как «уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении…», хотелось бы в рамках данной статьи рассмотреть некоторые возможности судебного обжалования действий и решений должностных лиц, затрагивающих права и свободы граждан и организаций, вовлеченных в процесс проверки сообщения о преступлении.

Верховный Суд РФ в п. 2 Постановления Пленума от 10 февраля 2009 г. № 1 уточняет, что судебному обжалованию в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ подлежат также иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию.

Анализ практики применения законодательства показывает, что в стадии возбуждения уголовного дела указанные лица могут выступать в различном качестве: заявителя; лица, сделавшего заявление о явке с повинной; лица, в отношении которого решается вопрос о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела; лица, предоставившего (по требованию или запросу дознавателя, следователя) необходимые предметы или документы; лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению; лица, вовлеченного в производство следственных действий; лица, обжаловавшего незаконное или необоснованное действие (бездействие) и решение.

Непродолжительная по времени стадия возбуждения уголовного дела имеет существенное значение для уголовного судопроизводства. Стадия в целом и отдельные ее фрагменты (получение объяснений, производство процессуальных и разрешенных законом следственных действий, принятие процессуальных решений) не могут носить формально-процедурный характер. Они должны представлять единство со всем уголовным судопроизводством, гарантировать соблюдение прав и свобод граждан [3].

С учетом изменений, внесенных в ст. 144 УПК РФ, законодатель существенно расширил полномочия должностных лиц по ограничению прав и свобод граждан, разрешив получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать и изымать документы и предметы, производить освидетельствование и привлекать их к производству осмотра места происшествия, предметов, трупов, а также назначать и проводить судебные экспертизы.

В связи с этим возникает необходимость в усиленной охране и защите от проявлений незаконного и необоснованного уголовного преследования, а также ограничений прав лиц, в отношении которых решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Представляется, что в случае нарушения на данной стадии уголовного процесса прав или ограничения доступа к правосудию, обжаловать действия (бездействие) и решения должностных лиц, кроме лица, непосредственно вовлеченного в процесс проверки сообщения о преступлении, может и его представитель.

Положения ч. 2 ст. 125 УПК РФ предусматривают, что жалоба может быть подана заявителем, его защитником, законным представителем или представителем. Поскольку защитник и законный представитель как участники уголовного процесса на данном этапе не рассматриваются, то, соответственно, интересы заявителя должен защищать его представитель. Очевидно, что понятие представительства применительно к рассматриваемой ситуации следует рассматривать более широко. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 10 февраля 2009 г. № 1 уточнил, что представителем заявителя может быть и лицо, не принимавшее участие в досудебном производстве, в связи с которым подана жалоба, но уполномоченное заявителем на подачу жалобы и (или) участие в ее рассмотрении. При этом действия должностных лиц по проверке заявлений и иных сообщений и принятию итоговых решений охватываются понятием «досудебного производства» (п. 9 ст. 5 УПК РФ).

Указанные выше и иные связанные с ними обстоятельства свидетельствуют о наличии проблемы, решение которой возможно путем законодательного регулирования процессуальных полномочий представителя в стадии возбуждения уголовного дела.

Литература

1. Буримов М.Ю., Дереглазов А.А. Уголовный процесс: курс лекций. Астрахань, 2007.

2. Буримов М.Ю. Жалоба в уголовном судопроизводстве. URL: //http://jurnal.org/articles/2013/uri1.html

3. Кирянина Н.А. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела. URL: http://www.dissercat.com/content/

4. Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.1

ВОССТАНОВЛЕНИЕ УТРАЧЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Прохорова Т.Л., преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

Автор статьи попытался обозначить некоторые проблемы в сфере восстановления утраченных уголовных дел и причины утрат. Переход на новую форму уголовного дела – электронную.

Ключевые слова: утрата; восстановление; процессуальные документы; следственные действия; сроки; электронные документы.

RESTORE LOST CASES

Prokhorov T.L., lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

Author listing tried to identify some of the problems in the recovery of lost criminal cases and causes of losses. The transition to a new form of criminal proceedings – electronic.

Keywords: loss; recovery; procedural documents; investigative actions; timing; electronic documents.

Восстановление уголовного дела – это процессуальная деятельность участников уголовного судопроизводства, которая направлена на восстановление утраченных материалов уголовного дела и регламентируется ст. 158^1 УПК РФ.

В современных условиях повышенных требований к соблюдению процессуальной формы деятельности сотрудников следственных подразделений являются недопустимыми не соответствующие закону подходы к восстановлению дел. Для восстановления материалов уголовных дел необходимо определить сроки, порядок подтверждения ранее принятых решений, использования сохранившихся материалов, если таковые есть, повторного производства следственных действий (осмотр документов, выемка, допрос свидетелей и др.). В целях восстановления утраченных материалов уголовного дела необходимо установить, какие процессуальные документы имеются на руках у участников уголовного процесса, какие материалы находятся в надзорном производстве у прокурора, в суде. При этом может быть использована одна из процессуальных форм получения доказательств – производство выемки. Возможно, не совсем этично было бы использовать выемку и истребование доказательств у прокурора. Предпочтительнее обратиться с запросом о представлении доказательств.

По аналогии возможно получение копий документов в суде, в том случае, если какие-либо действия должностных лиц, осуществляющих расследование, требовали разрешение суда (производство отдельных следственных действий и т.п.).

Восстановительное производство не является технической работой должностного лица, осуществляющего восстановление материалов уголовного дела.

Восстановление материалов уловного дела представляет собой особую форму предварительного расследования.

При восстановлении материалов уголовного дела должностное лицо может принять решение, которое будет диаметрально противоположно решениям, принятым ранее. Данные решения могут касаться различных вопросов по уголовному делу – о виновности или невиновности лица, о наличии или отсутствии оснований для применения, изменения или отмены мер процессуального принуждения, а также вопросов квалификации преступления. В ходе восстановления дела, утраченного в суде, применение закона о более тяжком преступлении за деяние, по которому дело первоначально направлялось в суд, не допускается.

Восстановление уголовного дела на стадии предварительного расследования производится по постановлению руководителя следственного органа, начальника органа дознания. В случаях, когда материалы уголовного дела утрачены в ходе судебного производства, деятельность, направленная на восстановление материалов, осуществляется по решению суда, которое направляется руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для исполнения.

Утрата материалов уголовного дела служит основанием для продления процессуальных сроков, когда такое продление допускается законом. Установленный ст. 109, 162 и 223 УПК РФ порядок прямо не исключает утрату уголовного дела как основание для продления сроков содержания под стражей, предварительного следствия и дознания, а стало быть, допускает это, хотя и в рамках их предельных значений.

Сроки содержания под стражей, дознания и предварительного следствия при восстановлении уголовного дела исчисляются в порядке, установленном ст. 109 УПК РФ. Если по утраченному уголовному делу истек предельный срок содержания под стражей, установленный УПК РФ, то обвиняемый подлежит немедленному освобождению.

Решение о признании дела утраченным не влечет признание недопустимыми содержащихся в нем документов. В случае обнаружения утраченного уголовного дела, содержащиеся в нем процессуальные документы приобщаются к материалам восстановительного производства и используются в качестве доказательств.

Восстановление уголовного дела может быть осуществлено тем же следователем (дознавателем), в производстве которого находилось уголовное дело, если к этому не возникло законных препятствий, или другим.

Следователь, в производстве которого находится уголовное дело, может принять решение о необходимости допроса в качестве свидетеля следователя, дознавателя, осуществлявших расследование утерянного дела, как о результатах первичного расследования, так и об обстоятельствах утраты.

Вещественные доказательства, переданные на хранение законному владельцу или иным лицам (организациям), подлежат изъятию. Вещественные доказательства, помещенные на хранение в камеру для хранения вещественных доказательств, получаются по рапорту лица, ведущего расследование. В дальнейшем вещественные доказательства, изъятые по утраченному уголовному делу, подлежат повторному исследованию и осмотру.

Осуществляя восстановительное производство, следователь должен использовать все возможные и необходимые меры к отысканию документов восстанавливаемого уголовного дела, материалы которого могли быть направлены в другие следственные отделы и службы органов внутренних дел. Нужные материалы могут быть получены из выделенных уголовных дел, розыскных дел и дел оперативного учета.

Если речь идет о полной утрате уголовного дела, то возникает необходимость вынесения постановления о его возбуждении. Процессуальные отношения

возникают вновь, повторно собираются доказательства, проводятся необходимые следственные действия, принимаются новые процессуальные решения.

К причинам утраты материалов уголовных дел следует отнести:

1. Уничтожение в результате наводнения, пожара, иного стихийного бедствия.

2. Уничтожение уголовного дела либо его материалов обвиняемым или другими заинтересованными участниками процесса.

3. Халатное отношение сотрудников органов предварительного расследования к своей работе.

4. Отсутствие в уголовно-процессуальном законе регламентации порядка перемещения, передачи, хранения уголовных дел как внутри следственного подразделения, так и между ведомствами.

5. Отсутствие условий хранения уголовных дел.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время основным носителем информации по уголовному делу является бумага. Ни для кого не секрет, что бумага легко поддается уничтожению.

К сожалению, судебная практика знает ряд случаев, когда уголовные дела подвергались уничтожению и вместе с ними исчезали бесследно все установленные доказательства, полученные посредством проведения следственных и процессуальных действий о преступлениях и о лицах, их совершивших. Поэтому мы считаем, что одним из первых шагов в модернизации уголовного судопроизводства должен стать переход на новую форму уголовного дела. В этом случае достойной альтернативой выступает электронная форма уголовного дела. Очевидно, что при формировании уголовного дела в электронном формате можно значительно упростить процедуру формирования доказательств по уголовному делу.

Если же анализировать мнения ученых и практикующих специалистов по поводу новых современных технологий в уголовном судопроизводстве, то можно выделить следующие моменты. В научных кругах постепенно встает вопрос об использовании электронных дел в судопроизводстве, которые будут содержать в себе электронные документы и доказательства. Обосновывая правовые позиции использования электронной формы уголовного дела, ряд ученых отмечает, что «правовая основа для введения электронного протокола в уголовный процесс, можно сказать, уже сформирована. Кроме того, основные требования, предъявляемые к электронным документам, представляемым в качестве доказательств в уголовном процессе, уже содержатся в п. 6 ч. 2 ст. 74 и ч. 2 ст. 8 УПК РФ [2]. Применительно к электронному протоколу О.В. Тульская пишет, что «такие документы должны быть составлены в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания, содержать указание на место, дату и время его производства, необходимые персональные данные участников, описание его проведения и полученных при этом результатов, а также с применением технических средств, замечания участников и быть заверены в установленном порядке электронно-цифровой подписью соответствующих должностных лиц» [2].

Очень важно при использовании «электронного уголовного дела» не допустить какого-либо нарушения или ущемления прав участников уголовного судопроизводства (особенно подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего). Для соблюдения этого требования необходимо внесение значительного количества изменений в действующее законодательство. Потребуется разрешить вопрос, связанный с проставлением на электронные материалы уголовного дела печатей следственных, экспертных, судебных и иных органов для их заверения, так как в системе электронной подписи отсутствуют цифровые формы печатей, а новым Федеральным законом «Об электронной подписи» [1], к сожалению, данный вопрос не урегулирован.

Литература

1. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_345.html (дата обращения: 25.02.2015).

2. Тульская О.В. Некоторые проблемы использования электронных документов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009. № 6 (14). С.74-79.

УДК 343.852

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПЕРЕЧНЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ

Жидконожкина О.Н., старший преподаватель
Воронежского института МВД России

В статье излагаются проблемы избрания судами меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых, рассматриваются меры пресечения, альтернативные заключению под стражу.

Ключевые слова: несовершеннолетний обвиняемый; мера пресечения; заключение под стражу; альтернативные меры.

TO THE QUESTION OF THE EXPANSION OF THE LIST OF PREVENTIVE MEASURES JUVENILE SUSPECTS, DEFENDANTS

Zhidkonozhkina O.N., senior lecturer of the Voronezh Institute
of Ministry of internal Affairs of Russia

The article covers the problems of selecting the courts of the measure of restraint in juvenile suspects or the accused, discusses preventive measures alternative to detention.

Keywords: juvenile accused; the measure of restraint; detention; alternative measures.

Противоправный образ жизни несовершеннолетних – проблема, которая имеет общенациональный характер. Ее масштабы представляют реальную угрозу процессу становления государственности, успешному осуществлению социальных и экономических реформ. В связи с этим одной и приоритетных задач, стоящих перед нашим государством и обществом, является поиск путей снижения числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В 2014 г. при участии 54 369 несовершеннолетних совершено 59 549 преступлений, 14 125 подростков совершили их повторно. При этом отмечается стабильный рост удельного веса (с 23,2% в 2013 г. до 26,1% в 2014 г.) данной категории несовершеннолетних, что свидетельствует об их криминализации и безнаказанности [1].

Вопрос о выборе меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых вызывает наибольшие дискуссии среди ученых и практических работников.

Основания задержания являются общими для всех обвиняемых и подозреваемых, независимо от их возраста. Любая из предусмотренных законом мер процессуального принуждения, за исключением наблюдения командования воинской части, может быть применена к несовершеннолетнему. Вместе с тем заключение под стражу не достигших 18 лет лиц, в целях обеспечения их надлежащего пове-

дения, практикуется в редких случаях. Как правило, это обусловлено тем, что нахождение подростков в следственных изоляторах отрицательно сказывается на их психологическом, психическом и физическом состоянии.

В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, гарантирующими обеспечение прав ребенка, содержание несовершеннолетних под стражей до суда используется лишь в качестве крайней меры, в течение кратчайшего периода времени и по возможности должно быть заменено другими альтернативными мерами [2, ст. 13].

Российским законодателем установлены особые условия применения заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. Она может быть избрана в исключительных случаях, как единственно возможная, при наличии одного из обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории РФ; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда [4, ст. 108]. Избирая меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего, суды руководствуются положением Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 об обязательном рассмотрении возможности применения альтернативной меры пресечения. В качестве такой меры предлагается передача его под присмотр родителей, опекунов, попечителей, иных заслуживающих доверия лиц, а также должностных лиц специализированных детских учреждении для несовершеннолетних, содержащихся в них [3].

К сожалению, на практике судами не всегда избираются адекватные меры пресечения. Имеют место случаи передачи несовершеннолетних под надзор законных представителей, не способных обеспечить соблюдение ими условий избранной меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, не выполняющих обязанности по воспитанию, обучению и содержанию детей. Это обусловлено ограничением времени, данного следователю законодателем для выяснения конкретных обстоятельств совершенного преступления с учетом его тяжести, выполнения неотложных следственных действий, направленных на сбор и закрепление доказательств, на установление данных о личности несовершеннолетнего правонарушителя, об условиях его жизни и воспитания, взаимоотношениях с родителями [5].

В данных ситуациях считаем целесообразным применение альтернативной меры пресечения, в виде помещения несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – ЦВСНП).

В настоящее время в 71 регионе страны действует 77 центров, рассчитанных на единовременное пребывание 2,7 тыс. несовершеннолетних. С несовершеннолетними, содержащимися в ЦВСНП, проводится индивидуальная профилактическая работа с учетом конкретных обстоятельств совершенных несовершеннолетними правонарушений, особенностей их личности: поведения, соблюдения режима содержания в центре, отношения к проводимым воспитательным мероприятиям, учебе. В соответствии с действующими законодательными и ведомственными нормативными правовыми актами организован образовательный процесс. Штатные психологи проводят мероприятия по диагностике личности и психологической коррекции с помощью объективного, субъективного и проективного методов. Воспитатели центров ведут целенаправленную работу по формированию личности подростков, включающую оказание психологической помощи, правовое просвещение, патриотическое воспитание, пропаганду здорового образа жизни, развитие творческих способностей.

Однако в рамках существующего законодательства возможности ЦВСНП в отношении ряда категорий несовершеннолетних не могут быть использованы. В связи с этим предлагается внести изменения в УПК РФ, закрепив правовые основания помещения в ЦВСНП в качестве меры пресечения несовершеннолетних, обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений небольшой или средней тяжести. При решении вопроса о необходимости избрания данной меры пресечения могут учитываться следующие обстоятельства: у подростка отсутствует место жительства или пребывания в субъекте РФ, где совершено преступление; подозреваемый не может быть передан родителям или законным представителям в течение срока, предусмотренного законодательством РФ; не установлены личность, место жительства и законные представители несовершеннолетнего; подростком нарушена ранее избранная мера пресечения; несовершеннолетний скрылся от органов предварительного расследования или от суда; подросток совершил правонарушение в период предварительного следствия; семья несовершеннолетнего либо он сам находятся в социально опасном положении; подросток самовольно оставил семью, самовольно ушел из организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; несовершеннолетний, подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления против жизни или здоровья либо половой свободы и неприкосновенности, проживает совместно с потерпевшим [1].

Внесение указанных изменений в законодательство России будет способствовать повышению эффективности принимаемых мер по снижению уровня подростковой преступности, профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защите их от преступных посягательств.

Литература

1. Информационный портал ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД сии». URL:http://10.5.0.16/sci/index.php (дата обращения: 28.02.2015).

2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 3 февраля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

5. Цветкова Е.В. Особенности и порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Российский следователь. 2012. № 15. С. 13-16.

УДК 343.132:343.122

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Чеснокова Н.А., ассистент кафедры Башкирского государственного университета

В статье рассматриваются некоторые особенности проведения допроса потерпевших по уголовным делам о причинении вреда здоровью из хулиганских побуждений несовершеннолетними.

Ключевые слова: допрос; потерпевший; причинение вреда здоровью; несовершеннолетний.

ABOUT SOME ASPECTS OF INTERROGATION OF THE VICTIM IN CRIMINAL CASES OF THE TRESSPASS TO HEALTH FROM HOOLIGAN MOTIVATION BY MINORS

Chesnokova N.A., chair assistant of the Bashkir State University

This article discusses some features of interrogation of victims in criminal cases of the infliction of harm to health from hooligan promptings of minors.

Keywords: interrogation; victim; tresspass to health; minor.

Допрос потерпевшего обладает огромным информативным потенциалом для следователя, дознавателя. Учитывая, что рассматриваемая категория преступлений в основном совершается в неочевидных условиях, когда единственным очевидцем, способным дать наиболее полные и подробные показания о происшедшем, является непосредственно потерпевший, проведение именно этого следственного действия позволяет сообщить следователю, дознавателю существенную первоначальную информацию об обстоятельствах дела, ориентирующую его при расследовании преступления.

Для того чтобы допрос потерпевших по рассматриваемой категории уголовных дел был эффективным и результативным следственным действием, необходимо учитывать некоторые особенности его проведения.

Во-первых, особенность допроса потерпевшего по рассматриваемой категории уголовных дел заключается в том, что его проведение в отличие от освидетельствования должно быть неотложным не во всех случаях, а только в тех, когда вообще отсутствует какая-либо исходная информация о происшедшем и только потерпевший может сообщить сведения, необходимые для дальнейшего расследования уголовного дела. Неотложно следует проводить допрос потерпевшего и тогда, когда он находится в тяжелом состоянии и существует угроза наступления его смерти, а промедление с проведением допроса может привести к тому, что информация о существенных обстоятельствах происшедшего будет утрачена. В остальных же случаях с момента происшествия до момента проведения допроса потерпевшего должно пройти время. Полагаем, указанное обстоятельство объясняется тем, что сразу же после причинения потерпевшему вреда здоровью на фоне перенесенной физической боли и страха потерпевший склонен к значительному преувеличению тяжести совершенного в отношении его посягательства,

следовательно, получить достоверную информацию по результатам такого допроса не получится.

Кроме того, в связи с тем, что процесс формирования показаний потерпевшего во многом определяется испытываемыми им отрицательными эмоциями, важнейшей из которых является стресс, для получения полных и детальных показаний о происшедшем по рассматриваемой категории уголовных дел потерпевшему необходимо предоставить определенное время для перехода стрессового состояния на этап резистентности [1, с. 12].

В связи с этим считаем необходимым рекомендовать следователям, дознавателям допрашивать потерпевших по рассматриваемой категории уголовных дел не сразу же после происшествия, а по истечении хотя бы суток с момента причинения вреда здоровью. Если же допрос потерпевшего в целях незамедлительного получения важной исходной информации для расследования дела должен быть проведен неотложно, сразу же после происшествия, то после проведения такого первоначального допроса целесообразно проведение допроса повторного, который, как показывает практика, всегда является более полным и детальным. Полагаем, указанное обстоятельство позволит повысить эффективность проведения данного следственного действия.

Во-вторых, особенность допроса потерпевших по рассматриваемой категории уголовных дел состоит в том, что на тактику проведения этого следственного действия оказывают влияние два таких фактора, как местонахождение потерпевшего и состояние его здоровья. Например, если состояние потерпевшего тяжелое, опасное для жизни либо потерпевший находится в лечебном учреждении, то его допрос проводится с разрешения лечащего врача, и перечень вопросов, подлежащих выяснению, в данном случае должен быть предельно сужен до выяснения наиболее важных и значительных обстоятельств совершения преступления:

- как выглядел человек, причинивший потерпевшему вред здоровью;
- знает ли человека, причинившего вред здоровью, потерпевший, если да, то кто этот человек.

Полагаем, в данном случае вопросы ему задавать целесообразно в присутствии врача. Кроме того, в целях получения наиболее полной информации о происшедшем, чтобы данные, полученные от потерпевшего, находящегося в тяжелом состоянии, не были утрачены, целесообразно проводить аудиозапись допроса.

Если же потерпевший находится в нормальном физическом состоянии, дома на лечении либо в лечебном учреждении, но лечащий врач разрешает задавать вопросы в течение длительного промежутка времени, то допрос может быть детальным и максимально подробным с выяснением следующих обстоятельств:

1. Время и место совершения преступления.
2. Данные о личности несовершеннолетнего преступника и мотиве причинения вреда здоровью.
3. Данные о механизме совершения преступления.
4. Данные об орудии совершения преступления.
5. Данные о том, какой вред здоровью потерпевшего причинен.
6. Данные о том, кто присутствовал на месте преступления помимо преступника и потерпевшего.

Отметим, что вышеуказанные особенности проведения допроса потерпевшего актуальны тогда, когда допрос проводится в условиях бесконфликтной ситуации и потерпевший дает правдивые показания, что чаще всего и бывает на практике. Однако в рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание и на другую ситуацию, намного реже встречающуюся на практике, но более всего вызывающую затруднения у следователей и дознавателей при проведении допроса потерпевшего, – когда потерпевший дает ложные показания.

В целях изобличения потерпевшего во лжи следователем, дознавателем могут применяться тактические приемы диагностирования лжи, которые делятся на три группы: тактические приемы эмоционального воздействия (убеждение в неправильности занятой позиции, ее антигражданском характере; разъяснение правовых последствий дачи ложных показаний и вредных последствий ложных показаний для близких допрашиваемому лиц; воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого); тактические приемы логического воздействия (предъявление доказательств, опровергающих показания допрашиваемого; предъявление доказательств, требующих от допрашиваемого детализации показаний, которая приведет к противоречиям; логический анализ противоречий между интересами допрашиваемого; доказательство бессмысленности занятой позиции, которая не может помешать в конечном счете установлению истины); тактические комбинации [2, с. 179].

Под тактическими комбинациями следует понимать создание ситуации, рассчитанной на неправильную оценку ее допрашиваемым, что объективно приводит к его изобличению. Такими комбинациями могут быть: создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя об обстоятельствах дела; сокрытие от допрашиваемого осведомленности следователя о тех или иных обстоятельствах дела; метод косвенного допроса, заключающийся в постановке вопросов, второстепенных с точки зрения допрашиваемого, но фактически маскирующих главный вопрос о причастности допрашиваемого к преступлению [2, с. 180].

Если потерпевший продолжает давать ложные показания, то следователь, дознаватель в целях их разоблачения должен применить такой тактический прием, как детализация показаний. Также в таких случаях в ходе допроса целесообразно использовать аудио- или видеозапись, так как их проведение оказывает существенное психическое воздействие на допрашиваемого. При даче ложных показаний на последующих допросах эффективно предъявление результатов аудио- и видеозаписи предыдущего допроса, на котором потерпевший сообщил совершенно иные ложные сведения.

Кроме того, важным и весьма эффективным средством противодействия даче ложных показаний потерпевшим является своевременное выяснение мотивов дачи ложных показаний. Практика показывает, что весьма часто мотивами дачи заведомо ложных показаний потерпевшего являются страх перед подозреваемым и его местью, желание самостоятельно наказать преступника, страх перед родителями несовершеннолетнего подозреваемого и перед расправой с их стороны. Нейтрализация указанных обстоятельств также может способствовать превращению ситуации, в которой производится допрос, из конфликтной в бесконфликтную.

Литература

1. Веселков К.В. Проблемы психологии формирования показаний потерпевшего и особенности тактики его допроса на следствии: по конкретным категориям дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.

2. Россинская Е.Р. Криминалистика. Вопросы и ответы. М., 1999.

УДК 343.132

ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ КУЛЬТИВИРОВАНИИ НАРКОТИЧЕСКИХ РАСТЕНИЙ

Скоморохов О.Н., преподаватель кандидат юридических наук;
Чурсин А.В., заместитель начальника кафедры
(Белгородский юридический институт МВД России)

В статье рассматриваются некоторые особенности осмотра при расследовании уголовных дел, связанных с культивированием наркотических растений.

Ключевые слова: осмотр места происшествия; наркотические растения; культивирование; протокол.

FEATURES OF DATA FIXING, WHICH WERE SURVEYED IN THE COURSE OF CRIME SCENE SEARCH IN THE CASES OF ILLEGAL DRUG PLANTS CULTIVATION

Skomorokhov O.N., lecturer *Kandidat nauk* degree in Law;
Chursin A.V., deputy chair head
(Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article is concerned some features of criminal investigation, connected with drug plants cultivation.

Keywords: crime scene search; drug plants; cultivation; record.

Успех в расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, во многом зависит от комплексного проведения следственных и оперативно-розыскных действий органом предварительного следствия и дознания.

Для раскрытия и расследования данного вида преступлений необходимо выделить и провести типичные следственные действия по сбору и проверке доказательств. К таким действиям, осуществляемым следователем, органом дознания, в установленном законом порядке и относится осмотр места происшествия по делам о незаконном культивировании наркотикосодержащих растений.

По данной категории дел проводятся статический, а затем динамический осмотры, направленные на исследование обстановки места происшествия, непосредственное обнаружение, фиксацию и изъятие различных следов. При этом работа на месте происшествия должна осуществляться в тонких медицинских или хозяйственных перчатках, выявленные следы фотографируются методом масштабной фотосъемки, очерчиваются мелком или цветными карандашами на выявленной поверхности, обнаруженные наркотические средства предварительно исследуются с помощью тестов, тщательно взвешиваются, их упаковочные средства (пакеты, ампулы и т.д.) исследуются на предмет наличия следов рук, и только после этого следователем составляются протокол осмотра, схематические планы и зарисовки.

При осмотре участка местности с находящимися на нем наркотикосодержащими растениями в протоколе необходимо указать:

1) месторасположение данного участка по отношению к стационарным ориентирам (жилищам, дорогам и т.д.), его форму, размеры, площадь;

2) кому этот участок принадлежит (земли акционерных обществ, земли дачного кооператива, личный, частный дачный, приусадебный участок, заповедник и т.д.);

3) какие признаки свидетельствуют о культивации почвы (перепахан, перекопан, закультивирован, прополот, удобрен, огорожен и т.д.);

4) какие наркотикосодержащие растения произрастают на участке, в каком количестве, как (вручную или с помощью сельхозтехники) засеяны, какова их стадия вегетации;

5) какие растения произрастают рядом с осматриваемым участком;

6) имеются ли на участке сельскохозяйственные орудия, приспособленные для культивирования наркотикосодержащих растений (такие как лопаты, мотыги, грабли, тяпки, бороны, косилки и т.п.), их расположение относительно других постоянных объектов и способ хранения;

7) имеются ли на этих сельскохозяйственных орудиях следы рук или другие следы, свидетельствующие о принадлежности данных предметов конкретным лицам;

8) имеются ли на этих участках специально обусловленные места для проживания, укрытия лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств, их наименование (шалаши, землянки, временные строения, вагончики и т.п.), их расположение относительно других постоянных объектов, внутреннее содержание;

9) имеются ли на этих участках места, строения, специально приспособленные для хранения и первичной обработки собранных наркотикосодержащих растений, их расположение относительно других постоянных объектов, их содержание;

10) имеются ли на участке отдельные следы обуви, ног или дорожка этих следов, их (ее) расположение относительно других объектов, направление, количество, вид по классификации (объемные, поверхностные, статические, динамические), их элементы с размерными характеристиками (общая длина следов, длина шага, левой, правой стопы, ширина шага, угол разворота левой, правой стопы, длина, глубина единичного следа, размерные характеристики элементов отдельного следа (длина, ширина подметки, каблука, промежуточной части и т.д.), рельеф дна следа;

11) имеются ли на объектах (предметах), обнаруженных на участках, следы рук, наименование объекта, на котором они обнаружены, расположение самого объекта относительно других постоянных объектов на участке, поверхность объекта, расположение и взаиморасположение следов на объекте, вид этих следов по классификации, способ обнаружения, выявления, их форма, размеры, тип, вид папиллярного узора (в зависимости от строения отображенных элементов), способ фиксации, изъятие, упаковка, ее характер, содержание и реквизиты;

12) изготавливались ли копии следов (гипсовые слепки), с каких конкретно, характер упаковки и реквизитов на них;

13) производилась ли ориентирующая, обзорная, узловая, детальная фотосъемка, видеосъемка, какие объекты были засняты, условия съемки, технические характеристики используемой аппаратуры;

14) изымались ли образцы почвы, наркотикосодержащих растений, в каком количестве, с каких конкретно мест, способ упаковки образцов, характер, содержание пояснительных надписей, другие реквизиты.

Безусловно, в большинстве случаев место происшествия – важный источник криминалистической информации, доказательств и пр. Но для того, чтобы получить ключ к пониманию совершившегося или воссоздать картину происшествия, необходимо выявить обстановку происшествия, то есть получить сведения и о той среде, в которой происходило исследуемое событие. И даже достижение такой цели может не разрешить вопрос, а лишь определенным образом приблизить следователя (дознавателя) к его решению.

УДК 343.296

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ЛИЧНОЕ ИМУЩЕСТВО ОБВИНЯЕМОГО, СОВЕРШИВШЕГО НАЛОГОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ РУКОВОДИТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Чичик А.Ю., старший помощник руководителя
Следственного управления СК России по Хабаровскому краю

Статья посвящена проблеме обеспечения гражданского иска по уголовным делам о налоговых преступлениях.

Ключевые слова: гражданский иск по уголовным делам; возмещение ущерба; налоговые преступления.

THE ARREST OF PRIVATE PROPERTY OF THE ACCUSED WHO HAS COMMITTED A TAX OFFENSE IN THE PERFORMANCE OF THE DUTIES OF THE LEGAL ENTITY

Chichik A.Y., senior deputy of the head of the Investigation Department
of the Investigation Committee of the Russian Federation in the Khabarovsk Krai

The article is devoted to the problem of securing a civil suit in criminal cases on tax crimes.

Keywords: civil action in criminal matters; indemnification; tax crimes.

Возмещение ущерба, причиненного преступлением, принятие мер, направленных на обеспечение гражданских исков по уголовным делам и исполнение приговоров суда, является первостепенной задачей императивного характера, возложенной на следственный орган рядом положений уголовно-процессуального законодательства.

В частности, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» введена в действие статья 160.1 УПК РФ, обязывающая следователя принимать меры по обеспечению гражданского иска, которой предусмотрено, что следователь, установив, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, обязан принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством РФ несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, и по наложению ареста на данное имущество.

Наиболее остро стоит вопрос с обеспечением гражданского иска по уголовным делам о налоговых преступлениях, ущерб по которым измеряется десятками и сотнями миллионов рублей и образует основной объем ущерба, причиняемого всеми видами преступлений на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

В 2014 г. в Хабаровском крае ущерб по уголовным делам о налоговых преступлениях составил более 280 млн руб., удельный вес возмещенного ущерба – 2,6%, обеспеченного арестом только 9,3%.

Анализ практики возмещения ущерба по данной категории дел показал, что основной причиной, по которой налоговый орган заявляет гражданские иски по уголовным делам к физическим лицам – руководителям организаций, являются обстоятельства, связанные с тем, что недобросовестные налогоплательщики уже

на стадии начала налоговой проверки принимают меры к снижению до нулевых показателей активов организации, в последующем организация «банкротится», что не позволяет взыскать недоимку по налогам, подлежащую уплате в бюджет, так как в случае ликвидации юридического лица, когда не имелось возможности капитализировать платежи, права и обязанности по возмещению вреда прекращаются.

Во всех случаях заявления налоговым органом гражданских исков по уголовным делам установлено, что руководитель организации, совершая противоправные действия (не по служебному заданию), руководствовался преступным умыслом, направленным на уклонение от уплаты налогов, реализовав который, причинил ущерб бюджету Российской Федерации. При этом ущерб причиняется физическим лицом, возглавляющим юридическое лицо и в соответствии со ст. 27 НК РФ являющимся его законным представителем.

В соответствии со ст. 54 УПК РФ в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое и юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением.

На основании ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим.

Перечисленные нормы уголовно-процессуального права в совокупности с нормами гражданского и налогового законодательства позволяют признать законным привлечение в качестве ответчика по уголовному делу по требованиям о возмещении ущерба, причиненного преступлением, виновного в этом преступлении физического лица.

Такая позиция признана обоснованной кассационной инстанцией Верховного Суда РФ (Кассационное определение от 30 июля 2014 г. № 3-УДп14-2), которой при рассмотрении представления заместителя Генерального прокурора РФ отменен приговор Ухтинского городского суда Республики Коми и последующие судебные решения по делу в части разрешения гражданского иска. Судом вышеуказанные нормы налогового, гражданского и уголовно-процессуального законодательства признаны заслуживающими внимания при определении ответчиком по уголовному делу по ч. 2 ст. 199 УК РФ по требованиям о возмещении ущерба, причиненного налоговым преступлением, виновного в этом преступлении физического лица.

Вместе с тем на территории Хабаровского края судебная практика не является единообразной. Имеются случаи, когда соответствующие ходатайства следователей об аресте имущества обвиняемого по ст. 199 УК РФ оставались без удовлетворения, поскольку суд полагал, что невозможно обратить взыскание на личное имущество обвиняемого по ст. 199 УК РФ в счет погашения долгов подконтрольной организации.

Так, по уголовному делу № 289041 по обвинению Корневой О.И. в уклонении от уплаты налогов с организации в особо крупном размере (направлено в Центральный районный суд г. Хабаровска в январе 2015 г.) 29 июля 2014 г. судьей Индустриального районного суда наложен арест на квартиру обвиняемой. Апелляционным определением решение районного суда отменено, материалы направлены на новое рассмотрение, при этом судом второй инстанции указано, что привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 199 УК РФ не порождает его обязанность за счет личных средств возмещать ущерб в виде неуплаченных налогов, поскольку лицом, юридически обязанным уплачивать налоги, является налогоплательщик – организация. При новом судебном рассмотрении ходатайство

следователя оставлено без удовлетворения. При обжаловании прокурором постановления суда первой инстанции положительных результатов не достигнуто.

Вместе с тем имеются обратные примеры, когда суды края удовлетворяли ходатайства следователей о наложении ареста на личное имущество обвиняемых по ст. 199 УК РФ.

Таким примером является постановление суда о наложении ареста на личную автомашину руководителя ООО «Контур-Дальний Восток» Габдрахманова В.Г., обвиняемого по ч. 1 ст. 199 УК РФ, которым в добровольном порядке ущерб не возмещен. Такая же практика складывается на территории иных субъектов РФ.

В целях единообразного применения уголовно-процессуального законодательства, обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлениями, представляется необходимым отражение позиции Верховного Суда РФ о возможности предъявления гражданского иска к физическому лицу – руководителю организации, уклонившемуся от уплаты налогов, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления».

УДК 343.13:347.963

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Олейник В.В., преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

В статье рассматриваются проблемы правового характера, возникающие в процессе взаимодействия органов прокуратуры и органов предварительного следствия, а также вопросы взаимодействия как аспекта необходимости улучшения качества работы.

Ключевые слова: органы прокуратуры; правоохранительные органы; предварительное следствие; взаимодействие; надзор; законность.

PROBLEMS IN POINT OF LAW ARISING IN THE PROCESS OF INTERACTION OF BODIES OF PROSECUTOR'S OFFICE AND BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Oleinik V.V., lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article deals with legal issues arising in the process of interaction between the prosecution and preliminary investigation bodies and the interaction as an aspect of the need to improve the quality of work.

Keywords: the prosecutor's office; law enforcement agencies; the preliminary investigation; interaction; supervision; law.

Уголовное судопроизводство в целом имеет публичный характер, обусловленный приоритетом защиты государственных интересов. Несмотря на то, что должностные лица, наделенные публичными полномочиями в российском уголовном судопроизводстве, являются достаточно традиционными, процессуальный статус некоторых участников и их роль, в том числе прокурора и следователя, подвергаются постоянным изменениям и дополнениям. Существенные изменения

произошли с сентября 2007 г., когда начал формироваться отдельный субъект правоохранительной системы – Следственный комитет Российской Федерации.

В результате произошедших преобразований значительно изменились полномочия прокуратуры в отношении предварительного следствия. Сложилась новая система сдержек и противовесов, при которой Следственный комитет Российской Федерации сосредоточился на расследовании уголовных дел, а прокуратура оставила за собой надзорные функции.

Необходимость проведения данной реформы назревала уже давно. Еще в Концепции судебной реформы 1991 г. отмечалось, что «соединение в лице прокурора функций расследования преступлений и надзора за ним же противоречит системному подходу, вызывает опасные перекосы в досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [5]. Данная позиция нашла сторонников в лице многих российских ученых и практических работников.

Так, Ю.С. Дибиров отмечает, что, объединяя три совершенно разные функции: ведение следственных действий, поддержку обвинения в суде и надзор за соблюдением законности, в том числе и в ходе следствия, прокуратура с любой точки зрения была аномальной структурой. Одно и то же ведомство не может вести одновременно и следствие, и надзор за ним [3, с. 70].

По мнению А. Паничевой, А. Похмелкина, Ю. Костанова, то обстоятельство, что следователи прокуратуры работали под непосредственным руководством прокурора, негативно сказывалось на качестве прокурорского надзора [4, с. 8].

Многие авторы сходились на том, что необходимо создать единый самостоятельный следственный аппарат. Появление Следственного комитета РФ большинством ученых рассматривается как первый шаг по реализации положений этой Концепции.

Следователи Следственного комитета осуществляют оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, в частности ст. 151 УПК РФ, которая определяет пределы участия следователя в расследовании. С четом произошедших изменений полномочия следователя расширились, а участие прокурора на предварительном следствии, напротив, ограничилось. Например, прокурор не вправе возбуждать уголовное дело, продлевать срок предварительного следствия, приостанавливать или прекращать производство по уголовному делу и др. Данные полномочия перешли к руководителю следственного органа, следователю, тем самым усилив их процессуальную роль. Однако за прокурором осталось процессуальное руководство органами дознания, при том, что прокурор, как и раньше, осуществляет надзор.

Кроме того, прокурор утверждает обвинительное заключение по уголовному делу, возвращает уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, а также, согласно ч. 4 ст. 146 УПК РФ, прокурор признает постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, он вправе в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, отменить постановление о возбуждении уголовного дела и т.д.

И если сохранение за прокурором права утверждать итоговое решение еще можно как-то обосновать (так как прокурору придется поддерживать обвинение в суде, а значит, его позиция должна соответствовать обвинительному заключению), то остальные полномочия никак не вписываются в концепцию проводимой реформы, поскольку являются эффективными методами воздействия на ход следствия.

Результаты проведенной реформы вызвали неоднозначную реакцию ученых и практиков.

Так, Д.А. Арутюнян считает, что разделение функций государственного обвинения по уголовным делам и процессуального руководства предварительным следствием, отказ от неограниченного прокурорского надзора является, безусловно, положительным сдвигом [1, с. 36].

Васильев О.Л., также полагающий, что прокурор лишился своих надзорных полномочий, в качестве доказательства своей позиции указывает на цели, которые ставит перед собой прокурор, реализуя свои полномочия: «Прокурор, отменяя постановление следователя о прекращении уголовного преследования, может руководствоваться только преследовательской мотивацией, а может, видя явное нарушение закона со стороны следователя, исключительно требованием закона» [2, с. 26].

В настоящее время надзорная функция прокуратуры стала истинной в отношении предварительного следствия и соответствует своему названию, а прокурор лишился не надзорных полномочий, а контрольных.

Подводя итог, следует отметить, что уровень взаимодействие органов прокуратуры и органов предварительного следствия в условиях преобразования правоохранительной системы не позволяет эффективно осуществлять надзор и контроль на всех стадиях предварительного следствия. С учетом этого возникает необходимость в принятии соответствующих нормативных актов, позволяющих уточнить либо предметно охарактеризовать, хотя бы по отдельным направлениям, организацию взаимодействия.

Литература

1. Арутюнян Д.А. Актуальные вопросы модернизации предварительного следствия в России // Российский следователь. 2011. № 6.

2. Васильев О.Л. Изменения в уголовном процессе (лето 2007 г.): совершенствование предварительного расследования или очередной шаг к ослаблению прокуратуры // Вестник Московского университета. Серия. 11. Право. 2008. № 2.

3. Дибиров Ю.С. Проблемы конституционно-правовых основ организации и деятельности Генеральной прокуратуры и Следственного комитета при Генеральной прокуратуре РФ // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6.

4. Паничева А., Похмелкин А., Костанов Ю. и др. Не оставляйте следователя безнадзорным // Законность. 2008. № 5.

5. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР».

УДК 347.965

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТАТУСА АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КНР

Захарова В.К., адъюнкт Московского университета МВД России

В статье проводится анализ норм и сравнительная характеристика уголовно-процессуального права и других нормативно-правовых актов Китая и России, регулирующих адвокатскую деятельность. Автор предлагает внести конкретные изменения в Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации», касающиеся привлечения адвоката к дисциплинарной и уголовной ответственности, а также новые способы отзыва адвокатской лицензии за нарушения законности.

Ключевые слова: адвокат; лицензия; статус; ответственность; профессиональная этика.

SPECIAL FEATURES OF LAWYER'S STATUS IN CHINESE CRIMINAL PROCEDURE

Zakharova V.K., post graduate of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

In article is analyzed the rules and comparative characteristic of Chinese and Russian criminal procedure which regulates advocatory work. The author offers to introduce to the law of the legal profession and advocatory work in Russian Federation the concrete cases of getting involve the layer to responsibility.

Keywords: attorney; law on the legal profession; status; responsibility; professional ethics.

По мнению многих иностранцев, практика китайского уголовного процесса пока еще далека от стандартов цивилизованности, полна недемократических и негуманных средств работы с участниками уголовного процесса. Однако, изучая действующий Уголовного-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УПК КНР[*]) [5], можно прийти к выводу о том, что он во многом повторяет нормы российского и зарубежного западного права.

В целом правовая система КНР представляет собой своеобразное сочетание древних правовых традиций и современного законодательства, базирующегося на идее «социализма с китайской спецификой».

Важно отметить, что до начала XX в. в Китае отсутствовало понятие субъективного права, а в обществе не было института организованных юридических профессий. Отсутствовала внятная юридическая доктрина, а в долгой истории Китая не обнаруживается ни одного крупного юриста, оставившего заметный след в истории [7].

В настоящее время в Китае насчитывается около 170 тыс. адвокатов, но по уголовным делам работает лишь небольшая часть [2]. По мнению профессора Всекитайского народного университета права и политики Лиу Мея, причины такого положения дел – длительные сроки рассмотрения дела, большая опасность профессии, а также в целом низкая оплата [2].

В настоящее время развитие законодательства об адвокатуре становится одним из приоритетных направлений законодательной политики Китая. Так, в Постановлении Центрального комитета Коммунистической партии Китая от 15 ноября 2013 г. «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ» говорится о необходимости реформирования института адвокатуры – совершенствования системы оказания юридической помощи, механизмов защиты прав адвокатов и повышения ответственности адвокатов за нарушение законодательства и адвокатской этики [4].

Кроме того, в 2012 г. в соответствии с внесенными в УПК КНР демократическими изменениями статус адвоката повысился. Изменения предусмотрели более ранний и широкий допуск защитника к обвиняемому. В первоначальной редакции ст. 33 УПК КНР было указано, что в течение 7 дней со дня принятия решения о начале судебного разбирательства народный суд должен уведомить обвиняемого о его праве на защитника. Теперь этот срок уменьшен до трех дней. Ранее адвокат мог участвовать в уголовном процессе только со дня начала судебного разбирательства. Теперь вступление адвоката в уголовный процесс начинается со дня передачи возбужденного государственным обвинением дела для

[*] Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики принят на II сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 г., с изм. от 17 марта 1996 г.

предъявления обвинения. В свою очередь, народная прокуратура в трехдневный срок со дня получения поступивших для предъявления обвинения материалов дела должна уведомить подозреваемого в совершении преступления о том, что он имеет право на защитника.

Китайские ученые положительно оценили внесенные законодателем новеллы, расширяющие круг полномочий адвоката и моменты вхождения в процесс. Как отмечает Ду Маоцзюнь, до вступления в силу действующей редакции УПК КНР под влиянием концепции «органов диктатуры» предварительное расследование являлось сферой, в которую адвокату было запрещено вторгаться [8].

Отличительной особенностью китайской системы защиты прав подозреваемых является принцип участия народного элемента в уголовном судопроизводстве. Он находит свое отражение в ст. 32, 58, 63, 82 УПК КНР. Так, исходя из представленной в ст. 82 УПК КНР терминологии, «представители органа, организации» законодателем отнесены к законным представителям. В главе 9 «Защита и представительство» так называемые «представители организаций» внесены китайским законодателем в перечень лиц, которые могут выступить в качестве адвоката, не только наряду с ним, но и вместо него. Они выбираются подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления или приступают к выполнению функций защиты по рекомендации общественных организаций. Так называемые «защитники из народа» пользуются правами и обязанностями защитника, закрепленными в УПК КНР.

Уголовно-процессуальный закон Китая прямо ориентирует органы общественной безопасности, прокуроров и судей на широкое участие населения в информационном обеспечении уголовного судопроизводства. Весьма показательно требование закона «доверять массам». Это уголовно-процессуальное положение напрямую исходит из популярной в Китае политико-идеологической доктрины поддержки «линии масс».

Рассматривая положение адвоката, нельзя обойти стороной Закон КНР «Об адвокатах и юридическом представительстве»* (далее – Закон КНР об адвокатуре) [1]. В Законе КНР, как и Федеральном законе «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» (далее – Закон об адвокатуре) [6], дано четкое определение «адвоката» и «адвокатской деятельности». В обоих законах прописано, что адвокатом может стать лицо, получившее в законном порядке статус и имеющее право оказывать юридическую помощь.

Законом КНР об адвокатуре установлено три требования к лицу, претендующему на получение лицензии: наличие ценза адвоката (т.е. его профессиональное соответствие статусу адвоката), наличие годичного стажа практической работы в адвокатской конторе и, наконец, безупречное поведение. В статье 9 Закона прописаны условия, при которых лицу будет отказано в выдаче лицензии. Интересен пункт 2, в соответствии с которым лица, подвергнувшиеся ранее уголовному наказанию, могут получить лицензию при условии, что уже были ранее осуждены за неумышленное преступление. Кроме этого, пункт 3 запрещает выдачу лицензий лицам, уволенным с государственной службы, или если ранее выданная лицензия данному лицу была отозвана. В российском законодательстве отсутствует аналогичная норма, что не дает возможности прекращения статуса адвоката за какое-либо нарушение. Так, на практике имели место ситуации, когда лицо, лишенное статуса адвоката по результатам дисциплинарного производства, снова подавало заявление в квалификационную комиссию другого субъекта и, сдав экзамены, восстанавливало статус адвоката [3].

* Обнародован на 19-м съезде Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей 8-го созыва 15 мая 1996 г., вступил в силу 7 января 1997 г.

В Законе КНР об адвокатуре предусматривается ежегодная сдача экзамена и подтверждение квалификации. Закон об адвокатуре России не предусматривает подобной процедуры. Несмотря на то, что некоторые специалисты считают эту процедуру излишней, по нашему мнению, введение подобной практики в нашей стране было бы хорошим способом проверки профессиональной пригодности адвокатов и стимулом для профессионального роста.

Отличительными особенностями Закона КНР об адвокатуре является четкая постановка целей и задач адвокатуры и деятельности адвокатов. В статье 1 говорится о том, что «закон составлен для того, чтобы улучшить систему юридического представительства, гарантировать ведение адвокатом своих дел в соответствии с законом, создать общие стандарты поведения адвокатов, защитить законные права и интересы сторон, обеспечить верный путь для проведения в жизнь законов и максимально использовать роль адвокатов в становлении социалистической судебной системы». Таким образом, в документе речь идет о том, что адвокат не только юрист, но и носитель важной социальной функции, защитник социального «равноправия и единства» (ст. 2 Закона КНР об адвокатуре).

Необходимо отметить, что в аналогичном Законе об адвокатуре России не идет речи о стремлении к реализации каких-либо политических или идеологических целей в деятельности адвоката, а лишь подчеркивается необходимость «защиты прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа лиц к правосудию». По нашему мнению, законодатель мог бы обозначить в качестве цели «защиту принципов правового государства или построение гражданского общества на основе социальной справедливости».

Проводя анализ законов, регулирующих адвокатскую деятельность, необходимо обратить внимание на круг прав, обязанностей и ответственности в деятельности адвокатов в Китае и России. Оба закона предполагают проведение своего рода непосредственного расследования в рамках уголовного процесса: собирание характеризующего материала, опросы возможных свидетелей и участников процесса и т.д. Необходимо отметить, что Закон об адвокатуре России и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предоставили отечественному адвокату более широкий круг прав и оснований вступления в процесс, чем китайскому. В то же время законодатель КНР, в отличие от российского законодателя, точно прописал запреты и меры ответственности адвокатов. Так, в гл. VII «Юридическая ответственность» в ст. 44, 45 Закона КНР об адвокатуре четко определено, за какие нарушения адвокат может быть привлечен к дисциплинарному взысканию (отстранен от адвокатской деятельности на срок до 3 месяцев) и даже к уголовной ответственности. Всего законом предусмотрено четырнадцать подобных случаев: одиннадцать из них связаны с наложением дисциплинарного взыскания, а остальные три – с привлечением лица к уголовной ответственности: раскрытие гостайны, дача взятки должностному лицу стороны обвинения или подстрекание к этому, предоставление фальшивых улик, сокрытие фактов с целью получения выгоды.

В российском законодательстве о дисциплинарной ответственности упомянуто в Кодексе профессиональной этики адвоката, однако в нем не представлены конкретные случаи привлечения к дисциплинарной ответственности. Законодатель ограничился лишь формулировкой: «нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, совершенное умышленно или по грубой неосторожности» (ст. 18 Кодекса). По нашему мнению, ответственность адвокатов полнее представлена в Законе КНР об адвокатуре. Российскому законодателю, на наш взгляд, также необходимо внести конкретный перечень случаев привлечения к ответственности и меру наказания в Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации».

Подводя итог, можно отметить, что уголовный процесс КНР во многом перекликается с российской практикой. Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном праве России представлены более широкие полномочия адвоката на этапе досудебного производства и более совершенные возможности защиты прав подозреваемых, обвиняемых, в уголовно-процессуальном законе Китая также представлен достаточно широкий спектр возможностей для регулирования деятельности адвокатов, контроля со стороны адвокатского сообщества и привлечения к ответственности нарушителей. Кроме того, положительным моментом законодательной техники, распространенной в КНР, является фиксация в нормативно-правовых актах целей политического и общесоциального характера, что не характерно для российского уголовно-процессуального законодательства. По нашему мнению, обоюдный анализ норм права Китая и России позволит законодательно усовершенствовать институт защитника и устранить некоторые имеющиеся пробелы.

Литература

1. Закон КНР от 15 мая 1996 г. «Об адвокатах и юридическом представительстве» (вступил в силу 7 января 1997 г.). URL: http://law.uglc.ru/lawyer.htm

2. Козубенко Ю.В. Уголовное судопроизводство в КНР и США. URL: http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=2690

3. Намзалов Р.Б. К сравнительно-правовому анализу законодательства об адвокатуре Китайской Народной Республики и Российской Федерации. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/LawService/52t81o4b/2011512204524_637188.htm

4. Рекомендации Верховного народного суда КНР по предупреждению судебных ошибок в уголовных делах. URL: http://cnlegal.ru/civil_criminal_administrative_procedure/china_supreme_court_false_decisions_prevention/ (дата обращения: 17.02.2015).

5. Современное законодательство Китайской Народной Республики / сост. Л.М. Гудошников. М.: Зерцало, 2004.

6. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2120.

7. Харатуров Р.Л. О правовой системе КНР. URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media74969/22_xa4at2.pdf

8. Чжан Ин. История адвокатуры в КНР: правовое положение адвоката в досудебном производстве. URL: http://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view

УДК 34.096

О ПОРЯДКЕ РАССЕКРЕЧИВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СУДА, РАЗРЕШАЮЩИХ ПРОВЕДЕНИЕ НЕГЛАСНЫХ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Попандопуло Д.В., старший преподаватель Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук

На основе законодательства Российской Федерации об информации, об оперативно-разыскной деятельности и о государственной тайне исследуются действия судей и руководителей органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, при рассекречивании постановлений суда об ограничении конституционных прав граждан при проведении негласных оперативно-разыскных мероприятий, предлагается упорядочить подход к решению возникающих в правоприменении проблем.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность; государственная тайна; информация; обладатель информации; рассекречивание; постановление суда.

ON THE ORDER DECLASSIFICATION OF A COURT ORDER, PERMIT THE UNSPOKEN OPERATIVELY-SEARCH ACTIONS

Popandopulo D.V., senior lecturer of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

On the basis of the legislation of the Russian Federation on information, on operative-investigative activity, and on state secrets will examine the actions of judges and heads of agencies conducting operational-search activity declassification decisions of the court on the restriction of the constitutional rights of citizens when conducting operational-search activities, it is proposed to streamline the approach to address emerging law enforcement issues.

Keywords: operational-investigative activity; state secrets; information; owner information; declassification; the decision of the court.

В последние годы в практике оперативных подразделений органов внутренних дел для формирования доказательной базы раскрываемых преступлений все больше используются результаты негласной оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), информация о которой составляет государственную тайну.

В соответствии с п. 14. межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее – Инструкция) [3] при представлении материалов ОРД в случае необходимости рассекречивания информации, составляющей государственную тайну, руководителем органа, осуществляющего ОРД (далее – ОРО), выносится постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей. Это полностью соответствует требованиям законодательства об ОРД [6, ст. 12], но не предусматривается законодательством о государственной тайне [2, разд. VI], что вызывает определенные проблемы.

Так, в случае представления результатов ОРД, полученных при проведении негласных оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина, к ним должны прилагаться копии судебных решений о проведении ОРМ [3, п. 12], как подтверждение законности действий сотрудников ОРО. Такое постановление может изначально иметь гриф ограничения доступа, присвоенный судьей (как исполнителем документа), и должно также рассекречиваться, но четкий механизм этого действия в нормативных правовых актах не предусмотрен.

В настоящее время получила распространение неверная, как представляется, по своей сути практика, противоречащая закону, – судьи стали принимать решения о рассекречивании сведений и их носителей, рассекречивать свои постановления. Например, в декабре 2010 г. заместитель председателя Краснодарского краевого суда С.Н. Ткачев вынес постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, № 1/2/967 [8].

Сотрудники прокуратуры Иркутской области Д.А. Седых и Д.С. Лыженко без ссылки на законодательство публикуют вывод, что руководитель ОРО может рассекретить информацию о результатах проведения ОРМ и изменить гриф носителей этой информации, но не вправе принять решение о грифе секретности постановления суда и должен ходатайствовать об этом судью [4]. Свой вывод они обосновывают не предусмотренным ни одним нормативным правовым актом положением о том, что данный орган не вправе самостоятельно решать вопрос о рассекречивании документа, автором которого он не является. Так, опираясь на

аналогичный подход к проблеме, осенью 2011 г. в Ростовской области одного из руководителей территориального органа внутренних дел на районном уровне за рассекречивание постановления судьи по результатам служебной проверки предлагали привлечь к уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну.

Действия руководителей ОРО, обращающихся с ходатайством о рассекречивании сведений в суд, представляются противоречащими закону. Так, упомянутый судья С.Н. Ткачев рассекречивал сведения, составляющие государственную тайну, рассматривая ходатайство об этом и.о. начальника ГУВД Краснодарского края. А, например, разработанные в ГУ МВД России по Ростовской области Рекомендации по действию сотрудника при проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих право на тайну телефонных соединений и прослушивании телефонных переговоров, предлагают подобное ходатайство оформлять в виде «Уведомления» [1, с. 65]. Количество указанных ходатайств в 2014 г. резко возросло. Не последнюю роль сыграл тот факт, что аналогичную позицию заняли сотрудники управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ, подготовившие 5 июня 2014 г. обзорную информацию о практике рассмотрения судами материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ. Доводя эту «обзорную информацию», отдельные прокуроры на местах стали требовать обращаться в суд с ходатайством о рассекречивании постановления судьи по алгоритму, предложенному Д.А. Седых и Д.С. Лыженко.

В рассматриваемых случаях не учитываются законодательные разграничения по рассекречиванию сведений, информации [2, ст. 13] и рассекречиванию носителей данной информации [2, ст.14], а также не принимается во внимание определяемый законодательством в области информации и ее защиты вопрос правомочий обладателя, собственника информации как объекта вещных прав, ресурса, средства. Именно собственнику (в законе – обладателю) сведений в первую очередь предоставлено право разрешать или ограничивать доступ к информации, определять порядок и условия такого доступа [7, ст. 6].

Очевидно, что обладателем информации, появившейся в процессе или результате ОРД, являются органы государственной власти, уполномоченные законом [6, ст. 1] на осуществление такой деятельности, – ОРО. Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, определяет государственные органы, наделенные полномочиями по распоряжению указанной информацией в области ОРД, – это МВД, Минобороны, Минюст, СВР, ФСБ, ФСКН, ФСО и ФТС России [5]. Именно эти органы являются законными обладателями права на информацию, появившуюся в результате их деятельности. Иные органы, организации и лица в своей деятельности по защите государственной тайны основываются на установленных правообладателями перечнях сведений, подлежащих засекречиванию, и не могут принимать решение о распространении такой информации или изменять порядок доступа к ее носителям.

Суды (судьи) правами распорядителя какой-либо информацией, содержащей государственную тайну, нормативными правовыми актами не наделяются. Следовательно, решение о засекречивании каких-либо сведений или снятии ограничений на доступ к информации, содержащей государственную тайну, и к ее носителям не входит в полномочия суда. Определенный законодательно порядок рассекречивания информации в области ОРД и ее носителей однозначно предоставляет такое право только руководителям ОРО [6, ст. 12; 3, п. 14]. Это же предусматривает содержащаяся в приложении № 3 к Инструкции форма постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей. В резолютивной части руководитель ОРО, вынося свое решение, должен указать

перечень подлежащих рассекречиванию конкретных сведений и всех их носителей (документов, аудио- и видеокассет, электронных носителей и т.п.), в число последних может включаться и постановление суда, содержащее рассекречиваемую информацию. Суды по логике и правилам документооборота должны лишь уведомляться о принятом решении правообладателем информации в целях внесения изменений в учет секретных документов.

Не совсем верным видится требование о том, что один экземпляр постановления о рассекречивании направляется органу дознания, следователю или в суд вместе с результатами ОРД [3, п. 14, абз. 2], а второй может приобщаться к делу оперативного учета. Решение о предоставлении доступа к каким-либо сведениям и их носителям в соответствии с законодательством об информации и о государственной тайне является внутренним делом правообладателя (в нашем случае – государственного органа, осуществляющего ОРД). Остальных потребителей информации достаточно только уведомлять о том, что ограничение доступа к ней снято в установленном законом порядке. Постановление является основанием для изменения учетных записей в ОРО и должно находиться в номенклатурных делах, ведущихся сотрудниками, ответственными за регистрацию и учет секретных документов.

Литература

1. Концепция борьбы с коррупцией УЭБиПК ГУ МВД России по Ростовской области на территории оперативного обслуживания на 2014 год. Ростов н/Д, 2014.

2. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 41. Ст. 8220-8235.

3. Приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Российская газета. 2013. 13 декабря.

4. Седых Д.А., Лыженко Д.С. Рассекречивание постановлений суда о разрешении проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан // Российский судья. 2011. № 2.

5. Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4775.

6. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Парламентская газета. 2006. 3 августа.

8. URL: http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic= 163829&page=3 (дата обращения: 08.02.2015).

УДК 343.985

КООРДИНАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ВИДЫ

Самоделкин А.С., докторант Всероссийского научно-исследовательского института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В статье исследуются вопросы координации подразделений органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, приводится классификация координации ОРД.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; координация; классификация; разграничение полномочий.

COORDINATION OF THE OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND ITS TYPES

Samodelkin A.S. doctoral candidate of the National Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

The article examines the issues of coordination of subdivisions of the bodies authorized to carry out investigative activities, a classification of the coordination of investigative activities.

Keywords: operational-investigative activities; coordination; classification; separation of powers.

Согласно ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», на территории Российской Федерации право осуществлять оперативно-разыскную деятельность предоставляется оперативным подразделениям: органов внутренних дел Российской Федерации; органов федеральной службы безопасности; федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны; таможенных органов Российской Федерации; службы внешней разведки Российской Федерации; федеральной службы исполнения наказаний; органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Каждый из этих органов, обладая правовой самостоятельностью в принятии управленческих и оперативно-розыскных решений, а также специфической компетентностью в борьбе с преступностью, преследует цель – выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

Успех в достижении перечисленными субъектами этой общей цели во многом зависит от эффективности организации их деятельности. Важным элементом такой организации, в свою очередь, является координация задействованных в решении поставленной стратегической цели и промежуточных (частных) задач сил и средств. Основываясь на данных посылках, считаем необходимым определить понятие координации оперативно-розыскной деятельности и ее виды.

Координация является заимствованным в русский язык словом (от лат. co(n) с, вместе + ordination расположение в порядке) и означает согласование, сочетание, приведение в порядок, в соответствие (понятий, действий, составных частей чего-либо и т.д.) [2, с.253]. Отсюда координировать – согласовывать, устанавливать целесообразное соотношение между какими-нибудь действиями, явлениями [1, с. 287]. Вполне очевидно, что координация какой бы то ни было деятельности, а особенно в сфере правоохраны, где задействованы десятки субъектов, является неотъемлемым элементом процесса управления этой деятельностью.

Полагаем целесообразным рассматривать пять основных элементов координации, составляющих ее содержание и наполняющих ее специфическим смыслом. Первый – совокупность органов, структурных подразделений и должностных лиц, составляющих систему, нуждающуюся в координационном воздействии. Второй – наличие в данной системе центра, способного осуществлять координирующее воздействие. Третий – наличие длительных, устойчивых, повторяющихся связей между центром координируемой системы и ее частями. Четвертый – регламентация координационных отношений нормативными правовыми актами, обязывающими субъектов системы согласовывать свою деятельность и взаимодействовать между собой. Пятый – организационное объединение ресурсов, форм и методов деятельности субъектов системы, их взаимное приспособление для достижения общих целей.

В связи с вышеизложенным, полагаем, что под координацией ОРД следует понимать установленную нормативными правовыми актами организацию опера-

тивно-розыскной деятельности системы уполномоченных государственных органов, осуществляемую единым центром, консолидирующим ресурсы, формы и методы данных органов для достижения общей цели, определенной оперативно-розыскным законодательством.

Для структуры любой сложной системы, в том числе и рассматриваемой нами, свойственно наличие иерархии, различных ступеней и уровней управления, вертикальных и горизонтальных связей составляющих ее элементов. Особенно это характерно для управления системой государственных органов, уполномоченных ФЗ об ОРД на осуществление оперативно-розыскной деятельности, которая состоит из отдельных, но в то же время взаимосвязанных ведомств. Конечно, иерархическое построение вносит организационную упорядоченность в управление, обеспечивая соподчиненность и разграничение полномочий различного уровня [3, с. 66]. При этом особая роль в системах, подобных изучаемой нами, принадлежит системообразующим связям, которые выступают характеристиками внутреннего и внешнего взаимодействия.

В системе управления органами, уполномоченными ФЗ об ОРД на осуществление оперативно-розыскной деятельности, данные связи выступают в качестве отношений управления, при этом выделяются вертикальные (иерархические) и горизонтальные связи. С учетом сказанного классификация координации может быть проведена по нескольким основаниям:

1. По ведомственной принадлежности субъектов координируемой системы координация подлежит разделению на внутриведомственную, действующую в границах одного ведомства, и межведомственную, т. е. координацию, применяемую в отношениях нескольких организационно и юридически самостоятельных ведомств.

2. По территориальному принципу координация подразделяется на региональную (в рамках субъекта Российской Федерации), межрегиональную (в рамках федерального округа Российской Федерации) и федеральную (на уровне министерств и федеральных служб).

3. По цели воздействия системы органов, осуществляющих ОРД, координация может быть дифференцирована на множество видов, основными из которых являются: координация деятельности при раскрытии преступления; координация противодействия определенному виду преступной деятельности (коррупции, терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков и т.п.); координация информационного обеспечения ОРД; координация деятельности при проведении отдельных ОРМ.

Вместе с тем считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что указанное деление на виды содержит определенные элементы условности, так как наблюдается определенное пересечение «компетенций», например, территориальная координация оперативно-розыскной деятельности распространяет свое воздействие на уполномоченные органы и подразделения различных ведомств, при этом ведомственная координация деятельности органов, осуществляющих ОРД, всегда будет связана с определенной территорией. При этом и тот, и другой вид координации может осуществляться по определенному направлению деятельности для достижения соответствующей общей цели.

Литература

1. Игнатюк Н.А. Компетенция федеральных министерств Российской Федерации. М., 2003.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 8-е изд, стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1970.

3. Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987.

УДК 343.955

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Краснова К.А., ведущий научный сотрудник Всероссийского
научно-исследовательского института МВД России
кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена определению потенциала психологического воздействия в практике борьбы с организованной преступностью. Автор делает вывод, что технологии правомерного психологического воздействия и способы психологической самозащиты позволяют решать задачи оперативно-розыскной деятельности и обеспечивать собственную безопасность сотрудников полиции.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; психологическое воздействие; психологическая самозащита; борьба с преступностью

ON THE ISSUUE OFTHE USAGE OF TECHNOLOGIES OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE IN THE OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY

Krasnova K.A. leading researcher of the National Russian
Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

The article investigates the potential psychological impact in the practice of combating organized crime. The author comes to the conclusion that technologies of the legitimate psychological impact and the methods of psychological self-protection enable to solve the problems of detective activity and to ensure the police own security

Keywords: detective activity; psychological impact; psychological self-defense; combatting of crime.

В конце прошлого века в психологической науке оформилась концепция психологического потенциала правоохранительных органов, основу которой составляют идеи гуманистической психологии о человеке, его жизненном потенциале, необходимости и возможностях его актуализации.

Несомненно, данный подход актуален и в современных условиях. В настоящее время отмечаются недостаточная коммуникативная компетентность отдельных оперативных сотрудников в процессе получения ими информации о лицах, представляющих оперативный интерес, слабое внедрение научных, в том числе психологических, знаний в их деятельность, что оказывает влияние на общие результаты деятельности полиции. Внедрение психологических знаний в оперативную практику открывает новые возможности для совершенствования деятельности как отдельных сотрудников, так и органов внутренних дел в целом. Во-первых, владение психологическими приемами повышает эффективность общения с гражданами. Во-вторых, результативность работы оперативного сотрудника значительно возрастает, если он «учитывает психологические особенности гражданина или группы, с которыми работает, психологически оценивает обстановку, создает благоприятные условия, понимает и контролирует психологическое влияние на ситуацию своей личности и поведения» [3, с. 285]. В-третьих,

психологические знания (включая технологии правомерного психологического воздействия) можно применять для раскрытия любых видов преступлений.

Рассмотрение теоретических аспектов использования технологий правомерного психологического воздействия в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел следует начать с определения понятия «психологическое воздействие», отличающегося разнообразием его трактовок. Проанализировав предлагаемые в литературе определения, следует отметить, что общей чертой большинства из них является рассмотрение психологического воздействия как процесса. Так, под воздействием в широком смысле понимается «процесс... который реализуется в ходе взаимодействия двух или более равноупорядоченных систем и результатом которого является изменение в структуре (пространственно-временных характеристиках), состоянии хотя бы одной из этих систем» [2, с. 4-5].

Осознавая многосторонность понятия «психологическое воздействие», считаем необходимым уточнить те его признаки, которые соответствуют особенностям общения в оперативно-розыскной деятельности. При решении задач оперативно-розыскной деятельности оперативный сотрудник реализует два подхода: ориентируется на сознательный выбор и свободную волю тех, с кем он взаимодействует, либо использует некоторый эффект в поведении и деятельности, минуя этап критического осмысления и собственного волеизъявления реципиентов.

В научной литературе выделяют типологии психологического воздействия (П.С. Школьник, В.Ф. Тарасов). Для оперативно-розыскной деятельности представляет интерес классификация психологического воздействия на произвольное и непроизвольное. Психологическое воздействие является произвольным, когда действующая сторона предполагает вызвать определенный психологический эффект или, другими словами, имеет интенцию оказать воздействие на кого-либо (человека, группу, общество в целом). Оперативный сотрудник, как правило, стремится оказать именно произвольное психологическое воздействие. В том случае, когда возможные результаты не планируются, психологическое воздействие оказывается непроизвольным.

Психологическое воздействие может быть непосредственным, то есть контактным, и опосредованным (дистантным). О степени влияния психологического воздействия на объект оперативного интереса можно судить по изменениям в его состоянии, поведении, отношениях.

В зависимости от длительности выделяют длительное и единичное психологическое воздействие. Надо отметить, что возможность оказывать психологическое воздействие длительный период времени является сильным ресурсом воздействующего оперативного сотрудника. Однако единичное воздействие в некоторых случаях бывает эффективнее, чем долгосрочное. Следовательно, при планировании общения с объектом оперативного интереса необходимо обеспечить высокую субъективную значимость единичного, или краткосрочного психологического воздействия с использованием соответствующих технологий.

Следует отметить, что психологическое воздействие может осуществляться явно, когда этот факт не маскируется, более того, на нем может фиксироваться внимание. Вместе с тем кроме явных форм принуждения используются разнообразные способы и приемы скрытого для человека психологического воздействия, принуждающего его к определенному действиям и поведению. Иными словами, факт воздействия, его источник маскируются, например, в случае использования манипулятивных технологий.

Необходимость психологической безопасности оперативного сотрудника ставит перед ним задачу обеспечения собственной психологической самозащиты. Известно, что в практической деятельности познание обстоятельств совершенного преступления осуществляется ретроспективно и, как правило, при интенсивном

противодействии заинтересованных лиц. Например, в процессе оперативной разработки участников организованных преступных формирований, выявления лидера, межличностных связей между ними и т.п. оперативный сотрудник может столкнуться с ситуацией явного или скрытого психологического воздействия в форме угроз, шантажа, запугивания, подкупа, провокации, дискредитации, демонстрации связей с преступными лидерами и иного негативного влияния на его сознание со стороны взаимодействующих с ним лиц.

В связи с этим обратимся к оценке психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к пресечению противоправных действий [4, с. 36-40]. Необходимо отметить, что основой развития психологической самозащиты оперативного сотрудника выступают алгоритмы информационного взаимодействия и поведения человека, содержащие следующие компоненты: общая установка; ориентирование по ситуации; определение потенциала психологического воздействия; выявление источников угроз психологической безопасности лица; организация защиты. Как справедливо отмечает Г.В. Грачев, в структуре названных алгоритмов самозащиты оперативного сотрудника важнейшим компонентом является «общая установка». Последняя включает три составляющие: мотивационная (ориентация на обеспечение личной психологической безопасности и формирование навыков психологической самозащиты); когнитивная (знания о технологиях психологического воздействия, угрозах психологической безопасности личности, а также о средствах и способах защиты); операциональная (экспресс-оценка ситуации и контроль за ходом психологического воздействия) [1, с. 10].

В заключение резюмируем, что, ориентируясь на возможности технологий правомерного психологического воздействия и способы психологической самозащиты, оперативный сотрудник не только находит решение задач оперативно-розыскной деятельности, но и обеспечивает собственную безопасность. Эти обстоятельства нередко имеют определяющее значение в практике борьбы с преступностью.

Литература

1. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: теория и технология психологической защиты: автореф. дис. … д-ра психол. наук. М., 2000.

2. Ковалев Г.А. О системе психологического воздействия (к определению понятия) // Психология воздействия (проблемы теории и практики): сб. науч. тр. / АПН СССР, НИИ общей и педагогической психол. М., 1989.

3. Самовичев Е.Г. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.

4. Хрусталева Т.А., Рожков А.А. Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к пресечению противоправных действий // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 36–40.

УДК 343.9:343.985

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ, И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ О НИХ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Болычев Н.И., адъюнкт Воронежского института МВД России

В статье рассмотрены некоторые детерминанты преступлений экстремистской направленности в сети Интернет, раскрывается необходимость их учета при планировании и совершенствовании работы оперативных подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: экстремизм; Интернет; информация; причины; условия; детерминанты; оперативно-розыскная деятельность.

DETERMINANTS OF EXTREMIST CRIMES COMMITTED ON THE INTERNET AND USE OF KNOWLEDGE ABOUT THEM IN OPERATIONAL-AND-INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Bolychev N.I., post graduate of the Voronezh
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article examines some determinants of extremist crimes on the Internet. The authors (author) reveals the need for taking them into account while planning and improving the performance of the operating units of the Interior.

Keywords: extremism; Internet; information; causes; conditions; determinants; operational-and-investigative activity.

В современных условиях экстремизм во всех своих формах и проявлениях, безусловно, является одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Противодействие экстремизму – важная задача органов внутренних дел.

Создание глобальных информационных сетей, реализовавших принцип трансграничной передачи данных, стало одним из факторов формирования информационного общества. В существующих условиях наблюдается устойчивая тенденция роста преступлений экстремистской направленности, совершаемых в сети Интернет [6].

Вопросы, связанные с предупреждением, выявлением и раскрытием таких преступлений становятся все более актуальными.

Определение основных причин и условий совершения преступлений экстремистской направленности в сети Интернет, на наш взгляд, будет способствовать повышению эффективности оперативно-розыскной работы по противодействию им.

Детерминантами преступности называются комплексы социальных явлений, совместное действие которых порождает преступность. Выделяют причины преступности и ее условия. Причины и условия преступности действуют совместно: причина порождает следствие лишь при наличии определенных условий [3].

Нельзя не согласиться с мнением О.В. Кубякина о том, что причины экстремизма совпадают с причинами совершения экстремистских преступлений в сети Интернет. Это кризис социально-политической и экономической систем, деформация системы индивидуальных ценностей, пропаганда антиценностей массовой культурой [2].

Благодаря научно-техническому прогрессу в сфере информационных технологий, носители экстремистских взглядов получили доступ к универсальному инструменту совершения преступлений – глобальной инфокоммуникационной сети Интернет. Ситуация, сложившаяся в начале XXI в., позволяет говорить о потере контроля общества над информационными потоками. Становится очевидным, насколько это опасно. Молодое поколение в процессе социализации нередко усваивает аморальные принципы, элементы криминального поведения и прочие негативные составляющие социокультурной системы координат, обусловливающие их дальнейшую жизнь в обществе. Именно духовно-нравственная деградация человека приводит к дальнейшим поведенческим девиациям, в том числе совершению экстремистских преступлений.

Стремительное развитие инфокоммуникационных технологий не дало обществу возможности выработать иммунитет к огромному количеству поступающей негативной информации.

Интернет, помимо средства общения, места для творчества, источника полезной информации, становится инструментом принудительного воздействия на принятие решений различными властными структурами. Все чаще заинтересованные субъекты используют интернет-пространство с целью инициировать выгодные для себя общественные процессы.

Причины преступности, в том числе и преступлений экстремистской направленности в сети Интернет, имеют системный характер и являются сложно преодолимыми. Более эффективным представляется воздействие на условия их совершения.

Нормативно-правовая база, регулирующая правоотношения в глобальных информационных сетях, только формируется. Многие процессы, происходящие в Интернете, находятся пока вне поля зрения законодателя, а имеющийся механизм правоприменения часто малоэффективен.

Недостаточный правовой контроль за распространяемой в сети Интернет информацией приводит к тому, что у рядовых пользователей сети практически нет возможности проверить ее объективность. Характерная для отдельных лиц интернет-зависимость в совокупности с неспособностью граждан обеспечить собственную информационную компетентность создает перенасыщенность недостоверными сведениями [4].

Это приводит к недоверию пользователей сети источникам информации, негативно сказывается на социальной обстановке в целом, что, в свою очередь, приводит к появлению множества отдельных личностей, объединений и организаций, совершающих преступления экстремистской направленности в сети Интернет.

Технические характеристики современных глобальных инфокоммуникационных сетей позволяют эффективно координировать действия организованных экстремистских групп. Оперативность передачи данных, возможность их шифрования, уникальные условия для соблюдения конспирации обеспечивают возможность дистанционно планировать и реализовывать террористические акты и экстремистские акции, вербовать новых сторонников, распространять экстремистские идеи и взгляды.

Специфика преступной деятельности в киберпространстве подразумевает под собой создание организованных преступных групп, построенных по «сетевому принципу» [5], что значительно усложняет работу оперативных подразделений по противодействию им.

Подразделения по борьбе с экстремизмом в недостаточной степени обеспечены специальными программно-аппаратными комплексами, позволяющими проводить мониторинг информационных ресурсов сети Интернет в автоматизированном режиме, а также необходимыми устройствами для реализации мероприятий по конспирации действий сотрудников в сетевом пространстве.

Переход экстремизма в пространство информационных технологий позволяет одному человеку – носителю экстремистского сознания – стать более разрушительным по своему масштабу, чем самые многочисленные экстремистские группировки [1].

Определение основных детерминант преступлений экстремистской направленности в сети Интернет поможет сотрудникам оперативных подразделений эффективно вести профилактическую работу, качественно планировать выявление и раскрытие таких преступлений. Понимание причин и условий сетевого экстремизма должно позитивно отразиться на работе различных межведомственных ко-

миссий и отдельных органов государственной власти, занимающихся профилактикой экстремизма, разрабатывающих нормативно-правовые акты в сфере правового регулирования деятельности в сети Интернет.

Литература

1. Диль В. А. Тенденции развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм // Известия Томского политехнического университета. 2009. №. 6.
2. Кубякин О.В. Молодежный экстремизм в условиях становления глобального информационного общества. Краснодар: КрУ МВД России, 2011.
3. Кузнецова Н.Ф., Лунеев В.В. Криминология. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
4. Малыгин В.Л. Интернет-зависимое поведение. Факторы риска формирования, профилактика и психологическая коррекция // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. М., 2013.
5. Осипенко А.Л. Организованная преступность в сети Интернет // Вестник ВИ МВД России. 2012. № 3.
6. Состояние преступности − январь-декабрь 2014 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://mvd.ru/reports/item/2994866/

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ МОШЕННИЧЕСТВ ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ НДС

Белохребтов В.С., адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России

В статье рассматриваются проблемы реализации оперативных материалов при выявлении и раскрытии мошенничеств при возмещении НДС. С учетом анализа действующего законодательства называются правовые недостатки выявления и раскрытия мошенничеств при возмещении НДС, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: выявление и раскрытие мошенничеств при возмещении НДС; проблемы правовой регламентации ОРД.

PROBLEMS OF REALIZATION OF OPERATIONAL MATERIALS IN DETECTING AND INVESTIGATING FRAUD AT THE VAT REFUND

Belokhreptov V.S., post graduate of the East-Siberian
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The problems of realization operational materials in detecting and investigating frauds at the VAT refund are considered in the article. Based on the analysis of the current legislation the legal shortcomings of the detecting and investigating the fraud at the VAT refund are defined, the ways of their solution are offered.

Keywords: identification and detection of fraud at the VAT refund; the problems of legal regulation of the operational-investigative activity.

Упрощение процедуры оформления налогоплательщиками документов на возмещение НДС и обезличивание процедуры подачи документов способствовали распространению злоупотреблений в этой сфере со стороны недобросовестных предпринимателей, что подтверждено не только статистическими показателями, но

и появлением новых, беспрецедентных по масштабам хищений, схем мошенничества.

Согласно статистическим данным, в 2012 г. в России было выявлено 846 преступлений, связанных с незаконным возмещением НДС, из них предварительно расследовано 334, и только 111 уголовных дел направлено в суд; размер причиненного ущерба составил 1 801 526 000 рублей.

В 2013 г. было выявлено 882 преступления рассматриваемой категории, из них предварительно расследованы 439 уголовных дел, 145 из которых направлены в суд; размер причиненного ущерба составил 4 321 907 000 рублей.

В 2014 г. в целом по России было выявлено 842 преступления, связанных с незаконным возмещением НДС, из них предварительно расследовано 409, и только 189 уголовных дел направлено в суд. При этом размер ущерба составил 3 401 900 000 рублей [4].

Большая разница между количеством выявленных налоговых мошенничеств при возмещении НДС и количеством дел, предварительно расследованных, объясняется, в том числе, и сложностями при реализации оперативных материалов, свидетельствующих о незаконном возмещении НДС из бюджета.

Так, решение о возмещении (полном или частичном) либо об отказе в возмещении НДС из бюджета принимается налоговым органом по результатам камеральных налоговых проверок налоговых деклараций с показателями к возмещению НДС [7, с. 135].

При отказе в возмещении НДС полностью или частично налогоплательщик имеет право обжаловать решение налогового органа в вышестоящий налоговый орган, а при отрицательном результате обжалования – в арбитражный суд. В свою очередь, вынесение арбитражным судом решения в пользу налогоплательщика может существенно затруднить либо вообще исключить возможность реализации оперативных материалов, содержащих данные о незаконном возмещении НДС, и привлечения правонарушителя к уголовной ответственности.

В.В. Семенчук отмечает, что, согласно последней редакции ст. 90 УПК РФ, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением арбитражного суда, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При формальном следовании данной норме решение арбитражного суда о возмещении НДС в пользу налогоплательщика должно приниматься безоговорочно. В подобной ситуации при поступлении к следователю материала проверки, содержащего противоречивые сведения (результаты ОРД, указывающие на виновность лица в совершении мошеннических действий, и решение арбитражного суда в его пользу), следователь должен вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом решение арбитражного суда будет выступать «индульгенцией» для налогоплательщика [7].

О возможности использования подобных лазеек в законодательстве ранее говорил П.А. Скобликов [8, с. 69-82], но его мнение подверглось резкой критике научного сообщества [1, с. 56-65; 2, с. 114-123; 3, с. 50-54].

Таким образом, вынесение арбитражным судом решения в пользу налогоплательщика может существенно затруднить либо вообще исключить возможность реализации оперативных материалов, содержащих данные о незаконном возмещении НДС, и привлечения правонарушителя к уголовной ответственности.

Получив информацию о подготавливаемом, совершаемом или совершенном противоправном деянии, связанном с неправомерным возмещением НДС из бюджета, органы внутренних дел могут провести комплекс оперативно-розыскных мероприятий по проверке данных сведений. При подтверждении информации результаты оперативно-розыскной деятельности, оформленные и переданные в

следственные органы в соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд [6], могут послужить основанием для возбуждения уголовного дела.

Следует также отметить, что хотя ныне действующая редакция Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» позволяет направлять результаты ОРД в налоговые органы для использования при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, четкий порядок реализации данного полномочия отсутствует. Так, в случае направления органом внутренних дел по своей инициативе либо по запросу результатов негласных ОРМ в налоговый орган возникает необходимость их рассекречивания, а совместный приказ МВД и ФНС России данного порядка не предусматривает [5]. В то же время результаты негласных ОРМ нередко содержат сведения об умысле на уклонение от уплаты налогов.

Кроме того, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не регламентирует, как результаты ОРД могут быть использованы налоговым органом: непосредственно учитываться при вынесении решений либо перепроверяться в ходе проведения мероприятий налогового контроля. Во втором случае возникает вопрос о возможности перепроверки результатов ОРД (в особенности негласных ОРМ) в ходе мероприятий налогового контроля.

В какой-то степени данную проблему могла бы устранить камеральная проверка, организованная совместно с органами полиции, но в настоящее время в соответствии с п. 28 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» органы внутренних дел имеют право участвовать в налоговых проверках по запросам налоговых органов Российской Федерации, в то время как в Налоговом кодексе РФ и подзаконных актах указывается участие ОВД только в выездных проверках.

Так, согласно ч. 1 ст. 36 НК РФ, «по запросу налоговых органов органы внутренних дел участвуют вместе с налоговыми органами в проводимых налоговыми органами выездных налоговых проверках». В разделе II приказа МВД России, ФНС России «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» подтверждено, что «сотрудники органов внутренних дел принимают участие в выездных налоговых проверках на основании мотивированного запроса налогового органа» [5].

В связи с вышеизложенным, целесообразно изменить редакцию ч.1 ст. 36 НК РФ, убрав из текста слово «выездных», тем самым предоставив право ОВД участвовать в любых налоговых проверках, как камеральных, так и выездных.

Литература

1. Колоколов Н.А. Преюдиция. Преступления в сфере экономики: факты одни, а их оценки у судов общей юрисдикции и арбитражных судов разные // Юрист. 2009. № 6. С. 56-65.

2. Лазарев В.В. Прецедентное решение Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 114-123.

3. Олейник О.М. Преюдиция в правовом механизме защиты прав хозяйствующих субъектов // Законность. 2012. № 12. С. 50-54.

4. Официальный сайт МВД России. URL: https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866/

5. Приказ МВД России, ФНС России от 30 июня 2009 г. № 495/ММ-7-2-347 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступле-

ний» (в ред. приказов МВД России, ФНС России от 12.11.2013 № 900/ММВ-7-2/493@) // Российская газета. 2009. № 173.

6. Приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // Российская газета. 2007. 16 мая.

7. Семенчук В.В. Преюдиция и незаконное возмещение НДС из бюджета // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 135-139.

8. Скобликов П.А. Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 69-82.

УДК 343.985

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЙ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НЕЗАКОННЫМ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ АЗАРТНЫХ ИГР

Усенко О.В., адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматриваются факты и обстоятельства, подлежащие установлению (доказыванию) по каждому уголовному делу о незаконных организации и проведении азартных игр и обусловливающие особенности моделирования оперативно-тактических комбинаций при возбуждении уголовных дел данной категории.

Ключевые слова: азартные игры; возбуждение уголовного дела; оперативно-тактические комбинации.

DEVELOPMENT OF THE STRATEGICAL-TACTICAL COMBINATIONS IN CRIMINAL CASES ON ILLEGAL ORGANIZATION AND REALIZATION OF GAMBLING

Usenko O.V., post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article is devoted to a list of facts and circumstances to be established for each criminal case on illegal organization and realization of gambling, and causes features of modeling the strategical-tactical combinations in the criminal cases.

Keywords: gambling; initiation of a criminal case; strategical-tactical combinations.

Как показывает правоприменительная практика, организация азартных игр является одной из самых криминализированных сфер российского бизнеса. Однако привлечение к ответственности виновных нередко сопряжено с рядом процессуальных трудностей.

По данным МВД России, только за первое полугодие 2014 г. подразделениями территориальных органов МВД России совместно с подразделениями по экономической безопасности и противодействию коррупции проведено более 2000 совместных рейдов, результатом которых стало выявление 1400 незаконно функционирующих игорных заведений. Изъято более 19 000 единиц игрового оборудования [5]. В то же время, несмотря на масштаб проведенных проверок, с момента введения в УК РФ [3] ст. 171.2 и к началу 2014 г. к уголовной ответственности по данной статье были привлечены всего 40 человек [1] – и это в масштабах

всей России! Причины, по нашему мнению, кроются, во-первых, в несовершенстве применяемых при возбуждении уголовных дел законодательных норм; во-вторых, в недостаточности опыта расследования преступлений данной категории у работников правоохранительных органов; в-третьих, в отсутствии научно разработанных методических рекомендаций по расследованию обозначенных преступлений. Ситуацию осложняет и то, что, по данным опроса следственных и оперативных работников, возбуждение уголовных дел по ст. 171.2 УК РФ в подавляющем большинстве случаев осуществляется по материалам, полученным оперативным путем.

Практика показывает, что сложность в доказывании незаконных организации и проведении азартных игр заключается в обоснованном использовании тех методов, с помощью которых получена ориентирующая информация. Иначе говоря, отсутствие грамотно разработанных оперативно-тактических комбинаций угрожает построению системы доказательств по уголовному делу [2, с. 6].

Как известно, согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Уголовная ответственность за рассматриваемое деяние предусмотрена ст. 171.2 УК РФ, часть 1 которой предусматривает необходимость наличия хотя бы одного из следующих обязательных признаков данного преступления:

– осуществление данной деятельности с использованием игрового оборудования вне игорной зоны;

– осуществление данной деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи;

– отсутствие полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне.

При этом квалифицированные составы предусматривают следующие признаки:

– совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

– извлечение дохода в крупном размере, т.е. более 1 500 000 рублей;

– извлечение дохода в особо крупном размере, т.е. более 6 000 000 рублей;

– совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения.

В результате, к числу характерных проблем, возникающих при расследовании дел данной категории, обусловленных собиранием достаточных данных для возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, можно отнести:

1. Сложность выявления нелегальных игорных заведений и внезапного проникновения в них. Здесь необходимо учитывать, что те заведения, которые расположены за пределами разрешенных игорных зон, безусловно, маскируются. Вход в них свободен только для постоянных клиентов или доверенных лиц. Те же заведения, которые находятся на территории игорных зон, могут вести свою деятельность открыто, однако не иметь предусмотренного законом разрешения на осуществление своей деятельности.

2. Сложность обнаружения ведущейся финансовой отчетности. До недавнего времени такие трудности состояли, прежде всего, в том, что для возбуждения уголовного дела было обязательно наличие крупного размера дохода у такого нелегального игорного заведения. То есть ранее в случае выявления факта незаконных организации и проведения азартных игр при доказанной сумме извлеченного дохода менее 1,5 млн рублей деяние квалифицировалось лишь как администра-

тивное правонарушение. Однако в соответствии с новой редакцией ст. 171.2. УК РФ [4] уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр может наступать (по ч. 1 новой редакции ст. 171.2 УК РФ) вне зависимости от размера извлеченного дохода, т.е. за факт осуществления указанной деятельности, крупный же размер вреда необходим для квалифицированного состава. Данные изменения вступили в силу 3 января 2015 г., безусловно, устранив ряд проблем в доказывании. Тем не менее, доказывание размера извлеченного дохода данными проблемами не ограничивается. Изучение практики показало, что в большинстве случаев лица, осуществляющие незаконную предпринимательскую деятельность, умышленно не ведут бухгалтерского учета полученных от нее доходов. Это обстоятельство затрудняет определение размера извлеченной выручки и квалификацию совершенного противоправного деяния.

В целях выявления оперативными средствами фактов противоправной деятельности лиц мы предлагаем разрабатывать оперативно-тактические комбинации, посредством которых возможно получить следующие доказательства:

– о ведении двойной бухгалтерии субъектами, а также местах ее хранения;

– о тайниках, в которых находятся денежные средства, полученные в результате противоправной деятельности.

3. Необходимость выявления и задержания владельцев данного бизнеса. Такие лица чаще всего отсутствуют в игорных заведениях на момент осуществления проверки, лица же, там находящиеся, являются рядовыми сотрудниками, обслуживающими посетителей и/или игровое оборудование и не являющимися субъектами ответственности по ст. 171.2 УК РФ. Более того, если речь идет о группе лиц по предварительному сговору или организованной группе, то необходимо установление роли в совершении преступления каждого из участников.

4. Необходимость выявления должностных лиц государственных органов, покровительствующих данному игорному заведению, т.к. в результате их действий в большинстве случаев «владельцу» удается уйти от уголовной ответственности и быстро восстановить свою незаконную деятельность. Признаками такого участия должностных лиц государственных органов могут быть: «фиктивный» характер проверок, изъятие неисправного игрового оборудования либо заранее «подготовленного» к изъятию, составление протоколов на подставных лиц.

Таким образом, учитывая, что в обозначенный период возникают сложности в понимании механизма получения информации, в знании общих причин, которые являются основанием для установления доказательств в конкретном деянии, возникает необходимость в разработке оперативно-тактических комбинаций [2, с. 7], которые могут служить исходным пунктом при возбуждении уголовного дела. При этом к наиболее оптимальным оперативно-розыскным мероприятиям, которые следует включать в структуру оперативно-тактической комбинации, применяемой при расследовании преступлений, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр, следует отнести наблюдение, отождествление личности, проверочную закупку, исследование предметов и документов.

Литература

1. Интервью «Независимой газеты» с заместителем председателя комитета по безопасности и противодействия коррупции Госдумы РФ Александром Евсеевичем Хинштейном. URL: http://www.ng.ru/regions/2014-03-21/6_law.html (дата обращения: 25.01.2015).

2. Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 03.02.2015). М.: Юрист, 2015.

4. Федеральный закон о 22 декабря 2014 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (ч. 1). Ст. 7541.
5. URL: https://mvd.ru/ (дата обращения: 25.01.2015).

УДК 343.98

МЕТОДИКА АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ПРИОСТАНОВЛЕННОГО ДЕЛА О НЕРАСКРЫТОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Худицкий П.Е., старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

Автором раскрывается специфика методики анализа материалов приостановленного дела о нераскрытом преступлении. На основании изученного практического материала даются рекомендации по его проведению.

Ключевые слова: нераскрытое преступление; преступление прошлых лет; оценка доказательств; анализ материалов; информация; возобновление предварительного следствия.

METHODS OF ANALYSIS OF MATERIALS SUSPENDED CASE ABOUT UNSOLVED CRIMES

Khuditskii P.E., senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The author reveals the specifics of the methods of analysis of materials suspended case of unsolved crimes. On the basis of practical material makes recommendations for its implementation.

Keywords: unsolved crime; a crime of the past years; the evaluation of evidence; analysis of materials; information; resumption of the preliminary investigation.

Особое место в деятельности по раскрытию преступлений прошлых лет занимает анализ материалов, содержащихся в уголовных делах и делах оперативного учета. Именно с тщательного и глубокого анализа имеющихся данных должна начинаться работа в указанном направлении, так как процесс оценки ранее собранных доказательств позволит следователю установить допущенные ошибки, имеющиеся пробелы и наметить пути их устранения и получения новых доказательств. Безусловно, на качество анализа, умение объективно, полно и всесторонне оценивать имеющиеся данные влияет уровень профессионализма сотрудника, проявляющийся в умении аналитически мыслить, сопоставлять факты, обобщать, абстрагироваться, проводить аналогию, строить гипотезы и выводить логические следствия [4, с. 16].

Необходимо отметить, что при анализе материалов дела о нераскрытом преступлении процесс исследования и оценки доказательств приобретает специфические особенности. Они состоят в следующем:

– объем исследуемых материалов и оцениваемой информации значительно больше, чем на первоначальном этапе расследования, и в этом смысле процесс оценки близок к процессу анализа доказательств при окончании расследования;

– полнота оцениваемой информации также значительна – иначе дело не было бы приостановлено. В то же время эта полнота никак не может быть признана достаточной (как, например, при составлении обвинительного заключения). Нет достаточных данных о виновности определенного лица в совершении данного преступления, о причинах и условиях, способствовавших этому преступлению, о смягчающих и отягчающих обстоятельствах, поскольку их трудно установить с необходимой полнотой при отсутствии виновного лица. Процесс доказывания не завершен, а лишь временно приостановлен;

– основным содержанием анализа является не только оценка собранных материалов, но и своего рода «переоценка ценностей» и на этой основе – поиск новых путей к истине, не обнаруженных и не пройденных ранее;

– основная цель такого анализа – вычленение всей информации, которая относится к лицу, совершившему преступление, или может помочь в будущем установить это лицо. Другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания, в данном случае имеют меньшее значение, поскольку их установление не будет способствовать решению основной на данном этапе задачи – установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [6, с. 32].

Лицу, производящему анализ материалов приостановленного дела, должны оказать помощь следователь или оперативный работник, ранее расследовавшие дело (если оно передается). Существенную помощь при анализе дела может оказать сотрудник научно-технического подразделения органа внутренних дел либо специалисты различных областей.

Например, в анализе материалов приостановленного уголовного дела о нераскрытой краже со взломом из магазина, расследуемого в СО ОП № 4 УМВД России по г. Хабаровску[*], вместе со следователем участвовал и специалист-криминалист. При изучении протокола осмотра и сломанного навесного замка от двери магазина сотрудник научно-технического отдела обратил внимание следователя на такие повреждения, которые могли быть причинены при взломе замка, находившегося в отпертом состоянии. В беседе с лицами, ранее принимавшими участие в осмотре места происшествия, выяснилось, что были и другие признаки инсценировки кражи, не нашедшие отражения в деле. В частности, участковый инспектор вспомнил, что в ходе осмотра заведующий магазином, якобы «рассердившись на воров, в порыве гнева» схватил замок и забросил его далеко в сторону, в траву, откуда он потом был изъят.

Так, участие сотрудника научно-технического отдела в изучении материалов приостановленного дела помогло следователю выдвинуть новую версию – об инсценировке кражи заведующим магазином. После возобновления производства по делу эта версия была тщательно проверена и нашла подтверждение.

Анализ материалов дела целесообразно начать с изучения документа, в сжатом виде суммирующего основные результаты расследования, – постановления о приостановлении предварительного следствия или дознания. Ознакомившись с фабулой события, следует возвратиться к началу расследования и установить, кем, когда и кому было сообщено о преступлении, когда и каким органом возбуждено уголовное дело. Если до возбуждения дела производилась проверка заявления или сообщения, то следует выяснить, была ли она необходима, в течение какого времени проводилась и каковы ее результаты [5, с. 34].

При анализе неотложных следственных действий изучаются их круг, своевременность и последовательность, содержание каждого действия, использование при его проведении научно-технических средств и приемов, а также помощи спе-

[*] Уголовное дело № 365832, возбужденное 27 марта 2012 г. СО ОП № 4 УМВД России по г. Хабаровску // Архив СО ОП № 4 УМВД России по г. Хабаровску.

циалистов. Следует обратить внимание на правильность и полноту фиксации хода и результатов этих действий. Необходимо также изучить вещественные доказательства, полученные в результате проведения следственных действий [3, с. 37].

При анализе показаний всех допрошенных по делу лиц и их сопоставлении выявляются противоречия, расхождения с другими материалами дела – как устраненные впоследствии, так и оставшиеся не устраненными.

Изучая протоколы таких следственных действий, как предъявление для опознания и следственный эксперимент, следует установить, были ли при их проведении соблюдены все необходимые условия достоверности результатов этих действий, изложенные в законе и в рекомендациях криминалистической тактики.

Необходимо отметить, что проверка соблюдения всех необходимых процессуальных и криминалистических условий собирания доказательств должна производиться и при анализе результатов всех других следственных действий.

Особую сложность и значимость имеет правильная оценка произведенных по делу экспертных исследований. Следует установить, все ли необходимые в данном случае экспертизы назначались, правильно ли был избран эксперт или экспертное учреждение, на должном ли научном уровне проведено исследование, правильно ли оценены следователем результаты экспертизы. При анализе материалов экспертных исследований в необходимых случаях следует использовать помощь соответствующих специалистов высокой квалификации [1, с. 78].

При изучении материалов о нераскрытых преступлениях прошлых лет необходимо учитывать возможность совершения аналогичных преступлений, которые либо также остались нераскрытыми, либо виновные в их совершении лица установлены. Это способствует раскрытию серийных преступлений.

Так, в 2008 г. в г. Пензе за покушение на изнасилование 13-летней девочки был задержан К. В рамках проверки версии о возможной причастности задержанного к совершению аналогичных преступлений провели анализ нераскрытых преступлений. Было выявлено еще одно преступление – изнасилование малолетней в 2002 г. Предварительное следствие незамедлительно возобновили. Девочка уверенно опознала насильника, а молекулярно-генетическое исследование подтвердило происхождение от него семенной жидкости. В 1993 г. было совершено убийство малолетней, сопряженное с изнасилованием. Девочка направлялась в музыкальную школу. На груди убитой был обнаружен кровоподтек, оставленный зубами человека. Следственная группа установила, что в это время К. подрабатывал в музыкальной школе. По заключению экспертизы, повреждения, обнаруженные на теле девочки, могли образоваться в результате воздействия челюстей (зубов) К. [2, с. 54].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет следователю необходимо тщательно изучить материалы уголовного дела в целях уяснения следственной ситуации и выдвижения общих версий. Анализу подлежат все известные по делу фактические данные, их относимость к происшествию и доказательственное значение. Следователь должен мысленно представить связи установленных фактов с расследуемым преступным событием, уяснить, какие обстоятельства преступления и в какой мере уже определены, характер и сущность расследуемого события, сведения об источниках судебных доказательств и на основе полученных данных решить вопрос о необходимости возобновления предварительного следствия по уголовному делу.

Литература

1. Аксенов Р.Г. Совершенствование правового регулирования приостановления предварительного следствия в случае, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве

обвиняемого, не установлено, как одно из условий оптимизации расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 6.

2. Жук И.О. Расследование преступлений прошлых лет. Н. Новгород, 2011.

3. Кучерявый А.Ю. Методика анализа материалов приостановленного дела о нераскрытом преступлении // Предварительное следствие. 2009. № 3.

4. Леканов Ю.И. Основные направления деятельности подразделений криминалистики по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет // Предварительное следствие. 2009. № 6.

5. Низамов В.Ю. Вопросы теории и практики расследования и раскрытия убийств прошлых лет: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2005.

6. Савенко Г.М. Основные направления управленческой деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет // Проблемы раскрытия нераскрытых преступлений прошлых лет: мат-лы межвуз. науч. сем. М., 2008.

УДК 343.214:343.9

ПАСПОРТ С ВЫРВАННОЙ СТРАНИЦЕЙ

Калдышев А.Н., кандидат юридических наук

В статье поднимается проблема понимания термина «действительный документ» при раскрытии и расследовании незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации.

Ключевые слова: действительный документ; реквизит; государственная граница.

PASSPORT WITH TORN OUT PAGE

Kaldyshev A.N., *Kandidat nauk* degree in Law

The article raises the problem of understanding of the «valid document» concept in the detection and investigation of illegal crossing of the state border of Russian Federation.

Keywords: valid document; props; state border.

Документы в современном мире играют чуть ли не главенствующую роль. Документально подтверждается практически каждое наше действие в повседневной жизни, что уж говорить о праве или, в частности, уголовном процессе. Но именно при расследовании незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации обнаружены неопределенности в понятии «действительные документы», которые не позволяют практическим работникам однозначно принимать процессуальные решения в складывающемся правовом поле и вызывают споры ученых.

Так, в Уголовном кодексе РФ термин «действительный документ» применяется в ч. 1 ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации» [12]. Но, что следует понимать под фразой «без действительных документов», не разъясняется.

Если обратиться к положениям криминалистики, то одно из оснований классификации документов – «по соответствию действительности» – подразделяет их на подлинные и поддельные. Подлинные – это те документы, которые соответствуют действительности по содержанию и реквизитам, они могут быть действительными и недействительными [2, с. 177].

Если обратиться к этимологическому разбору термина «действительный», то в Толковом словаре русского языка данный термин раскрывается как существующий на самом деле, настоящий, подлинный; сохраняющий силу [4, с. 157]. Что касается недействительного документа, то в словаре прямого определения нет, в законодательных актах также данное понятие не раскрывается. Е.П. Ищенко и Н.Н. Егоров недействительными считают документы с истекшими сроками действия или измененными по различным причинам реквизитами [2, с. 177].

В Толковом словаре русского языка термин «реквизит документа» раскрывается как обязательные входящие в него сведения [4, с. 675]. По мнению других авторов, реквизиты документов (в переводе с лат. – «необходимое») – это совокупность обязательных сведений, данных, предусмотренных действующими правилами или законами для документа, без которых они не могут служить основанием для совершения операций, отсутствие которых лишает документ юридической силы [13].

Так, в пункте 4 Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» под «реквизитом документа» понимается обязательный элемент оформления документа [5]. В пункте 36 ГОСТа Р 7.0.8-2013 [8] также реквизит определяется как элемент оформления документа.

Таким образом, детально нигде не прописано, какие элементы оформления документа относятся к реквизитам. Например, незаполненный лист заграничного паспорта является реквизитом? Для понимания проблемы рассмотрим пример из практики по материалам проверки сообщения о преступлении[*]. Гражданин России А., зная, что у него отсутствует страница в заграничном паспорте, осознавая возможные последствия, пересек государственную границу. Следует отметить, что страницу (без внесенной информации) из паспорта ему удалило третье лицо с целью воспрепятствовать выезду.

Предположим, что лист паспорта не является реквизитом, тогда паспорт с удаленным листом нельзя признать недействительным и гражданин беспрепятственно может перемещаться из одной страны в другую. Что, если на отсутствующей странице была информация, являющаяся основанием для отказа в разрешении пересечь государственную границу?

Все документы, отпечатанные в типографии, снабжены соответствующими реквизитами (номер заказа, тираж, условное обозначение типографии, в которой данный бланк выполнен, и т.п.) [3, с. 289], объем которых, согласно п. 10 Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» [5], определяется видом и назначением документа.

В свою очередь, требования к оформлению образцов и описания бланков основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации, определены постановлениями Правительства РФ «Об утверждении образцов и описания бланков основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации» [6] и «Об утверждении образцов и описания бланков паспорта гражданина Российской Федерации, дипломатического паспорта гражданина Российской Федерации и служебного паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронные носите-

[*] Материалы проверки сообщения о преступлении от 10 декабря 2014 г. № 29 // Архив отдела дознания и административной практики Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю.

ли информации» [7]. Но и здесь нет информации о том, является ли реквизитом пронумерованный лист паспорта и действителен ли паспорт без листа.

Следует также обратить внимание на абзацы вторые пунктов первых разделов «Информация для владельца паспорта» указанных постановлений Правительства, которые определяют, что любые несанкционированные изменения и дополнения, внесенные в настоящий паспорт, делают его недействительным, и он подлежит изъятию в соответствии с порядком, установленным федеральным законом.

В данной формулировке камнем преткновения является словосочетание «внесенные изменения». Имеется позиция, что «внесенными» изменениями вырванная страница быть не может, поскольку она не внесена, а напротив, удалена. В Словаре русского языка под «изменением» понимается перемена, поправка, переделка, внесенная во что-либо и изменяющая что-либо прежнее, а под «изменить» подразумевается сделать иным, переменить [11, с. 647]. Опять же весьма размытая и неоднозначная формулировка.

В пункте 116 Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации [9], закреплено, что при невозможности дальнейшего использования паспорта до истечения срока его действия по причине отсутствия свободных страниц для проставления иностранных виз, отметок пограничных органов, изменения персональных данных (фамилии, имени, отчества, пола) или при значительном изменении внешности владельца паспорта, а также в случае порчи документа или его утраты, заявителю по его заявлению оформляется новый паспорт в порядке, установленном Административным регламентом. Таким образом, и здесь прямого разъяснения недействительности документа нет, что и является предпосылкой для толкования подобных неразъясненных ситуаций в пользу лица с определенными нарушениями в паспорте.

Административный регламент Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению пограничного контроля в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации [10] также не разъясняет понятие «действительный документ», несмотря на использование данного термина в пп. 2 п. 34.

Проблема, как видим, возникает по причине отсутствия четких формулировок в нормативных правовых актах. Если обратиться к иностранному опыту, то, например, часть 1 ст. 22 Закона Республики Казахстана «О документах, удостоверяющих личность» определяет, что «документ, удостоверяющий личность, является недействительным и подлежит сдаче и замене в случаях ...» [1].

Несмотря на размытость формулировок, если в рассматриваемой ситуации признать заграничный паспорт без страницы действительным, это значит разрешить таким образом (изымая страницы из паспорта) скрывать какие-либо сведения о себе, ссылаясь на утерянные якобы незаполненные листы.

По нашему мнению, существующая формулировка ч. 1 ст. 322 УК РФ обязывает привлекать всех лиц без действительных документов к уголовной ответственности (без самого документа, по поддельным документам, испорченным документам по различным причинам). Во избежание двойственности толкования, по нашему мнению, ст. 322 УК РФ целесообразно дополнить примечанием следующего содержания: «Под словосочетанием «без действительных документов» в настоящей статье следует понимать отсутствие документов или предъявление документов, не соответствующих образцам, установленным компетентными органами выдавшего его государства, имеющих признаки подделки, не принадлежащих предъявителю, либо срок действия которых не начался или истек».

Литература

1. Закон Республики Казахстан от 29 января 2013 г. № 73-V «О документах, удостоверяющих личность» (с изм. от 04.07.2014). URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31326562 (дата обращения: 03.02.2015).

2. Ищенко Е.П., Егоров Н.Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: науч.-практ. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2014.

3. Криминалистика: учеб. / Т.В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008.

4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: «А ТЕМП», 2004.

5. Постановление Правительства РФ от 15 июня 2009 г. № 477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» (в ред. от 07.09.2011) // Российская газета. 2009. 24 июня.

6. Постановление Правительства РФ от 14 марта 1997 г. № 298 «Об утверждении образцов и описания бланков основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации» (в ред. от 09.08.2014) // Российская газета. 1997. 27 марта.

7. Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2005 г. № 687 «Об утверждении образцов и описания бланков паспорта гражданина Российской Федерации, дипломатического паспорта гражданина Российской Федерации и служебного паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронные носители информации» (в ред. от 09.08.2014) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 48. Ст. 5037.

8. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 октября 2013 г. № 1185-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» М.: ФГУП «Стандартинформ, 2014.

9. Приказ Федеральной миграционной службы от 15 октября 2012 г. № 320 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» (в ред. от 21.01.2014) // Российская газета. 2013. 27 марта.

10. Приказ ФСБ России от 8 ноября 2012 г. № 562 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению пограничного контроля в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 27 февраля.

11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. I А-Й. 1985.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23.01.2015).

13. URL: www.zakon-grif.ru (дата обращения: 10.02.2015).

УДК 343.985.4

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, ТРУП ПО КОТОРЫМ НЕ ОБНАРУЖЕН: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Киселев Е.А., заведующий криминалистической лабораторией
кандидат юридических наук, доцент;
Казачек Е.Ю. старший преподаватель
(Пятый факультет повышения квалификации
ИПК Академии СК России (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются организационные и тактические аспекты проведения осмотра места происшествия по делам об убийствах, труп по которым не обнаружен. На основе положительного примера деятельности следственного органа СК России показана реальная возможность установления лица, подозреваемого в совершении убийства, при отсутствии трупа.

Ключевые слова: осмотр места происшествия; убийство; труп; безвестное исчезновение лица; разыскиваемое лицо; следственные действия; тактические приемы.

THE EXAMINATION OF THE SCENE IN CASES OF MURDER, THE CORPSE WHICH IS NOT FOUND: ORGANIZATIONAL AND TACTICAL ASPECTS

Kiselev E.A., head of the forensic laboratory
Kandidat nauk degree in Law, associate professor;
Kazachek E.Y., senior lecturer
(Fifth faculty of advanced training IPK
Academy of the IC of Russia (Khabarovsk)

The article examines the organizational and tactical aspects of the inspection of the scene in cases of murder, the corpse which is not detected. Based on the positive example of the activities of the investigative body of the IC of Russia, shows the real possibility of identifying the person suspected of committing the murder, in the absence of a corpse.

Keywords: the examination of the scene; murder; corpse; obscure disappearance of persons; the wanted person; investigations; tactics.

Расследование убийств, труп по которым не обнаружен, в следственной практике всегда вызывает затруднение. При этом для расследования такого вида преступлений необходимо провести ряд оперативных мероприятий и следственных действий, важнейшим из которых является осмотр места происшествия.

В криминалистической литературе традиционно осмотр места происшествия определяется как «действие первоначальное и неотложное. Его сущность и отличительная черта – в непосредственном обнаружении, восприятии, изучении и фиксации состояния, свойства и признаков материальных объектов на месте происшествия. Осмотр места происшествия почти всегда носит комплексный характер: одновременно приходится осматривать и местность, и предметы, и документы, а иногда и труп» [1].

При производстве осмотра места происшествия по делам об убийствах, труп по которым не обнаружен, а также при проверке сообщений о безвестном исчезновении лица следует учитывать ряд обстоятельств. В частности, обязательным является проведение тщательного осмотра места происшествия, а также проведе-

ние дополнительного осмотра места происшествия в случае, если первоначальный осмотр места происшествия в рамках проверочных мероприятий по заявлениям о безвестном исчезновении гражданина проведен поверхностно.

Анализ следственной практики показывает, что одной из причин некачественного проведения первоначального осмотра места происшествия, жилища, прилегающей местности, окрестностей, иных мест возможного нахождения разыскиваемого лица является организация проведения этих следственных действий без должного предварительного планирования, с грубыми тактическими ошибками, без применения необходимых технико-криминалистических средств либо без участия специалистов [2]. Составленные в результате производства этих следственных действий протоколы не могут отражать все интересующие следствие обстоятельства и в конечном итоге лишают возможности установить местонахождение трупа, а также лиц, причастных к совершению преступления.

Так, в ходе первоначального осмотра места происшествия в рамках проверки по сообщению о безвестном исчезновении гражданки К., проведенного следователем одного из следственных отделов Следственного комитета РФ, были обнаружены многочисленные следы крови на предметах мебели, одежде, постельных принадлежностях, а также на предметах, которые могли явиться орудиями преступления, в том числе на молотке и топоре.

Вместе с тем, несмотря на очевидность убийства, следователем было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Причиной тому послужил факт отсутствия трупа пропавшей без вести потерпевшей гр. К.

Спустя несколько дней после возобновления проверки, следственным отделом было возбуждено уголовное дело и составлен план расследования, в который были включены, в том числе, мероприятия по проведению дополнительного осмотра места происшествия.

В ходе дополнительного осмотра места происшествия визуальным осмотром было установлено, что в гостиной комнате квартиры без вести пропавшей К. отсутствует ковер. А в ходе проведения осмотра прилегающих участков местности (ранее не осмотренной) был обнаружен ковер, который по описанию родственников принадлежал гр. К., со следами вещества бурого цвета, однако сам труп гр. К. обнаружен не был. После получения образцов слюнной жидкости для сравнительного исследования у отца гр. К. ковер, обнаруженный в ходе дополнительного осмотра места происшествия, а также предметы, изъятые в ходе первоначального осмотра места происшествия, были представлены для проведения генотипоскопической экспертизы, по результатам которой установлено, что изъятые следы биологического происхождения принадлежат без вести пропавшей гр. К. Это стало возможным благодаря тому, что обнаруженные при осмотре места происшествия следы надлежащим образом были упакованы и изъяты, что и позволило определить генотип потерпевшей.

Дальнейшее использование полученных при осмотре места происшествия доказательств позволило установить причастных к совершению убийства гр. К. сожителя Ж. и его коллегу по работе Н. Данная версия среди прочих рассматривалась в ходе предварительного расследования.

В целом подготовка к осмотру предполагаемого места происшествия включает в себя изучение информации, полученной в ходе проведения розыскных мероприятий, в том числе при опросе заявителя и лиц, знакомых с исчезнувшим, применение тактических приемов, позволяющих обнаружить следы преступления, а также их грамотное изъятие и фиксацию в процессуальных документах.

В случае проверки сообщения о безвестном исчезновении гражданина, осмотру, как правило, подлежат: помещения, где жил исчезнувший; принадлежащие ему дача, гараж, территория приусадебного участка с находящимися на нем

домом и хозяйственными постройками, колодцем, мусорной ямой и т.п.; место, где исчезнувшего видели последний раз; его служебный кабинет, рабочее место; автотранспорт, в том числе личный, служебный; при необходимости, иные помещения, участки местности и водоемы.

При осмотре места происшествия следователю надлежит обратить внимание на соответствие имеющейся информации по делу фактической исследуемой обстановке в целях получения сведений о возможных обстоятельствах исчезновения гражданина, местах сокрытия трупа (или его частей), обнаружения следов и орудий преступления, а также изучения условий, в которых проживал исчезнувший. На основании анализа собранной информации необходимо создать вероятную модель преступления.

Осмотр места происшествия проводится только в присутствии специалиста. Поиск следов необходимо осуществлять не только путём визуального наблюдения, но и в обязательно использовать новейшие технико-криминалистические средства, такие, как источники экспертного света. Применение этих средств позволит осуществлять поиск скрытых следов крови, спермы, микрочастиц, волос и др. Использование такой техники, как металлодетекторы, нелинейные локаторы, позволит обнаружить важные вещественные доказательства, имеющие значение для дела и способствующие розыску пропавшего. Применение георадара позволит осуществить поиск захороненного трупа или его частей при производстве осмотра местности, зданий, сооружений.

Кроме того, осмотру подлежат личные ношеные предметы одежды, обуви, предметы личного обихода исчезнувшего. На возможных орудиях преступления могут присутствовать также потожировые и запаховые следы. На окурках, посуде, носовом платке, предметах, используемых в качестве кляпа при удушении жертвы, могут быть обнаружены следы слюны.

Объектом поиска должны быть и следы рук, принадлежавшие не только исчезнувшему гражданину, но и посторонним лицам.

Орудиями убийства часто служат предметы домашнего обихода, такие как топоры, молотки, различные ножи, пилы, утюги, пепельницы, вазы и т.д. О том, что они были использованы в качестве орудия преступления, могут свидетельствовать имеющиеся на них следы крови, прилипшие волосы, частицы тканей человеческого тела. Если имеются предположения о расчленении трупа, то дополнительно осматриваются всякого рода упаковочные и обвязочные средства, части которых могли быть использованы для переноса или перевозки частей трупа. После использования различных бытовых предметов для убийства они обычно возвращаются преступником в хозяйство, но могут быть и укрыты, как и огнестрельное оружие.

Таким образом, проведение осмотра места происшествия по делам об убийствах, труп по которым не обнаружен, без надлежащей организации и тщательного планирования невозможно. Лишь объективное, лишенное предвзятости выявление на месте преступления всех обстоятельств обеспечивает установление истины по делу.

Литература

1. Бастрыкин А.И. Криминалистикая техника, тактика и методика расследования: науч.-практ. пособие. 2-е изд., доп. СПб., 2010.

2. Киселев Е.А., Казачек Е.Ю. Личное планирование как средство повышения эффективности расследования преступлений // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 3 (68). С. 149-152.

УДК 343.14

К ВОПРОСУ О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Брагер Д.К., доцент филиала Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Южно-Сахалинск) кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие проведение освидетельствования при расследовании дорожно-транспортных преступлений, совершенных лицами в состоянии опьянения. Автор предлагает закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе РФ судебную процедуру по рассмотрению вопросов о целесообразности и допустимости проведения следственного действия принудительно применительно к подозреваемому или обвиняемому, отказавшемуся от участия в следственном действии добровольно.

Ключевые слова: освидетельствование; принудительное проведение следственного действия; дорожно-транспортное преступление; состояние опьянения.

Brager D.K., associate professor of the branch of the Far Eastern State Transport University (Yuzhno-Sakhalinsk) *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

In article the analysis of the existing criminal procedure legislation, and also criminalistic recommendations connected with the most rational carrying out survey at investigation of the road and transport crimes committed by persons in a state of intoxication is given. The author suggests to fix in the code of criminal procedure legal proceedings on consideration of questions of expediency and an admissibility of carrying out investigative action forcibly in relation to the suspect or accused, in case of their refusal of participation in investigative action voluntary.

Keywords: survey; compulsory carrying out investigative action; road accident; state of intoxication.

Дорожно-транспортные преступления являются одним из наиболее распространенных и специфических по своей природе видов противоправных деяний. Так, статистика свидетельствует, что в Российской Федерации за 2014 г. произошло 199 720 дорожно-транспортных происшествий (ДТП), в которых погибло 26 963 чел. По причине нарушения правил дорожного движения водителями произошло 175 862 ДТП (-1,8%), в них ранено 230 617 чел. (-2,3%), погибло 23 143 чел. (+0,2%). По вине водителей, находящихся в состоянии опьянения, в 2014 г. произошло 16 517 ДТП (+21,6%), в них получили ранения 23 245 чел. (+19,9%), погибло 3420 чел. (+47,8%) [4]. Помимо существенного роста погибших по вине пьяных водителей, в 2014 г. в ряде регионов отмечается увеличение по сравнению с 2013 г. числа ДТП с отказавшимися от медицинского освидетельствования водителями [1].

Все обстоятельства дорожно-транспортного преступления с участием лиц, находящихся в состоянии опьянения, могут быть расследованы при системном, многофакторном изучении взаимодействия лица, управляющего транспортным средством, и динамических условий дорожной ситуации. При этом лицо, управляющее транспортным средством, нарушая правила дорожного движения, предвидит возможность причинения смерти или тяжкого вреда здоровью человека, но без достаточных к тому оснований, самонадеянно рассчитывает на их предотвращение либо не предвидит возможности причинения смерти или тяжкого вреда

здоровью человека, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло его предотвратить. По этой причине данные преступления относятся к категории неосторожных и должны быть доказаны следственным путем. С этой целью должны быть установлены все обстоятельства дела, изложенные в ст. 73 УПК РФ.

В ходе расследования по делам о дорожно-транспортных преступлениях, совершенных лицами в состоянии опьянения, подлежат установлению и доказыванию следующие обстоятельства:

- событие дорожно-транспортного преступления. Следует установить характер происшествия: конкретный участок дороги, на котором произошло дорожно-транспортное происшествие; время суток и дата; имело ли место непреодолимое обстоятельство, в связи со стечением ряда не зависящих от лица факторов, или преступное нарушение правил дорожного движения; иные обстоятельства дорожной ситуации;

- виновность лица в совершении преступления, а также форма его вины и мотивы. Определяется степень вины каждого из участников дорожно-транспортного преступления, выразившаяся в субъективном отношении к дорожно-транспортной ситуации, нарушению правил дорожного движения, и мотивы, побудившие на совершение тех или иных действий или бездействий;

- характер и размер вреда, причиненного преступлением, в том числе: количество пострадавших в дорожно-транспортном преступлении; характер и степень тяжести вреда здоровью; имела ли место смерть потерпевшего; обстоятельства ее наступления; размер материального вреда и степень его значения;

- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, изложенные в гл. 8 УК РФ;

- обстоятельства, перечисленные в ст. 61 и 63 УК РФ;

- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, предусмотренные гл. 11 и 12 УК РФ;

- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, заключаются в выяснении уровня подготовки и опыта управления транспортным средством, факты привлечения водителя к административной и уголовной ответственности, в том числе правонарушения в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта. Также подлежит установлению и доказыванию, имело ли место нахождение лица, управлявшего транспортным средством и совершившего дорожно-транспортное преступление, в состоянии опьянения.

Состояние опьянения может быть выявлено и зафиксировано в результате медицинского освидетельствования или самостоятельного следственного действия – освидетельствования.

Освидетельствование считается особым видом следственного осмотра – осмотр живых людей – и проводится в соответствии со ст. 179 УПК РФ, по инициативе следователя или, согласно ст. 290 УПК РФ, осуществляться по инициативе суда. Согласно ч. 1 ст. 290 УПК РФ, освидетельствование производится на основании определения или постановления суда в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 179 УПК РФ. А в части 2 ст. 290 УПК РФ определено, что освидетельствование лица, сопровождающееся его обнажением, производится в отдельном помещении врачом или иным специалистом, которым составляется и подписывается акт освидетельствования, после чего указанные лица возвращаются в зал судебного заседания. В присутствии сторон и освидетельствованного лица врач или иной специалист сообщает суду о следах и приметах на теле освидетельствованного, если они обнаружены, отвечает на вопросы сторон и судей. Акт освидетельствования приобщается к материалам уголовного дела.

Освидетельствование может проводиться в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда осмотр свидетеля проводится с целью оценки достоверности его показаний.

Освидетельствование как разновидность следственного осмотра не следует путать с освидетельствованием как одним из видов судебно-медицинской экспертизы, которая производится судебно-медицинским экспертом. Первое освидетельствование не требует специальных познаний. В процессе его проведения вскрываются признаки совершенного преступления (например, травмы, полученные подозреваемым в ходе дорожно-транспортного преступления), а также признаки, позволяющие идентифицировать определенное лицо (родимые пятна, шрамы, татуировки) либо установить факт нахождения лица в установленном месте (например, наличие в волосах или в ушных раковинах подозреваемого микрочастиц) и т.д.

Освидетельствование имеет следующие отличительные признаки от других видов следственного осмотра:

- для проведения освидетельствования необходимо вынести постановление (ч. 2 ст. 179 УПК РФ);

- следователь (дознаватель, орган дознания) лично не присутствует при осмотре тела освидетельствуемого, если лицо другого пола, а освидетельствование сопровождается обнажением. В данном случае освидетельствование проводится врачом. Понятые привлекаются того же пола, что и освидетельствуемое лицо. В протоколе следственного действия делается запись, что протокол составлен со слов врача. Таким образом, при освидетельствовании может отсутствовать основной признак следственного осмотра – исследование объектов лично следователем (ч. 4 ст. 179 УПК РФ).

В процессе освидетельствования может быть установлено, имеются ли на теле конкретного человека:

- повреждения, где именно и их признаки;

- особые приметы, какие именно, их расположение и признаки;

- частицы веществ, которые были унесены либо принесены на место происшествия;

- признаки наличия профессиональных навыков.

В процессе освидетельствования может быть выявлено и состояние опьянения лица, управлявшего транспортным средством и обнаруженного на месте дорожно-транспортного преступления. В связи с тем, что части 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ в качестве квалифицирующего признака указывают на состояние опьянения лица, управляющего транспортным средством, и как следствие, предусматривают более суровое наказание, водители отказываются от освидетельствования как процессуального действия, предусмотренного ст. 179 УПК РФ [3].

Часть 2 ст. 179 УПК РФ закрепляет, что следователь выносит постановление, которое является обязательным для освидетельствуемого лица. Одновременно часть 5 ст. 56 УПК РФ регламентирует: «свидетель принудительно не может быть подвергнут освидетельствованию, за исключением случаев, предусмотренных частью первой статьи 179 УПК РФ». При этом в УПК РФ отсутствует прямое указание о возможности принудительного освидетельствования. Следовательно, порядок принудительного освидетельствования нуждается в более четком и однозначном урегулировании законодателем [2, с. 99].

Уголовно-процессуальный закон содержит нормы, запрещающие в процессе проведения следственного действия ставить под угрозу жизнь и здоровье граждан и унижать их честь и достоинство (ст. 9 УПК РФ). В связи с этим следователь не вправе проводить освидетельствование на предмет выявления состояния опья-

нения подозреваемого или обвиняемого лица в принудительном порядке. Впоследствии следователю может быть вменено в вину не только нарушение прав участников уголовного процесса на защиту, неприкосновенность личности, но и превышение служебных полномочий, в связи с насилием и обращением, унижающим человеческое достоинство либо создающим опасность для жизни и здоровья человека. Отсутствие однозначной нормативно-правовой базы по рассматриваемой норме УПК РФ – процедуре принудительного освидетельствования, как мы полагаем, является пробелом в действующем законодательстве. И это обстоятельство не позволяет на должном правовом уровне обеспечивать принцип соразмерности уголовного наказания тяжести совершенного противоправного деяния. Поэтому ряд водителей, отказавшись от прохождения медицинского освидетельствования и освидетельствования в качестве следственного действия, избегают уголовной ответственности по ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ.

По нашему мнению, возможность принудительного освидетельствования следует однозначно закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, а суд должен рассматривать вопрос о целесообразности и допустимости проведения следственного действия принудительно применительно к конкретному участнику уголовного судопроизводства, в случае отказа участником уголовного судопроизводства пройти освидетельствование добровольно.

Литература

1. Алексеева Е. Несмотря на ужесточение наказания, число пьяных за рулем увеличивается. URL: http://www.zr.ru/content/news/751896-nesmotrya-na-uzhestochenie-nakazaniya-chislo-pyanyx-za-rulem-uvelichivaetsya (дата обращения: 26.02.2015).

2. Брагер Д.К. Принудительное проведение освидетельствования и получение образцов для сравнительного исследования: отдельные проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377.

3. Волков К.А. Состояние опьянение как отягчающее наказание обстоятельство // Российский судья. 2014. № 12. С. 26-27.

4. Плохие дороги убивают в два раза больше людей, чем пьяные водители. URL: http://www.zr.ru/content/news/762549-ploxie-dorogi-ubivayut-v-dva-raza-bolshe-lyudej-chem-pyanye-voditeli-statistika (дата обращения: 26.02.2015).

УДК 343.14

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ, СОВЕРШЕННОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНОСТРАННЫХ МОРСКИХ СУДОВ

Поздняков М.А., аспирант Сибирского института бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск)

В статье рассматривается вопрос применения судебной экспертизы при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, совершенной с использованием иностранных морских судов. Проанализированы основные виды судебных экспертиз, назначаемых при расследовании вышеуказанных преступлений.

Ключевые слова: специальные знания; судебная экспертиза; незаконная добыча (вылов); водные биологические ресурсы; иностранное морское судно; расследование преступлений; криминалистика.

FORENSICS AS A SOURCE OF EVIDENCE USED IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL HARVEST (CATCH) OF WATER BIOLOGICAL RESOURCES, IMPROVED WITH USE OF FOREIGN SHIPS

Pozdnyakov M.A., post graduate of the Siberian Institute of business, management and psychology (Krasnoyarsk)

In article considers the question of the use of forensics in investigating the illegal harvest (catch) of water biological resources, improved with use of foreign ships. Analyzed and discussed the main types of forensic examinations prescribed for the investigation of the above crimes.

Keywords: expertise; forensics; illegal hunting (catch); water biological resources; foreign naval ship; investigating crimes; criminalistics.

В Дальневосточном регионе незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов является одним из наиболее распространенных преступлений, совершаемых как во внутренних водоемах страны, так и в территориальном море, исключительной экономической зоне Российской Федерации и на континентальном шельфе Российской Федерации. В настоящее время незаконная добыча морских биоресурсов часто совершается организованными, устойчивыми, тесно сплоченными преступными сообществами с участием иностранных субъектов, при этом причиняется огромный экологический и материальный ущерб, что представляет реальную угрозу национальной безопасности государства. Согласно данным Счетной палаты РФ, ежегодный объем неучтенного экспорта дальневосточных водных биологических ресурсов в стоимостном выражении составляет 15-30 млрд руб. [3].

Изучение практики предварительного расследования по данной категории уголовных дел показало, что нередко браконьеры с целью ухода от ответственности за незаконный промысел морских биоресурсов в качестве орудия добычи используют морские суда под иностранными флагами так называемых «удобных государств» (Королевство Камбоджа, Сьерра-Леоне, Грузия, Монголия, Того, Белиз, Панама и др.). Суда под «удобным флагом» не используют никаких спутниковых систем, необходимых для контроля деятельности рыболовецких судов в российских акваториях, благодаря чему осуществляют добычу (вылов) водных биологических ресурсов и их транспортировку в порты Юго-Восточной Азии, не имея на то надлежащего разрешения.

Особенность расследования незаконной добычи водных биоресурсов проявляется в преобладающей роли использования специальных знаний, без которых невозможно ни возбуждение уголовного дела, ни осуществление собирания доказательств, ни определение экологического ущерба. Кроме того, необходимо учитывать, что следы незаконной промысловой деятельности достаточно специфичны, скрытны, и только применение специальных знаний в их различных формах: производство судебной экспертизы, участие специалиста в следственных действиях, дача специалистом показаний – помогают обнаружить, зафиксировать и в дальнейшем использовать для раскрытия и расследования преступления.

Рассмотрим одну из форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве – производство судебной экспертизы.

В статье 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» содержится следующее определение: «Судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и ко-

торые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [1].

Данное понятие изучалось в криминалистической и процессуальной литературе на протяжении значительного периода времени в процессе дискуссии многими учеными. На наш взгляд, наиболее точное определение было предложено А.А. Эйсманом, в котором он под экспертизой понимает исследование, осуществляемое экспертом на основе специальных знаний в целях дачи заключения, служащего доказательством по делу [2, с. 89].

Согласно ст. 80 УПК РФ, «заключение эксперта – представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами».

Назначение судебной экспертизы является одной из процессуальных форм использования специальных знаний, широко применяемых при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, совершенной с использованием иностранных морских судов. На территории нашего государства действует система судебно-экспертных учреждений, в том числе Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, Министерства здравоохранения и социального развития, Министерства обороны, Федеральной службы безопасности, Федеральной таможенной службы.

Как следует из анализа материалов изученных нами уголовных дел, наиболее часто при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, совершенной с использованием иностранных морских судов, назначаются ихтиологические, технологические, навигационные (судоводительские), технико-криминалистические экспертизы документов, почерковедческие судебные экспертизы. Вместе с тем на практике встречаются и иные судебные экспертизы, с помощью которых можно получить важные для расследуемого дела обстоятельства: компьютерная, дактилоскопическая, оценочная, химическая, трасологическая, фоноскопическая, финансово-бухгалтерская, фотопортретная, ветеринарно-санитарная.

Рассмотрим наиболее часто назначаемые судебные экспертизы более подробно.

Ихтиологическая экспертиза назначается для определения характера и размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам, в целях определения вида водных биоресурсов, района обитания и миграционных путей, времени, способа и места их добычи (вылова). На разрешение экспертов ставятся вопросы: каков вид и ареал обитания водных биоресурсов; травмированы ли особи водных биоресурсов, представленных на исследование; возможна ли добыча (вылов) определенного количества экземпляров водных биоресурсов в определенном районе за указанный промежуток времени; каков размер нанесенного ущерба и является ли ущерб крупным.

Так, по уголовному делу № 1-268-11 от 2011 г., возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 253 УК РФ по факту незаконной добычи в исключительной экономической зоне Российской Федерации водных биологических ресурсов – крабов стригуна-опилио в количестве 43 103 особи, обнаруженных на борту судна «Ол-к» (флаг Королевство Камбоджа, порт приписки Пномпень) под управлением капитана судна С., была назначена ихтиологическая судебная экспертиза. Согласно заключению экспертизы, общий средний вес обнаруженного в трюмах судна «Ол-к» краба стригуна-опилио существенно отличался от содержания записей в коносаменте[*], предоставленном капитаном судна С. Аналогичные примеры имеются и в других уголовных делах, где заключение экс-

[*] Коносамент – документ, выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу.

перта-ихтиолога дает основание дознавателю (следователю) опровергнуть версию подозреваемого (обвиняемого) о перегрузе водных биоресурсов с борта другого судна и его непричастности к незаконной промысловой деятельности[*].

Технологическая экспертиза проводится в целях установления возможности ведения добычи (вылова) водных биоресурсов определенным способом с использованием исследуемого судна. Экспертным путем здесь устанавливается: как и каким оборудованием осуществляется добыча (вылов) водных биоресурсов; имеется ли на исследуемом судне оборудование, предназначенное для добычи (вылова) водных биоресурсов определенным способом (например, краба ловушечным способом); если на исследуемом судне отсутствуют какие-либо элементы промыслового оборудования, то имеются ли их следы установки (демонтажа) и использования; имеются ли на исследуемом судне признаки (следы) ведения добычи (вылова) водных биоресурсов определенным способом, вследствие каких промысловых операций могли образоваться данные признаки (следы); предназначено ли исследуемое судно, в его техническом состоянии, для добычи (вылова) водных биоресурсов определенным способом.

Согласно материалам изученных нами уголовных дел, на основании заключений проведенных технологических судебных экспертиз было установлено, что исследуемые морские иностранные судна «Ол-к», «Ар-с», «Ат-с» использовались для добычи краба ловушечным способом[**].

Навигационная (судоводительская) экспертиза назначается в целях установления маршрута движения, места задержания исследуемого судна, места добычи (вылова) водных биоресурсов, обнаруженных на борту исследуемого судна. На ее разрешение могут быть поставлены следующие вопросы: в каких координатах обнаружено и задержано исследуемое судно и к каким водам относятся данные координаты (территориальное море РФ, исключительная экономическая зона РФ); в каких координатах исследуемое судно осуществляло добычу (вылов) водных биоресурсов и к каким водам относятся данные координаты; какова глубина моря в районе добычи (вылова) водных биоресурсов исследуемым судном; могло ли исследуемое судно пройти определенный путь с определенной скоростью за определенный промежуток времени (например, от момента выхода из порта до района добычи водных биоресурсов и до места задержания судна).

Технико-криминалистическая экспертиза документов и почерковедческая экспертиза определяют способ изготовления документов и способ нанесения росписей и оттисков печатей в изъятых с борта судна документах, разрешая вопросы: каким способом, с использованием какого печатающего устройства (принтера, ксерокса, факса) исполнен текст (оттиск печати, подпись) на бланках документов (судовые журналы, договора, коносаменты, рейсовые задания и пр.); кем, (указывается Ф.И.О. члена экипажа судна) или другим лицом выполнена подпись в представленных документах; одним и тем же лицом либо разными лицами исполнены подписи в представленных документах.

Следует отметить, что при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, совершенной с использованием иностранных морских судов, нередко возникает необходимость в применении специальных знаний, относящихся к нескольким различным отраслям. Тогда назначаются комплексные судебные экспертизы, при проведении которых эксперты, специализирующиеся в разных классах или видах судебных экспертиз, заняты совместным решением поставленных вопросов и формулированием общего вывода.

---

[*] Архив Корсаковского городского суда Сахалинской области; архив Фрунзенского районного суда г. Владивостока.

[**] Архив Корсаковского городского суда Сахалинской области; архив Фрунзенского районного суда г. Владивостока.

Так, по уголовному делу № 1-795-08 от 2008 г., возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ в отношении капитана судна «Пл-н» гражданина О., была проведена комплексная механико-судоводительская судебная экспертиза. Капитан судна «Пл-н» гражданин О. в ходе допроса пояснил, что с использованием судна «Пл-н» осуществляли добычу (вылов) биоресурсов только в последний день рейса и не успели внести данные об улове в соответствующие документы. Согласно заключению экспертов (инженера-судоводителя и инженера-судомеханика), судно «Пл-н» осуществляло промысел водных биоресурсов в течение трех дней. Полученные доказательства опровергали показания капитана судна «Пл-н» гражданина О. и устанавливали обстоятельства незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов[*].

Таким образом, можно заключить, что судебная экспертиза открывает неограниченные возможности достоверного использования достижений науки и техники при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов.

Литература

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Доступ из СПС «Гарант».

2. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юрид. лит., 1967.

3. URL:http://www.rg.ru/2013/03/28/reg-dfo/eksport.html

УДК 343.98

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тайнов С.В., адъюнкт;
Жердев П.А., преподаватель
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

Вопросы, связанные с преступностью в сфере производства строительных работ, настоятельно требуют более конкретного теоретического осмысления и изучения. В настоящем исследовании предлагается авторское решение наиболее сложных, малоизученных вопросов, касающихся данной проблемы.

Ключевые слова: преступная деятельность; хищение; строительная сфера.

CRIMES IN THE SPHERE OF PRODUCTION OF CONSTRUCTION WORKS AS THE OBJECT OF CRIMINAL INVESTIGATION

Taynov Sergey, post graduate;
Zherdev Pavel, lecturer
(Far East Institute of Law Ministry of Internal Affairs of Russia)

Questions devoted to crime in the area of construction works, urgently require more specific theoretical understanding and learning. The present study proposes a solution to the most complicated copyright, little-studied issues related to this problem.

Keywords: criminal activity; theft; the construction industry.

[*] Архив Петропавловска-Камчатского городского суда г. Петропавловск-Камчатский.

За последнее десятилетие в Российской Федерации произошел значительный рост промышленного производства, что привело к увеличению и активизации процессов строительства. Высокие показатели в данной сфере сопровождались большим оборотом денежных средств, направляемых в данную отрасль производства, что привело к значительной ее криминализации. Статистика и следственная практика свидетельствуют о том, что хищения, совершаемые при производстве строительных работ, достаточно распространены. Однако следует учитывать, что это лишь видимая часть преступной деятельности, значительный объем преступных фактов остается незарегистрированным. Они скрыты от официальной статистики, поскольку разрешаются гражданами путем использования своего социального ресурса и возможностей распорядиться подотчетными материальными средствами по своему усмотрению.

Как показывает практика, в сфере строительства недвижимости возникает множество мошеннических способов по отъему материальных средств у населения, физических и юридических лиц. Причем способы эти варьируются от тех, которые отражаются лишь на качестве выполненного строительства, до тех, которые изначально и не предполагали никакого строительства, а лишь подразумевали хищение денежных средств у доверившихся лиц [2, с. 5]. Одним из факторов, обусловливающих сложность выявления данных преступлений, также является невозможность определить качество и точность скрытых работ после выполнения последующих работ.

Деятельность в строительной сфере всегда была привлекательна для разного рода криминальных структур. Причем противозаконные действия совершаются на всех стадиях технологического процесса – от выделения органами государства земельных участков под застройку с привлечение подрядчиков, кредитов и инвесторов до процедуры приемки в эксплуатацию законченных строительством объектов, оформления права собственности, оптовой и розничной реализации квартир на рынке недвижимости.

Хищения денежных средств и материалов при производстве строительных работ совершаются в большей или меньшей степени завуалированно. Расхитители стремятся скрыть учиненные ими подлоги в документах и придать своим преступным действиям вид законных операций.

Хищения путем завышения объемов и стоимости выполненных работ в актах приемки совершаются обычно производителями работ, ведущими учет выполненных работ и составляющими указанные документы. Если при этом они действуют без сговора с заказчиком и руководителями строительной организации, то их возможности по осуществлению замаскированных завышений ограничиваются. В этих случаях завышения, как правило, бывают некрупными. Кроме того, не применяются такие способы завышений, как увеличение размеров накладных расходов, завышение цен на материалы, неправильное включение стоимости оборудования. Редко имеет место и неправильное применение удорожающих коэффициентов. Указанные способы применяются тогда, когда в хищениях участвуют другие должностные лица: начальник строительной организации, главный инженер, бухгалтер и др.

Сговор с заказчиком позволяет значительно увеличить размеры завышений объемов и стоимости выполненных работ, включать в акты приемки работы, произведенные силами самого заказчика или другими организациями, составлять фиктивные договоры на выполнение строительных работ.

Еще более широкие возможности для завышений объемов и стоимости выполненных работ появляются у расхитителей в тех случаях, когда они устанавливают преступную связь с работниками финансовых учреждений, а также с долж-

ностными лицами вышестоящей организации, осуществляющими контрольные функции.

Завышения объемов и стоимости работ в нарядах совершаются мастерами и производителями работ, поскольку они выписывают эти документы. Но правильность применения норм и расценок в нарядах проверяет нормировщик, а главный инженер строительной организации, обычно утверждающий наряды к оплате, должен следить за тем, чтобы в них не включались невыполненные работы. Поэтому без сговора с указанными лицами некоторые способы завышений, например, указание более высоких расценок, не соответствующих описанным в нарядах работам, преступниками, как правило, не применяются. Кроме того, сами завышения в этих случаях чаще всего бывают незначительными. Расширение круга участников хищения позволяет осуществлять завышения объемов и стоимости работ в нарядах более разнообразными способами и в больших размерах.

Хищения строительных материалов часто совершаются производителями работ без сговора с другими должностными лицами строительной организации, поскольку они сами их получают, несут за них материальную ответственность и составляют документы на списание в расход или на потери. Однако незаконное излишнее списание материалов во многих случаях может быть вскрыто работниками производственно-технического отдела и бухгалтерии, например, когда материалы списываются на завышенный объем работ или не соблюдаются установленные нормы расхода. Материальные отчеты с перерасходом, а также подложные акты на потери материалов могут быть не утверждены руководителем строительной организации.

При наличии же преступной связи с указанными должностными лицами совершение хищений облегчается. Кроме того, в этих случаях применяются и другие способы хищений: оформление фиктивных документов на отпуск материалов другим организациям, на закупку материалов в торговой сети. Сговор производителей работ с заведующими складами и работниками отдела снабжения позволяет им реализовать созданные на строительных объектах излишки путем сбыта материалов непосредственно со склада или при перевозке их с предприятий, баз, железнодорожных станций [1].

Часто расхитители, преследуя цель максимального обогащения, используют все возможности для совершения хищений, не упуская любого удобного, с их точки зрения, случая. Этим объясняется огромное разнообразие способов хищений. Чем шире круг расхитителей и их пособников, тем многообразнее применяемые ими способы хищений.

Многие хищения совершаются в течение продолжительного периода времени. Этому способствуют, прежде всего, различные недостатки в деятельности строительных организаций и контролирующих органов, создающие объективные возможности для совершения и сокрытия хищений.

Поскольку хищения не выявляются своевременно установленной системой контроля, а также органами, ведущими борьбу с преступностью, расхитители продолжают занимать определенные должности и использовать свое служебное положение для продолжения преступной деятельности.

Хищения денежных средств и материалов при производстве строительных работ, совершаемые должностными лицами или с их участием, сопряжены со злоупотреблениями должностными полномочиями. Злоупотребления выражаются в завышении объемов и стоимости выполненных работ в актах приёмки работ в нарядах, завышенном списании в расход строительных материалов, заключении фиктивных договоров, оформлении бестоварных операций, нарушении правил учета, порядка выдачи заработной платы. Например, начальник строительной организации, будучи участником хищения, получает сообщение от других работни-

ков о завышении объемов и стоимости выполненных работ в актах приемки работ, но не препятствует направлению этих актов в финансовое учреждение для производства расчетов с заказчиком. В дальнейшем не принимает мер к пресечению расходования незаконно созданных резервов фонда заработной платы.

Таким образом, внешне должностные злоупотребления, в которых проявляется преступная деятельность расхитителей, могут выглядеть и как нарушения или упущения по службе.

Надо сказать, что в строительстве помимо хищений совершается немало должностных преступлений и правонарушений, многие из которых с объективной стороны аналогичны или весьма сходны с действиями расхитителей, направленными на создание резерва денежных средств и материалов, их изъятие и т.д.

Завышения объемов и стоимости работ в нарядах нередко совершаются в целях сокрытия фактов необеспечения фронта работ и оплаты рабочим за вынужденный простой. Акты же на простой не составляются. Некоторые завышения, например неправильное применение отдельных расценок, могут допускаться по ошибке.

Причины завышенного списания материалов в расход во многих случаях коренятся в неудовлетворительном отношении к их сохранности, допущении порчи, растаскивания и т.д.

Все эти правонарушения и злоупотребления, не имея прямой связи с хищениями, тем не менее, создают благоприятную почву для деятельности расхитителей. Последние, совершая аналогичные действия в целях хищения, нередко придают им вид бескорыстных нарушений по службе, допускаемых в «хозяйственных» интересах.

В отличие от указанных злоупотреблений и нарушений, со многими хищениями при производстве строительных работ тесно связано взяточничество отдельных должностных лиц. Некоторые руководители строительных организаций, ревизоры, работники банков, представители организаций, осуществляющие приемку зданий или отдельных сооружений в эксплуатацию, и другие должностные лица получают взятки от работников строек. Занимаясь взяточничеством, эти лица сами совершают различные нарушения или злоупотребления по службе, которые используют в своих целях расхитители.

Изложенное выше необходимо учитывать для того, чтобы правильно оценивать материалы проверки или расследования и не смешивать хищения с другими преступлениями и правонарушениями.

Литература

1. Мерецкий Н.Е. Первоначальный этап расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 4.

2. Сараев П.Н. Экономические преступления в сфере строительства: методологические основы расследования // Российский следователь. 2012. № 15.

УДК 343.98

О ПРАКТИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ ПРЕСТУПНОСТИ

Галкин Д.В., доцент кафедры Пятого факультета повышения квалификации ИПК Академии СК России (г. Хабаровск) кандидат юридических наук

В статье рассматривается понятие прогнозирования в криминалистике и формы его реализации в практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: криминалистический прогноз; прогноз преступности; новые виды преступлений.

ABOUT THE PRACTICAL APPLICATION OF CRIMINALISTIC FORECASTS

Galkin D.V., associate professor of the Fifth faculty
of advanced training IPK Academy of the IC of Russia (Khabarovsk)

The article deals with the concept of prediction in criminalistics and forms of its realization in practice of law enforcement bodies.

Keywords: criminalistic forecast; forecast crime; new types of crimes.

Любой науке, как естественной, так и гуманитарной, свойственна функция прогнозирования. Научное прогнозирование есть предсказание тенденций развития любого предмета, процесса, системы на основе имеющейся о них специфической информации и достигнутого уровня науки [5]. Научное прогнозирование осуществляется двумя основными способами. Первый способ заключается в экстраполяции их поведения в прошлом и настоящем на предстоящий период. Второй способ основан на статистической обработке мнений экспертов по конкретным вопросам и областям знания.

Криминалистика как комплексная прикладная юридическая наука не является исключением – ей, так же, как и другим наукам, присуща прогностическая функция. Криминалистическое прогнозирование представляет собой основанное на общей теории прогнозирования предвидение дальнейшего развития криминалистики как науки, всех видов практической криминалистической деятельности, с учетом некоторых предсказаний об изменениях в отдельных видах преступной деятельности, о появлении новых ее видов и возможных новых средствах и приемах борьбы с ними [3, с. 182].

Исходя из приведенного определения, можно выделить три основных направления криминалистического прогнозирования. Первое направление – прогнозирование развития общей теории науки криминалистики и теоретических основ ее разделов (прогнозирование теории криминалистики).

Второе направление – прогнозирование изменений в характере, способах и других характеристиках отдельных видов преступной деятельности, а также возможных изменений средств и методов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений (криминалистическое прогнозирование преступности).

Третье направление – прогнозирование особенностей криминалистической деятельности по расследованию и предупреждению конкретных преступлений (анализ перспективы по уголовному делу).

Первое направление носит теоретический характер, включает в себя выявление будущих приоритетных направлений развития науки и практики и реализуется в ходе научных исследований в области криминалистики. Второе направление имеет более прикладной характер, оно может осуществляться как в рамках научных исследований, так и в практической деятельности. Третье направление прогнозирования носит сугубо практический характер и проводится в рамках раскрытия и расследования конкретного преступления.

При этом практическое применение второго и третьего направлений прогнозирования существенно разнится. Второе направление – криминалистическое прогнозирование преступности – реализуется прежде всего в процессе управления правоохранительной деятельностью. Третье направление – анализ перспектив по конкретному уголовному делу или материалу проверки – относится к компетен-

ции следователя или иного лица, осуществляющего раскрытие и расследование преступления.

Остановимся более подробно на втором направлении прогнозирования в криминалистике – прогнозировании изменений в характере, способах и других характеристиках отдельных видов преступлений, а также возможных изменений в средствах и методах раскрытия и расследования преступлений. Условно будем именовать данное направление «криминалистическим прогнозированием преступности».

Какие конкретные задачи решает криминалистическое прогнозирование преступности? Очевидно, что они обусловлены двойственностью предмета науки криминалистики. С одной стороны, криминалистика изучает закономерности совершения и сокрытия преступлений, то есть преступную деятельность, с другой стороны – закономерности раскрытия и расследования преступлений, то есть правоохранительную (розыскную и следственную) деятельность. Эта особенность определяет содержание задач криминалистического прогнозирования преступности. Они включают в себя изучение перспектив появления новых объектов преступного посягательства, новых способов совершения и сокрытия преступлений, поведения преступников при совершении ранее неизвестных преступлений; предположения о дополнительных механизмах следообразования прогнозируемых преступлений, о новых технико-криминалистических средствах борьбы с преступностью, иных тактических приемах производства следственных действий, а также о дополнительных методиках расследования традиционных и прогнозируемых преступлений [4, с. 35].

Например, в период с 2002 до 2006 г. общее число зарегистрированных в России краж выросло почти в два раза – с 927 тыс. в 2002 г. до 1 млн 677 тыс. по итогам 2006 г. В Хабаровском крае за этот же период рост составил почти 70% (число краж выросло с 16 до 27 тыс.). Что послужило этому причиной? Практика правоохранительной работы говорит о том, что одной из основных причин всплеска преступности в этот период стало массовое распространение нового объекта хищений – мобильных телефонов. В силу их компактности, они были доступны для хищения и легко могли быть проданы на вторичном рынке. Хищения мобильных телефонов стали причиной существенного увеличения нагрузки на следователей и дознавателей: уголовные дела и материалы о таких преступлениях в эти годы составляли почти половину всех расследуемых дел в городских и районных отделах органов внутренних дел. В последующие годы число таких преступлений стало постепенно, но уверенно снижаться, что может быть связано со снижением стоимости мобильных устройств, исчезновением вторичного рынка сотовых телефонов, отработкой технологии их поиска по IMEI-коду и появлением возможности их блокировки.

На смену кражам мобильных телефонов приходят другие объекты преступного посягательства и другие способы хищений. В последние несколько лет массовое распространение получают безналичные расчеты граждан за полученные ими товары, работы и услуги. Уже сейчас практически каждый взрослый гражданин Российской Федерации является обладателем банковской карты, используемой для оплаты покупок. Постепенно люди все больше привыкают к банковским картам, отказываясь от наличных денег. Вероятно, эти процессы приведут к широкому распространению новых способов хищений денежных средств граждан, с использованием их банковских карт. Их рост уже отмечается в следственной практике – получив доступ к реквизитам банковской карты, злоумышленники могут распорядиться чужими деньгами, не выходя из дома, – перевести деньги на другой счет, виртуальный кошелек или совершить покупку в Интернете. Ученые-криминалисты своевременно сделали выводы о том, что «грядет эпоха интернет-

мошенничеств» [2, с. 28]. Новые способы совершения и сокрытия таких преступлений неизбежно повлекут за собой необходимость выработки новых методик их расследования, изменений тактики проведения следственных действий, применения новых информационных технологий для их раскрытия.

Использование термина «криминалистическое прогнозирование преступности» наводит на мысль о том, не является ли оно всего лишь дублированием криминологического прогноза. Действительно, криминалистическое прогнозирование тесно связано с прогнозированием самой преступности как социального явления, что является предметом изучения криминологии, а не криминалистики. Здесь возможен вывод о том, что прогнозирование изменений в характере, способах и других характеристиках отдельных видов преступной деятельности является сферой соприкосновения криминалистики и криминологии. И тот, и другой вид прогнозирования используют статистические сведения о преступности как информационную базу исследования.

В то же время криминалистическое и криминологическое прогнозирование не дублируют друг друга. Можно сформулировать несколько критериев их разграничения. Основные из них – это цели и задачи прогнозирования. Криминологический прогноз нацелен на предсказание будущего состояния преступности на основе выявленных факторов ее развития, криминалистический прогноз указывает на перспективы появления новых объектов преступного посягательства, новых способов совершения преступлений и новых средств их раскрытия и расследования [1].

Упомянутый выше пример о новом способе совершения преступления – хищении денежных средств граждан с использованием их банковских карт – наглядно демонстрирует разницу между криминологическим и криминалистическим прогнозами. С точки зрения криминологии и уголовного права появление таких преступлений не принесло для науки ничего нового: как и традиционные виды хищений, незаконное тайное изъятие денег с банковских карт квалифицируется по ст. 158 УК РФ «Кража». С точки зрения криминалистики это совершенно новый способ совершения преступления, который обусловливает необходимость выработки соответствующего алгоритма следственных действий, применения новых технических средств и информационных технологий, корректировки тактических приемов проведения осмотров, допросов и других следственных действий.

Резюмируя вышеизложенное, можно выдвинуть тезис о том, что криминологический и криминалистический прогнозы взаимно дополняют друг друга. С точки зрения формирования понятийного аппарата в содержание понятия «прогноз преступности» логично включить как криминологический, так и криминалистический прогнозы.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988.
2. Ищенко Е.П. Виртуальный криминал. М.: Проспект, 2014.
3. Криминалистика: учеб. / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2014. Т. 1.
4. Криминалистика: учеб. / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Инфра-М, 2010.
5. Лебедев С.А. Философия науки: словарь основных терминов. М.: Академический проект, 2004.
6. Яблоков Н.П. Криминалистика: учеб. М.. 2003.

УДК 347

О СРОКАХ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Древаль Л.Н., профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор

Автор попытался обозначить некоторые проблемы в сфере исполнения решений по гражданским делам и сформулировать предложения по совершенствованию правоприменения.

Ключевые слова: сроки; судебный пристав; гражданское судопроизводство; принудительное исполнение.

ABOUT TERMS IN EXECUTIVE PRODUCTION

Dreval L.N., chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, professor

The author in theses tried to designate some problems in the sphere of execution of decisions on civil cases and to formulate right application suggestions for improvement.

Keywords: terms; catchpole; civil procedure; compulsory execution.

Права и свободы человека и гражданина признаются Российским государством высшей ценностью. Их защита гарантируется разными способами, в том числе путем обращения в суд [1, ст. 46]. Однако эффективность судебной защиты при осуществлении правосудия в случае нарушения прав зависит не только от принятия судом справедливого решения, но и от его исполнения.

Согласно ст. 210 Гражданского процессуального кодекса РФ, исполнение судебного решения проводится после вступления его в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения.

Судебные решения участниками правоотношений должны исполняться добровольно. В противном случае «включается» механизм принудительного исполнения судебных актов, который реализуется через систему органов Федеральной службы судебных приставов, «завершающей цикл защиты нарушенного или оспоренного права граждан и организаций» [4, с. 85].

На службу возложены важные для правового государства полномочия, поскольку ее деятельность является важнейшим условием успешного функционирования судебной системы Российской Федерации в целом.

Решая поставленные задачи, судебный пристав-исполнитель, наделенный властными полномочиями, осуществляет свою деятельность в соответствии с принципами исполнительного производства, закрепленными ст. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [6].

В их числе особо следует выделить принципы законности и своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения. К сожалению, они, как показывает анализ статистических данных о

количестве жалоб на действия (бездействие) судебных приставов-исполнителей и должностных лиц этой службы, чаще всего нарушаются [2].

Законодательством установлены вполне реальные, но с точки зрения правоприменения «размытые» сроки для реализации судебного решения. Так, в соответствии со ст. 30 рассматриваемого закона судебный пристав-исполнитель в трехдневный срок со дня поступления к нему исполнительного документа обязан вынести постановление о возбуждении исполнительного производства.

В нем же он устанавливает срок для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований и предупреждает должника о принудительном исполнении указанных требований по истечении срока для добровольного исполнения. Как правило, этот срок составляет пять дней со дня получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства.

Указанные сроки являются нормативными, т.е. императивными, поэтому самостоятельно трактоваться не могут. Следовательно, с момента вступления в законную силу судебного решения по гражданскому делу с учетом перечисленных сроков и сроков, необходимых для регистрации документов, и до момента его исполнения должно пройти не больше 2-3 месяцев. Однако сотрудниками ФССП эти сроки часто нарушаются (иногда это проявляется в элементарном бездействии), тем самым не соблюдается исполнительное законодательство, поэтому со стороны граждан и организаций, имеющих с ними «дело», поступает много нареканий. Теряется доверие к Федеральной службе судебных приставов. Не случайно, как отмечает П.А. Скобликов, большинство жалоб против нашей страны, поступающих в Европейский суд по правам человека, касаются не деятельности российских судов, а неисполнения их решений [3, с. 43].

Затягивая сроки исполнения судебных решений, недобросовестные судебные приставы-исполнители способствуют тому, что должник, не желающий исполнить добровольно решение суда, может избавиться от имущества, на которое обращается взыскание, а также предпринять иные действия, чтобы воспрепятствовать реализации исполнения судебного решения в целом или его части, что может привести к невозможности взыскания или уменьшению размера взыскания. Такой же результат может наступить вследствие болезни или смерти физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, а также прекращения деятельности юридического лица (в добровольном или принудительном порядке, например при признании судом должника банкротом).

По мнению автора, увеличению сроков исполнения судебных решений способствует непрофессиональная работа приставов-исполнителей, как с должником, так и с лицами, в пользу которых осуществляется взыскание. Сотрудники ФССП не информируют последних об отношении должника в добровольном порядке исполнить решение суда, поэтому «период ожидания» взыскателей значительно превышает установленные законодательством сроки.

По этой причине исполнение решений по гражданским делам с участием физических лиц в Хабаровском крае затягивается на срок от 9 месяцев до года[*]. А между тем на не возвращенные в срок денежные суммы могут влиять инфляционные и некоторые стагнационные процессы, которые характерны для современного периода развития экономики нашего государства. Не говоря уже о том, что период с момента нарушения права, обращения в суд и до вынесения справедливого и законного судебного решения тоже может занять какой-то период времени.

[*] Вывод автором сделан на основе выборочного опроса лиц, в пользу которых вынесены решения о взыскании в 2014 г.

Несмотря на существующие методические рекомендации об организации работы по рассмотрению жалоб на постановления, действия (бездействие) должностных лиц Федеральной службы судебных приставов, поданных в порядке подчиненности от 29 сентября 2011 г., работа с обращениями граждан часто носит формальный характер, что снижает уровень личной ответственности сотрудников службы, действующих от имени органа публичной власти. Законодательством не установлена зависимость эффективности работы судебных приставов от своевременности исполнения своих обязанностей.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что назрела необходимость: 1) в установлении мер ответственности для сотрудников ФССП не только дисциплинарного характера, но привлечения их (как минимум) к гражданско-правовой ответственности, связанной с возмещением убытков, причиненных несвоевременным исполнением судебных решений по взысканию денежных сумм, в том числе с индексацией; 2) в усилении прямого контроля со стороны судебных органов, который имеет цель проверить законность и обоснованность решений судебных приставов-исполнителей и действий (бездействия) должностных лиц.

В связи с этим следует внести изменения в гл. 18 «Сроки и порядок обжалования постановлений и действий (бездействия) должностных лиц службы судебных приставов» Федерального закона «Об исполнительном производстве», в разд. VII «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов» Гражданского процессуального кодекса РФ, а также в Положение о Федеральной службе судебных приставов [5].

Литература

1. Конституция Российской Федерации.

2. Статистические данные ФССП России. URL: www.fssprus.ru

3. Скобликов П.А. Коррупционные ниши в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» // Российская юстиция. 2007. № 7.

4. Турчина О.В. Исполнительное производство в России и за рубежом // Вестник ДВЮИ МВД России. 2013. № 2. С. 84-89.

5. Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» (с изм. на 20.01.2015) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4111; 2014. № 30 (ч. II). Ст. 4286.

6. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (с изм. на 22.12.2014) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849; 2014. № 30 (I). Ст. 4217.

УДК 347

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ КОНТРАКТА, ЗАКЛЮЧАЕМОГО ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Коробейникова Т.С., доцент кафедры Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ кандидат юридических наук

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся способов обеспечения исполнения государственного (муниципального) контракта. На основе действующего законодательства проанализированы такие способы, как банковская гарантия и перечисление денежных средств на счет заказчика.

Ключевые слова: государственный контракт; способы обеспечения исполнения контракта; банковская гарантия; перечисление денежных средств

ENFORCING A MADE FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS CONTRACT

Korobeinikova T.S., associate professor of the Far Eastern Institute of management – Branch of Russian Academy of National Economy and Government Service
Kandidat nauk degree in Law

The article deals with issues relating to the ways of enforcing the state (municipal) contract. Such methods as bank guarantee and funds transfer to the customer's account are analyzed on the existing legislation basis.

Keywords: state contract; ways of contract enforcing; bank guarantee; funds transfer.

Государственный или муниципальный контракт заключается для обеспечения потребностей Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований и бюджетных учреждений в получении товаров, выполнении работ, оказании услуг. В соответствии с ч. 1 ст. 96 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [3] контракт обязательно должен содержать требование об обеспечении исполнения контракта.

Способом обеспечения исполнения контракта может быть банковская гарантия или внесение денежных средств на указанный заказчиком счет. Выбор способа принадлежит поставщику (подрядчику, исполнителю) (ч. 3 ст. 96 Закона № 44-ФЗ). При этом участник должен предоставить заказчику обеспечение исполнения контракта в срок, установленный для заключения контракта (ч. 5 ст. 96 Закона № 44-ФЗ).

При определении размера обеспечения исполнения контракта заказчику необходимо руководствоваться требованиями, установленными в ч. 6 ст. 96 Закона № 44-ФЗ. Данная норма содержит лишь минимальные и максимальные величины обеспечения, и поэтому заказчик в каждом конкретном случае самостоятельно определяет размер обеспечения в зависимости от цены контракта.

По общему правилу, размер обеспечения не должен превышать 30% цены контракта (ч. 6 ст. 96 Закона № 44-ФЗ). Однако, если контрактом предусмотрена предварительная оплата (аванс), которая составляет более 30% его цены, размер обеспечения исполнения контракта должен быть равен величине аванса.

Участник закупки вправе предоставить заказчику обеспечение исполнения контракта путем перечисления денежных средств на его счет (ч. 3 ст. 96 Закона № 44-ФЗ). Платежное поручение на перечисление средств в качестве обеспечения контракта заполняется по общим правилам [2]. При этом в графе «Назначение платежа» необходимо указать «обеспечение исполнения контракта» и информацию о закупке.

Если выбрано обеспечение исполнения контракта путем внесения денежных средств, то, согласно ч. 27 ст. 34 Закона № 44-ФЗ, в контракт в обязательном порядке включается условие об их сроках возврата.

Другой вариант, имеющийся у поставщика, – выбрать в качестве обеспечения исполнения контракта банковскую гарантию (ч. 3 ст. 96 Закона № 44-ФЗ). Она оформляется в письменной форме на бумажном носителе или в форме электронного документа, подписанного усиленной неквалифицированной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени банка. Требования, предъявляемые к банковской гарантии, определены Постановлением Правительства РФ от 8 ноября 2013 г. № 1005 «О банковских гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее –

Постановление Правительства РФ № 1005) [4]. Данным Постановлением предусмотрено ведение реестра банковских гарантий Федеральным казначейством.

Для оформления банковской гарантии поставщик определяет банк, который будет выступать гарантом исполнения контракта по банковской гарантии. Такой банк должен входить в перечень банков, отвечающих установленным требованиям для принятия банковских гарантий в целях налогообложения, который ведется Минфином России и размещен на его официальном сайте [5].

В большинстве случаев обязательным условием банка при решении вопроса о выдаче банковской гарантии является наличие у лица счета в данном банке.

Выданная гарантия должна соответствовать требованиям, установленным ст. 45 Закона № 44-ФЗ, а именно должна содержать: условие о безотзывности, сведения о сумме гарантии; перечень обязательств, исполнение которых обеспечивается гарантией; указание на обязанность банка уплатить заказчику неустойку в размере 0,1% суммы, подлежащей уплате, за каждый день просрочки; условие, согласно которому обязательства банка по гарантии считаются исполненными с момента поступления денежных сумм на счет заказчика; условие о сроке действия банковской гарантии, который должен превышать срок действия контракта не менее чем на один месяц (п. 5 ч. 2 ст. 45, ч. 3 ст. 96 Закона № 44-ФЗ); отлагательное условие о том, что договор предоставления банковской гарантии заключается по обязательствам участника закупки, которые возникнут из контракта при его заключении (п. 6 ч. 2 ст. 45 Закона № 44-ФЗ); право заказчика представлять письменное требование об уплате денежной суммы или ее части по банковской гарантии в случае ненадлежащего выполнения или невыполнения поставщиком обязательств, обеспеченных банковской гарантией; перечень документов, которые заказчик должен представить банку вместе с требованием уплатить денежные средства по банковской гарантии (п. 7 ч. 2 ст. 45 Закона № 44-ФЗ).

Также в Постановлении Правительства РФ № 1005 установлены требования и положения, которые недопустимо включать в банковскую гарантию.

Если у банка, выдавшего гарантию в качестве обеспечения исполнения контракта, отозвана лицензия, то это обстоятельство не порождает обязанность поставщика предоставить заказчику новое обеспечение, т.к. отзыв лицензии у банка не является основанием для прекращения гарантии [1, ст. 378] и не влечет ее недействительности (если иное не предусмотрено самой банковской гарантией). Однако, если это прямо установлено контрактом, при отзыве лицензии у банка, выдавшего гарантию, поставщик должен предоставить новое обеспечение исполнения контракта. При этом необходимо устанавливать срок предоставления нового обеспечения исполнения контракта.

Представленную банковскую гарантию заказчик должен рассмотреть до момента подписания контракта в течение не более чем трех рабочих дней с даты поступления (ч. 5 ст. 45 Закона № 44-ФЗ).

В случае отказа в принятии банковской гарантии заказчик уведомляет поставщика об отказе в принятии банковской гарантии с указанием причин, послуживших основанием для отказа.

Часть 2 ст. 96 Закона № 44-ФЗ предусматривает исключения, когда требование об обеспечении контракта устанавливается по желанию заказчика при осуществлении закупки (например, при заключении контракта с единственным поставщиком).

Заказчик также вправе, но не обязан включить в контракт требование об обеспечении в случае, установленном п. 2 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ (при заключении контракта с единственным поставщиком), если только правовым актом, на основании которого проводится данная закупка, не установлена обязанность заказчика включить указанное требование.

Кроме того, требование о внесении обеспечения для исполнения контракта не распространяется на поставщиков, являющихся государственными или муниципальными казенными учреждениями; на осуществление закупки услуги по предоставлению кредита, а также на заключение бюджетным учреждением контракта, предметом которого является выдача банковской гарантии (ч. 8 ст. 96 Закона № 44-ФЗ).

В целях разъяснения некоторых вопросов, касающихся обеспечения исполнения контракта, Минэкономразвития России установило ограничения, касающиеся обеспечения исполнения контракта[*]. В частности, оно указало, что в Законе № 44-ФЗ не предусмотрено предоставление: нескольких банковских гарантий в обеспечение одного контракта; обеспечения третьим лицом, не являющимся участником закупки; смешанного обеспечения исполнения контракта в виде банковской гарантии и внесения денежных средств на счет заказчика.

Если должное обеспечение исполнения контракта не предоставлено в установленный срок, то участник признается уклонившимся от заключения контракта. Следовательно, он подлежит включению в реестр недобросовестных поставщиков (ч. 2 ст. 104 Закона № 44-ФЗ).

Контракт для обеспечения государственных и муниципальных нужд заключается после предоставления участником закупки, с которым заключается контракт, обеспечения исполнения контракта в соответствии с Законом № 44-ФЗ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Положение о правилах осуществления перевода денежных средств, утвержденное Банком России 19 июня 2012 г. № 383-П // Вестник Банка России. 2012. № 34.
3. Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
4. Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. Ст. 5947.
5. URL: http://www.minfin.ru/ru/tax_relations/policy/bankwarranty/

УДК 346

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ ГОСЗАКУПОК

Белинская М.П., адъюнкт Нижегородской академии МВД России

В статье предпринимается попытка обозначить некоторые проблемы современной системы государственных закупок, а также проводится анализ угроз национальной безопасности и мер по их предупреждению в рамках исторического развития института казенного подряда.

Ключевые слова: казенный подряд; система государственных закупок.

ON THE QUESTION OF THE PREVENTION OF ABUSINGS IN THE STATE CONTRACT SYSTEM

Belinskaya M.P., post graduate Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Internal Affairs of Russia

[*] Письмо Минэкономразвития России от 19 сентября 2014 г. № Д28и-1893 (опубликовано не было). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

In the article the author makes an attempt to define some of the problems of modern state contract system, and analyzes national security threats and actions of their prevention within historical development of institute state contract.

Keywords: official streak; state contract system.

Вопрос нецелевого расходования государственного бюджета на протяжении долгого времени оставался, и поныне остается, актуальным для Российского государства. В своем Послании Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. Президент РФ четко обозначил в качестве прямого удара по национальной безопасности такое явление, как нецелевое расходование или хищение денежных средств при гособоронзаказе. Современная система мониторинга при государственном оборонном заказе, а также регулирующие эту деятельность юридические нормы не позволяют эффективно препятствовать злоупотреблениям, которые сопровождают процесс поставки продукции. Как отмечает Владимир Путин, «по некоторым позициям цены увеличиваются в два, в три, в четыре, а есть случаи, когда цена увеличилась от начала работы в одиннадцать раз» [5]. В связи с этим Президент РФ поручил «разработать систему жесткого, действенного контроля за использованием средств гособоронзаказа» [5].

Недопущение хищения средств государственной казны являлось приоритетным направлением деятельности государственных структур не только на современном этапе, но и несколько веков назад. Для более четкого представления обозначенной проблемы обратимся к истории возникновения института казенного подряда и рассмотрим правовые средства предупреждения корыстных злоупотреблений при государственном заказе, сложившиеся еще в XVIII в.

Особенностью правового регулирования указанных выше отношений в петровское время являлось множественность нормативных актов, регулировавших отдельные стороны казенного подряда. Существовало несколько основополагающих документов, таких как Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г. [2, с. 525], Регламент Камер-коллегии 1731 г. [3, с. 483], но необходимость оперативного внесения корректив в динамично развивающиеся отношения порождала дополнительные нормативные акты.

Охранение государственной казны от необоснованного убытка было одной из приоритетных задач государственной политики в XVIII в. В связи с этим особое внимание уделялось качественному приисканию подрядчиков, освидетельствованию их поручителей.

В начале XVIII в. устанавливалось, что прежде чем объявлять свои предложения в Москве или в Санкт-Петербурге, купецкие люди должны были озвучить их в своих городах в ратушах. Последние обязаны были выдать им подписанные бурмистрами «свидетельства о своем состоянии, и о пожитках, и о торгах, и какие по них поручики достоверные будут» [3, с. 636]. Достоверность свидетельств проверяли у губернаторов, а также в соответствующих коллегиях. Кроме того, Регламент Камер-коллегии предписывал взаимодействие с иными коллегиями по факту установления добропорядочности подрядчиков, предоставляющих свидетельства.

С 1759 г. по требованию подрядчиков магистраты выдают уже аттестаты, в которых фиксировалось финансовое состояние потенциального исполнителя обязательств по государственному контракту, наличие у него текущих или прошлых неисполненных подрядов. При этом предписывалось: «по которому аттестату кто в какой подряд или откуп вступит, то на тех аттестатах подписывать дабы по одним аттестатам в другие сверх написанной в них суммы, подряды и откупы вступать не могли» [4, с. 91].

Напомним, что, согласно Указу 1714 г. «О публиковании указами о подрядах и продажах» [1, с. 114], информацию о всех заключенных подрядах губерна-

торам необходимо было представлять в Сенат. Губернаторы один раз в год направляли в Камер-коллегию сведения о лицах, заключивших на губернском уровне контракты о казенных подрядах, для ведения учета как недобросовестных подрядчиков, так и контроля за взысканием казенных убытков.

Однако несмотря на имеющиеся ограничения по вступлению в казенный подряд, законодатель в XVIII в. все-таки предусматривал возможность участия добросовестных подрядчиков по текущему договору в иных подрядах, вне зависимости от неисполненных прежних контрактов. При необходимости и по требованию подрядчика органом-заказчиком выдавался аттестат, который наряду со свидетельством из ратуши давал подрядчику право вступать в новые договорные обязательства.

Порядок возмещения государственных убытков также не оставался без внимания. Согласно Регламенту Камер-коллегии, казенные убытки возмещались в первую очередь подрядчиками, в случае их несостоятельности – поручителями. При этом был установлен конкретный срок возмещения убытков – 2 месяца. В случае промедления и истечения времени, в силу которого подрядчики и поручители должны были объявить себя неплатежеспособными, весь убыток взыскивался с ответственных должностных лиц Камер-коллегии.

В настоящее время процесс возмещения денежных средств государству не предусматривает индивидуальной ответственности должностных лиц, заключающих государственные контракты с подрядчиками. Но, как мы видим, такое положение имеет право на существование и эффективно применялось в России три столетия назад. Конечно, в современной мире существуют иные гражданско-правовые механизмы, позволяющие обеспечивать национальный интерес в системе государственных закупок, но возможность предупреждения злоупотреблений заложена именно в институте ответственности должностных лиц за нецелевое расходование государственного бюджета.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5.
2. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6.
3. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 8.
4. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 16.
5. Послание Президента Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. URL: http://www.kremlin.ru/news/47173

УДК 347

ПРОБЛЕМА «ЛЕГАЛИЗАЦИИ» САМОВОЛЬНЫХ ПОСТРОЕК

Аноприенко К.В., судья Хабаровского краевого суда

В статье рассматривается проблема сокрытия самовольных построек путем использования упрощенной процедуры оформления права собственности граждан на некоторые объекты недвижимости. Делается вывод, что объекты недвижимости, возведенные на земельных участках граждан, являются самовольными постройками.

Ключевые слова: «легализация» самовольных построек; упрощенный порядок оформления права собственности на отдельные объекты недвижимости.

ISSUE “LEGALIZATION” OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTIONS

Anoprienko K.V., judge of the Khabarovsk regional court

The problem of concealment of unauthorized constructions by the use of the simplified procedure of registration of ownership of citizens on some properties are disclosed. It is concluded that properties built on plots of land of citizens are unauthorized constructions.

Keywords: "legalization" of unauthorized constructions; simplified order of registration of ownership on individual properties.

За возведение самовольной постройки закон устанавливает гражданско-правовую ответственность в виде сноса такой постройки осуществившим ее лицом. Однако данная мера ответственности допускается только в том случае, если невозможно сохранение самовольной постройки и признание на нее права собственности (абз. 2 п. 2 ст. 222 ГК РФ).

Признание права собственности на самовольную постройку допускается за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, где осуществлена постройка, при условии, что сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, не создает угрозу жизни и здоровью граждан (п. 3 ст. 222 ГК РФ).

Это положение корреспондирует праву лица, владеющего земельным участком на праве собственности либо ином праве, по своему усмотрению возводить на таком участке здания и сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов (ст. 40, 41, 43 ЗК РФ).

Закон допускает судебный либо иной установленный законом порядок признания права собственности на самовольную постройку. Это позволяет предположить, что существуют предусмотренные законом случаи легализации самовольных построек во внесудебном (административном) порядке.

К таким случаям некоторые авторы относят упрощенный порядок регистрации права собственности на объекты недвижимости, предусмотренный ст. 25.3 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [1]. Другие полагают, что эти процедуры возможны, прежде всего, в рамках так называемой дачной амнистии – ст. 25.2 названного федерального закона [4].

Вместе с тем отмеченные случаи не могут представлять собой административный порядок признания права собственности на самовольную постройку, поскольку по смыслу законоположений, установленных в этих статьях, объекты недвижимости, право собственности на которые может быть зарегистрировано в упрощенном порядке, самовольными постройками не являются, имеют законное происхождение, что в итоге подтверждается свидетельством о государственной регистрации права собственности на такой объект недвижимости.

Введенные в практику с 1 сентября 2006 г. упрощенные процедуры оформления права собственности граждан на некоторые объекты недвижимости [5] стали нередко использоваться как инструмент сокрытия самовольных построек и как способ их условной легализации.

В этих целях возводимые объекты жилого и нежилого назначения оформлялись в упрощенном порядке как объекты права собственности застройщика – физического лица в виде индивидуального жилого дома, строения вспомогательного использования либо гаража. Однако фактически это иные объекты недвижимости, изначально возведенные в целях другого функционального назначения (многоквартирные дома, многоэтажные офисные здания, магазины, объекты торговли, общественного питания, складские, производственные помещения и пр.).

В действующем законодательстве имеются допущения, позволяющие недобросовестному застройщику не получать разрешение на строительство, исключить государственный строительный надзор и контроль проектной организации за возведением объекта в соответствии с проектной документацией, избежать государственный контроль за введением завершенного строительством объекта в эксплуатацию и за оформлением вещных прав на созданный в результате такого строительства объект недвижимости.

Возведение жилого многоквартирного дома либо объекта недвижимости нежилого назначения требует соблюдения множества предписаний законодательства о градостроительной деятельности, в числе основных из которых разработка проектной документации на строительство, государственная экспертиза такой документации, получение разрешения на строительство, проведение строительного контроля со стороны проектной организации, государственного строительного надзора за строительством и его результатами.

Не требуется соблюдения перечисленных предписаний при индивидуальном жилищном строительстве, под которым понимается возведение отдельно стоящих жилых домов с количеством этажей не более чем три, предназначенных для проживания одной семьи (ч. 3 ст. 48 ГрК РФ)[*].

При возведении индивидуального жилого дома не требуется подготовка проектной документации. Застройщик по собственной инициативе вправе обеспечить подготовку проектной документации применительно к объектам индивидуального жилищного строительства. Соответственно при строительстве индивидуальных жилых домов не проводится экспертиза проектной документации объектов капитального строительства и результатов инженерных изысканий, выполненных для подготовки такой проектной документации (ч. 2 ст. 49 ГрК РФ).

Поскольку разрешение на строительство представляет собой документ, подтверждающий соответствие проектной документации требованиям градостроительного плана земельного участка (ч. 1 ст. 51 ГрК РФ), а при возведении индивидуального жилого дома осуществление подготовки проектной документации не требуется, получение разрешения на строительство теряет всякий смысл.

До 1 марта 2018 г. не требуется получение разрешения на ввод объекта индивидуального жилищного строительства в эксплуатацию, представление данного разрешения для осуществления технического учета (инвентаризации) такого объекта, в том числе для оформления и выдачи на него технического паспорта (ч. 4 ст. 8 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 28.02.2015 № 20-ФЗ).

Все перечисленные обстоятельства указаны в законе в качестве условий для применения упрощенного порядка регистрации права собственности на объекты индивидуального жилищного строительства.

Основанием применения названного упрощенного порядка является представление гражданином документов, подтверждающих факт создания объекта недвижимости (декларация об объекте недвижимого имущества)[**] и наличие права на земельный участок, на котором расположен такой объект недвижимости (п. 1, 3 ст. 25.3 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»).

---

[*] Признаки индивидуальной жилой застройки введены Федеральным законом от 31 декабря 2005 г. № 21-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации».

[**] Форма декларации об объекте недвижимого имущества утверждена приказом Министерства экономического развития РФ от 3 ноября 2009 г. № 447 «Об утверждении формы декларации об объекте недвижимого имущества».

Также закон содержит ограничения относительно категорий и видов разрешенного использования земельных участков, на которых допускается возведение строений, с оформлением на них права собственности в упрощенном порядке: участки, предназначенные для индивидуального жилищного строительства, для ведения личного подсобного хозяйства (в границах поселений – приусадебный земельный участок), для ведения дачного хозяйства или садоводства (п. 2 ст. 25.3 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»).

В целях «легализации» объекта в упрощенном порядке оформления права на строение, не являющееся по функциональному назначению индивидуальным жилым домом, на государственную регистрацию права собственности представляются документы, содержащие техническое описание созданного объекта недвижимости, имеющего назначение индивидуального жилого дома. Такими документами служат документы государственного технического учета (технический паспорт домовладения – до 1 января 2013 г.), документы государственного кадастрового учета, декларация об объекте недвижимого имущества. Перечисленные документы должны содержать описание назначения здания (жилой дом), год постройки, архитектурно-планировочные и эксплуатационные показатели, техническое описание, с указанием жилой и нежилой площади здания, количество внутренних помещений и пр. Указанные в этих документах сведения должны носить достоверный характер.

Отражение в таких документах неточных либо недостоверных сведений о функциональном назначении возведенного нежилого строения либо жилого многоквартирного дома позволяет осуществить в упрощенном порядке регистрацию права собственности на указанный объект как на индивидуальный жилой дом.

Как правило, это становится возможным в результате недобросовестных, а порой, и умышленных согласованных действий застройщиков и лиц, которых закон наделяет правом на исполнение такой документации (работники БТИ, кадастровые инженеры).

При осуществлении государственной регистрации права собственности на основании представленных гражданином документов государственный регистратор не уполномочен на проведение проверки достоверности сведений об объекте строительства, указанных в таких документах.

В результате в единый государственный реестр прав и в государственный кадастр недвижимости вносятся сведения о существовании многочисленных индивидуальных жилых домов и о правах граждан на эти объекты недвижимости, а по факту – это магазины, столовые, кафе, офисы, многоквартирные жилые дома и пр.

Несмотря на то, что такие объекты возведены на земельных участках, находящихся в собственности граждан, а виды разрешенного использования допускают возведение на этих участках строений указанного назначения, эти здания должны признаваться самовольными постройками, поскольку их возведение сопровождается целенаправленной деятельностью застройщика придать постройкам юридические признаки иных строений, возведение которых не требует соблюдения разрешительного порядка осуществления строительства.

Такой вывод следует из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации о том, что признание права собственности на самовольную постройку в судебном порядке является исключительным способом защиты права, который может применяться в случае, если лицо, обратившееся в суд, по какой-либо не зависящей от него причине было лишено возможности получить правоустанавливающие документы на вновь созданный или реконструированный объект недвижимости в порядке, установленном нормативными правовыми актами, регулирующими

отношения, связанные с градостроительной деятельностью, и отношения по использованию земель.

Такой иск не может быть использован для упрощения регистрации прав на вновь созданный объект недвижимости с целью обхода норм специального законодательства, предусматривающего разрешительный порядок создания и ввода в гражданский оборот новых недвижимых вещей [2].

Важно также учитывать, что не является препятствием для принятия решения о сносе постройки наличие зарегистрированного права собственности на такой объект недвижимости в случае, если этот объект имеет признаки самовольной постройки. В мотивировочной части решения суда об удовлетворении такого иска должны быть указаны основания, по которым суд признал имущество самовольной постройкой [3, п. 23].

Как правило, регистрация права собственности на самовольную постройку под видом права на индивидуальный жилой дом является первым этапом «легализации» различных жилых и нежилых строений.

Так, при возведении по данной схеме 3-этажного многоквартирного жилого дома, после оформления на него права собственности как на индивидуальный жилой дом, застройщик выделяет и продает доли в праве на этот объект недвижимости, соразмерные площади каждой квартиры. После регистрации права собственности покупателей индивидуальный жилой дом по документам становится объектом права общей долевой собственности, участники которой своим последующим соглашением договариваются о выделе в натуре доли каждого. Затем производится постановка на кадастровый учет отдельных частей дома как самостоятельных жилых помещений (квартир) с последующим оформлением права индивидуальной собственности на такие жилые помещения[*]. В итоге возведен и юридически оформлен без единого разрешения на строительство и соблюдения требований градостроительного законодательства многоквартирный жилой дом.

Сложнее осуществить «трансформацию» правового режима индивидуального жилого дома в здание нежилого назначения. Для этих целей собственники самовольных построек, оформленных как индивидуальный жилой дом, применяют порядок перевода жилого помещения в нежилой фонд, установленный ст. 22-24 ЖК РФ. Указанные лица обращаются в органы местного самоуправления с заявлением о переводе жилого помещения в нежилой фонд, с приложением проекта переустройства и (или) перепланировки, работ по реконструкции индивидуальных жилых домов. В случае осмотра строения должностными лицами органов местного самоуправления, собственник строения указывает, что работы, предусмотренные проектом, уже выполнены в соответствии со строительными нормами и правилами, требованиями экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов, в подтверждение чему представляются заключения специалистов. При отказе в переводе такого строения в нежилой фонд по причине несанкционированного проведения работ его собственник предъявляет иск о сохранении индивидуального жилого дома в перепланированном, переустроенном, реконструированном состоянии, основанный на том, что выполненные работы соответствуют строительным нормам, требованиям безопасности и не нарушают права и законные интересы других лиц.

По нашему мнению, описанные процедуры «легализации» самовольных построек, высокое качество строительства таких зданий не могут приводить к формированию полноценного правового режима вновь созданных объектов недвижимости, поскольку их главным недостатком является уклонение от соблюдения

[*] Собственник индивидуального жилого дома может самостоятельно произвести раздел здания на изолированные части с постановкой их на кадастровый учет в качестве отдельных квартир и оформлением на них права собственности.

разрешительного порядка строительства, установленного законодательством о градостроительной деятельности.

Распознавание признаков самовольной постройки в таких случаях происходит при осуществлении государственного строительного надзора, в процессе рассмотрения судом исков о сносе самовольных построек, о сохранении результатов работ и признании права на самовольную постройку, заявлений об оспаривании решений органов местного самоуправления об отказе в переводе жилого помещения в нежилое помещение.

Описанные в настоящей статье методы «легализации» самовольных построек свидетельствуют о существовании недостатков в законодательстве об упрощенном порядке оформления прав граждан на некоторые объекты недвижимости, которые используются в противоправных целях. К их числу следует отнести недостаточную нормативную разработку технических и правовых признаков индивидуальных жилых домов, неэффективность контрольных инструментов за достоверностью сведений о возводимых объектах недвижимости, на которые распространяются упрощенные процедуры оформления права собственности.

Решение проблемы, обозначенной в настоящей статье, видится также в установлении в действующем законодательстве административных процедур признания права собственности на самовольные постройки.

Литература

1. Афонина А.В. Самовольные постройки. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 марта 2014 г.

3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

4. Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / В.С. Ем [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права.

5. Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества».

УДК 346.62

О ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 306.4 БЮДЖЕТНОГО КОДЕКСА РФ

Полякова С.А., преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

Автором предпринята попытка разобраться в проблемных вопросах, возникающих при реализации ст. 306.4 Бюджетного кодекса РФ.

Ключевые слова: бюджет; статья; кодекс; бюджетные средства; бюджетное правонарушение.

ABOUT APPLICATION OF ARTICLE 306.4 OF THE BUDGETARY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Polyakova S.A., lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The author made an attempt to understand the problematic issues arising at implementation of article 306.4 of the Budgetary code of the Russian Federation.

Keywords: budget; article; code; budgetary funds; budgetary offense.

Переход на рыночные формы хозяйствования наряду с позитивными изменениями привнес в российскую экономику ряд факторов, создающих условия для совершения различного рода злоупотреблений в денежно-кредитной системе, которые осуществляются через множество финансово-правовых институтов.

Противоправные деяния в сфере финансов стали наиболее опасными для общества и государства, а сосредоточение в ней денежных ресурсов в больших объемах делает ее особенно привлекательной для разного рода незаконной деятельности, позволяя быстро достигнуть конечного результата – получить денежные доходы, обогатиться за счет государства, предпринимателей и других субъектов. Совокупность данных обстоятельств создает предпосылки для совершения большого числа бюджетных правонарушений и вызывает реакцию государства по защите своих имущественных интересов. Желание государства сохранить установленный им порядок при осуществлении финансовой деятельности влечет необходимость правовой охраны бюджетной сферы, в том числе при использовании денежных средств (по объемам и целевому назначению).

За нецелевое использование бюджетных средств устанавливается ответственность ст. 306.4 Бюджетного кодекса РФ. Как показывает практика, эти бюджетные нарушения являются самыми часто встречающимися. Об этом свидетельствуют и опубликованные Счетной палатой РФ данные о результатах проведенных проверок [1], связанных с расходованием бюджетных денежных средств, выделенных на организацию и функционирование комплексной системы управления водными ресурсами в Северо-Кавказском федеральном округе; реализацию проекта «Экономическое развитие г. Санкт-Петербурга» и др. Поэтому Президентом РФ эти нарушения, а также хищение бюджетных ассигнований в некоторых отраслях государства рассматриваются как «прямой удар по национальной безопасности» [2].

Несомненно, в настоящее время можно констатировать, что государством осуществляется большая превентивная деятельность в этой сфере не только посредством проведения контрольных мероприятий, но и с помощью вынесения судебных решений [3]. В дополнение к этому можно добавить, что «ключевыми требованиями к бюджетным расходам должны стать бережливость и максимальная отдача, правильный выбор приоритетов, учет текущей экономической ситуации» [2].

Бюджетное правонарушение, ответственность за совершение которого установлена ст. 306.4 БК РФ, имеет свой состав, под которым понимается вся совокупность предусмотренных бюджетно-правовыми нормами элементов, при наличии которых данное противоправное деяние признается таковым. К ним относятся объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона бюджетного правонарушения.

Объектом данного противоправного деяния являются охраняемые Бюджетным кодексом РФ общественные отношения, складывающиеся в процессе бюджетного финансирования.

Объективная сторона рассматриваемого деяния выражается в том, что виновный: направляет средства бюджета бюджетной системы РФ и оплачивает денежные обязательства в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо иным документом, являющимся правовым основанием предоставления указанных

средств (п. 1); либо использует межбюджетные субсидии, субвенции и иные межбюджетные трансферты, имеющие целевое назначение, а также кредиты, предоставленные бюджетам бюджетной системы Российской Федерации не по целевому назначению (п. 3).

Субъектом бюджетного правонарушения может быть главный распорядитель бюджетных средств, распорядитель бюджетных средств, получатель бюджетных средств, а также финансовый орган (главный распорядитель (распорядитель) и получатель средств бюджета, которому предоставлены межбюджетные трансферты).

Субъективная сторона может выражаться как в умышленной форме вины правонарушителя, так и в форме неосторожности.

Вместе с тем конструкция статьи, устанавливающей бюджетные меры принуждения за нецелевое использование бюджетных средств, представляется не совсем удачной. Пункт 1 статьи указывает на таких субъектов-нарушителей, как главный распорядитель, распорядитель и получатель. Анализируемая норма содержит только диспозицию. В ней отсутствуют санкции за совершение указанного противоправного деяния. В пункте 2 рассматриваемой нормы установлены меры принуждения, применяемые к правонарушителю за совершение указанного противоправного деяния. В пункте 3 противоправное деяние, составляющее объективную сторону бюджетного правонарушения, выраженного в нецелевом использовании бюджетных средств, совершенное иным, чем в п. 2, субъектом, трактуется несколько по-иному. В связи с этим данная статья представляется нам «нагроможденной» и вызывает определенные затруднения, связанные с ее применением. Решение обозначенной проблемы видится в следующем.

В статью 306.4 БК РФ необходимо внести изменения и построить ее таким образом, чтобы была понятна и гипотеза, и диспозиция, и санкция. Так, в п. 1 статьи необходимо указать противоправное деяние и установить бюджетные меры принуждения за его совершение, пункт 2 статьи необходимо построить по тому же принципу, а в примечании к ст. 306.4 установить, что понимается под нецелевым использованием бюджетных средств для целей настоящей статьи. После этого статья 306.4 Бюджетного кодекса РФ будет представлена в следующей редакции:

«1. Нецелевое использование бюджетных средств, совершенное главным распорядителем бюджетных средств, распорядителем бюджетных средств, получателем бюджетных средств, влечет передачу уполномоченному по соответствующему бюджету части полномочий главного распорядителя, распорядителя и получателя бюджетных средств.

2. Нецелевое использование бюджетных средств, выразившееся в нецелевом использовании финансовыми органами (главными распорядителями (распорядителями) и получателями средств бюджета, которому предоставлены межбюджетные трансферты), влечет бесспорное взыскание суммы средств, полученных из другого бюджета бюджетной системы Российской Федерации, и платы за пользование ими либо приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций).

Примечание:

Под нецелевым использованием бюджетных средств, совершенным главным распорядителем бюджетных средств, распорядителем бюджетных средств, получателем бюджетных средств, для целей настоящей статьи понимается направление ими средств бюджета бюджетной системы Российской Федерации и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо

иным документом, являющимся правовым основанием предоставления указанных средств.

Под нецелевым использованием бюджетных средств финансовыми органами (главными распорядителями (распорядителями) и получателями средств бюджета, которым предоставлены межбюджетные трансферты) для целей настоящей статьи понимается нецелевое использование межбюджетных субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, а также кредитов бюджетам бюджетной системы Российской Федерации».

Литература

1. Бюллетень Счетной палаты РФ. 2014. № 12.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. // Российская газета. 2014. 5 декабря.
3. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 24 июля 2014 г. по делу № А41-61427/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 368.2

НОВОВВЕДЕНИЯ В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕВОЗЧИКА ПЕРЕД ПАССАЖИРОМ

Клепикова А.А., магистрант Дальневосточного
университета путей сообщения

В статье отражены новеллы, введенные законом об обязательном страховании ответственности перевозчика, выявлены и проанализированы недостатки закона.

Ключевые слова: страхование гражданской ответственности перевозчика.

INNOVATIONS IN CIVIL LIABILITY INSURANCE CARRIER BEFORE PASSENGERS

Klepikova A.A., undergraduate of the Far Eastern
State Transport University

The paper presents novel imposed by law on mandatory liability insurance carrier, revealed shortcomings of the law and analyzed.

Keywords: liability insurance carrier.

Правовое регулирование гражданской ответственности перевозчика перед пассажирами только недавно было выделено в самостоятельный федеральный закон. До этого периода возмещение вреда, причиненного пассажирам при перевозке, осуществлялось на общих основаниях, что часто приводило к многочисленным нарушениям прав и имущественных интересов граждан.

В первую очередь необходимо сказать о том, что приоритет законодательной защиты всегда должен отдаваться лицам, пострадавшим в результате нарушения основополагающих нематериальных благ. Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров» (далее – Закон об ОСГОП), учитывая указанное обстоятельство, обязывает перевозчика информировать пас-

сажиров о своем страховщике и договоре обязательного страхования, а при наступлении страхового случая также разъяснять им порядок действий, предпринимаемых для получения страховой выплаты. В случае гибели пассажира или причинения тяжкого вреда его здоровью соответствующая информация направляется родственникам или иным заинтересованным лицам [2].

Данные положения имеют своей целью предотвратить случаи нарушения прав потерпевших, которые не знакомы с существующим механизмом назначения страховой выплаты либо по состоянию здоровья и иным объективным причинам не могут реализовать принадлежащее им право. С этой точки зрения Закон об ОСГОП выгодно отличается от Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО), согласно которому сведения о договоре ОСАГО предоставляются лишь по требованию самого пострадавшего или других участников ДТП, что далеко не всегда возможно [1].

Не совсем рациональной представляется норма Закона об ОСГОП «Предварительная выплата». Предлагаемый упрощенный порядок возмещения вреда не является таковым в действительности, поскольку определение квалифицирующих признаков вреда здоровью равнозначно подтверждению степени тяжести такого вреда, что не освобождает потерпевшего от необходимости обращаться к судебно-медицинскому эксперту. Ситуация осложняется еще и тем, что при предъявлении требования о предварительной выплате заявитель обязан предоставить полный пакет документов, содержащих сведения о произошедшем событии и его обстоятельствах, а также характере и предполагаемой степени повреждения здоровья.

Далее следует отметить, что Закон об ОСГОП прямо называет договор обязательного страхования гражданской ответственности перевозчика договором в пользу третьего лица. В то же время законодатель не скрывает того, что договор ОСГОП, в отличие от договора личного страхования пассажира, имеет своим объектом имущественные интересы перевозчика, связанные с риском гражданской ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения при перевозках вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров. Признание приоритета имущественных интересов перевозчика не ограничивается указанием на объект страхования, но имеет своим результатом детальную регламентацию действий ответственного лица в случае предъявления к нему прямого требования потерпевшего.

Тот факт, что между интересами пострадавшего и перевозчика преимущество отдается последнему, подтверждается еще и тем, что при распределении страхового возмещения между несколькими выгодоприобретателями в случае причинения вреда жизни потерпевшего, выгодоприобретатель, обратившийся к страховщику позже других, т.е. когда страховая сумма уже исчерпана, не вправе переадресовывать свои требования перевозчику, но взыскивает причитающуюся ему выплату с других потерпевших в судебном порядке. Механизм реализации данной нормы выглядит весьма сомнительно, особенно если учесть, что прочие выгодоприобретатели действуют на вполне законных основаниях, более того, последний обратившийся выгодоприобретатель вынужден истребовать свою компенсацию по частям с каждого из лиц, получивших ее ранее.

Нельзя назвать бесспорным также и порядок определения размера выплат, причитающихся потерпевшим. Собственно, действующим законодательством такой порядок еще не установлен, указывается лишь, что сумма, начисляемая в счет возмещения вреда здоровью, будет определяться по нормативам, назначенным Правительством Российской Федерации в зависимости от характера и степени повреждения здоровья, если не будет доказано, что вред причинен в большем размере. В случае недостаточности страхового возмещения для полного возмещения

вреда? пострадавший сможет взыскать оставшуюся сумму с перевозчика, однако размер таких требований будет рассчитываться уже по правилам, содержащимся в ГК РФ.

Уже сейчас можно говорить о том, что система, подразумевающая различные способы расчета компенсации, один из которых несовместим с ГК РФ, выглядит достаточно спорно. Действительно, для того, чтобы определить, к кому обращаться за компенсацией, потерпевшему придется рассчитывать ее дважды, по разным нормативам. В случае недостаточности страховой суммы, потребуется двойной пакет подтверждающих документов, включающий в себя одновременно судебно-медицинское заключение о степени тяжести вреда здоровью для взыскания страховой суммы и несколько судебно-медицинских заключений для взыскания дифференцированных выплат (утраченный заработок, расходы на лечение, дополнительное питание, посторонний уход и т.д.) непосредственно с перевозчика.

Сказанное в целом свидетельствует о том, что Закон об ОСГОП содержит в себе не до конца проработанные положения, трудноприменимые в сочетании с нормами гражданского законодательства.

Литература

1. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 368

ОСОБЕННОСТИ СТРАХОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО РИСКА НА СЛУЧАЙ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ И СОБСТВЕННИКА ПРЕДПРИЯТИЯ

Поспелов Р.Р., ассистент кафедры Юридической школы
Дальневосточного федерального университета

В статье проанализирован новый вид страхования предпринимательского риска – на случай нетрудоспособности руководителя или собственника предприятия. Исследователь предпринял попытку провести сравнительный анализ природы страхования ключевых лиц бизнеса. Основной вопрос связан с интересом страхователей – является ли он имущественным или личным неимущественным.

Ключевые слова: предпринимательский риск; страхование на случай нетрудоспособности собственника предприятия; риск; страхование на случай нетрудоспособности руководителя предприятия; страхование предпринимательского риска.

THE NATURE OF INSURANCE OF RISK OF THE BUSINESSMAN IN THE EVENT OF DISABILITY OF THE DIRECTOR AND COMPANY OWNER

Pospelov R.R., assistant of the Department of the Law school
Far Eastern Federal University

In the article there has been carried out the research of a new business insurance type – company’s owner’s and chief’s disability. Researcher made an attempt to make comprehensive

analysis of the key person's insurance nature. Main issue is connected with interest of insurers – whether it is material or personal.

Keywords: entrepreneurial risk; company's owner's and chief's disability insurance; key person disability insurance, nature of insurance; business risk insurance contract.

Традиционно страхование делится на две основные группы. В первой защите подлежат неимущественные блага (жизнь и здоровье), вторая же нацелена за восполнение имущественного состояния страхователя. В качестве критерия в различное время именовались: страхуемая опасность, интерес страхователя, характер отношений и иные.

Так, с точки зрения В.И. Серебровского, страхование по роду страхуемых опасностей делится на две основные группы: на имущественное и личное [2, с. 485].

Авторы большинства учебников также классифицируют страхование на имущественное и личное неимущественное [1, с. 50; 3, с. 36].

В то же время одной из последних тенденций в сфере страхования является выход в свет нетипичных страховых продуктов.

В поисках новых видов страхования предпринимательского риска представляются заслуживающими внимания продукты страхования, предлагаемые новозеландской страховой компанией «AIA New Zealand».

Следует отметить, что на сайте данной компании все виды страхования поделены на «Business insurance» (страхование предпринимательства) и «Life insurance» (страхование жизни).

В подразделе «Бизнес-страхование» наряду со страхованием профессиональной ответственности и страхованием имущества, используемого в процессе осуществления предпринимательской деятельности, предлагается вниманию продукт, не имеющий, на первый взгляд, ничего революционного.

Подвид страхования имеет название «New to business cover», что в переводе с английского означает «Новое для страховой защиты предпринимательской деятельности».

Страховщик заверяет, что способен обеспечить необходимую финансовую безопасность, когда собственник либо лицо, играющее ключевую роль в бизнесе, нетрудоспособно ввиду серьезного заболевания либо травмы [5].

Привычный к существующей в российском праве классификации страхования подход позволяет отнести данный продукт, скорее, к неимущественному страхованию, учитывая, что в российской практике широко применяется страхование на случай нетрудоспособности.

Вместе с тем требует объяснения сужение субъектов, упомянутых в качестве возможных потерпевших, – в продукте упоминается о нетрудоспособности лишь собственника бизнеса (owner) или «ключевой персоны» (key person).

Таким образом, в данном виде страхования нельзя рассчитывать на получение страховой выплаты, если серьезным заболеванием будет страдать рядовой работник.

Нетрудно догадаться, что и собственник бизнеса, и key person (под которым, вероятно, следует понимать исполнительный орган юридического лица либо старшего менеджера) в целом олицетворяют руководство предпринимательской деятельностью.

Следовательно, можно предположить, что рассматриваемый страховой продукт имеет целью предотвратить, в общем и целом, негативные последствия, которые могут наступить ввиду «выхода из строя» руководящего состава компании.

Другой вопрос: какой характер будут нести негативные последствия – материальный либо нематериальный?

Преимущества нового страхования для бизнеса заключаются в том, что он ограждается от возможных потерь дохода и увеличенных затрат, вызванных нетрудоспособностью руководства предприятия (под предприятием для целей настоящей статьи мы рассматриваем предпринимательскую деятельность, но не объект права, как его понимает Гражданский кодекс РФ).

Согласно базовым условиям страхования, страховое обеспечение состоит из ежемесячного страхового платежа, выплачиваемого сроком до двух лет для того, чтобы бизнес «выжил» без нетрудоспособного руководства. Отдельно оговорено, что страховая выплата может быть использована страхователем по своему усмотрению в следующих целях:

1) поиск и затраты на наем лица, способного по своим способностям и квалификации выполнять функции нетрудоспособного руководителя;

2) распределение возникших издержек, вызванных нетрудоспособностью руководителя.

Данной информации в целом вполне достаточно для размышления об особенностях описанного страхования. В российской практике такое страхование не является распространенным. В частности, по этой причине отнесение данного продукта к тому или иному виду страхования, привычному для отечественной доктрины, на наш взгляд, не столь однозначно.

Итак, под объектом страхования в данном случае следует понимать в целом интересы бизнеса, но не личности.

Приведенный тезис является дискуссионным, учитывая, что в страховом полисе прямо упомянуты физические лица, а не предприниматель. Более того, именно с нетрудоспособностью последних, а не с иными факторами, договор страхования связывает возникновение страхового случая. Поэтому можно утверждать, что страхование является личным.

Однако при более внимательном изучении договора выясняется, что личность интересна страховому правоотношению лишь постольку, поскольку она имеет особое расположение по отношению к предпринимательской деятельности. Например, роль учредителя в предпринимательской деятельности является ключевой, поскольку от его воли зависит основа бизнеса: начиная от определения основных направлений деятельности и заканчивая распределением полученной прибыли.

В случае же классического личного страхования мы бы не встретили подобного ограничения, поскольку, по общему правилу, застраховать свою жизнь и здоровье может любое лицо, даже и не связанное с бизнесом.

Интересно отметить, что Ю. Фогельсон в работе «Введение в страховое право» указывает: «…имущественное и личное страхование принципиально различаются по двум признакам. Во-первых, как следует из названия, при имущественном страховании страхуемый интерес должен быть связан с определенным имуществом, а при личном страховании интерес связан не с имуществом, а с личностью застрахованного» [4].

Анализ страхования предпринимательского риска ввиду нетрудоспособности отдельных лиц приводит к выводу о том, что страхователю одинаково интересны как личность руководителей, так и предотвращение имущественных потерь, которые могут возникнуть вследствие их нетрудоспособности. Возможно даже вести речь о том, что имущественный интерес вторичен или обусловлен личным интересом: до тех пор, пока руководитель трудоспособен, не возникает и имущественный вопрос. Напротив, когда интерес в осуществлении трудовой функции конкретным лицом нарушен, возникает потребность обеспечить страховую защиту от последствий, которые уже имеют имущественную природу.

Поэтому, как представляется, по критерию интереса невозможно однозначно отнести рассматриваемый вид страхования к одной группе.

Страховой случай также, на первый взгляд, должен недвусмысленно указывать на неимущественную природу страхования: болезнь учредителя или руководящего органа предприятия либо иной ключевой фигуры в бизнесе. Несмотря на отсутствие соответствующей оговорки в проспекте страхования, мы осмелимся предположить, что отнюдь не любая болезнь будет квалифицирована страховщиком как страховой случай, а лишь та, которая привела к невозможности осуществлять трудовую или иную функцию.

Как известно, при классическом страховании работников целью договора является сохранение заработка и восстановление здоровья работников. Однако в полисе не говорится ни слова о компенсации, которая причиталась бы нетрудоспособным, – все страховые платежи ограничены в своем целевом использовании интересами бизнеса. Более того, заметим, что речь идет о нетрудоспособности не любого работника (скажем, фасовщика или юриста), но лишь того, кто занимает ведущую должность на предприятии.

С учредителем таких работников объединяет возможность определять, благодаря исключительной компетенции, политику предприятия, заключать договоры, распределять прибыль и убытки. Наконец, в критических для бизнеса ситуациях именно данные субъекты определяют антикризисную политику и перечень конкретных мероприятий, что, как правило, не входит в обязанности обычного сотрудника.

Следовательно, в буквальном смысле «выход из строя» столь важных для предприятия персон рискует вылиться в серьезные потери для бизнеса. Менеджера среднего звена или гардеробщика почти всегда можно заменить без ощутимых потерь и в короткие сроки. Учредитель и руководитель не могут быть заменены столь оперативно. Порой замена данных лиц ввиду их личных качеств в принципе невозможна, поскольку не гарантирует достижения тех же показателей деятельности предприятия.

Ввиду изложенного, страховой случай, хотя и схож со страхованием работников в классическом его понимании, в то же время дополняется существенным признаком – работник должен принадлежать к разряду собственников либо управляющих бизнесом.

Для определения природы страхования необходимо также изучить состав убытков, которые страховщик согласен возместить. Данный показатель, в отличие от страхового случая и объекта страхования, не связан с личным страхованием. Среди убытков указаны расходы, которые предприниматель понес в связи с поиском и наймом лиц, которые собой заменили нетрудоспособный руководствующий персонал. Возмещению подлежат также упущенные доходы (рассчитываются они как разница между доходами, которые предприятие получало при обычном руководстве, с одной стороны, и доходами, которые были получены при управлении временным персоналом). Учитывая отсутствие в перечне убытков неполученной заработной платы и затрат на лечение, приходится констатировать, что восстановлению подлежит имущественная сфера исключительно предпринимателя.

В итоге, определяющим, на наш взгляд, является цель страхования, а также имущественная сфера, которая подлежит защите. По данным показателям страхование предпринимательского риска на случай нетрудоспособности руководящего персонала относится к страхованию имущественному.

В то же время страховой случай имеет специфику. Если обычно предпринимательский риск страхуется на случай неисполнения договорных обязательств, банкротства контрагента, изменения политической и законодательной обстанов-

ки, то нетрудоспособность работников, на наш, взгляд, становится новым веянием в области имущественного страхования.

По существу, внедрение подобных продуктов выражает согласие с тем, что личные качества отдельных лиц часто определяют финансовые показатели предприятия. В более общем виде можно утверждать, что имущественная сфера предпринимательской деятельности может зависеть, и порой зависит, от сферы неимущественной, связанной с определенными личностями. Следовательно, признавая данную зависимость, имущественные интересы в определенной степени переплетаются с интересами неимущественными. Предпринимателю интересно, чтобы во главе его деятельности находились и управлялись лица, работа которых обеспечивает желаемые финансовые показатели. В итоге страхователю в имущественном страховании интересна защита неимущественных аспектов, может быть, в той же степени, как и имущественных.

Если же нетрудоспособным станет учредитель компании, то в определенном смысле исследованное страхование защитит и неимущественную сферу страхователя. Это может выражаться в отсутствии необходимости беспокоиться о срочной поиске себе замены, поскольку даже если новый работник не обеспечит получение прибыли в прежнем размере, страхование позволит компенсировать разницу.

Более того, не секрет, что имущественные потери или неудачи негативным образом влияют, прежде всего, на неимущественную сферу собственника бизнеса. Даже исполнительный орган может не испытывать особые переживания в связи с уменьшением доходов – он является работником и вправе рассчитывать на оклад в прежнем размере. Предприниматель же может, и скорее всего, будет переживать, если финансовые показатели бизнеса ухудшатся. Поэтому заключение подобного вида страхования в определенной степени защищает и неимущественные интересы собственника бизнеса.

Таким образом, можно заключить, что рассмотренный вид страхования является комплексным видом страхования – имущественным с элементами неимущественного страхования.

Литература

1. Балабанов И. Т., Балабанов А. И. Страхование. СПб.: Питер, 2001.

2. Серебровский В. И. Избранные труды. М.: Статут, 1997.

3. Страховое право: учеб. для вузов / под ред. проф. В.В. Шахова, В.Н. Григорьева, С. Л. Ефимова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002.

4. Фогельсон Ю. Введение в страховое право. URL: http://society.polbu.ru/fogelson_pravo/ch02_i.html

5. Summary of New to business insurance by AIA New Zealand. URL: http://www.aia.co.nz/en/e-Book/AIAMK-Business-NewtoBusiness

УДК 34.096

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ФЕНОМЕНА ЮРИДИЧЕСКОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ

Миловидова А.С., адъюнкт Нижегородской академии МВД России

В статье исследуется феномен юридического удостоверения с позиции юридической деятельности, определяются ключевые принципы такой деятельности. Теоретический анализ позволяет обратиться к вопросу развития отечественного законодательства. Внимание автора обращено к Федеральному закону «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Ключевые слова: юридическое удостоверение; принципы юридического удостоверения; ответственность; государственные и муниципальные услуги.

SOME WAYS OF IMPROVEMENT OF RUSSIAN LEGISLATURE IN THE LIGHT OF VERIFICATION IN LAW

Milovidova A.S., post graduate of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia

The phenomenon of legal verification is shown in the article from the perspective of legal action . The key principles of this activity are determined. The theoretical analysis allows us to discuss the issue of development of the domestic legislation. Attention is paid to the Federal law "On organization of public and municipal services".

Keywords: verification in law; principles of verification in law; responsibility; public and municipal services.

Государственная власть и местное самоуправление в Российской Федерации предстает перед нами в виде многоуровневой структуры, содержащей тысячи относительно самостоятельных, порой, обособленных подразделений. Каждое из них реализует многообразные функции в различных сферах общественных отношений. В рамках осуществления должностными лицами правоприменения выделяется множество близких по содержанию функциональных действий. Их сущность заключается в проведении легальной процедуры и закреплении в соответствующих формах ее результата путем установления подлинности и правомерности определенных субъектных статусов, состояний, действий (бездействия).

На уровне теоретического осмысления упомянутая деятельность облекается в конструкцию юридического удостоверения. Это интеллектуально-волевая юридически значимая деятельность компетентных субъектов, направленная на установление и подтверждение подлинности и правомерности правовых явлений, и ее результат, порождающие юридические последствия.

Юридическое удостоверение рассматривается нами в системном единстве триады аспектов [2]. Первый из них – процедурный, динамический – деятельность по установлению соответствия предмета удостоверения определенным параметрам и критериям. Второй – материальное закрепление результата (формализация, объективация). Сама процедура удостоверения и полученный по ее завершении результат позволяют не только приобрести те или иные права и обязанности, но и становятся предпосылкой новых общественных отношений, в том числе порождают новый круг удостоверения. Итак, третий аспект – юридическое удостоверение как завершающий элемент фактического состава, одно из определяющих условий дальнейшей юридической деятельности.

Обратимся к процедурной составляющей. Отдельный пласт исследований по теории государства и права посвящен принципам осуществления юридической деятельности. В целях наиболее полного рассмотрения вопроса об эффективности юридического удостоверения обозначим отправные начала этого правового феномена. «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием», – таков основной постулат ст. 18 Конституции Российской Федерации. Это положение видится неким фильтром, через который должен проходить любой процесс, в том числе и юридическое удостоверение.

Принципами, на которых оно должно основываться, являются:

- приоритет прав и свобод человека и гражданина;

- законность;
- равенство субъектов, осуществляющих удостоверение;
- беспристрастность, объективность (данный принцип предполагает осуществление удостоверения на честных законных основаниях, необходимость абстрагироваться от воздействия третьих лиц, а также разумное ограничение как личных, так и внутриорганизационных интересов);
- целесообразность;
- всесторонность (этот принцип устанавливает подробный, всеохватывающий анализ удостоверяемых фактов, явлений, статусов, последовательное использование различных методов; принцип отвечает за качество юридического удостоверения);
- единообразие (принцип обеспечивает постоянность и неизменность осуществления удостоверения);
- системность (юридическое удостоверение должно проходить в неразрывной связи и нормативном единстве с положениями, регламентирующими схожие общественные отношения в рамках правоприменения);
- своевременность;
- персональная ответственность непосредственных исполнителей юридического удостоверения.

На наш взгляд, об ответственности следует сказать дополнительно. Во все времена потенциальная возможность наказания становилась сдерживающим фактором по отношению к совершению тех или иных невыгодных для общества деяний. В связи с этим, полагаем полезным установление ответственности за качество осуществленного удостоверения.

Практический интерес имеют критерии разделения процедуры клятвы в зависимости от касты, разработанные уже в Древней Индии: «Надо заставить клясться брахмана правдивостью, кшатрия – колесницами и оружием, вайшия – коровами, зерном и золотом, шудру – всеми тяжкими преступлениями» [4, с. 111]. Другими словами, в случае нарушения обещания лицо будет претерпевать лишения именно тех благ, которые видятся законодателю наиболее важными для той или иной социальной группы. Сегодня следует применить данную находку нормотворцев прошлого.

В частности, мы предлагаем возложить ответственность на государственных служащих за ненадлежащее юридическое удостоверение. Мерой ответственности должно быть выбрано лишение наиболее ценного блага. Так, государственные служащие наделены в рамках своей компетенции рядом властных полномочий, следовательно, адекватным, а главное, действенным способом влияния на эту категорию граждан будет потенциальная возможность лишения права занимать соответствующие должности либо отстранение от должности на некоторый срок. При этом в качестве критерия определения качества юридического удостоверения должны выступать не только заявления граждан об обжаловании незаконных действий этих лиц, но также выявленные в ходе повседневной практики недочеты юридического удостоверения. В долгосрочной перспективе разработки данного вопроса видится возможность отнесения таких мер ответственности к категории автоматических санкций [1].

Полагаем, что формулирование отправных начал лишь на доктринальном уровне не повлияет на эффективность осуществления юридического удостоверения. Поэтому нами предлагается внести изменения в Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [3]. А именно, дополнить ст. 4 «Основные принципы предоставления государственных и муниципальных услуг» следующими положениями:

«7) обеспечение качества предоставляемых государственных и муниципальных услуг органами, предоставляющими государственные услуги, и органами, предоставляющими муниципальные услуги, а также качества предоставления услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных и муниципальных услуг и предоставляются организациями, указанными в части 2 статьи 1 настоящего Федерального закона;

8) персональная ответственность непосредственных исполнителей за дефекты предоставляемых государственных и муниципальных услуг».

Безусловно, подобное предложение вызывает ряд закономерных вопросов: Как установить «непосредственного» исполнителя? Какие государственные и муниципальные структуры будут устанавливать «дефекты»? Что за ответственность предполагается? Кто будет привлекать к такой ответственности? Эти и другие вопросы должны стать предметом дальнейшего, более подробного отраслевого исследования юридического удостоверения. Предложенные на общетеоретическом уровне изменения будут служить унификации законодательства, повышению эффективности юридического удостоверения и заинтересованности исполнителей в его надлежащем осуществлении.

Литература

1. Васильев П.В. О феноменологической самостоятельности правовых автоматических санкций // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 83–84.

2. Миловидова А.С. К вопросу о понятии юридического удостоверения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24 (4). С. 233–237.

3. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета. 2010. 30 июля.

4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма: Инфра-М, 2010. Т. 1.

УДК 378.1:004

О ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Дырда С.Г., доцент кафедры кандидат юридических наук;
Панфилова В.И., преподаватель
(Дальневосточный государственный университет путей сообщения)

Статья посвящена рассмотрению отдельных вопросов повышения качества юридического образования в высших учебных заведениях, в том числе организации дистанционного образования в целях подготовки специалистов соответствующей квалификации. Представлены различные аспекты как позитивного влияния дистанционного образования на проблемы обеспечения доступности населения к повышению своей квалификации и конкурентоспособности, так и недостатки в организации рассматриваемой формы обучения.

Ключевые слова: юридическое образование; качество образования; компетентность; профессионализм; дистанционное образование.

IMPROVING QUALITY OF LEGAL EDUCATION

Dyrda S.G., chair associate professor *Kandidat nauk* degree in Law;
Panfilova V.I., lecturer
(Far Eastern State Transport University)

Study of issues in the sphere of improving quality of legal education in university of the MIA of Russia. In the article is analyzed some distance education and distance education's aspect.

Keywords: legal education; education quality; competence; professionality; distance education.

Активное обращение к категории качества образования в настоящее время носит далеко не случайный характер. Насколько успешно будут реализованы задачи качества образования молодежи в целом, настолько, полагаем, успешно будут решаться задачи комплектования органов внутренних дел страны более образованными и компетентными кадрами, в том числе обладающими политической культурой и зрелостью, самостоятельностью мышления и соответствующими тем самым новым возрастающим требованиям.

Проблема качества юридического образования не нова. Достаточно указать на то, что 26 мая 2009 г. Президентом РФ был подписан Указ № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации».

Концептуальная основа теории и методологии качества образования подкрепляется изменениями, происшедшими с начала 1990-х гг. по настоящее время, когда сдвиг от доминанты качества технологий трансформировался к восхождению к качествам как такового человека, качеству образования, качеству интеллектуальных ресурсов [3].

Актуальным является вопрос о том, что понимается под качеством юридического образования. Качество как таковое представляется одновременно и как совокупность свойств, и как сложное свойство, адекватное этой совокупности.

Как полагают специалисты, эта категория имеет достаточно объективные характеристики, как внутреннего, так и внешнего характера. В рамках рассматриваемой тематики нас интересует, прежде всего, внутренняя составляющая, характеризующаяся преимущественно работой внутри вуза и позволяющая судить о его способности подготовить «на выходе» юриста с определенным набором знаний, умений и навыков, т.е. с определенным набором компетенций.

Осмысление компетентности специалиста XXI в., по мнению многих ученых, должно основываться на развитии его интегративных и аналитических способностей [4]. В частности, установлены существенные признаки компетентности, которые обусловлены постоянными изменениями, происходящими в общественной жизни:

- компетентность имеет деятельностный характер обобщенных умений в сочетании с предметными умениями и знаниями в конкретных областях;
- компетентность проявляется в умении осуществлять выбор, исходя из адекватной оценки себя в конкретной ситуации.

В традиционном понимании профессиональная компетентность – это совокупность ключевых и специальных компетенций.

Базовые компетенции отражают специфику отдельной профессиональной деятельности (юридической), а специальные – конкретной предметной деятельности [4].

Цель данной модели обучения – преодолеть разрыв между теорией предполагаемых действий (знаниями) и практикой (деятельностью).

Отдельно отметим значимость таких компонентов, как:

- интеграция юридического образования и юридической науки;
- интеграция юридического образования и практики;
- интеграция национального и европейского (мирового) образования и деятельности конкретных юридических кафедр.

Одним из главных условий повышения качества образования является вовлечение студентов и преподавателей вуза не только в фундаментальные, но в прикладные исследования через гранты или посредством разработки кафедральных проектов.

Однако деятельность, направленная на получение грантов в области юриспруденции, носит в лучшем случае, «разовый» и не всегда гарантированный характер, тогда как западные университеты получают от такой деятельности до трети средств.

Определенная активная работа должна проводиться в направлении вовлечения будущих юристов в студенческую науку посредством приобщения их к участию в вузовских, кафедральных мероприятиях в формате научно-исследовательской работы студентов (НИРС). Практика показывает, что многие студенты остаются не вовлеченными в кафедральные студенческие научно-практические проекты.

В этом случае следует обратить внимание на работу так называемых «юридических клиник», создаваемых в вузах, осуществляющих подготовку юристов, в рамках работы которых проводятся юридические консультации населения, научно-практические семинары, «круглые столы» и творческие встречи с ведущими практическими работниками правоохранительных органов. Например, преподавателями кафедры ГПТП ДВГУПС в 2011/12 учебном году в рамках университетского центра по оказанию правовой помощи (юридическая клиника) были проведены научно-практические семинары по наиболее актуальным вопросам правоприменительной деятельности правоохранительных органов. Предметом обсуждения, в частности, стали темы: «Актуальные проблемы совершенствования организации и деятельности судов общей юрисдикции России»; «О деятельности правозащитных институтов в Хабаровском крае»; «О работе правоохранительных органов в сфере незаконного оборота наркотиков среди молодежи». За три последних года к работе университетского центра привлекалось более 130 студентов старших курсов, обучающихся по специальности «Юриспруденция».

В развитии указанного направления, как представляется, имеются определенные резервы. Так, все большее значение приобретают вопросы дидактики обучения, особенно в связи с выделением уровней усвоения качества знаний.

Здесь мы сталкиваемся с новыми реалиями, относящимися к уровню подготовленности абитуриентов. В российских школах устная традиция передачи знаний уже отходит на второй план. Ориентация на организацию самостоятельной подготовки выпускников школ с учетом распространения и доступности информации, в том числе лекционной, а также внедрение современных технологий в учебный процесс, опосредует изменение организации обучения студентов в вузах.

Оптимальное соотношение самостоятельной работы студента с аудиторной работой под руководством преподавателя предполагает применение наиболее приемлемой модели в методике обучения и взаимоотношений студент–преподаватель.

В связи с этим рациональным представляется иная, в отличие от традиционной, модель организации учебного процесса. В частности, по заранее установленным вопросам изучаемой темы студенты самостоятельно их усваивают, на следующем этапе эти вопросы прорабатываются на семинарских и практических занятиях под руководством преподавателя, и только затем по изучаемой теме проводится лекционное занятие. В такой последовательности студент становится подготовленным для более эффективного восприятия и усвоения материала и может более профессионально участвовать в активной полемике и обсуждении.

Кроме того, в России начинает осуществляться более активное включение дистанционного обучения в систему образования как достаточно нового явления

для подавляющего большинства вузов страны, имеющего, по мнению ряда специалистов, большие перспективы [1].

Сегодня в России спрос на дистанционную форму обучения, как и ожидалось, в основном сосредоточен в отдаленных регионах. Ведь именно там не хватает высших и средних профессиональных образовательных учреждений, соответствующих уровню высокоразвитых городов.

Как показывает практика последних лет, у этого вида обучения, как и у других, существуют как положительные, так и отрицательные моменты в получении и усвоении материала обучающимися, некоторые из которых, как представляется, следует отметить.

Образование на дистанции позволяет экономить время и средства, поскольку не обременяет студента посещением и общением с преподавателями в вузах, вместе с тем источник информации, то есть Интернет, открывает возможность для студента получать ее в любом виде.

Таким образом, дистанционное образование позволяет организовать процесс обучения на расстоянии, когда все учебные материалы предоставляются через Интернет, да и практически все обучение осуществляется с помощью новых технологий. Именно они и обеспечивают общедоступность и низкую стоимость дистанционного образования, предоставляя возможности получить образование без переезда в другой город.

Анализ источников, посвященных организации различных моделей рассматриваемой формы обучения, позволяет выделить следующие положительные ее аспекты:

- возможность самостоятельного распределения времени для освоения дисциплины в зависимости от обстоятельств;
- возможность выбора из представленных учебными заведениями определенных учебных курсов и предметов;
- доступность обучения вне зависимости от места проживания, состояния здоровья, национальности и материального состояния обучающихся;
- доступность взаимосвязи студента с преподавателем как необходимое условие процесса обучения;
- возможность проявления творческого самовыражения обучающихся;
- использование в процессе обучения современных достижений и информационных технологий.

В то же время в непростых российских условиях возникает немало проблем, в том числе опосредованных самими применяемыми современными технологиями. К их числу можно отнести:

- необходимость наличия в домашних условиях индивидуального доступа к источникам получения образовательных материалов (электронных учебников, видеоматериалов и т.д.). На сегодняшний день в нашей стране не все желающие получить образование имеют компьютер и доступ к Интернету;
- отсутствие возможности излагать свои знания в устной форме (в дистанционном формате обучение ведется в основном только в письменной форме), т.к. для некоторых студентов могут возникнуть определенные трудности в усвоении материала;
- отсутствие индивидуального подхода в обучении, поскольку нет реального общения между обучающимися и преподавателем;
- отсутствие практических занятий, необходимых для закрепления теоретических вопросов и приобретения практических навыков.

И, пожалуй, самое основное, для получения дистанционного образования необходим высокий уровень самодисциплины, поскольку результат обучения в основном зависит от самостоятельности и сознательности обучающихся. Однако

нередко мы наблюдаем иное, когда отдельные студенты ставят перед собой задачу не стать квалифицированным специалистом, а лишь получить диплом о высшем образовании, порой, не связывая свою карьеру с будущей профессией.

Все вышеуказанное актуализирует проблемы инновационной образовательной среды, ориентированной на формирование современного образа жизни вуза, для чего требуется создание творческого взаимодействия субъектов, участвующих во всех видах деятельности вузовского образования, повышение уровня развития самого вуза и той социокультурной среды, которая им создается.

Литература

1. Воронина Ю. Дистанционное образование ждет взлет. URL: http://www.rg.ru/2012/02/21/obrazovanie.html

2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.

3. Сластенин В.А. Качество образования как социально-педагогический феномен // Педагогическое образование и наука. 2009. № 1. С. 4-11.

4. Хуторский А.В. Общепредметное содержание образовательных стандартов. М, 2002.

УДК 808.5: 34

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СУДЕБНО-РИТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А.Ф. КОНИ

Колесников С.А., профессор кафедры Белгородского юридического института МВД России доктор филологических наук

Статья повествует о ярчайшем ораторе своего времени А.Ф. Кони, о создании им особой судебной логосферы-дискуса.

Ключевые слова: А.Ф. Кони; судебная риторика; юридическое красноречие.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE LEGAL STANDARDS OF LIABILITY IN FORENSIC RHETORICAL DISCOURSE A.F. KONI

Kolesnikov S.A., chair professor of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law

The article tells the story of the brightest orator of his time A.F. Koni, about creating a special judicial logosphere-discus.

Keywords: A.F. Koni; judicial rhetoric; legal eloquence.

А.Ф. Кони, являясь одним из ярчайших ораторов своего времени, олицетворял собой образец судебного риторического искусства. Важнейшим ресурсом, который позволял А.Ф. Кони соответствовать самым высоким критериям судебного оратора, являлся личностный потенциал, рассмотрение которого должно стать центральной задачей каждого, кто решает посвятить себя правоохранительной риторике. Значение Кони как судебного оратора и как многогранной личности настолько велико, что для детального рассмотрения всех особенностей синтеза

профессионального ораторства и личностных факторов этого незаурядного общественного деятеля требуется монументальное научное исследование.

И все же наиболее важные позиции личностных качеств, позволившим А.Ф. Кони стать незаурядным судебным оратором, необходимо акцентировать и сделать более рельефными.

Несомненно, главным фактором, определившим всю судьбу А.Ф. Кони, являлось семейное воспитание. Непростая семейная ситуация, сложные отношения с отцом, необходимость найти свой собственный путь – все эти позиции выступили в качестве факторов, которые закалили будущего знаменитого судебного оратора. Жесткость отца оказала парадоксальным образом благотворное влияние на формирующуюся личность, что нашло отражение даже через много лет: «Когда через двадцать лет после смерти Федора Алексеевича Кони перечитывал свои письма к отцу, сердце его «болезненно сжималось, если среди строк, проникнутых любовью и доверием... попадались в них места с категорическими отказами от предложений помощи и с угрозами вернуть таковую назад. Но если такая юношеская прямолинейность могла причинять тревоги и огорчения сердцу близких, то она имела и свои хорошие стороны, приучая к обязательному труду и готовя к борьбе за существование» [2, с. 48]. Именно готовность к борьбе за существование оказалась тем благотворным, пусть и жестким импульсом, который подтолкнул А.Ф. Кони к осознанию своих перспектив как профессионального судебного оратора. «Семейная разруха в родительском доме» [2, с. 36], как характеризовал ситуацию домашней атмосферы биограф Кони С. Высоцкий, парадоксальным образом стала той питательной средой, в которой зародился и сформировался самостоятельный, самодостаточный и способный на преодоление многих препятствий характер одного из ярчайших судебных риторов России.

Уроки скромности, которые получал А.Ф. Кони на самых первых этапах своей самостоятельной жизни – скромное жилье, необходимость самостоятельно зарабатывать на жизнь, поиски уроков в богатых семьях и многое другое, – позволили ему объективно оценить собственные возможности и правильно, результативно структурировать свой потенциал. Именно способность к рациональному структурированию своего интеллектуального, хронологического и психологического потенциалов стала тем базисным основанием, которое позволило А.Ф. Кони стать незаурядной величиной в русской судебной риторике.

Уже оглядываясь на прожитые года, А.Ф. Кони писал о необходимости глубоко нравственного отношения к судебной риторике и правоохранительной деятельности: «Показная и, если можно так выразиться, в некоторых случаях спортивная сторона в работе обвинителей и защитников всегда меня от себя отталкивала, и, несмотря на неизбежные ошибки в моей судебной службе, я со спокойной совестью могу сказать, что в ней не нарушил сознательно ни одного из основных правил кантовской этики, т. е. не смотрел на человека как на средство для достижения каких-либо, хотя бы и возвышенных целей» [3, с. 253]. Гуманизм, высокая нравственность, признание человека в качестве высшей ценности – эти положения определили весь профессиональный путь А.Ф. Кони, начиная с самых первых шагов в правоохранительной практике.

Именно поэтому А.Ф. Кони вполне заслуженно может считаться образцом юриста, как реализующего свое представление о правопорядке в практической сфере, так и в сфере словесной, судебно-риторической. Показательно, что современники А.Ф. Кони, лично знавшие его, акцентируют внимание именно на образцовой позиции А.Ф. Кони. Так, известный писатель и мемуарист К.И. Чуковский писал: «Образ А.Ф. Кони предстает перед нами как «светлый облик бестрепетного судьи-гражданина, который в условиях неправосудного строя грудью бился за праведный суд и заслужил сердечную признательность советских людей, особен-

но судебных работников, видящих в нем одного из своих лучших учителей и предшественников» [5, с. 261]. Именно А.Ф. Кони сформулировал – и теоретически, и всей своей профессиональной деятельностью – необходимость осуществления правосудия на нравственных основаниях, сформулировал нравственное кредо правозащитника, самоотверженно стоящего на страже закона.

А.Ф. Кони интересует нас, в рамках обозначенной темы, прежде всего как судебный оратор, как незаурядная личность, сумевшая по-новому, талантливо и оригинально переформатировать образ судебного ритора, активировать и реализовать новые ресурсы правоохранительного красноречия. Несомненно, «А.Ф. Кони воплощает в себе все черты судебного оратора, соответствующего русскому речевому идеалу» [1, с. 4]. Уже из самого определения идеала вытекает понятие совершенства, фиксация высшей цели, прообраз. «Идеализировать, как определяет классическая дефиниция, – значит мысленно освобождать несовершенную действительность от ее несовершенства, уподоблять ее идеалу, формировать нечто сообразно идее» [4, с. 107]. Такой и являлась в судебно-риторической сфере деятельность А.Ф. Кони: освобождение стратегий судебного говорения от несовершенств, формирование тенденций к максимально эффективному воздействию судебной речи на слушателей и, главное, способствование осуществлению справедливого правосудия.

Одной из задач А.Ф. Кони как судебного ритора являлось создание особой судебной логосферы-дискурса, чьими определяющими принципами были справедливость, нравственность, правоохранительство и многое другое. Выработка стратегий, методик, технологий словесного соблюдения, фиксации и презентации правовых оснований, воплощение закона в слове, являлось для А.Ф. Кони одной из важнейших задач судебного красноречия.

Многогранность речевого ресурса А.Ф. Кони позволяла ему явить образец языковой личности, обращенной к реальности различными ликами-ролями: он выступал и как гражданин, и как моральный проповедник, как беспристрастный исследователь, юрист-ученый, судья, полемист, психолог, социолог.

Одной из самых интересных речевых технологий, в полной мере реализованных А.Ф. Кони в судебной речевой практике, являлась технология создания имиджа судебного оратора.

А.Ф. Кони можно считать одним из первых русских судебных риторов, кто сознательно начал выстраивать свой образ оратора в соответствии с самыми высокими параметрами. Современный научный подход к проблематике судебной риторики настаивает на том, что тактика построения имиджа правоохранительного красноречия имеет огромное значение в судебных прениях и является основной в рамках языковых стратегий самопрезентации. Она активно реализуется во всех видах выступлений и включает разнообразный набор тактик ведущих участников судебного дискурса.

Литература

1. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони: дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2007.
2. Высоцкий С. Кони. М.: Молодая гвардия, 1998.
3. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Юрид. лит., 1966. Т. 2.
4. Философский энциклопедический словарь. М.: Наука, 2002.
5. Чуковский К. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1965-69. Т. 5.

УДК 347.98

РЕФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА

Турчина О.В., доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В статье в общих чертах рассматриваются происходящие изменения гражданского судопроизводства путем объединения норм гражданского процессуального права и арбитражного процессуального права.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; арбитражный процесс; судебная реформа; унификация.

REFORM OF THE CIVIL PROCEEDINGS IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF A SINGL CODE OF CIVIL PROCEDURE

Turchina O.V., chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

In an article discusses outlines of the changes civil proceedings by combining rules of the civil procedural law and arbitration procedural law.

Keywords: civil proceedings; arbitration proceedings; judicial reform; unification.

Первыми шагами в глобальном реформировании гражданского судопроизводства стало создание единого Верховного Суда Российской Федерации. Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» в системе федеральных судов упразднен Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. Единственным высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, теперь является Верховный Суд Российской Федерации.

Здесь необходимо отметить, что вопрос о существовании арбитражного процессуального права в системе российского права обсуждался достаточно долго, с момента создания первых арбитражных судов [2, с. 13; 3, с. 193]. При этом среди перечисленных в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ видов судопроизводства арбитражный не указан, но в 1992 г. был принят первый АПК РФ. Из этого сформировались две совершенно противоположные точки зрения, сторонники одной из которых убеждены были в существовании такой самостоятельной отрасли, как арбитражное процессуальное право, а их оппоненты утверждали, что арбитражный процесс является видом гражданского судопроизводства.

Из Конституции РФ исключены всякие упоминания о Высшем Арбитражном Суде РФ, а его полномочия закреплены за Верховным Судом РФ. При этом все остальные федеральные арбитражные суды остались на своих местах. Такое глобальное судоустройственное изменение повлекло за собой необходимость объединения норм гражданского процессуального права и арбитражного процессуального права. Справедливости ради следует отметить, что в пользу такого объединения ученые-процессуалисты ранее уже высказывались, подвергая сомнению существование двух ветвей судебной власти и двух цивилистических кодексов

для рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров одной правовой сути [1, с. 39].

Однородная отраслевая принадлежность арбитражного процессуального права и гражданского процессуального права очевидна, поэтому слияние двух судебных систем в сложившихся условиях и принятие единого Гражданского процессуального кодекса представляется целесообразным и обоснованным подходом к унификации законодательства, регулирующего гражданское судопроизводство.

Итак, 8 декабря 2014 г. решением Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по гражданскому, уголовному и арбитражному процессуальному законодательству была принята Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4].

Концепция включает в себя семь разделов, которые охватывают весь процесс судебного разбирательства – от общих положений, производства в суде первой и второй инстанций до исполнительного производства.

Авторы Концепции основной целью определили повышение эффективности российского судопроизводства и поставили перед разработчиками единого ГПК России такие задачи, как устранение противоречий между арбитражным и гражданским законодательством; разработка и введение единого правила по вопросам спорной подсудности; сохранение и закрепление в едином кодексе наиболее удачных положений, существующих процессуальных кодексов; закрепление и распространение видов упрощенного производства; сохранение особенностей рассмотрения отдельных категорий дел. Особое внимание предлагается уделить институту электронного правосудия, судьба которого на сегодняшний день недостаточно определена, но в то же время с развитием технологий имеет большую популярность.

Один из наиболее важных вопросов в правоприменительной практике – это вопрос разграничения подведомственности споров между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Концепция отдельное внимание уделяет подсудности дел Верховному Суду РФ, указывая на то, что законодательством он выведен «за скобки» как из системы судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов и находится вне их, возглавляя всю судебную систему России (п. 3.2 Концепции).

Правила подсудности дел арбитражным судам и судам общей юрисдикции, а также ее виды размещены в разных параграфах для удобства правоприменения.

Приведены в соответствие правила о доказательствах, где за основу взят перечень судебных доказательств из действующего ГПК РФ.

Ряд положений Концепции посвящены вопросам упрощения процесса, которое должно иметь две формы – приказное производство и письменное производство. Приказное производство предлагается сохранить, но с учетом накопленной практики и возросшей активности использования производства по выдаче судебного приказа и в целях процессуальной экономии предусмотрена возможность выдачи судебного приказа не только мировыми судьями, но и арбитражными судами субъектов РФ.

К письменному производству представляется целесообразным отнести дела с небольшой ценой иска, так называемые дела по «малым искам» и дела, в которых наличие спора маловероятно, а денежные обязательства и наличие задолженности подтверждены документально и обоснованы (п. 24.2 Концепции).

Кроме того, Концепцией предложено устранить существующие проблемы групповых исков, как не имевших в правоприменительной практике особого распространения.

В заключение хотелось бы отметить, что подобного рода изменения вполне оправданы. Сходство и одновременно различия арбитражного и гражданского

процессов, а также глобальное реформирование судебной системы неизбежно должны были привести к оптимизации судебного производства.

Литература

1. Абова Т.Е. О некоторых неоправданных расхождениях между действующими АПК РФ и ГПК РФ в регулировании процессуальных отношений // Избранные труды. М., 2007.
2. Гражданское процессуальное право: учеб. / под ред. М.С. Шакарян. М., 2004.
3. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997.
4. Концепция Единого процессуального кодекса Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Потапенко С.В. От концепции единой науки процессуального права до создания нового «единого» Гражданского процессуального кодекса // Российская юстиция. 2014. № 9.

УДК 347.97:002

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Мазитов Р.Р., старший преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России

В настоящей статье рассматриваются вопросы организации информационного обеспечения судов, как одного из необходимых элементов отправления правосудия.

Ключевые слова: суды общей юрисдикции; информация; информационное обеспечение; источники информации; информатизация.

SOME QUESTIONS INFORMATION MANAGEMENT COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Mazitov R.R., senior lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article examines the issues of information security courts as an essential element of justice

Keywords: courts of general jurisdiction; information; provision of information; sources of information; information resources.

«Развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к судебной системе» – говорится в гл. I Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» [4]. Судебная система как механизм государственной защиты законных прав и интересов граждан, физических и юридических лиц имеет большое значение в любом правовом государстве. Исполняя роль общественного арбитра, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности.

Российская Федерация в соответствии со ст. 1 Конституции РФ провозглашена правовым государством. Правовое государство характеризуется, в том чис-

ле, самостоятельной и независимой судебной системой, призванной эффективно обеспечивать защиту интересов государства, конституционных прав народов нашей страны. Поэтому современное информационное обеспечение работы судебной системы является первостепенной задачей, которая решается в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [2].

Безусловно, что на современном этапе развития общества первостепенную роль играет слаженная работа всего механизма организации и управления обеспечения судов общей юрисдикции и всей судебной системы в целом. Обеспечение по всем направлениям деятельности и, в том числе, информационными ресурсами.

Каждой системе присущи свои специфические свойства, особенности, формы, правовые аспекты информации, которые должны быть способны обеспечивать функционирование судов, а также создавать условия для повышения эффективности деятельности данной ветви власти.

Организация информационного обеспечения деятельности судов учитывает специфические особенности, свойства отечественной судебной системы.

Качественное отправления правосудия требует наличия постоянной достоверной информации о факторах, влияющих на процесс судопроизводства, служащего основанием для составления судебных документов, аналитических справок, отчетов, предложений, а главное, для принятия квалифицированных судебных решений.

Для организации данной работы и было принято Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» [4]. В соответствии с указанной программой информатизация судов, внедрение в судебную деятельность современных инновационных и информационных технологий сможет обеспечить повышение эффективности деятельности всей судебной системы Российской Федерации.

Прежде чем говорить о современной организации работы судов, необходимо определиться с трактовкой некоторых терминов, используемых в настоящей статье.

Понятие «информация» уже давно используется в науке. Ранее специалисты отмечали, что информация не имеет единого определения в праве [1, с. 58-59]. Различные его трактовки во многом вызваны тем, что информация как объект научного исследования и изучения предполагает выделение одновременно лингвистических, семантических, прикладных и технических аспектов. К тому же информация исследуется и применяется в правовом аспекте. Итак, информация – это система знаний в какой-либо области, накопленная или собранная для использования в различных областях жизнедеятельности.

Информационное обеспечение представляет собой направленную деятельность по удовлетворению конкретных общественных потребностей, в нашем случае – в объективной информации о деятельности одной из основных ветвей власти – судебной, как необходимого элемента любого демократического общества. Термин «информационное обеспечение» по своему содержанию значительно шире термина «информатизация», под которой подразумевается «организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов» [3, с. 38-42]. Информатизация имеет прикладной аспект информационного обеспечения. Ее необходимо рассматривать как совокупность действий и мер по формированию и реализации материальной основы развития информационного обеспечения.

В рамках реализации мероприятий Программы по информатизации судебной системы [4] должны быть обеспечены:

- открытость и доступность для граждан информации о деятельности судов Российской Федерации;

- предоставление возможности гражданам использовать информационные технологии как при получении информации о деятельности судов Российской Федерации, так и на каждом этапе судебного процесса, начиная с даты обращения в суд и до окончания судебного процесса;

- снижение нагрузки на судей и работников аппаратов судов посредством оптимизации деятельности судебного делопроизводства и деятельности судов Российской Федерации по отправлению правосудия.

С внедрением автоматизированных систем в деятельность органов судебной власти существенно сократится количество нарушений процессуальных сроков рассмотрения дел, количество незавершенных дел, а также будет обеспечен быстрый и удобный доступ к информации, что, естественно, повысит эффективность и качество работы аппаратов судов.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы:

- деятельность по организации информационного обеспечения судов общей юрисдикции представляет собой возможность обеспечивать управленческую деятельность, призванную координировать применение передовых технологий, не только с позиции научно-технического прогресса, но и осуществления собственно правосудия;

- информационное обеспечение деятельности судов направлено на информационное обеспечение принятия процессуально верных решений, т.е. это действия по своевременному поиску, анализу и предоставлению нужной для осуществления правосудия информации на основе определенных технических процедур с использованием передовых технологий. Другими словами, информационное обеспечение можно определить как комплекс социально-экономических, научно-технических, управленческих мероприятий по созданию информационной среды для осуществления правосудия.

Литература

1. Бачило И. Л. Информация и информационные отношения в праве // НТИ. Сер. 1. 1999.

2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

3. Поворова Е.А. Соотношение информационного обеспечения и информатизации органов исполнительной власти // Законодательство и экономика. 2007. № 9.

4. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

УДК 347.962.6

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лучник А.В., преподаватель Российского государственного университета правосудия

В данной статье автор рассматривает некоторые наиболее важные вопросы, возникшие в связи с изменением федерального законодательства в сфере регулирования квалификационной аттестации судей, а также предложены пути решения рассматриваемых проблем.

Ключевые слова: аттестация судей; порядок квалификационной аттестации; регламентация; статус судьи; судейская карьера; судебная реформа.

SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION CERTIFICATION OF JUDGES IN RELATION TO CHANGES IN FEDERAL LAW

Luchnik A.V., lecturer of the Russian State University justice

In this article the author examines some of the most important issues that have arisen due to changes in federal law in the regulation of qualification certification of judges, as well as the ways of solutions of these problems.

Keywords: certification of judges; order of qualification certification; regulation; status of judges; judicial career; judicial reform

В Конституции Российской Федерации указаны два субъекта, являющихся индивидуальными носителями судебной власти, – это Президент РФ и судьи, именем Российской Федерации выносящие решения при отправлении правосудия. Все иные лица, замещающие государственные должности, принимают свои решения коллегиально или индивидуально, но от имени соответствующего государственного органа.

В соответствии с Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) судьи находятся под особой защитой государства, чем, в частности, и обусловлен особый порядок привлечения их к дисциплинарной ответственности.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П отметил право федерального законодателя установить более широкий перечень видов дисциплинарных санкций, уточнить составы дисциплинарных проступков, а также основания привлечения судей к дисциплинарной ответственности. В связи с этим Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ Закон о статусе судей был изменен. Вместе с тем в институте дисциплинарной ответственности судей остается немало проблем и неясностей, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Так, введено новое определение дисциплинарного проступка. Таковым является виновное действие (бездействие) судьи при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате которого были нарушены положения Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи.

Как видно из определения, состав дисциплинарного проступка является материальным, следовательно, необходимо наступление определенных последствий – совокупности умаления авторитета судебной власти и причинения ущерба репутации судьи. Нельзя не согласиться, что данные категории носят оценочный характер и определяются квалификационными коллегиями судей (далее – ККС), исходя из обстоятельств конкретного дисциплинарного производства.

Также законодатель говорит о нарушении положений Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики. В 24 статьях данного Кодекса раскрываются требования к поведению судьи, упомянутые в Законе о статусе судей. В частности, говорится о том, что судья обязан руководствоваться Законом о статусе судей, нормами процессуального законодательства, другими нормативными правовыми актами, а также принципами и правилами поведения, установленными Кодексом судейской этики, общепринятыми нормами морали и нравственности. Следует отметить, что нынешняя редакция Закона о статусе судей позволяет при-

влечь судью к ответственности и за нарушение одного только Кодекса судейской этики, являющегося, по сути, корпоративным актом, содержащим этические правила.

Аналогичные положения содержатся и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 (в ред. от 20.05.2010). Под дисциплинарным проступком, влекущим дисциплинарное взыскание в виде предупреждения или досрочного прекращения полномочий судьи, в нем понимается не только нарушение норм Закона о статусе судей и положений Кодекса судейской этики, но и нарушение общепринятых норм морали, обязанностей при отправлении правосудия, правил поведения при исполнении иных служебных обязанностей и во внеслужебной деятельности.

Неизбежен вопрос, а что же такое «общепринятые нормы морали» и «правила поведения во внеслужебной деятельности», за нарушение которых судья может быть подвергнут наказанию? В переводе с латыни мораль (mores) означает «обычаи», «нравы», «поведение» [5]. Уступить пожилому человеку место в автобусе – общепринятое правило поведения? А отказ уступить – дисциплинарный проступок? Очевидно, что общую для всех мораль выработать практически невозможно. Следовательно, речь идет еще об одной оценочной категории в определении дисциплинарного проступка.

Кроме того, указанные изменения хотя и были приняты во исполнение постановления Конституционного Суда РФ, противоречат его же позиции. Так, в Постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П Конституционный Суд РФ отметил, что корпоративные акты судейского сообщества, каковыми являются кодексы судейской чести, «формулируя правила поведения судьи, не могут исходить из расширительного истолкования составов дисциплинарных проступков, как они определены Законом о статусе судей. Соответственно, неисполнение приведенных корпоративных норм само по себе не может служить основанием для досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были совершены действия, которые законом рассматриваются как не совместимые по своему характеру с высоким званием судьи». Представляется, что в отношении общепринятых норм морали действуют идентичные правила.

Таким образом, нельзя не согласиться с М.И. Клеандровым [1] в том, что имеющееся легальное определение дисциплинарного проступка не лишено недостатков, в частности, чрезмерного количества оценочных категорий.

Помимо этого, в Федеральном законе от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (далее – Закон об органах судейского сообщества) говорится о том, что правом внесения представления о досрочном прекращении полномочий судьи в связи с совершением им дисциплинарного проступка обладают председатель соответствующего или вышестоящего суда либо орган судейского сообщества.

Нетрудно заметить, что в данном случае речь идет лишь о досрочном прекращении полномочий судьи, хотя Закон о статусе судей в качестве дисциплинарных наказаний выделяет также замечание и предупреждение, что, по всей видимости, является пробелом Закона об органах судейского сообщества. В связи с этим предлагается изменить редакцию ст. 22 Закона об органах судейского сообщества и распространить ее на все случаи привлечения к дисциплинарной ответственности.

Также вызывает вопросы формулировка «председатель соответствующего или вышестоящего суда». В случае привлечения к дисциплинарной ответственности судьи районного суда или мирового судьи, председателем соответствующего суда, очевидно, является председатель районного суда. Однако в настоящее время председатели районных судов лишены права внесения таких представлений в связи

с принятием Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Кроме того, говоря об обращении органа судейского сообщества, закон также дает их перечень. В соответствии со ст. 3 Закона об органах судейского сообщества таковыми являются: Всероссийский съезд судей; конференции судей субъектов РФ; Совет судей РФ; советы судей субъектов РФ; общие собрания судей судов; Высшая квалификационная коллегия судей РФ; квалификационные коллегии судей субъектов РФ; Высшая экзаменационная комиссия по приему квалификационного экзамена на должность судьи; экзаменационные комиссии субъектов РФ по приему квалификационного экзамена на должность судьи. И если еще можно представить обращение общего собрания судей суда в соответствующую квалификационную коллегию судей с просьбой о привлечении судьи (или председателя суда) к дисциплинарной ответственности, то соответствующее обращение экзаменационной комиссии, которая с судьями (за исключением своих членов) не взаимодействует, выглядит по меньшей мере нелогичным.

Дискуссионным остается вопрос о привлечении судьи к ответственности по инициативе самой ККС. Законом на ККС возложена проверка жалоб и обращений граждан о совершении судьями дисциплинарных проступков. Как правило, проверка осуществляется председателем соответствующего суда. Однако проверка может проводиться коллегией и самостоятельно, после чего результаты проверки докладываются комиссией на заседании квалификационной коллегии судей, которая принимает решение по существу (очевидно, о привлечении к дисциплинарной ответственности или отказе в привлечении). Учитывая, что ККС как квазисудебный орган [2] действует на основе принципа состязательности, спорным является вопрос о возможности проведения такой проверки и дальнейшего привлечения судьи к ответственности одним и тем же органом. Одни авторы предлагают результаты проверки направлять председателю суда для внесения им представления [4] (что является достаточно спорным), другие предлагают создать новый орган судейского сообщества для рассмотрения вопросов о дисциплинарной ответственности (что, на наш взгляд, нецелесообразно) [2], третьи предлагают исключать члена ККС, участвовавшего в проверке, из состава лиц, голосующих за принятие того или иного решения[*]. Оптимальным вариантом считаем исключение из перечня полномочий ККС проверки указанных жалоб, тем более, что на практике чаще всего реализуется вариант проверки жалоб председателем суда.

В заключение хотелось бы заметить, что, несмотря на введение дополнительного вида дисциплинарного наказания (замечание) и формальных критериев разграничения наказаний, реального различия между замечанием и предупреждением законодательством не установлено. При той совокупности оценочных категорий, о которых говорилось выше, отличить малозначительность совершенного судьей дисциплинарного проступка (замечание) от невозможности применения к судье дисциплинарного взыскания в виде замечания и недостаточности оснований для досрочного прекращений полномочий (предупреждение) практически невозможно. Кроме того, последствия применения этих наказаний, в сущности, являются идентичными, что также затрудняет их дифференциацию. Вместе с тем законодательству зарубежных стран известны виды дисциплинарного наказания судей с различными правовыми последствиями [3] – понижение в квалификационном классе, перевод в нижестоящий суд, временное отстранение от должности и т.д., некоторые из них предлагались и Высшим Арбитражным Судом РФ.

[*] Итоги обсуждения вопросов на семинарах-совещаниях с председателями квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации в Подмосковье, г. Иркутске и в г. Уфе в мае-сентябре 2011 г. Текст официально не опубликован.

Таким образом, институт дисциплинарной ответственности судей, независимо от того, является ли он институтом конституционного или трудового права либо межотраслевым, нуждается в серьезном совершенствовании, для чего необходимо проделать большую работу на законодательном уровне, однако подходить к изменению законодательства следует взвешенно и обдуманно.

Литература

1. Клеандров М.И. Дисциплинарный проступок судьи - что это такое сегодня? // Российский судья. 2014. № 6. С. 6-10.

2. Клеандров М.И. Судейское сообщество: структура, организационно-правовое развитие: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014.

3. Международная комиссия юристов, защита правосудия: дисциплинарное производство в отношении судей в Российской Федерации, 4 декабря 2012 г. URL: http://www.icj.org/russia-disciplinary-measures-must-not-hamper-the-independence-of-judges (дата обращения: 10.03.2015).

4. Мусин В.А. Первая среди равных. О взаимоотношениях Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации // Квалификационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра: сб. ст. М., 2012. С. 87-102.

5. Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичев [и др.]. М.: Советская энциклопедия, 1983.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ В СУДЕ

Манцурова Л.А., преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

В статье рассматриваются вопросы предъявления для опознания на стадии судебного разбирательства. Анализируется правоприменительная практика проведения указанного судебного действия. Обосновывается возможность предъявления для опознания только при наличии соответствующих процессуальных условий.

Ключевые слова: предварительное расследование; судебное разбирательство; судебное следствие; предъявление для опознания; допрос; отождествление; условия восприятия объекта.

SOME PROBLEMS OF IDENTIFICATION PARADE IN COURT

Mantsurova L.A., lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article deals with the identification parade at the trial stage. Analyzes the legal practice of the said court action. The possibility of identification parade, only if the relevant procedural conditions.

Keywords: a preliminary investigation; trial; judicial investigation; identification parade; interrogation; identification; terms of perception of the object.

Возможность производства предъявления для опознания в ходе судебного следствия устанавливается ст. 289 УПК РФ. В то же время, регламентируя возможность производства опознания в суде, действующий закон абсолютно не при-

нимает во внимание ряд специфических особенностей судебного следствия по сравнению с предварительным расследованием, которые необходимо учитывать на практике при осуществлении данного судебного действия.

В юридической литературе нередко высказывается мнение о том, что обеспечить гарантии правильности осуществления этого следственного действия в суде практически невозможно, а иногда и нецелесообразно [3, с. 24]. Еще более убедительно об этом свидетельствует практика. Так, согласно опросу судей, только 24% считает проведение опознания в суде целесообразным, при этом 76% указывают на то, что опознание в суде вообще не проводится, и 20% – на то, что опознание проводится достаточно редко. Эти высказывания вполне объяснимы, но они не должны препятствовать использованию этого средства установления истины, если такая возможность существует.

Согласно нашему исследованию, чаще всего в судебном разбирательстве предъявляются для опознания предметы (83,3% случаев).

Опознание есть отождествление объекта по его образу, сохранившемуся в памяти опознающего. Эта психологическая сущность любого опознания и предопределяет решение вопросов о том, что можно опознавать, в каких условиях возможно проведение названного судебного действия и кто может выступать в качестве опознающих.

Тот факт, что в процессе опознания всегда происходит сравнение наблюдаемого объекта с образом, сохранившимся в памяти опознающего, в известной мере ограничивает возможности проведения опознаний в суде, особенно в тех случаях, если между опознанием на предварительном следствии и опознанием в суде прошел небольшой период либо у суда имеются другие основания полагать, что опознающий именно в результате предъявления ему объекта на предварительном следствии более детально, чем до этого, запомнил его особенности и приметы [1, с. 95].

Применительно к опознанию в суде, нужно разграничивать повторное опознание (после опознания на предварительном расследовании) и опознание, проводимое впервые. Абсолютное большинство авторов, обсуждающих этот вопрос, считают повторное предъявление для опознания действием исключительным, допускаемым в определенных случаях [4; 5; 6]. Мнения авторов различаются лишь с точки зрения категоричности их суждений. Исключительные обстоятельства, при которых возможно повторное опознание, в обобщенном виде сводятся к случаям, когда при проведении опознания на предварительном расследовании объективные (относящиеся к условиям и объекту восприятия) и субъективные (к опознающему) условия восприятия объекта опознающим были хуже, чем те, в которых происходило первичное восприятие.

К объективным условиям относятся внешние условия восприятия (погода хуже, чем при первичном наблюдении, если предъявление проводилось на месте восприятия; плохое освещение в помещении, где проводилось опознание; наличие посторонних раздражителей и помех) или условия восприятия объекта (например, не устранены последствия маскировки, повлекшие временное изменение ряда признаков).

К субъективным относятся те, которые имеют отношение только к опознающему (временное ухудшение зрения или слуха либо состояния здоровья и психики в целом).

Следует подчеркнуть, что повторное опознание в указанных случаях оправдано только тогда, когда есть уверенность, что именно плохие условия восприятия привели к отрицательному результату. Поэтому нельзя согласиться с мнением о возможности повторного опознания, если между опознанием на суде и опознанием на предварительном следствии прошло много времени или если во внешности опознаваемого произошли изменения [2, с. 84]. Проведение такого опознания

ничем не оправдано, так как ставит под сомнение достоверность первичного опознавательного акта именно при отсутствии оснований для сомнения.

По нашему мнению, проведение повторного опознания во всех случаях безосновательно, так как фактически, если опознание проводится по тем же признакам, оно является повторным и законом запрещено.

Чтобы принять правильное решение о проведении опознания в суде, избрать процессуальную форму этого действия, необходимо четко определить его цель. Опознание может проводиться: а) для установления каких-либо обстоятельств (получения доказательств), б) для проверки уже известных обстоятельств (проверки доказательств).

В первом случае необходимость проведения опознания может быть вызвана наличием у суда лиц или предметов, подлежащих предъявлению для опознания. Во втором целью опознания является необходимость проверки показаний участников процесса об опознании объекта в момент события.

Наиболее специфична подготовка к предъявлению для опознания личности. При доставке опознаваемого лица в здание суда следует принять меры к тому, чтобы опознающий не увидел его и не опознал до предъявления. Для этого необходимо, на наш взгляд, чтобы опознающий находился в помещении, откуда нельзя пройти в зал судебного заседания. При этом предшествующий предъявлению для опознания допрос опознающего должен производиться с выяснением тех же обстоятельств, что и на предварительном расследовании, однако со ссылкой на статьи, устанавливающие правила допроса в судебном заседании (ст. 275–277 УПК РФ).

Допрос опознающего в суде является частью общего допроса: выясняются обстоятельства, при которых опознающий воспринимал объект, и признаки, по которым сможет его опознать. Если опознающий уже был допрошен, необходимо сверить его показания о признаках объекта с данными прежде и установить, какие из них и почему ранее не были названы. Важно также выяснить, не было ли до суда случайного опознания, а если оно произошло, то когда и при каких обстоятельствах. Случайное опознание снимает вопрос о предъявлении для опознания вообще.

Подготовительные действия, которые нельзя выполнить заранее, проводятся во время перерыва, объявляемого специально с этой целью. К таковым относятся: подбор лиц (статистов) или предметов, предъявляемых вместе с опознаваемым объектом; вызов для участия в процессе опознания третьего лица (педагога, переводчика, специалиста, защитника); принятие, в случае необходимости, мер безопасности относительно опознающего – проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым; решение вопроса об использовании технических средств фиксации хода и результатов указанного судебного действия.

Таким образом, представляется, что предъявление для опознания в судебном следствии должно проводиться только при совокупности следующих условий:

- если опознание лица или предмета на предварительном следствии не проводилось, хотя необходимость в нем была. При этом рассматриваемое условие следует толковать шире: оно охватывает не только предшествующее предъявление для опознания на предварительном следствии, но и любое другое следственное действие, при проведении которого опознающий видел (воспринимал) объект опознания, за исключением опознания по фото-, видеоизображениям;

- если в процессе судебного разбирательства участниками процесса представлены ранее неизвестные следствию или суду предметы;

- если в суд вызваны лица, не участвовавшие ранее в процессе (свидетели, потерпевшие), и возникает необходимость привлечения их в качестве опознающих или опознаваемых;

- если лицо, допрошенное в судебном следствии в качестве подсудимого, потерпевшего или свидетеля, твердо заявит, что сможет опознать лицо или предмет и назовет признаки, по которым может это сделать;

- если лицо, которое должно быть предъявлено для опознания, в момент допроса в зале отсутствует, а опознаваемый предмет не представлен опознающему для обозрения.

В связи с этим считаем необходимым изменить ст. 289 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «В случае необходимости предъявления в суде для опознания лица и предмета опознание производится в соответствии с требованиями статьи 193 настоящего Кодекса, при условии, что оно не проводилось в процессе предварительного расследования».

Литература

1. Алексеев В. Б., Ароцкер Л. Е. и др. Настольная книга судьи. М., 1972.

2. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. М.. 1964.

3. Борзов В. Опознание в суде // Советская юстиция. 1993. № 14.

4. Гинзбург А.Я. Тактика предъявления для опознания. М., 1971.

5. Кочаров Г.И. Опознание на предварительном следствии. М., 1955.

6. Цветков П.П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. Л., 1962.

УДК 343.1

СУДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ВИД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ким С.С., судья Хабаровского краевого суда

В статье выявлены отдельные признаки уголовно-процессуальных действий, определяющие действия суда, направленные на проверку доказательств путем установления новых доказательств, как отдельный вид процессуальных действий. Эти действия названы «судебными действиями». В статье проведено сравнение между следственным экспериментом в ходе предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства, подтверждающее специфичность данного действия на разных стадиях процесса.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание; следственные действия; доказывание в суде; уголовно-процессуальная деятельность суда.

JUDICIAL ACTIONS AS A SEPARATE CRIMINAL PROCEEDINGS

Kim S.S., judge of the Khabarovsk regional court

The article reveals some signs of criminal proceedings, which determine the actions of the court, aimed at verification of the evidence, by establishing new evidence, as a separate procedural action. These actions are called «judicial actions». In the paper, the comparison between the investigative experiment in the course of the preliminary investigation and the trial, confirming the specificity of this action in the different stages of the process.

Keywords: criminal procedure proof; investigations; proving in court; criminal procedure court.

Всякое научное познание, а также применение его результатов требуют определенных терминов и понятий, содержание которых понятно как ученым-исследователям, так и практикам. Без всякого сомнения, унифицированность и единое понимание понятий имеет большое значение и в юридических науках. Разное толкование терминов, составляющих основу науки и ее институтов, препятствует дальнейшему научному развитию, не позволяет единообразно применять правовые нормы. Одной из таких проблем является отсутствие определения действий суда в стадии судебного разбирательства, направленных на проверку представленных сторонами доказательств, результатом которых является получение новых самостоятельных доказательств.

Как известно, процесс доказывания в суде определяется совокупностью трех элементов: собирание, проверка и оценка доказательств. Существующее мнение о том, что процесс доказывания включает в себя еще и четвертый элемент в виде исследования доказательств, представляется весьма спорным. Обсуждение обоснованности данной точки зрения выходит за рамки темы настоящей статьи, поэтому мы считаем возможным ограничиться лишь указанием на то, что при исследовании вопроса о самостоятельности суда в процессе доказывания нами принимается трехчленная структура доказывания.

Бесспорным является то, что окончательное решение по уголовному делу принимает суд путем вынесения итогового решения на основании исследованных в суде доказательств. Однако при этом возникает вопрос: может ли суд самостоятельно собирать новые доказательства, или же суд должен выносить решения исключительно на основании доказательств, представленных сторонами?

Согласно ст.15 УПК РФ, суд рассматривает уголовное дело в строгом соответствии с принципом состязательности, согласно которому функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга. При этом суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Вместе с тем принцип состязательности не должен рассматриваться как инструмент, ограничивающий процессуальную самостоятельность суда. Создание судом условий для осуществления сторонами своих прав и обязанностей не противопоставляется обязанности суда устанавливать все обстоятельства, подлежащие доказыванию. Мы разделяем мнение А.В. Пиюка о том, что «вопрос об ограничении активности суда следует ставить не тогда, когда он пытается выяснить реальную картину произошедшего деяния, а лишь тогда, когда суд путем осуществления каких-либо действий по исследованию и собиранию дополнительных доказательств отступает от принципа незаинтересованности и беспристрастности, то есть тогда, когда суд начинает «работать» за какую-либо сторону» [2, с. 213].

Позиция, согласно которой суд не вправе самостоятельно собирать новые доказательства, ошибочна также и потому, что проверить представленные сторонами доказательства суд может только, анализируя их с другими доказательствами, в том числе с теми, которые получены в суде.

Таким образом, можно констатировать, что некоторые процессуальные действия, проводимые судом, имеют своим результатом получение новых доказательств.

Следует отметить, что аналогичные процессуальные действия в стадии предварительного расследования закреплены понятием «следственное действие». Несмотря на то, что УПК РФ не содержит норму-дефиницию следственного действия, законодательное определение данного понятия возможно вычленить из смысла п. 19 ст. 5 УПК РФ, согласно которой неотложными следственными дей-

ствиями являются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждений уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Из данного определения следует, что следственным действием является процессуальное действие, осуществляемое органом следствия и дознания в стадии предварительного расследования, направленное на обнаружение и фиксацию доказательств. Таким образом, признаками следственного действия являются:

- производство в стадии предварительного расследования;
- результат – получение доказательства;
- проведение только специально уполномоченным законом должностным лицом органа следствия или дознания.

В отличие от стадии предварительного расследования, процесс доказывания в стадии судебного разбирательства не имеет четкой терминологической основы.

Так, процессуальные действия суда в стадии судебного разбирательства условно можно разделить на действия, связанные с регламентом судебного заседания, направленные на организацию судебного заседания; действия, связанные с обеспечением возможности сторонам реализовать свои права по представлению в суд доказательств; действия по проверке представленных сторонами доказательств. Проверяя доказательства, суд вправе основываться не только на сведениях, предоставленных сторонами, но и, обладая самостоятельными процессуально-познавательными полномочиями, суд может исследовать те или иные обстоятельства путем проведения «следственных действий».

Вот тут и возникает вопрос о корректности использования термина «следственные действия» по отношению к процессуальным действиям суда в стадии судебного разбирательства. Тема терминологической недостаточности определения деятельности суда, направленной на получение новых доказательств, нашла свое отражение в работах современных ученых. Так, например, А.С. Самоходкина указывает, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не дает определения и не разграничивает понятия «судебные действия», «следственные действия» и «процессуальные действия» [3, с. 123-126]. Соглашаясь с актуальностью данной проблемы, мы также полагаем, что необходимо законодательное определение указанных действий. Нормативное разграничение, с одной стороны, между действиями в суде, направленными на собирание доказательств, и иными процессуальными действиями, с другой стороны, между действиями, направленными на собирание доказательств в стадии предварительного расследования, и аналогичными действиями в суде установит терминологическую определенность, востребованную как теорией, так и практикой.

Позицию наличия у судебных действий самостоятельного статуса разделяет Т.С. Волчецкая, указывая, что «тактические приемы судебных действий так же (как и приемы следственных действий) должны быть ориентированы на конкретные судебные ситуации» [1, с. 110]. Автор не только признает самостоятельность судебных действий, но и полагает, что в ходе судебного следствия существует настоятельная необходимость при принятии судебных решений учитывать характер преступления, количество подсудимых, объем предъявленного обвинения, совокупность собранных доказательств, профессиональных навыков и личного опыта судьи. Только с учетом этих обстоятельств суд сможет верно отобразить, грамотно оценить и умело разрешить конкретную судебную ситуацию.

Вопросам полномочий суда по собиранию, проверке, оценке доказательств посвятил свое исследование В.Л. Сысков [4]. Он выделил понятие «доказательственная деятельность суда первой инстанции», которая, по его мнению, выражается в «активной информационной, логической, психологической деятельности,

состоящей в получении в рамках предъявленного обвинения, исследовании и оценке сведений о фактах, как представленных сторонами, так и полученных судом, целью которой является разрешение уголовного дела по существу на основе установления обстоятельств дела в соответствии с действительностью». На базе этого определения автор установил следующие свойства деятельности суда: наличие информационного, логического и психологического элементов; активность суда по собственной инициативе производить любые действия познавательного характера в рамках предъявленного обвинения для проверки доводов сторон; специфика цели деятельности, заключающейся в разрешении уголовного дела по существу путем установления соответствия действительности юридически значимых обстоятельств дела.

Мы разделяем мнение о том, что судебные действия обладают совокупностью признаков, позволяющих выделить их в отдельный вид процессуальных действий и отделить от понятия следственных действий. Задачей следственного действия является, прежде всего, получение нового доказательства и установление обстоятельств, касающихся предмета доказывания. Проведение следственного действия направлено на обнаружение и фиксацию доказательства в стадии предварительного расследования. Согласно УПК РФ, к субъектам, которые вправе проводить предварительное расследование, относятся следователь, в некоторых случаях – дознаватель, начальник органа дознания и руководитель следственного органа (ст. 5, 38, 39, 40.1, 41 УПК РФ).

Поскольку судебное действие отличается от следственного по всем трем указанным признакам, полагаем необоснованным и порождающим неразбериху использование прилагательного «следственное» применительно к действиям суда в стадии судебного разбирательства. Определение действий суда как «следственных» неоправданно ставит знак равенства между процессуальными действиями, имеющими разные задачи, производимыми разными субъектами, в разных стадиях уголовного процесса.

Увидеть разницу между следственным действием и одноименным судебным действием можно на примере следственного эксперимента. Анализируя правовые нормы, содержащиеся в ст.181 и 288 УПК РФ, мы видим, что следственный эксперимент в ходе предварительного расследования и в стадии судебного разбирательства – это два разных процессуальных действия. Действительно, оба процессуальных действия предполагают получение нового доказательства. Однако производство следственного эксперимента в суде всегда должно соответствовать принципу состязательности сторон, именно поэтому проведение следственного эксперимента в суде должно быть всегда определено проверкой ранее исследованных в суде доказательств и, возможно, поиском суда дополнительных доказательств виновности или невиновности подсудимого. Следственный эксперимент, производимый при предварительном расследовании, обусловлен исключительно процессуальными обязанностями должностного лица следственного органа или органа дознания по выполнению полномочий, связанных с функцией обвинения. Субъекты, проводящие следственные эксперименты на следствии и в ходе судебного заседания, различаются.

«Досудебный» и «судебный» следственный эксперименты отличаются также и тем, что законом предусмотрен разный порядок фиксирования результатов этих действий. По окончании следственного действия в соответствии со ст. 166 УПК РФ составляется протокол следственного действия, который имеет ряд признаков, образующих уникальность этого процессуального акта. Данный документ должен быть сразу представлен для ознакомления всем участникам. В отличие от следственного эксперимента на следствии, результаты и ход следственного эксперимента в суде фиксируются в протоколе судебного заседания. Согласно право-

вым нормам, содержащимся в ст. 259 УПК РФ, протокол судебного заседания может быть изготовлен в течение 3 суток после окончания судебного заседания, а «в силу объективных обстоятельств» протокол может быть изготовлен и по истечению 3 суток. Ознакомиться с протоколом судебного заседания участники процесса вправе путем подачи соответствующего ходатайства в течение 3 суток, которое, в свою очередь, рассматривается председательствующим еще в течение 3 суток. Учитывая, что замечания на протокол судебного заседания рассматриваются председательствующим, а сам протокол может быть изготовлен через значительный период, при рассмотрении этих замечаний возможны добросовестные ошибки, в то время как принесение замечаний сразу и непосредственно после проведения следственного эксперимента в стадии предварительного расследования совершение таких ошибок минимизирует. Различие условий и признаков протокола следственного действия и протокола судебного заседания столь существенно, что позволяет утверждать об их абсолютной процессуальной самостоятельности.

Разным является состав лиц, участвующих в следственных и судебных действиях. Так, согласно ст. 60 УПК РФ, при производстве следственного эксперимента обязательно участие понятых, чего не требуется в суде. Следственный эксперимент в стадии судебного следствия проводится в присутствии всех лиц, участвующих в судебном заседании, включая просто присутствующих по делам, рассматриваемым в открытом порядке.

Отличие в задачах, составе участвующих лиц, порядке проведения процессуальных действий, фиксации их результатов определяет различие в методике и тактике проведения процессуальных действий в зависимости от стадии процесса, в которой они проводятся.

Основными отличиями судебных действий от следственных действий являются:

1. Стадия уголовного процесса, в которой они производятся.
2. Задачи проведения процессуального действия.
3. Субъекты процесса, производящие процессуальное действие.
4. Состав лиц, участвующих в процессуальном действии.

По нашему мнению, указанные отличия позволяют во избежание терминологической путаницы, как при анализе теоретических вопросов, так и в работе по рассмотрению конкретных уголовных дел, действия суда познавательного характера обозначить как «судебные действия». При этом полагаем излишним использование дополнительных формулировок в определении данного понятия. Например, О.С. Самоходкиной предлагается определять такие действия, как «судебные действия *исследовательского* характера» [3, с. 123-126]. Не соглашаясь с мнением автора, следует отметить, что следственные действия следователя, так же как и познавательные действия суда, носят исследовательский характер, при этом отсутствие соответствующего прилагательного в определении «следственного действия» не мешает его пониманию.

Таким образом, судебные действия – это отдельный вид уголовно-процессуальных действий, осуществляемых судом в судебном заседании в стадии судебного разбирательства, результатом которых является получение сведений, подтверждающих или опровергающих ранее представленные сторонами доказательства.

Литература

1. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. Н.П. Яблокова. М.–Калининград, 1997.

2. Пиюк А.В. Роль суда в собирании доказательств по уголовному делу на стадии предварительного расследования и при рассмотрении дела в суде первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2004.

3. Самоходкина О.С. Доказывание при производстве по уголовным делам в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.

4. Сысков В.Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

УДК 343

ПРАВИЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРЕДЕЛА САНКЦИИ СТАТЬИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

Трофимова Н.А., судья Хабаровского краевого суда

Статья посвящена правилам определения верхнего предела санкции статьи при назначении наказания. Анализируется специфика определения верхнего предела санкции статьи при назначении наказания по правилам неоконченного преступление, при наличии смягчающих обстоятельств, при особом порядке принятия судебного решения, при рецидиве преступлений.

Ключевые слова: правила назначения наказания; верхний предел санкции статьи; назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств, за неоконченное преступление, при особом порядке принятия судебного решения, при рецидиве преступлений.

THE RULES OF UPPER LIMIT DETERMINATION OF SANCTION OF ARTICLE IN SENTENCING

Trofimova N.A., judge of the Khabarovsk regional court

The article is devoted to the rules of determination of the upper limit of sanction of article in sentencing. The specificity of determination of the upper limit of sanction of article in sentencing according to the rules of unfinished crime is analyzed, if there are extenuating circumstances, at a special order of judicial decision, at repeated commission of crimes.

Keywords: rules of sentencing; the upper limit of the article sanction; the rules of punishment settingunder mitigating circumstances; for an uncompleted offence, with a special sequence of a court decision-making, at recidivism of an offence.

Согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ, наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном Уголовным кодексом РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» обращает внимание судов на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и осуществлению целей, указанных в ст. 2 и 43 УК РФ [2].

Общие начала назначения наказания, приведенные в ст. 60 УК РФ, предоставляют суду возможность назначить лицу, совершившему преступление, наказание в пределах санкции статьи Особенной части УК за конкретное преступление с учетом положений Общей части УК РФ.

При этом особенно важно определить верхний предел наиболее строгого вида наказания, которое может быть назначено виновному лицу за конкретное преступление.

Наиболее актуален данный вопрос в связи со сложившейся судебной практикой, когда все больше уголовных дел рассматриваются судами с применением особого порядка принятия судебного решения в соответствии с гл. 40 УПК РФ.

Так, согласно данным официальной статистики, районными и городскими судами Хабаровского края с применением особого порядка принятия судебного решения в 2012 г. было рассмотрено 4266 уголовных дел, или 71,2% от числа рассмотренных с вынесением приговора (5988 уголовных дел); в 2013 г. – 4602 уголовных дела, или 75,3% от числа рассмотренных (6106 уголовных дел); в 2014 г. – 4407 уголовных дел, или 75,5% от общего числа рассмотренных с вынесением приговора (5834 уголовных дела) [1].

Таким образом, при рассмотрении более 70% уголовных дел с применением особого порядка принятия судебного решения и назначении наказания судье самому приходится определять верхний предел наиболее строгого вида наказания, которое может быть назначено виновному лицу за конкретное преступление.

Правила назначения наказания виновному лицу при рассмотрении уголовного дела в отношении его в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, изложены в ч. 5 ст. 62 УК РФ. Согласно данным правилам, срок или размер наказания не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Здесь же приведены и правила назначения наказания виновным по уголовным делам, дознание по которым проводилось в сокращенной форме в соответствии с гл. 32^1 УПК РФ, срок или размер наказания по которым не может превышать одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Данный вопрос является актуальным и при осуждении лица за неоконченное преступление при применении правил ч. 2 и 3 ст. 66 УК РФ, когда срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ за оконченное преступление, а за покушение на преступление – срок или размер наказания не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ за оконченное преступление.

Кроме того, при применении положений ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, а также при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве верхний предел срока или размера наиболее строгого вида наказания, указанный в санкции статьи, также ограничен законодателем.

Так, при применении правил, предусмотренных ч. 1 ст. 62 УК РФ, срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Согласно правилам ч. 2 ст. 62 УК РФ, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ.

При этом ч. 3 и 4 ст. 62 УК РФ предусматриваются особые случаи назначения наказания при наличии смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных п. «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

При рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей и вынесении ими вердикта о снисхождении срок или размер наказания лицу, признанному виновным, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 65 УК РФ не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Вышеперечисленные правила, касающиеся исчисления верхнего предела санкции статьи при назначении наказания виновному лицу за конкретные преступления, судьям часто приходится применять в совокупности. В связи с этим необходимо правильно определить, какой максимальный срок или размер наиболее строгого вида наказания может быть назначен за преступление.

Так, при рассмотрении уголовного дела при особом порядке принятия судебного решения в соответствии с гл. 40 УПК РФ и наличии оснований для применения положений ч. 1 ст. 62 УК РФ верхний предел наказания в виде лишения свободы (или иного вида наказания, являющегося наиболее строгим за данное преступление) не может превышать двух третей от двух третей размера данного вида наказания, предусмотренного санкцией статьи.

Если при этом преступление является неоконченным, то одновременно подлежат применению и положения ч. 2 или 3 ст. 66 УК РФ.

Таким образом, при приготовлении к преступлению две трети от двух третей следует исчислять от одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, при покушении на преступление – от трех четвертей данного срока. Полученный результат и есть верхний предел санкции статьи.

Например, при назначении наказания подсудимому за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, по уголовному делу, рассмотренному в особом порядке принятия судебного решения в соответствии с гл. 40 УПК РФ, при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и оснований для применения положений ч. 1 ст. 62 УК РФ вначале следует с учетом требований ч. 3 ст. 66 УК РФ определить максимальный срок наказания, которое может быть назначено виновному, затем в соответствии с ч. 5 ст. 62 УК РФ сократить этот срок в связи с рассмотрением дела в особом порядке. После этого необходимо определить подсудимому наказание с учетом положений Общей части Уголовного кодекса РФ, в том числе положений ч. 1 ст. 62 УК РФ.

На практике это выглядит так: санкция ч. 3 ст. 158 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет. Определяем максимальный срок наказания с учетом положений ч. 3 ст. 66 УК РФ – три четверти от 6 лет – 4 года 6 месяцев. Сокращаем данный срок с учетом рассмотрения уголовного дела в особом порядке – две трети от 4 лет 6 месяцев – 3 года. Применяем положения Общей части Уголовного кодекса РФ, а именно ч. 1 ст. 62 УК РФ – две трети от 3 лет – 2 года.

Указанный срок в виде 2 лет лишения свободы является в данном случае верхним пределом санкции статьи.

При этом суд может учесть и иные имеющиеся смягчающие наказание обстоятельства, а также положения ст. 6, 60 УК РФ, назначив наказание за данное преступление менее 2 лет лишения свободы.

На это также обращается внимание судей Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел», в п. 14 которого разъясняется, что при наличии оснований, предусмотренных ст. 62, 64, 66, 68, 69 и 70 УК РФ, наказание виновному назначается по правилам как этих статей, так и ч. 7 ст. 316 УПК РФ [3].

Немного иной порядок исчисления верхнего предела санкции статьи при рассмотрении уголовного дела в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Так, согласно разъяснениям, содержащимся в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», судам следует иметь в виду, что при назначении наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в соответствии с ч. 2 или 4 ст. 62 УК РФ положения ч. 1 указанной статьи о сроке и размере наказания учету не подлежат.

Между тем, назначая наказание лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, за неоконченное преступление, суд руководствуется положениями как ст.66 УК РФ, так и ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ [4].

При этом следует обратить внимание на то, что значение верхнего предела санкции статьи не ограничивается лишь необходимостью правильного определения максимально возможного размера наказания, назначаемого виновному.

Так, назначая наказание при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений, суд должен руководствоваться ст.68 УК РФ.

Согласно положениям ч. 2 ст. 68 УК РФ, срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ.

При этом в судебной практике часто возникают вопросы, касающиеся исчисления одной третьей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Очевидно, указанный вопрос следует разрешать с учетом вышеизложенных правил: вначале необходимо правильно определить максимальный срок наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за конкретное преступление, а затем от полученного результата необходимо исчислить одну треть.

Таким образом, при назначении наказания при рецидиве преступлений в соответствии с положениями ч. 2 ст. 68 УК РФ одна треть максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, определяется, исходя не из верхнего предела санкции статьи, а из того максимально возможного наказания, которое может быть назначено виновному лицу.

Полагаем, что указанные вопросы, связанные с правилами определения верхнего предела санкции статьи, имеют большое значение и являются приоритетными в судебной практике при назначении наказания.

Представляется также, что вышеперечисленные вопросы должны стать предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда РФ в целях разработки конкретных рекомендаций судам, назначающим уголовное наказание, что будет способствовать осуществлению эффективного правосудия.

Литература

1. Официальный сайт Управления судебного департамента в Хабаровском крае. URL: http://usd.hbr.sudrf.ru/modules.php (дата обращения: 13.04.2015).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. от 02.04.2013 № 6) // Российская газета. 2007. 24 января.

3. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (в ред. от 05.06.2012 № 10) // Российская газета. 2006. 20 декабря.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012. 11 июля.

УДК 347.97

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МОНИТОРИНГА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Шапиро Е.А., начальник правового отделения УМВД России по Еврейской автономной области

В статье рассмотрены проблемы мониторинга судебной практики в органах внутренних дел. На основе изучения статистических сведений и анализа мнения ученых автор делает вывод о необходимости законодательного определения термина «мониторинг правоприменения» и критериев оценки данной деятельности. Внесены предложения о реализации в системе МВД России комплекса административных мер, направленных на изменение качественных параметров правоприменения.

Ключевые слова: мониторинг; правоприменение; органы внутренних дел; совершенствование законодательства.

QUESTIONS OF PRESENT INTEREST OF JUSTICAL PROCESS MONITORING POLICE DEPARTMENTS AND IT MEANING FOR CHANGE LAWS

Shapiro E.A., head of legal Department of the office of Internal Affairs of Russia in the Jewish Autonomous region

The article is devoted to the problems of monitoring of justical process in the police departments. Using study statistic information and scientific opinions the author a conclusion about necessary laws term of monitoring determine and it estimation. The author offers introduce complex administrative measures for MIA of Russia in order to change character references of right application.

Keywords: monitoring; right application; police departments; legislations improvement.

Вектор совершенствования судебной практики и практики применения действующего законодательства был обозначен Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации еще в декабре 2012 г. [4]. Необходимость исправления недоработок в судебной системе, в нормотворчестве и в практике применения законов в целях упорядочения российского законодательства и в настоящее время является основной задачей судебной и правоохранительной систем. В соответствии с п. 2 Указа Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» данная деятельность осуществляется в нашем государстве в целях выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и постановлений Европейского Суда по правам человека, в соответствии с которыми необходимо принятие (издание), изменение или признание утратившими силу (отмена) законодательных и иных нормативных правовых актов [7]. Таким образом, значимость практики

применения национальными судами норм международного права и действующего российского законодательства велика.

Определение дефиниции правового мониторинга в законодательных актах отсутствует. Минюст России определяет его в качестве комплексной и плановой работы по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Российской Федерации [6]. В.И. Белоножкин характеризует его в качестве юридического исследования; динамичного организационного и правового института информационно-оценочного характера; в качестве комплексной и плановой деятельности, осуществляемой федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти в пределах предоставленных полномочий [1, с. 48]. Правовой мониторинг в качестве нового элемента национальной правовой системы и дополнительной контрольной функции органов исполнительной власти анализируется в монографии М.Е. Глазковой [2]. Таким образом, общим признаком, характеризующим правовой мониторинг, является деятельность уполномоченных субъектов, направленная на приведение всех существующих в государстве правоотношений в соответствие с действующими законодательными и иными нормативными правовыми актами, которые отвечают требованиям и нормам Конституции Российской Федерации и ратифицированным нормам международного права.

В связи с этим, как и любая другая деятельность, правовой мониторинг подлежит оценке в целях определения его эффективности и результативности. Однако отсутствие законодательного определения дефиниции и нормативного закрепления критериев качества процесса мониторинга, на наш взгляд, способствует развитию формального подхода к данной деятельности и делает одну из целей данного мониторинга – взаимодействие субъектов нормотворчества и правоприменительной практики – условной.

В системе МВД России на постоянной основе осуществляется мониторинг законодательных актов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, затрагивающих сферу деятельности органов внутренних дел, а также мониторинг имеющейся судебной практики. Определены цель, задачи и принципы данной работы [5]. Однако остаются актуальными вопросы эффективности информационно-правового обеспечения в органах внутренних дел [3].

За последние пять лет в системе МВД России были введены в эксплуатацию и в настоящее время используются автоматизированная информационно-правовая система «Иск» и автоматизированная информационная система «Мониторинг», позволяющие не только формировать и использовать в работе банки данных актуальной правовой информации (в том числе судебных актов), но и производить мониторинг предложений о совершенствовании законодательных и иных правоприменительных правовых актов; производить анализ действующих правовых актов на предмет выявления содержащихся в них пробелов, коллизий, противоречий. Вместе с тем анализ статистических сведений судебно-исковой работы органов внутренних дел Российской Федерации за период с 2010 по 2014 г. отражает тенденцию роста количества предъявленных к органам внутренних дел Российской Федерации исков и жалоб (2010 г. – 21 026; 2011 г. – 23 814; 2012 г. – 23 109; 2013 г. – 25 605), а также тенденцию роста количества удовлетворенных судами исковых требований (2010 г. – 5186; 2011 г. – 6175; 2012 г. – 7702; 2013 г. – 6944) [8]. На изменение ситуации не оказывает значительного влияния ни рост количества должностей сотрудников правовых подразделений, вводимых в отдельных территориальных органах МВД России, ни внедрение инноваций в практическую деятельность. На наш взгляд, повышение эффективности судебно-исковой работы органов внутренних дел, а также проводимого на ее основе мониторинга норм

действующего законодательства и правоприменительной практики в значительной мере связаны с повышением профессиональных знаний и получением качественно новых навыков должностными лицами органов внутренних дел, непосредственно осуществляющими данную деятельность. В свою очередь, процесс проведения практикующими юристами юридического исследования нормативных правовых актов на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации и иным российским законодательным актам, изучение эффективности их практической реализации сам по себе затруднителен без их специальной профессиональной подготовки (переподготовки) в данной области. В связи с этим предлагаем внести в план работы МВД России на предстоящий период вопрос о разработке на базе научно-исследовательских и образовательных учреждений системы МВД России программ профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел, привлекаемых для осуществления правового мониторинга.

В настоящее время показатели проведения мониторинга судебной практики в системе МВД России определены приказами от 20 октября 2011 г. № 1090 «Вопросы информационно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России» и от 17 июля 2005 г. № 570 «О статистической отчетности о состоянии правовой работы в системе МВД России» (в ред. от 18.04.2009). Установлены требования к показателям судебной практики, в том числе к спорам, которые касаются прохождения службы в органах внутренних дел, увольнения сотрудников, привлечения их к дисциплинарной ответственности, пенсионных правоотношений. Мониторинг судебной практики фактически сводится к анализу цифровых показателей наличия либо отсутствия споров, анализу количественных показателей и качественных результатов разрешения споров судами. Однако данные критерии анализа не позволяют в полной мере судить об эффективном (неэффективном) применении органами внутренних дел законов и подзаконных актов, регулирующих сферу рассматриваемых правоотношений, поскольку процесс рассмотрения споров в суде носит состязательный характер, часто зависит от многих субъективных обстоятельств и действий его участников.

Сама функция правового мониторинга, регламентированная названными приказами МВД России, поставлена под условие соблюдения профессионализма должностных лиц, осуществляющих текущее правоприменение и последующую защиту интересов органов внутренних дел в судах; необходимой и достаточной полноты накапливаемой в органах внутренних дел статистической информации мониторинга правоприменения; достоверности статистической и аналитической информации, представляемой субъектам для проведения мониторинга.

Однако все из перечисленных условий являются относительно неопределенными. Их соблюдение зависит от воздействия объективных и субъективных факторов на элементы анализируемой системы правоотношений в органах внутренних дел. В связи с этим для устойчивого качественного анализа результатов судебной практики системы МВД России, по нашему мнению, требуется применение административных методов формирования мониторинга судебной практики, таких как:

- разработка и утверждение программ профессиональной подготовки (переподготовки) для сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих функции защиты интересов органов внутренних дел в судах, а также функции правового мониторинга в системе МВД России;

- разработка и утверждение ведомственного нормативного правового акта, регламентирующего нагрузку сотрудников, осуществляющих правовой мониторинг, а также показатели эффективности исполнения данной функции в органах внутренних дел;

- разработка на уровне МВД России и Верховного Суда Российской Федерации межведомственного соглашения, позволяющего уполномоченным должностным лицам органов внутренних дел иметь доступ к актуальным банкам данных судебной практики (судебным постановлениям) по делам с участием представителей органов внутренних дел в целях повышения качества и уровня достоверности статистической информации в данной сфере.

Реализация указанных мер, на наш взгляд, позволит поднять мониторинг правоприменения в системе МВД России на качественно новый уровень.

Литература

1. Белоножкин В.И. Характеристики и методики применения правового мониторинга в деятельности по защите прав человека // Омбудсмен. 2012. № 1.
2. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Анкил, 2012.
3. Дюков А.В. Организация системы информационно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. … кан. юрид. наук. М.: Изд. РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 декабря.
5. Приказ МВД России от 20 октября 2011 г. № 1090 «Вопросы информационно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Рекомендации по вопросам организации деятельности по мониторингу правоприменения, сбора информации и привлечения лиц и организаций к процессу мониторинга правоприменения (для федеральных органов исполнительной власти). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
8. URL: dpd@mvd.gov.ru http:// mvd.ru/mvd/documents

УДК 347.961:93

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА НОТАРИАТА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ*

Друзяка А.В., доцент кафедры Благовещенский государственного педагогического университета кандидат исторических наук

Статья посвящена результатам исследования истории публично-правового института нотариата на Дальнем Востоке России, проведенного автором совместно с членами Комиссии по изучению исторического наследия Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации в 2010-2013 годах.

Ключевые слова: нотариат; публично-правовой институт; Дальний Восток России; Маньчжурия.

RESEARCH ON THE HISTORY OF THE PUBLIC LAW INSTITUTE OF NOTARIES IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Druzyaka A.V., chair associate professor of the Russia Blagoveshchensk State Pedagogical University *Kandidat nauk* degree in History

* При поддержке гранта ДВФУ, проект № 14-08-05-2; при поддержке гранта 12BZS071.

The article is devoted to the research of the history of the public-law Institute of notaries in the Far East of Russia, conducted by the author together with the members of the Commission for the study of the historical heritage of the Federal notarial chamber of the Russian Federation in 2010-2013.

Keywords: notary; public-law institute; of the Russian Far East; Manchuria.

Процессы создания нового российского законодательства и совершенствования системы органов юстиции, составляющие важное направление правовой реформы в последние два десятилетия, заставляют профессиональное и научное сообщество по-новому осмыслить не только позитивный зарубежный, но и наиболее ценный отечественный опыт функционирования таких правовых институтов, как нотариат, мировой суд, суд присяжных, адвокатура, служба судебных приставов. В ряде случаев этот опыт может дать немало достойных примеров того, как в достаточно сложных условиях органы юстиции не только успешно выполняли свои функции, но и создавали своей активной деятельностью необходимые условия для позитивного развития важнейших общественных отношений. В полной мере к такому историческому наследию можно отнести историю развития учреждений юстиции на Дальнем Востоке России, которые своим существованием и деятельностью внесли весомый вклад в становление цивилизованных правовых отношений в регионе.

Нотариат (от лат. *notarius* — писец, секретарь) представляет собой систему юридических органов, в функции которых входит законное удостоверение сделок, оформление наследственных прав, засвидетельствование документов для придания им легитимности и юридической достоверности. Нотариат в общем контексте региональной истории может рассматриваться и как важнейший правоохранительный орган, и как самостоятельный общественно-правовой институт, призванный обеспечить стабильность гражданского оборота, защитить права и законные интересы граждан и юридических лиц посредством совершения нотариальных действий от лица государства и осуществлять государственную юрисдикцию в сфере гражданских правоотношений.

Исторический процесс становления, развития и институализации органов юстиции в различных регионах России в настоящее время все больше привлекает внимание историков и правоведов. При этом в отечественной и зарубежной историографии институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии до сих пор не был рассмотрен как отдельное явление, имевшее, кроме прочего, высокую общественную значимость и уникальную историю.

Изучение истории нотариата в России началось сразу после его официального учреждения. Уже в процессе подготовки и вскоре после опубликования основополагающего нормативного акта – Положения о нотариальной части 1866 г. – началась работа по исследованию и популяризации истории нотариальных учреждений в России и в мире [1; 3; 8; 10; 12-14]. Опубликованный в 2001 г. библиографический список работ, посвященных проблемам истории и различным сторонам практической деятельности нотариата в дореволюционной России (до 1917 г.), содержит 580 книг, статей и научных исследований [9].

В дореволюционной историографии работы по истории нотариата носили в основном проблемно-прикладной характер. Авторы, рассматривая историю становления института нотариата в Западной Европе, одновременно пытались выработать концепцию перспективного развития нотариальных учреждений в Российской империи [2].

Модернизация российского законодательства о нотариате, действовавшего более 50 лет, была проведена уже в СССР, одновременно с огосударствлением всей системы нотариальных органов, прошедшем в рамках общей реформы госу-

дарственного управления. Советские исследователи рассматривали нотариат как важную часть государственной правоохранительной системы, тесно связанную с органами юстиции и развивающуюся синхронно с ними [11; 15]. Круг обобщающих исследований по истории нотариата, опубликованных в 1990-2004 гг., также чрезвычайно широк.

В 2000-е гг. усилился исследовательский интерес к истории становления нотариальных органов в различных регионах Российской Федерации. Появилась серия публикаций о региональной истории нотариальных органов, Федеральной нотариальной палатой было начато осуществление научно-публицистического проекта – серии «Золотые страницы российского нотариата». В работах, опубликованных в рамках этого проекта, был сделан вывод о детерминированности развития российского нотариата как социально-экономическим развитием страны в целом, так и развитием отдельных российских регионов.

Необходимо отметить, что при всем интересе к процессу формирования и функционирования системы органов юстиции в регионе, количество имеющихся по этой теме исследований остается единичным. При этом развитие нотариата Дальнего Востока как правоохранительного органа и как общественно-правового института в отечественной и зарубежной историографии в качестве объекта научного исследования ранее не рассматривалось.

В период с 2010 по 2013 г. автором совместно с членами Комиссии по историческому наследию Федеральной нотариальной палаты РФ В.Н. Анёвым, А.В. Еременко, президентом нотариальной палаты Амурской области А.П. Берловым был собран научный материал по истории нотариата на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. Наиболее значительным результатом этой работы стала двухтомная «История нотариата на Дальнем Востоке России» [4; 5]. Необходимо отметить, что это первое и пока единственное исследование истории системы российских нотариальных учреждений не только на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, но и целом в азиатской части нашей страны. Первый том охватывает различные периоды развития нотариальных институтов: судебного нотариата в составе Благовещенского, Владивостокского, Порт-Артурского и Пограничного (г. Харбин) окружных судов Иркутской судебной палаты, выборного биржевого нотариата Благовещенской, Владивостокской и Харбинской бирж, нотариата в составе народного суда ДВР. Второй том посвящен истории государственного нотариата Дальнего Востока России в 1922-1993 гг.

Начало формирования в России нотариальных учреждений исследователи связывают с эпохой правления царя Алексея Михайловича (1629-1676). В XVII в. первые упоминания о площадных подьячих, выполнявших нотариальные функции от лица государства, появились в Соборном уложении 1649 г. Во времена Петра I в России был сформирован раздельный крепостной и нотариальный порядок совершения актов, в целях поддержки предпринимательства и торговли со странами Западной Европы в составе Коммерц-коллегии была учреждена должность публичного нотариуса. 11 января 1725 г. определением Сената на эту должность был назначен прусский подданный Кристиан Корнелиус. Само понятие «публичный нотариус» было впервые введено в правовой обиход России Вексельным уставом 1729 г. [13].

Клиентами нотариуса вплоть до начала эпохи реформ Александра II была незначительная по составу и численности группа дельцов, в основном в крупных торговых городах. Между тем стремительно растущий гражданский оборот, появление большого числа собственников, рост городов и увеличивающиеся объемы внутренней и международной торговли требовали новых общественно-правовых гарантий легитимности гражданско-правовых отношений. В этих условиях местное предпринимательское сообщество и городское самоуправление стали инициа-

торами учреждения нотариальных органов и введения в деловую жизнь нотариального порядка удостоверения и свидетельствования правовых актов. В 1879 г. во Владивостоке из состава членов городского самоуправления был избран первый публичный городской нотариус, купец Владимир Ланин. Тем самым было положено начало процесса становления органов нотариата как особого общественно-правового института, широко востребованного как деловыми кругами, включавшими русских и иностранных купцов, предпринимателей и промышленников, так и представителями иных социальных слоев. При этом публичный нотариат на Дальнем Востоке вплоть до 1897 г. имел достаточно неопределенный, и даже спорный статус и не был в достаточной степени легализован государственной властью вплоть до проведения мероприятий судебной реформы. Тем не менее, первый опыт учреждения нотариальных органов был воспринят здесь с энтузиазмом, как имеющий большую общественную значимость [7].

Судебная реформа по уставам Александра II была проведена в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке лишь в середине 1897 г., тогда же здесь были официально учреждены первые органы судебного нотариата, действовавшие в системе органов юстиции Российской империи. До этого окружные суды на Дальнем Востоке удостоверяли лишь те немногочисленные акты, для которых был установлен крепостной порядок утверждения в судебном присутствии – купчие крепости и духовные завещания.

Российский нотариат на Дальнем Востоке имеет сравнительно недолгую, но очень насыщенную и динамичную историю. 2 июля 1897 г. начался поистине «золотой» период истории судебного нотариата в системе дальневосточных органов юстиции, продлившийся вплоть до конца 1922 г. Хронологически этот «золотой век» совпал с эпохой становления и бурного развития экономики края, строительства новых городов, невиданных ранее в мире по протяженности железных дорог, появлением новых отраслей региональной промышленности, привлечением сотен тысяч переселенцев, расцвета приграничной и прибрежной торговли.

В Амурской и Приморской областях Приамурского генерал-губернаторства и на территории Северной Маньчжурии с центром в Харбине в этот период сложилась обширная и разнообразная правовая нотариальная практика. Нотариат здесь был персонифицирован поистине выдающимися представителями русской имперской юридической школы, деятельность и жизненный путь которых, без сомнения, достойны интереса, изучения и популяризации. В ходе исследования удалось получить достаточно полные сведения о многих нотариусах, работавших на Дальнем Востоке в период 1897-1922 гг. Среди них можно выделить таких выдающихся юристов, как В.И. Родзаевский, М.И. Богоявленский, В.А. Дымчевский (Благовещенск), М.И. Фомин, П.Ф. Пахоруков (Хабаровск), В.Ф. Адамс, А.Л. Гесс-де-Кальве (Владивосток), К.И. Кайдо, М.В. Второв, А.Ф. Сакович (Харбин), и многих других. Как свидетельствуют разнообразные источники, для представителей различных сословий и социальных слоев, разных народов, глубоко отличных по своей ментальности, – европейцев, американцев, китайцев и японцев, проживавших в то время по обе стороны российско-китайского приграничного пространства, включавшего как территорию Приамурья, так и территорию полосы отчуждения КВЖД с центром в Харбине, российский нотариус был не просто должностным лицом, удостоверяющим различные правовые акты. Имеющиеся документальные источники и оценки современников позволяют сделать вывод о том, что русский нотариат здесь был действительно реальным олицетворением общественной власти, гарантом правовой защищенности и законности гражданских правоотношений.

В отличие от европейской части страны, развитие нотариата на Дальнем Востоке не прервалось даже в эпоху революционных потрясений и гражданской

войны. Вплоть до 1922 г. нотариат в Дальневосточной республике (ДВР) функционировал в соответствии с правовыми основами, заложенными принятым в Российской империи Положением о нотариальной части 1866 г. и имперскими Основами гражданского законодательства (запрет был наложен лишь на сделки с землей). В ноябре 1922 г. ДВР вошла в состав РСФСР, и Положение 1866 г. было заменено республиканским законодательством РСФСР о нотариате 1922–1923 гг. После изменения правовых основ функционирования нотариальных органов в РСФСР последними «осколками» русского классического нотариата стали основанные в 1904 г. органы нотариата в Харбине. Ряд архивных документов свидетельствует о том, что правовая практика русского нотариата здесь сохранялась вплоть до прихода Красной армии в августе 1945 г. Непрерывность процесса эволюции русских нотариальных учреждений в Харбине, не прекративших свою деятельность даже в период социально-политических потрясений 1920-1935 гг., на наш взгляд, является ярким подтверждением его особой значимости для многонационального городского социума. При этом нотариат в Харбине вплоть до 1940-х гг. функционировал в соответствии с правовыми основами Положения о нотариате 1866 г. и адаптированных Основ гражданского законодательства России [6].

С принятием в 1922–1926 гг. соответствующего союзного и республиканского законодательства в РСФСР началась эпоха государственного нотариата, закончившаяся лишь в 1993 г. После учреждения государственного нотариата в системе Министерства юстиции РСФСР на Дальнем Востоке еще некоторое время были востребованы кадры старого, дореволюционного нотариата. В частности, в г. Благовещенске вплоть до 1934 г. работал нотариус В.А. Дымчевский, начавший свою практику еще в начале XX в.

В советский период объём, значение и само понятие личной собственности граждан тщательно нивелировались государством, а понятие частной собственности с окончанием периода НЭПа было и вовсе изъято из юридического обихода. Из гражданско-правового оборота в последующий период 1930-х гг. были фактически полностью выведены важнейшие группы объектов, а функции государственного нотариата были сведены к крайне незначительному набору действий и постепенно переходили в разряд заурядных, малозначительных формальных процедур. Государственный нотариат был встроен в систему советской государственной юстиции и стоял на защите государственных интересов, имевших в тот период безусловный и подавляющий приоритет.

Возрождение частного негосударственного нотариата в России произошло в 1993 г. В ходе конституционной реформы в новой России вновь появилась потребность в трансформации нотариальных органов в соответствии со сложившейся мировой практикой. В это время развитие нового российского нотариата, как и развитие многих других государственно-правовых институтов, во многом было ориентировано на их воссоздание в соответствии с накопленным до 1917 г. опытом и традициями русских нотариальных учреждений, а также с мировым опытом развития нотариальных органов. Синтез этих двух составляющих во многом сформировал идеологию современного российского нотариата, тогда же возникла потребность в подробном изучении исторического развития нотариальных органов как важнейшего общественно-правового института.

При изучении и обобщении фактов региональной истории органов нотариата нашим исследовательским коллективом были привлечены разнообразные источники. Нормативная база представлена официальными законодательными актами местных и центральных органов власти. Среди них можно выделить акты Министерства юстиции, Государственного совета и указы царствующих особ Российской империи, законы ДВР, союзное и республиканское законодательство СССР, Российской Федерации, акты областных и краевых органов юстиции по

вопросам деятельности нотариата. Исследование фундировано историческими документами девяти региональных государственных архивов Дальнего Востока и Восточной Сибири, Российского государственного исторического архива в г. Санкт-Петербурге. Многие нотариальные архивы центра страны были целенаправленно уничтожены в ходе гражданской войны, и в последующий период 1920-х гг. дальневосточные архивы, напротив, сохранили существенный объем документов, относящихся к деятельности первых нотариусов, работавших в городах Приамурского генерал-губернаторства и в Маньчжурии.

Специфика послереволюционного периода развития региона в условиях ДВР, конституция которой, в отличие от законодательства Советской России, предполагала наличие важнейших элементов рыночных гражданско-правовых отношений – частной собственности, денежного оборота и свободной торговли, позволила сохранить многие уникальные документы из нотариальных архивов окружных судов. Документы были сохранены во многом по причине активного участия в сложившемся в регионе гражданском обороте граждан соседнего Китая и других стран. Отдельные фрагменты дореволюционных нотариальных архивов хранятся в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, в областном архиве Амурской области, в архивах Хабаровского и Приморского краев, а также в Государственном архиве Иркутской области. В региональных архивах Магаданской области, ЕАО, Приморского, Камчатского краев и Чукотского автономного округа находятся документальные фонды соответствующих отделов и управлений юстиции, отчетная документация и статистические данные о деятельности нотариальных контор советского периода. При этом большинство из использованных в нашей публикации исторических документов никогда ранее не были исследованы и опубликованы.

Статистика экономического развития Дальнего Востока и описание основных отраслей областной промышленности, деловая информация, включавшая тарифы нотариусов, расписание сортов гербовой бумаги, штатные изменения в составе нотариата, порядок заключения и формы сделок, формы основных актов отражены в областных справочных книжках и адрес-календарях на 1901-1926 гг. В целом источники вполне позволяют исследовать процесс развития органов нотариата во взаимосвязи с социально-экономическим развитием Дальнего Востока, а также проследить его трансформацию, детерминированную коренными социально-политическими изменениями 1917, 1922, 1926, 1937, 1972, 1993 гг.

В соответствии с основными вехами истории дальневосточного нотариата в этих временных рамках нами предложена ее периодизация, включающая четыре основных этапа. Начало первого ее этапа определено датой официального учреждения нотариата в составе органов юстиции при реформированных дальневосточных окружных судах Иркутской судебной палаты – 2 июля 1897 г. Большинство нотариальных органов функционировали здесь непрерывно в соответствии с правовыми основами, установленными русским имперским законодательством, вплоть до 1923 г.

Особенности регионального развития и его неравномерность, в частности, определяют и особую специфику развития нотариальных органов на Дальнем Востоке. Важным специфическим отличием региональной истории нотариата является то, что в период 1920-1940-х гг. на территории Дальнего Востока, включая русскую колонию в Харбине, одновременно действовали сразу три системы российских нотариальных органов, различающихся лишь юрисдикцией. Одна из них была подотчетна народным судам ДВР, вторая – органам юстиции различных белогвардейских режимов, третья (в г. Харбине) – автономному пограничному окружному суду (до 1920 г.), затем китайскому окружному суду (с 1921 по 1940-е гг.).

Второй период истории дальневосточного нотариата (1923-1938) связан со становлением здесь системы советского государственного нотариата. В 1938 г. нотариальные конторы и столы были созданы уже на всей территории ДВР – от Чукотки до юга Приморья, и стали обязательным элементом правоохранительной системы СССР.

Третий (1938-1972) и четвертый (1973-1993) периоды истории нотариата на Дальнем Востоке в целом мало отличались от соответствующей общероссийской истории, за исключением ряда специфических особенностей, связанных с объективными условиями работы нотариусов на местах. В 1972-1974 гг. были приняты Основы республиканского и союзного законодательства о государственном нотариате, в соответствии с которым он функционировал вплоть до начала конституционных реформ в 1993 г.

Несмотря на важную роль, которую нотариат сыграл в развитии региона, внешняя характеристика деятельности его органов представлена в достаточно редких оценках современников. Становление системы нотариальных органов и деятельность нотариусов, в частности, периодически освещались на страницах дальневосточной печати. Материалы дальневосточных газет и других печатных изданий позволяют установить факты, отражающие региональную специфику деятельности нотариальных органов в различные исторические периоды, условия функционирования нотариусов. Привлеченная источниковая база позволила, на наш взгляд, достаточно подробно описать основные этапы и события истории функционирования дальневосточного нотариата в период 1897-1993 гг. Биографическим данным первых дальневосточных нотариусов в первой части нашей публикации посвящена отдельная глава. Нам удалось также получить личные воспоминания ветеранов нотариата – в частности, ныне действующего нотариуса Владивостокского округа Т.Н. Ульяновой, посвятившей профессии полвека своей жизни и активной деятельности, нотариуса Н.П. Завгородней.

В результате проведенного исследования нам удалось сделать ряд выводов об особенностях развития дальневосточного нотариата в различных исторических условиях, выявить наиболее характерные черты деятельности нотариусов, проследить жизненный путь наиболее ярких представителей профессионального сообщества в общем контексте истории нотариальных институтов. Несомненно, развитие нотариата как системы органов и как общественно-правового института необходимо рассматривать в тесной связи с общественно-политическими процессами и развитием экономики в Дальневосточном регионе. На наш взгляд, эти процессы не только взаимно коррелируют, но и взаимно обусловливают друг друга. Несмотря на всю неравномерность процесса освоения дальневосточного края, во все исторические эпохи потребности его общественно-экономического развития настоятельно требовали наличия, сохранения и развития здесь органов нотариата. Непрерывность развития региональных органов нотариата, особенно в период событий революции 1917 г. и гражданской войны, длившейся здесь с 1918 по 1923 г., история трансформации органов нотариата в Харбине еще раз подчеркивают его особое значение для всего дальневосточного населения.

Потребность в изучении исторического наследия российского нотариата сегодня может быть объяснена несколькими причинами. В процессе развития общественных отношений и общественных институтов люди неизменно обращаются к двум основным ориентирам – к развитию аналогичных институтов за рубежом и к историческому опыту их развития в национальных рамках. Поиск новых путей развития нотариата как в постсоветский период отечественной истории 1990-2000 гг., так и в настоящий момент можно охарактеризовать как попытку осмысления возможности использования традиционных дореволюционных подходов к принци-

пам построения нотариата в качестве средства интеграции в глобальное правовое пространство.

Изучение истории нотариата на Дальнем Востоке России, правовых традиций, сформированных многолетней повседневной практической деятельностью дальневосточных нотариусов и их активной общественной позицией, способно и сегодня дать достойные примеры высокого повседневного профессионализма и верности принципам справедливости и законности. Мы надеемся, что опыт обобщенного исследования истории нотариальных учреждений на Дальнем Востоке России и в прилегающей к нему территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) способен вызвать интерес не только профессиональных исследователей, юристов, историков и краеведов, но и самого широкого круга читателей.

Дальнейшее исследование процесса становления и функционирования российской системы нотариальных учреждений, практики взаимодействия нотариата с органами власти, местного самоуправления, общественными организациями и другими институтами гражданского общества может способствовать достижению успеха в осуществлении перспективных планов его развития и решению ряда проблем, сопутствующих его современному состоянию. Практическое применение исторического опыта развития регионального нотариата возможно как в направлении его широкой популяризации и использования в целях развития правовой культуры, так и для решения ряда практических задач, стоящих перед органами юстиции.

Литература

1. Абоимов Д. Настольная книга для нотариусов. Самара, 1895.
2. Гасман А.Г. Объяснительная записка к проекту новой редакции Положения о нотариальной части: в 3 ч. СПб., 1904.
3. Гурлянд Я. Юридический разбор нотариальных вопросов и разные заметки из практики Якова Гурлянда, харьковского нотариуса. Харьков, 1875.
4. Друзяка А.В. История нотариата на Дальнем Востоке России. Т.1. История нотариальных учреждений на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии в 1897–1922 гг. М., 2014.
5. Друзяка А.В. История нотариата на Дальнем Востоке России. Т.2. Становление и функционирование органов государственного нотариата на Дальнем Востоке России в 1918–1991 гг. М., 2014.
6. Друзяка А.В. Нотариусы «Русской Атлантиды» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. №1. С. 44-60.
7. Друзяка А.В. Публичный выборный нотариат во Владивостоке (1880–1897 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 40-56.
8. Коковцев Д. Руководство по совершению актов, договоров и обязательств на основании нового Положения о нотариальной части. СПб., 1868.
9. Лившиц Б.И., Осматескул К.Н., Пономарев А.Ф. и др. Библиографический указатель, комментарий, эксклюзивные материалы по российскому нотариату (580 наиболее значимых книг, статей и научных исследований). М.: Аир-арт, 2001.
10. Ляпидевский Н. История нотариата. М., 1875.
11. Нотариат в СССР / под ред. А.Ф. Клейман. М., 1960.
12. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. СПб., 1892.
13. Фемилиди А.М. Русский нотариат. История нотариата и действующее нотариальное положение 14 апреля 1866 г. СПб., 1902.
14. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: СПАРК, 1995.
15. Юдельсон К.С. Советский нотариат. М., 1959.

УДК 342.92

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ДЕСТИМУЛИРОВАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННО-СЛУЖЕБНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Полякова Н.В., доцент кафедры Воронежского института МВД России кандидат юридических наук, доцент

Рассматриваются меры дисциплинарного дестимулирования, их виды в государственно-служебном законодательстве и их применение.

Ключевые слова: дисциплинарное принуждение; управление; поощрение; дестимулирование; государственная служба; специальное звание.

DISCIPLINARY DESTIMULATING IN THE PUBLIC-SERVICE LEGISLATION

Polyakova N.V., chair associate professor of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

Discusses disciplinary testimonianza, their views in public-service laws and their application.

Keywords: disciplinary enforcement; management; promotion; destimulating; public service; special rank.

Среди методов управленческого воздействия, которые используются в системе государственной службы в целях повышения мотивации развития профессиональной компетентности государственных служащих и обеспечения эффективной служебной деятельности, выделяют поощрение и принуждение. Принуждение в целях обеспечения дисциплины в государственно-служебной деятельности является крайней мерой и представлено широкой группой различных мер.

Среди мер дисциплинарного принуждения выделяют меры дисциплинарного дестимулирования, применяемые в целях оказания дополнительного воспитательно-правового воздействия на нарушителей.

Анализ законодательства о государственной службе позволяет выделить следующие меры дисциплинарного дестимулирования:

- приостановление присвоения очередного специального звания в случае наложения дисциплинарного взыскания до окончания срока его действия (п. 4 ч. 1 ст. 45 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»);

- неприсвоение классного чина гражданским служащим, имеющим дисциплинарные взыскания или в отношении которых проводится служебная поверка (п. 23 Указа Президента РФ от 1 февраля 2005 г. «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы РФ федеральным государственным гражданским служащим»);

- лишение поощрительных выплат. Так, в соответствии с пп. «в» п. 7 приказа МВД России от 19 декабря 2011 г. «Об утверждении Порядка выплаты премий за добросовестное выполнение служебных обязанностей сотрудникам органов внутренних дел» премия не выплачивается сотрудникам, имеющим дисциплинарное взыскание «строгий выговор», «предупреждение о неполном служебном соответствии», «перевод на нижестоящую должность» [3];

- снижение или лишение квалификационных званий, присваиваемых сотрудникам органов внутренних дел. Так, в соответствии с приказом МВД России от 10 января 2012 г. № 1 «Об утверждении Инструкции о порядке присвоения квалификационных званий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» [4] наложение дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии влечет снижение квалификационного звания на 1 ступень, а понижение в должности – лишение квалификационного звания.

Аналогичные меры содержит законодательство о военной службе, на основании применения которых военнослужащий претерпевает имущественные последствия в виде недополучения отдельных сумм, входящих в его денежное довольствие.

Учитывая, что данная мера является самостоятельной, хотя и носит косвенный характер, ее применение не следует расценивать как нарушение принципа недопустимости наказания дважды за один и тот же проступок.

Как отмечает А.М. Колосков, дисциплинарное дестимулирование не относится ни к одному из видов дисциплинарного взыскания, поэтому неприменение поощрительных мер нельзя рассматривать как дисциплинарную ответственность [1].

В.М. Корякин предлагает на военной службе использовать практику, действующую в ФРГ, где решение о снижении или лишении отдельных выплат военнослужащим принимается в судебном порядке [2]. Однако, на наш взгляд, данная точка зрения не бесспорна. Думается, что достаточно будет предоставить данное право соответствующим командирам (начальникам) и в целях исключения возможности злоупотреблений этим правом четко урегулировать основания применения данной меры и конкретные выплаты, которых можно лишить или снизить их размер. Введение же дополнительной меры дисциплинарного взыскания, налагаемой в судебном порядке, опять же повлечет сложности в осуществлении дисциплинарного производства, как это происходит на практике с дисциплинарным арестом.

Таким образом, меры дисциплинарного дестимулирования в структуре дисциплинарного принуждения имеют дополнительное воздействие. Их применение связано не только с материальным непоощрением. Посредством ряда мер дисциплинарного дестимулирования осуществляется и повышение уровня служебной активности государственного служащего, и развитие его профессиональных качеств.

Литература

1. Колосков А.М. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

2. Корякин В.М. «Наказание рублем» как санкция за дисциплинарный проступок // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 3. С. 2-5.

3. Приказ МВД России от 19 декабря 2011 г. «Об утверждении Порядка выплаты премий за добросовестное выполнение служебных обязанностей сотрудникам органов внутренних дел» // Российская газета. 2012. 25 января.

4. Приказ МВД России от 10 января 2012 г. № 1 «Об утверждении Инструкции о порядке присвоения квалификационных званий сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 6 апреля.

УДК 342.9

РОТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК МЕРА, НАПРАВЛЕННАЯ НА ПРЕОДОЛЕНИЕ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Федотова О.А., доцент кафедры Воронежского института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В данной статье на основе анализа нормативно-правовых актов изложено авторское мнение о ротации государственных служащих как мере, направленной на преодоление коррупции в системе государственной службы.

Ключевые слова: ротация; коррупция; государственная служба.

ROTATION OF PUBLIC SERVANTS AS THE MEASURE DIRECTED ON OVERCOMING OF CORRUPTION IN SYSTEM OF PUBLIC SERVICE

Fedotova O.A., chair associate professor of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

In this article on the basis of the analysis of normative legal acts the author's opinion on rotation of public servants, as to the measure directed on overcoming of corruption in system of public service is stated/

Keywords: rotation; corruption; public service.

Основным нормативным правовым актом в сфере противодействия коррупции в нашей стране является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», перспективным направлением реализации которого является введение антикоррупционных стандартов, то есть установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области. Такие стандарты не сводятся к простой констатации наличия тех или иных запретов, ограничений и дозволений в отдельных сферах (например, государственные закупки, государственная гражданская служба и т.д.) и их перечислению. В них учтены различные аспекты поведения субъектов права по реализации соответствующего стандарта.

Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ в Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ» были внесены изменения, затрагивающие правовой статус лиц, проходящих государственную гражданскую службу. Эти изменения носят сугубо ограничительный либо запрещающий характер.

Так, например, согласно этим изменениям, гражданин не может быть принят на государственную гражданскую службу, а государственный гражданский служащий не может находиться на государственной гражданской службе в случае утраты представителем нанимателя доверия к государственному гражданскому служащему в случаях несоблюдения ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции; после увольнения с государственной гражданской службы лицо не вправе разглашать или использовать в интересах организаций либо физических лиц сведения конфиденциального характера или служебную информацию, ставшие ему известными в связи

с исполнением должностных обязанностей; гражданин, замещавший должность государственной гражданской службы, включенную в перечень должностей, установленный нормативными правовыми актами РФ, в течение двух лет после увольнения с государственной гражданской службы не вправе без согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению лиц, проходящих государственную гражданскую службу, и урегулированию конфликта интересов замещать на условиях трудового договора должности в организации и выполнять в данной организации работу на условиях гражданско-правового договора в случаях, предусмотренных федеральными законами, если отдельные функции государственного управления данной организацией входили в должностные обязанности лиц, проходящих государственную гражданскую службу.

Следующим значимым правовым средством борьбы с коррупцией в сфере государственной (гражданской) службы является общественное присутствие, участие в данном процессе граждан государства.

Отечественное антикоррупционное законодательство, предусматривая значительные возможности участия гражданского общества в борьбе с коррупцией в качестве основного его субъекта, не определяет конкретного содержания этого участия по формам и механизмам взаимодействия с государством.

Определение конкретных институтов гражданского общества, которые могут продуктивно взаимодействовать с государством в сфере противодействии коррупции, выступает на сегодня сложнейшим аспектом в контексте обеспечения антикоррупционной политики.

Одной из задач правового регулирования взаимодействия государства и гражданского общества является пресечение коррупции; создание механизмов общественного контроля за функционированием органов государственной власти и институтов гражданского общества; обеспечение гласности и открытости власти; ограничение непропорционального влияния отдельных групп интересов на публичную власть; демократизация государственной власти [1, с. 10].

Существенным условием выступает вовлечение в борьбу с коррупцией бюрократического аппарата, который должен быть контролируемой и открытой системой, работающей по понятным для общества правилам. При этом коррупция станет рассматриваться как признак неэффективности бюрократического аппарата.

Развитие российской правовой системы, сближение национального законодательства с европейским правом позволяют России, как государству – участнику Конвенции ООН против коррупции [3] (далее – Конвенция), в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы проводить эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности (п. 1 ст. 5 Конвенции).

Одним из наиболее действенных средств, направленных на преодоление коррупции в системе государственной гражданской службы РФ, является ротация лиц, проходящих государственную гражданскую службу.

В результате планомерно проведенной ротации гражданских служащих выполняются следующие задачи:

– развитие профессионального уровня лиц, проходящих государственную гражданскую службу;

– противодействие коррупции, стимулирование антикоррупционного поведения лиц, проходящих государственную гражданскую службу.

Ротация как антикоррупционный механизм предполагает формирование кадрового состава специалистов, подбираемых по их деловым качествам на осно-

ве горизонтального перемещения, разрушения коррупционных сетей, что содействует повышению профессионализма и оздоровлению морального климата в организации [2, с. 44-45].

В целях введения в практику механизма ротации и его реализации на государственной гражданской службе, а также установления понятийного аппарата законодатель дополнил Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ» ст. 60.1, детализирующей положения о ротации лиц, проходящих государственную гражданскую службу. Ротация лиц, проходящих государственную гражданскую службу, проводится в целях повышения эффективности государственной гражданской службы и противодействия коррупции путем назначения лиц, проходящих государственную гражданскую службу, на другие должности государственной гражданской службы в том же или другом государственном органе (ч. 1 ст. 60.1 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ»).

В общем, ротация подразумевает плановое «горизонтальное» перемещение лиц, проходящих государственную гражданскую службу, в пределах одной группы должностей государственной гражданской службы.

Перемещать лиц, проходящих государственную гражданскую службу, по «горизонтали» необходимо вследствие того, что длительное пребывание в одной должности снижает трудовую мотивацию, сотрудник ограничивает кругозор рамками одного участка, привыкает к недостаткам, перестает обогащать свою деятельность новыми методами и формами работы. Смена мест дает возможность сравнить ситуации, быстрее адаптироваться к новым условиям и позволяет снизить уровень антикоррупционных практик.

Вместе с тем указание в ч. 6 ст. 60.1 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» на минимальный срок замещения должности по государственной гражданской службе в порядке ротации – три года и на максимальный срок – до пяти лет создает предпосылки для повышения эффективности государственной гражданской службы и противодействия коррупции.

Три года – это оптимальный срок пребывания лиц, проходящих государственную гражданскую службу, в должности, в течение которого они успевают освоить обязанности по службе и выработать новые методы работы с учетом полученного опыта. В то же время такой срок не снижает служебно-должностную мотивацию лиц, проходящих государственную службу.

Резюмируя изложенное в данной статье, следует сделать вывод о том, что действующие нормативно-правовые акты, учет основополагающих международных принципов противодействия коррупции позволяют государству проводить эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции в России, где в числе наиболее значимых современных мер, направленных на преодоление коррупции в системе государственной службы, особое место занимает ротация государственных служащих.

Литература

1. Гриб В.В. Правовые вопросы институционализации взаимодействия гражданского общества и органов государственной власти // Российская юстиция. 2011. № 3.

2. Ломакина Л.А. Ротация государственных гражданских служащих в контексте преодоления коррупции // Журнал российского права. 2013. № 4.

3. Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

УДК 343.9.018

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ В ЦИФРАХ СТАТИСТИКИ

Шульга В.И., доцент кафедры публичного права Института права
Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник

В статье рассматривается состояние коррупции в России. На основе изучения официальных данных статистики о коррупции делается вывод о наличии несовпадений показателей по коррупции в правовой статистике.

Ключевые слова: состояние коррупции; выявление; регистрация; взяточничество; преступления коррупционной направленности.

CORRUPTION OF RUSSIA IN STATISTICS FIGURES

Shulga V.I., chair associate professor of the Department of public law
of Institute of Law of the Vladivostok State University of Economy and Service
Kandidat nauk degree in Law, associate professor, senior research officer

In article the condition of corruption in Russia is considered. On the basis of studying of official statistical data about corruption the conclusion about existence of discrepancies of indicators on corruption in legal statistics is drawn.

Keywords: condition of corruption; identification; registration; bribery; crimes of a corruption orientation.

Для юридической науки, как и для законодательства, критерием истины является социальная реальность в виде правоприменительной, правоохранительной, в том числе судебно-следственной практики. Основным предметом исследования последних являются уголовные дела (материалы), в которых отображаются результаты расследования преступлений как юридических фактов, соответствующих или не соответствующих истинности теоретических суждений в науке, закрепленных в уголовном законодательстве. Обобщение, прежде всего в виде уголовной и судебной статистики как кумулятивной (собирательной) информации о них в виде цифр, дает эмпирическое знание о состоянии юридической практики правоприменения.

Весь советский и нынешний российский период развития юридической науки базировался в основном на догмах (часто по объективным причинам), то есть устоявшихся теоретических законах, общепризнанных суждениях авторитетных ученых. Со временем эти научные теории (суждения) стали расходится с реальностью. Истинность существующих теорий в уголовном праве все больше ставится под сомнение [3]. Предлагаемые на их основе меры, в первую очередь законодательные, приводят, в частности, к многочисленным изменениям в УК РФ, УПК РФ и др. Но это не оказывает должного влияния на изменение состояния фактической (реальной) преступности.

Отмеченная проблема характерна не только для преступности в целом, но и для отдельных ее видов, в частности, коррупционной преступности. Длительное время в России велась борьба со взяточничеством, а подразумевалось – коррупцией.

Одной из проблем современной уголовно-правовой науки является стремление к закреплению определения коррупции в уголовном законодательстве. Одни ученые и практики поддерживают такое стремление [4, с. 27]. Другие рассматривают коррупцию более широко, в ее понятие включают не только взяточничество,

но и иные противоправные уголовно наказуемые деяния, в частности, такие как злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий и т.п. [2, с. 113].

Такое разночтение понятий взяточничества и коррупции находит отражение в официальной статистике, а также в публикациях и выступлениях.

Например, Росстат РФ и МВД РФ приводит в сборниках об общем состоянии преступности статистические данные только о взяточничестве, указывая или не указывая соответствующие статьи УК РФ. В публикациях и выступлениях ими оперируют как мерами борьбы с коррупций, что верно отчасти. При этом не делаются акценты на различиях в смысловых значениях употребляемых терминов, имеющих существенное криминологическое и уголовно-правовое значение, но трудно поддающихся осмыслению.

Так, Росстат РФ указывает число *зарегистрированных* фактов взяточничества, МВД РФ – до 2012 г. – *выявленных* фактов, а с 2012 г. о взяточничестве говорится в разделе «Преступления экономической направленности». В разделе же «Сведения о преступлениях, предварительное следствие по которым обязательно» говорится уже о *регистрации*, причем преступлений *коррупционной направленности*. Статистика Следственного комитета РФ говорит о *расследовании* взяточничества, а Судебного департамента РФ – об *осуждении* лиц, совершивших преступления.

Различия терминов «выявление», «регистрация», «взяточничество», «коррупция», «расследование», «осуждение», «преступления коррупционной направленности» ведут к неравнозначности их числовых значений в статистике, формируя также неоднозначность в понимании их смыслового содержания для оценки борьбы с коррупцией.

К тому же числовые значения показателей по ним приводятся то в виде натуральных чисел, то с делением их на классы, то в виде десятичных дробей, то с запятой в натуральных числах, в результате чего числа одних и тех же показателей либо в разных ведомствах также расходятся между собой, что еще больше усложняет их оценку.

Например, в сборнике Росстата РФ о социально-экономическом положении в разд. 10 «Правонарушение» указывается взяточничество без выделения статей УК (хотя с мая 2011 г. в нее была дополнительно введена статья 291.1 «Посредничество во взяточничестве»). Количество зарегистрированных фактов взяточничества, по данным этого ведомства, составило: в 1990 г. – 2,7 тыс. ед., 2000 г. – 7,0 тыс. ед., 2005 г. – 9,8 тыс. ед., 2010 г. – 12,0 тыс. ед., 2011 г. – 11,0 тыс. ед., 2012 г. – 9,8 тыс. ед. [6].

В ежегодных сборниках МВД РФ в общих сведениях о состоянии преступности в разделе «Преступления против экономической преступности» говорится о количестве выявленных фактов взяточничества. Они составили: в 2009 г. – 13 141 ед., 2010 г. – 12 012 ед., 2011 г. – 10 952 ед., 2012 г. – 10 157 ед., 2013 г. – 12 120 ед. [11].

Разночтениями характеризуется также статистика Следственного комитета РФ. Например, в «Сведениях о деятельности Следственного комитета Российской Федерации за январь – декабрь 2013 года» [10] значатся данные о *расследовании* только взяточничества и только по ст. 290 УК РФ (6,569 преступлений) и ст. 291 УК РФ (4,767). Натуральные числа в этих показателях разделены между собой запятой, что в математике указывает на десятичную дробь, в которой числа отделяются друг от друга именно запятой либо точкой [5, с. 30]. Получается, что по ст. 290 расследовано шесть целых 569 тысячных преступлений, а по ст. 291 – четыре целых 767 тысячных.

Какими показателями, какого ведомства, какими цифрами надо пользоваться, для большинства остается загадкой. К тому же в статистике говорится либо о

регистрации, либо о выявлении, либо о расследовании коррупции, причем взяточничества как части коррупционной преступности, либо – об осуждении по ним виновных лиц.

Также Росстат РФ за 2012 г. показал цифру 9,8 тысяч преступлений в виде десятичной дроби, а МВД РФ – 10 157 в виде натурального числа. Расхождение цифр в числовых значениях одного и того же показателя за один и тот же период очевидно. Хотя для обоих ведомств определен один и тот же источник.

На портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [8] в разделе «Аналитические материалы» размещены ежемесячные сборники о состоянии преступности с июля 2013 г., в которых говорится о регистрации преступлений коррупционной направленности. В сборнике, например, за 2013 г. значится зарегистрированными 42 506 преступлений коррупционной направленности*, а в сборнике МВД РФ – 42 369 [7]. Расхождение в цифрах также очевидно.

Характерно несовпадение показателей по коррупции внутри портала правовой статистики. В том же сборнике за 2013 г. в разделе «Сведения о зарегистрированных преступлениях по отдельным видам» в показателе «взяточничество и злоупотребление должностными полномочиями, ст. 285, 290 и 291» зарегистрированными числится 3084 преступления. В то же время в разделе «Показатели преступности России» только по ст. 285 УК РФ зарегистрировано такое же количество преступлений (3084). Там же по ст. 290 числится зарегистрированными 6710 преступлений и ст. 291 – 4 811. Всего получается зарегистрировано по этим трем статьям за взяточничество 14 605 преступлений, а не 3084, как было показано выше.

Статистику о борьбе с коррупцией показывает также Судебный департамент РФ при Верховном Суде РФ на своем сайте в разделе противодействие коррупции [9]. Суды завершают цепочку борьбы с коррупцией, вынося судебные решения по уголовным делам в отношении виновных лиц. Согласно данным статистики Судебного департамента формы 10.4.1 «Отчета о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям коррупционной направленности», всеми судами России было осуждено: в 2013 г. – 8607 чел. (2012 г. – 6014 чел.).

Примечательно, что в том же 2013 г. судами было оправдано 101 чел. (2012 г. – 87), а в отношении 421 чел. уголовные дела были прекращены (2012 г. – 298), в отношении 7 чел. (2012 г. – 2) назначены принудительные меры медицинского характера [1].

Также в рамках федеральной целевой программы «Развитие государственной статистики РФ на 2007-2011 годы» совместным приказом Минкомсвязи России и Росстата России от 16 ноября 2011 г. №318/461 была введена в эксплуатацию «Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС)» с показателями по 45 ведомствам, включая МВД РФ, Генеральную прокуратуру РФ и Судебный департамент РФ. Вероятно, здесь можно было бы увидеть унифицированные статистические данные о борьбе с коррупцией. Однако единые сведения об этом в них отсутствуют либо повторяются по отдельным вышеупомянутым ведомствам.

Тем самым, в борьбе с коррупцией требуется единство в понимании этого явления не только наукой, но и практикой; создание на их базе единой унифицированной статистики с соответствующим оформлением числовых значений; разъяснение при употреблении терминов их смыслового содержания и влияния их на оценку коррупции.

* В настоящее время сборники опубликованы с июля 2013 г. по ноябрь 2014 г.

Литература

1. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2012 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=216&item=2372; http://www.cdep.ru/index.php?id=216&item=1862

2. Козлов А.В. Проблемы законодательного обеспечения борьбы с коррупцией // Государственная политика России в сфере противодействия коррупции: сб. науч. тр. / отв. А.Н. Сухаренко. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007.

3. Лунеев В.В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 45–52.

4. Максимов С.В. Коррупционная преступность в России: правовая оценка, источники развития, меры борьбы // Проблемы борьбы с коррупцией: сб. ст. / под ред. С. Ринглер, В.А. Власихина, Л.Ю. Исмайловой и др. М.: Учеб.-консульт. центр «ЮрИнфоР», 1999.

5. Математика: Школьная энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.

6. Российский статистический ежегодник. 2014 // Федеральная служба государственной статистики РФ: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078

7. Состояние преступности России за январь – декабрь 2013 года. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEy.pdf

8. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (портал работает в режиме опытной эксплуатации).

9. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=216

10. URL: http://www.sledcom.ru/activities/statistic

11. URL: https://mvd.ru/folder/101762

УДК 342.92

РОССИЙСКОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПРАВО КАК СТРУКТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ НОРМ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ С ОТРАСЛЬЮ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Леженин А.В., доцент кафедры Воронежского института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются некоторые проблемы теории российского административного права, связанные с определением в его структуре такой совокупности правовых норм, как полицейское право.

Ключевые слова: административное право; полицейское право; государственное принуждение; административное (полицейское) принуждение; государственное управление.

RUSSIAN POLICE LAW AS STRUCTURAL COMMUNITY OF PRECEPTS OF LAW: SOME QUESTIONS OF THE RATIO WITH ADMINISTRATIVE LAW

Lezhenin A.V., chair associate professor of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

In article some problems of the theory of the Russian administrative law which are connected with definition in its structure of such set of precepts of law as the police law are considered.

Keywords: administrative law; police law; state enforcement; administrative (police) enforcement; public administration.

Говоря о современном российском административном праве, необходимо учитывать разнообразие причин его происхождения и его сложносоставную природу. Особый интерес при этом вызывают не только преобразования советского публичного права, но и рассмотрение результатов развития российского дореволюционного имперского полицейского права.

В России начала XX в. в научном обосновании административного права как самостоятельной отрасли наметились различные концепции. Если В.Ф. Дерюжинский, А.И. Елистратов, И.К. Сухоплюев воспринимали полицейское право исключительно с историко-правовой точки зрения как совокупность норм, утрачивающих свое значение и поэтапно отменяющихся в условиях правового государства [5, с. 41], то другое течение в русской административно-правовой науке, представленное В.М. Гессеном, И.Т. Тарасовым, В.В. Ивановским, подчеркивало, что «замена понятия «полиция» понятием «администрация», или «государственное управление» не является правильной, и … при объективном подходе к данному вопросу следует признать полицию самостоятельной частью администрации, а полицейское право – частью административного» [4, с. 13]. Сторонники данной концепции акцентировали внимание на особом значении, которое имеют общественные отношения, в рамках которых применяется административное (полицейское) принуждение: «Нормы, регулирующие осуществление принудительной власти, являются нормами полицейского права в собственном смысле этого слова» [6, с. 49]. Таким образом, в юридической литературе дореволюционной России полицейская деятельность характеризовалась через признак государственного принуждения.

В советской же административно-правовой литературе полицейская деятельность по идеологическим причинам не называлась собственным именем [3] и фактически обозначалась по-разному: как административная деятельность милиции, как оперативно-розыскная деятельность, как «особая исполнительно-распорядительная сфера государственного управления» [1, с. 118].

Как утверждает К.С. Бельский, не рациональный, а реалистический взгляд на социальную действительность современной России свидетельствует о том, что для нее характерны три сферы общественных отношений, регулируемых нормами административного права: 1) «коридоры власти» административных ведомств, где осуществляется позитивное публичное управление (экономикой, образованием, здравоохранением и т.д.); 2) улица с потоками пешеходов и автомототранспорта, где имеет место «полицейское управление» (административный надзор, административное принуждение, полицейская помощь и т.д.), и где государство чаще всего сталкивается с эксцессами и правовыми аномалиями; 3) контрольная деятельность с важнейшим производством, возникающим по поводу жалобы гражданина на действия гражданского или полицейского чиновника. …Такое понимание предмета административного права обусловливает выделение в его системе трех основных подотраслей: управленческого права, полицейского права и административно-юстиционного (контрольного) права [3].

Концентрированным выражением современной доктрины российского полицейского права, наряду с указанными взглядами К.С. Бельского, может считаться точка зрения Ю.П. Соловья, отличающаяся от концепции первого о предмете полицейского права главным образом тем, что Ю.П. Соловей рассматривает его существенно ỳже, говоря, что «полицейская деятельность есть не что иное, как особая разновидность социального управления» [8, с. 10], определяя его, впрочем, с учетом особенностей предмета и метода правового регулирования,

большого круга субъектов, широкого объема правовых источников также в качестве подотрасли административного права. По мнению Ю.П. Соловья, полицейское право есть «…совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере полицейской деятельности, т.е. деятельности органов исполнительной власти, должностных и иных уполномоченных лиц, осуществляемой в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства, сопряженной с непосредственным вторжением (гласным, принимающим форму принуждения, либо негласным) в права и свободы граждан и организаций и протекающей вне рамок уголовного и уголовно-исполнительного процессов» [7, с. 6].

Действительно, концепция К.С. Бельского, предусматривающая выделение четырех групп полицейских отношений, а именно – организационно-полицейских, надзорно-полицейских, административно-принудительных (как формирующихся на основе возникновения угрозы общественной безопасности», так и вытекающих из факта административного правонарушения) и квазиполицейских отношений между гражданами [3], не только шире того массива общественных отношений, который в качестве предмета полицейского права определяет Ю.П. Соловей, но и, в варианте так называемых квазиполицейских отношений между гражданами (сторона защищается от общественно опасных посягательств другой стороны) [3], рискует выйти за рамки отрасли административного права. Не случайно Ю.П. Соловей говорит о том, что рассматривает полицейское право не как межотраслевое, а как исключительно «моноотраслевое правовое образование» [7, с. 6].

Как представляется, идея выделения так называемых полицейских отношений в ранг подотрасли по отношению к административному праву достаточно четко прослеживается и в некоторых вариантах структуры учебного курса «Административное право». Так, например, Д.Н. Бахрах четко разграничивает его на две части – «Административно-регулятивное право» и «Административно-деликтное право» [2]. Содержание последней преимущественно и охватывает так называемые полицейские отношения.

Такой подход поддерживает В.А. Юсупов: «… называя правозащитное административное право полицейским, мы, с одной стороны, отличаем его по характеристике правоотношений от организационного административного права, а с другой – поддерживаем историческую связь с предшествующими идеями русских административистов» [9, с. 6-7].

Таким образом, опираясь на указанные положения доктрины российского административного права, можно сделать вывод о том, что именно современная теория административного принуждения и является неким общим знаменателем для авторов, по-разному определяющих специфику полицейских отношений. Весьма определяющее значение имеет и официально принятая терминологическая база, которая часто довольно «прохладно» относится к самой дефиниции «полицейское право». Однако в свете охарактеризованных в данной статье точек зрения полицейское право в современной России, как представляется, достаточно устойчиво претендует на статус подотрасли административного права.

Литература

1. Абулгазин С.Б. О субъективных правах граждан в сфере охраны общественного порядка // Права и свободы советских граждан и роль милиции в их обеспечении. М.: Юрид. лит., 1981.

2. Бахрах Д.Н. Административное право: учеб. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2011.

3. Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс / под ред. А.В. Куракина. М.: Изд-во «Дело и сервис», 2004.

4. Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву. СПб., 1907.

5. Елистратов А.И. Основные начала административного права. М., 1914.
6. Ивановский В.В. Учебник административного права. Казань, 1904.
7. Соловей Ю.П. Некоторые размышления о полицейском праве // Административное право и процесс. 2013. № 7.
8. Соловей Ю.П. Полицейское право и его место в системе современного административного права // Полицейское право. 2005. № 1.
9. Юсупов В.А. Административное право и права человека (к вопросу о предмете полицейского права) // Полицейское право. 2005. № 2.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Манцуров А.Ю., старший преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук

В статье на основе анализа нормативных правовых актов и научных работ показаны особенности административно-правового положения органов национальной безопасности Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: национальная безопасность; защита государственной тайны; Министерство государственной безопасности; Государственный совет КНР; борьба с терроризмом; разведывательная деятельность; контрразведывательная деятельность.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE NATIONAL SECURITY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Mantsurov A.Y., senior lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law

In the article of analysis of regulations and scientific papers showing particular administrative and legal status of the national security agencies of the People's Republic of China.

Keywords: national security; the protection of state secret; Ministry of State Security; the State Council of the People's Republic of China; combating of terrorism; intelligence activities; counterintelligence activities.

В современных условиях важно точное определение правового положения органов национальной безопасности. Настоящая проблема является актуальной для всех современных государств. Это связано с тем, что роль органов национальной безопасности в деятельности государственного механизма достаточно высока как на уровне влияния на принятие высшими должностными лицами решений по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики, так и на уровне реализации полномочий исполнительно-распорядительного характера.

Различные правовые аспекты деятельности органов национальной безопасности зарубежных стран освещались в работах таких ученых, как М.Ю. Дундуков, В.М. Редкоус, Е.З. Трошкин [1; 2; 3], а также ряда ученых Поднебесной – Сюй Цзянь [4], Чжан Инин, Ли Сяоань, Лю Миньшэн, Ци Шэнли. Так, в книге Ли Лу-

пина «Вооруженные силы и нетрадиционные угрозы безопасности» дана характеристика основным типам нетрадиционных угроз, их влияния на международные отношения и национальную безопасность, раскрыта роль Народно-освободительной армии Китая в борьбе с ними. Вместе с тем в данных работах были затронуты далеко не все аспекты правового регулирования деятельности органов национальной безопасности зарубежных государств. Научные исследования, посвященные изучению правовых основ организации и деятельности органов национальной безопасности КНР, в России вовсе не проводились.

Рассмотрим особенности правовой основы организации и деятельности органов национальной безопасности Китайской Народной Республики. Под правовой основой будем понимать совокупность нормативных правовых актов, устанавливающих систему органов национальной безопасности КНР и регулирующих их деятельность. Правовую основу организации и деятельности органов национальной безопасности составляют преимущественно нормы конституционного и административного права. Это связано в первую очередь с тем, что деятельность органов национальной безопасности КНР носит публично-правовой характер и направлена на защиту основ конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства, прав и свобод человека и гражданина от внешних и внутренних угроз.

Деятельность органов национальной безопасности КНР регулируется законами, принимаемые Всекитайским собранием народных представителей КНР и Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей КНР; нормативными правовыми актами Государственного совета КНР (временные законы по делегированию полномочий Государственному совету на их издание высшими законодательными органами, акты Государственного совета, принимаемые в осуществлении своих конституционных полномочий, которые имеют подзаконный характер); законами местного характера, принимаемыми собраниями народных представителей и их постоянными комитетами; правилами министерств и комитетов Государственного совета КНР (носят подзаконный характер). Кроме того, в соответствии с законодательством КНР правотворчеством в военной сфере обладает Центральный военный совет КНР. Данный орган на практике является партийно-государственным. Вместе с тем главные штабы ЦВС, рода войск, военные округа могут, в соответствии с законодательством КНР и принятым Центральным военным советом КНР законодательством в военной сфере, решениями и приказами в пределах своей компетенции принимать правила в военной сфере. Все эти нормативные правовые акты принимаются только в вооруженных силах, и только Центральный военный совет КНР имеет право их изменять или отменять.

Ведущую роль в системе спецслужб КНР играет Министерство государственной безопасности. Общее руководство и контроль за деятельностью МГБ КНР осуществляет Центральный комитет Коммунистической партии Китая. В соответствии с Законом КНР «О контрразведке» [5] основными направлениями деятельности МГБ КНР являются разведка, контрразведка, защита политического и государственного строя, общественного порядка и важных государственных объектов.

Целями и задачами МГБ КНР являются:

1) осуществление контрразведывательных функций на территории страны, предотвращение или пресечение подрывной деятельности иностранных спецслужб против КНР;

2) добывание разведывательной информации, касающейся потенциальных противников Китая;

3) добывание иностранных передовых технологий во всех отраслях, в том числе в военной и военно-технической;

4) обеспечение государственных интересов во внешней политике, бизнесе и торговле;

5) участие в борьбе с международным терроризмом;

6) контроль за группами китайских студентов и диссидентов, пребывающими за границей;

7) участие в охране государственной границы.

Структурно МГБ КНР состоит из бюро агентурной разведки на территории Китая; бюро зарубежных операций; бюро операций в Гонконге, Макао, Тайване; бюро оперативно-технического обеспечения; бюро координации региональных отделов МГБ КНР; бюро контрразведки; бюро обработки и анализа поступающих разведывательных данных; института современных международных отношений; управления собственной безопасности, координации особых отделов в Народной освободительной армии Китая; бюро сбора научно-технической информации; бюро радиоэлектронной разведки и компьютерной безопасности; бюро иностранных дел, информационного агентства Синьхуа.

Характеризуя в целом современную систему специальных служб КНР, можно выделить следующие особенности: жесткий контроль за деятельностью со стороны Коммунистической партии Китая; наличие сложной системы руководящих и координирующих органов, осложняющих взаимодействие между специальными службами, находящимися в подчинении Министерства обороны КНР и Министерства общественной безопасности КНР (в структуру МОБ КНР входит департамент разведки и контрразведки); диверсификация полномочий в деятельности МГБ КНР и МОБ КНР и др.

Выделим особенности правовых основ организации и деятельности органов национальной безопасности КНР.

Правовое положение китайских спецслужб, система контроля и подотчетности опираются на нормы Конституции КНР [6]. Органы национальной безопасности КНР полностью подконтрольны ЦК КПК, Центральному военному совету КНР и Государственному совету КНР, которые осуществляют общее руководство разведывательной и контрразведывательной деятельностью.

Важнейшее место в деятельности органов национальной безопасности КНР уделяется защите государственной тайны. Данный аспект регулируется Законом КНР «О защите государственной тайны» [7], Постановлением Государственного совета КНР от 17 января 2007 г. № 492 «Об утверждении Положения о рассекречивании правительственной тайны» [8], приказами Государственного управления по защите государственной тайны при Государственном совете КНР от 25 мая 1990 г. № 1 «О мерах по реализации Закона КНР «О защите государственной тайны» [9], от 9 марта 2014 г. № 1 «Об утверждении временного положения об Управлении государственной тайны» [10]. Основополагающим нормативным правовым актом института государственной тайны является Закон КНР «О защите государственной тайны», который регулирует отношения, возникающие в связи с отнесением сведений к государственной тайне, их рассекречиванием и защитой в интересах обеспечения национальной безопасности КНР.

Большое внимание китайские законодатели уделяют вопросам правового регулирования борьбы с терроризмом (одно из направлений деятельности органов национальной безопасности КНР). Так, 27 октября 2014 г. на одиннадцатой сессии Постоянного комитета ВСНП КНР двенадцатого созыва был рассмотрен законопроект Закона КНР «О борьбе с терроризмом» [11]. Настоящий законопроект вырабатывает активную антитеррористическую политику, так как он позволяет применять силовые меры для предотвращения терактов.

В заключение подчеркнем, что знание особенностей правовых основ организации и деятельности органов национальной безопасности КНР необходимо для совершенствования правовой основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также для совершенствования взаимодействия между правоохранительными органами и спецслужбами России и Китая по реализации общих задач в области национальной безопасности.

Литература

1. Дундуков М.Ю. Разведка в государственном механизме США. М.: Кучково поле, 2008.

3. Редкоус В.М. Законодательное обеспечение национальной безопасности в государствах-участниках СНГ и его учет в российских условиях: монография. Пятигорск, 2008.

2. Трошкин Е.З. Секреты французской разведки / под ред. С.В. Лекарева. М.: ООО «Комментарий», 2003.

4. 徐坚 «非传统安全问题与国际安全合作», «当代亚太» 2003年第3期. Сюй Цзянь. Нетрадиционные вопросы безопасности и сотрудничество в области обеспечения международной безопасности // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. 2003. № 3 (пер. А.Ю. Манцурова).

5.中华人民共和国反间谍法（2014年11月1日第十二届全国人民代表大会常务委员会第十一次会议通过）. URL: http://www.mps.gov.cn Закон КНР «О контрразведке» (принят на 11-й сессии Постоянного комитета ВСНП КНР двенадцатого созыва 1 ноября 2014 г., обнародован Указом Председателя КНР от 1 ноября 2014 г. № 16) (пер. А.Ю. Манцурова).

6. 中华人民共和国宪法. 北京: 2013. 共51页. Конституция КНР. Пекин, 2013.

7. 中华人民共和国保守国家秘密法（1988年9月5日第七届全国人民代表大会常务委员会第三次会议通过）URL: http://www.mps.gov.cn Закон КНР «О защите государственной тайны» (принят на 3-й сессии Постоянного комитета ВСНП КНР седьмого созыва 5 сентября 1988 г., обнародован Указом Председателя КНР от 5 сентября 1988 г. № 28) (пер. А.Ю. Манцурова).

8. 中华人民共和国国务院令第492号令从2007年1月17日 «中华人民共和国政府信息公开条例» (已经2007年1月17日国务院第165次常务会议通过，现予公布，自2008年5月1日起施行) URL: http://www.mps.gov.cn Постановление Государственного совета КНР «Об утверждении Положения о рассекречивании правительственной тайны» (принято 17 января 2007 г. на 165-м заседании Государственного совета КНР, опубликовано и применяется с 1 мая 2008 г.) (пер. А.Ю. Манцурова).

9. 国家保密局第1号令从1990年5月25日 «中华人民共和国保守国家秘密法实施办法» (失效日期2014年3月1日) URL: http://www.mps.gov.cn Приказ государственного управления по защите государственной тайны при Государственном совете КНР от 25 мая 1990 г. № 1 «О мерах по реализации Закона КНР «О защите государственной тайны» (с изм. и доп. от 1 марта 2014 г.) (пер. А.Ю. Манцурова).

10. 国家保密局第1号令从2014年3月9日 «国家秘密定密管理暂行规» URL: http://www.mps.gov.cn Приказ государственного управления по защите государственной тайны при Государственном совете КНР от 9 марта 2014 г. № 1 «Об утверждении временного положения об Управлении государственной тайны» (пер. А.Ю. Манцурова).

11. 反恐怖主义法（草案）(2014年10月27日第十二届全国人大常委会第十一次会议初次审议了) URL: http://www.mps.gov.cn. Проект Закона КНР «О борьбе с терроризмом» (11-я сессия Постоянного комитета ВСНП КНР двенадцатого созыва 27 октября 2014 г.) (пер. А.Ю. Манцурова).

УДК 331.556

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Куликова К.А., адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России

В статье рассматриваются основные изменения в законодательстве Российской Федерации, регулирующие правоотношения в сфере трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовая миграция; регулирование; управление; миграционные потоки; совершенствование.

ABOUT PERFECTION OF LEGISLATION OF RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF LABOR MIGRATION

Kulikova K.A., post graduate of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

Basic changes in the legislation of Russian Federation, regulative legal relationships in the field of labor migration are examined.

Keywords: labor migration; regulation; management; migratory streams; perfection.

В условиях глобализации отмечается возрастание роли трудовой миграции в мировой экономике. В современном Российском государстве трудовая миграция является одной из важнейших подсистем народонаселения и экономики, а ее регулирование – сложной и злободневной задачей государства [3, с. 26]. И от того, насколько государство справляется с задачей привлечения необходимого количества и качества мигрантов, во многом зависят темпы его социально-экономического развития, качественный уровень жизни населения, национальная безопасность и территориальная целостность.

По данным ФМС России, в 2014 г. в Российскую Федерацию въехали по разным причинам 17 281 971 иностранных граждан [4], что составляет около 11, 8% относительно всего населения страны, или в 2,8 раза превышает население Дальневосточного федерального округа.

Масштабы миграционных потоков, их структура и направление, а также качественный состав прибывающих иностранных граждан в настоящее время не отвечают стратегическим и текущим национальным интересам России.

Ряд проблем возникает в связи со значительными масштабами нелегальной миграции и незаконной занятости иностранных граждан, которые формируются в основном за счет стихийно прибывающих в Россию мигрантов из стран СНГ и усиливают давление на национальный рынок труда низкоквалифицированной рабочей силой. Использование такой низкооплачиваемой рабочей силы работодателями приводит к существенным потерям для бюджета государства из-за неуплаты должным образом налогов и отчислений в социальные фонды. Нелегальная миграция способствует распространению нечестной конкуренции, порождает огромный оборот теневых отношений, создавая неконтролируемый рынок товаров и услуг. Также в результате масштабной незаконной миграции в стране и высокого уровня заболеваемости мигрантов различными инфекционными болезнями возрастают риски осложнения санитарно-эпидемиологической обстановки в стране [1, с. 27]. Кроме того, низкий уровень образования, знания русского языка и культуры страны у приезжающих иностранных граждан является одной из при-

чин усиления негативного отношения к ним со стороны населения России, а также барьером при адаптации мигрантов, что ведет к росту социальной напряженности в обществе, возникновению межэтнических конфликтов. Отсутствие должного миграционного учета создает сложность в привлечении мигрантов к ответственности, что оказывает прямое воздействие на общую криминогенную обстановку в стране. Существующая ранее система квотирования рабочих мест для иностранных граждан также имела ряд недостатков, породив собой коррупционное поведение в первую очередь со стороны самого работодателя.

Однако, несмотря на существующие проблемы, Российская Федерация сегодня не может просто отказаться от мигрантов, так как трудовая миграция является одним из источников увеличения демографического потенциала, существенно влияет на изменение количественных и качественных показателей трудовых ресурсов, а привлечение квалифицированной рабочей силы необходимо для дальнейшего поступательного развития национальной экономики государства [1, с. 26]. Для реализации заложенного положительного потенциала трудовой миграции необходимо усиление управляющей роли государства, а также постоянное совершенствование законодательства, регулирующего правоотношения трудовых миграционных процессов.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. [6] указывал на необходимость упорядочивания приема на работу иностранных граждан, прибывающих в Россию в безвизовом порядке. Ранее, в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г., Президентом была поставлена задача по ограничению массовой неквалифицированной трудовой миграции в стране [5]. Кроме того, в принятой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [2] на первом этапе вопросы совершенствования миграционной политики направлены в основном на иностранную трудовую миграцию.

В настоящее время в миграционной политике Российской Федерации наметились существенные изменения, направленные на урегулирование вышеуказанных проблем.

Так, 1 января 2015 г. вступил в законную силу Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], который внес изменения в базовое законодательство, регулирующее данную сферу правоотношений.

В частности, перемены коснулись осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами, прибывшими на территорию Российской Федерации в безвизовом порядке.

В целях борьбы с масштабной нелегальной миграцией и незаконным привлечением иностранной рабочей силы была введена административная ответственность для иностранных граждан и работодателей за нарушение миграционного законодательства РФ в сфере труда.

Актуальнейшая проблема существования теневого рынка торговли квотами на иностранную рабочую силу и разрешениями на работу решена полной заменой существующей системы на разрешительный порядок получения патента, с передачей полномочий по управлению институтом патента высшему должностному лицу субъекта РФ. Вместе с тем в целях повышения уровня образовательных и профессионально-квалифицированных характеристик мигрантов, которые собираются трудиться на территории нашей страны, была введена обязательная сдача экзамена на знание русского языка, основ российского права и истории.

В целях снижения уровня криминогенной обстановки в стране**,** а также предупреждения, выявления и противодействия преступлениям, совершаемым рабочими-мигрантами, внесены изменения в Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» – установлена обязательная дактилоскопия всех иностранных граждан, обратившихся с заявлением о получении патента, а также в Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации» – упорядочена сокращенная процедура реагирования должностных лиц на факты возможных нарушений законодательства РФ в сфере миграции.

Анализ последних законодательных изменений позволяет сделать вывод о том, что в целом современное миграционное законодательство направлено не на ужесточение правил, а на установление достаточно логичных требований, защищающих как права трудящегося иностранного гражданина, так и саму государственную систему страны. Уже сегодня ясно, что Российская Федерация последними мерами государственного регулирования, несомненно, упорядочила основные вопросы трудовой миграции, благодаря чему общая ситуация в стране не ухудшается, а наоборот, создается баланс сил. Однако российскому законодателю еще только предстоит оценить результаты, полученные в ходе правоприменения нового законодательства.

Литература

1. Гришанова А.Г., Красинец Е.С. Трудовая миграция и миграционная политика в современном российском обществе // Миграционное право. 2014. № 1.

2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 26.02.2015).

3. Музыченко П.Б. О необходимости совершенствования управления миграцией в Российской Федерации // Российская юстиция. 2013. № 3.

4. Официальные статистические данные. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2014 год. URL: http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/110975/ (дата обращения: 28.02.2015).

5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 декабря.

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. URL: http://news.kremlin.ru/transcripts/19825 (дата обращения: 24.02.2015).

7. Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 27 ноября.

УДК 342.9

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Антонова Л.Б., старший преподаватель
Воронежского института МВД России

В статье показана зависимость эффективности административной ответственности от неотвратимости наказания. Автор отмечает объективную невозможность в условиях сокращения численности сотрудников дорожно-патрульной службы и растущей численности участников дорожного движения обеспечить эффективный уровень выявления и пресечения правонарушений в этой сфере. Для обеспечения выявления и фиксации таких

правонарушений предлагается активно вовлекать в этот процесс самих участников дорожного движения.

Ключевые слова: административное правонарушение; эффективность ответственности; неотвратимость наказания.

ABOUT THE EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENCES IN THE FIELD OF TRAFFIC AT THE PRESENT STAGE

Antonova L.B., senior lecturer of the Voronezh Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the dependence of the efficiency of administrative responsibility from the inevitability of punishment. The author notes objective impossibility in terms of reduction of number of employees of traffic police and the growing number of road users to ensure the effective level of the detection and suppression of offences in this area. To ensure detection and fixation of such offences are encouraged to actively involve themselves in the process of road users.

Keywords: administrative offence; the effectiveness of the liability; the inevitability of punishment.

Целью установления ответственности, в том числе и ответственности административной, является обеспечение надлежащего порядка в соответствующих сферах жизни общества. В сфере безопасности дорожного движения на территории России такими целями являются обеспечение охраны жизни, здоровья и имущества граждан, защиты их прав и законных интересов, защиты интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий. Органы государственной власти и местного самоуправления осуществляют комплекс самых разнообразных мер для достижения этих целей. Одной из таких мер является установление административной ответственности за нарушения в области дорожного движения.

Несмотря на это, состояние дел в области безопасности дорожного движения в нашей стране оставляет желать лучшего. Так, в Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» [2] отмечено, что ежегодно в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий погибают и получают ранения свыше 270 тыс. человек. На 100 тыс. жителей в дорожно-транспортных происшествиях в России гибнет почти в 5 раз больше человек, чем в Нидерландах, и в 2 раза больше, чем в Чехии, уровень автомобилизации в которой почти в 2 раза выше российского.

Во многом это объясняется общим низким уровнем правосознания участников дорожного движения в нашей стране, слабым уровнем знания правил дорожного движения, пренебрежением, а нередко и откровенным отрицанием ими необходимости руководствоваться данными правилами. Применяемые государственными органами и должностными лицами меры административного принуждения часто оцениваются участниками дорожного движения как необоснованное нарушение их неотъемлемых прав и законных интересов.

Владельцы транспортных средств активно противодействуют попыткам наведения порядка на дорогах. Речь идет о массовом снятии или сокрытии различными способами государственных номерных знаков от систем фотовидеофиксации административных правонарушений; создании и постоянном обновлении баз данных для электронных устройств навигации, раскрывающих расположение,

тип и алгоритмы работы таких систем (например, на сайте mapcam.info/speedcam); создании систем оповещения о работе служб автоэвакуации [3]; установки специальных устройств, препятствующих работе автоэвакуатора. Активно используются пробелы в правовом регулировании. Например, вместо специальных тонирующих стекла передних дверей автомобиля пленок стали использовать раздвижные шторки и быстросъемные экраны. Чтобы избежать штрафов за нарушения, фиксируемые техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, транспортные средства оформляют на детей, не достигших возраста административной ответственности.

К тому же в результате проведенной в 2009-2011 гг. в Российской Федерации реформы органов внутренних дел численность личного состава последних была значительно сокращена. Повышенная нагрузка на оставшихся сотрудников влечет за собой высокий уровень некомплекта и текучки кадров. Начавшееся с 1 февраля 2015 г. дальнейшее сокращение на 10% штатной численности личного состава МВД России ситуацию в направлении борьбы с административными правонарушениями, безусловно, не улучшит.

В условиях, когда большое количество правонарушений остается вне поля зрения правоохранительных органов, цели и частного, и общего предупреждения противоправного поведения на дорогах достигаются не в полной мере.

Постепенно расширяющаяся и совершенствующаяся сеть технических средств автоматического контроля за дорожным движением не может полностью заменить человека с жезлом на дороге. Во-первых, имеющихся комплексов крайне мало, в связи с чем они устанавливаются, как правило, в наиболее аварийно опасных местах. Во-вторых, работающие в автоматическом режиме технические средства могут фиксировать не все нарушения правил дорожного движения. В-третьих, как правило, технические средства способны выявлять и фиксировать нарушения на сравнительно небольших участках дорог, что позволяет нарушителям избегать ответственности, например, своевременно снизив скорость движения перед известной им камерой. В-четвертых, еще не налажено необходимое оперативное взаимодействие стационарных технических средств и личного состава подразделений ДПС в случаях, когда требуется задержание нарушившего правила дорожного движения водителя (к примеру, когда фиксируется движение транспортного средства с отсутствующими, скрытыми или нечитаемыми регистрационными знаками).

К сожалению, приходится констатировать, что к настоящему времени отмечены случаи вмешательства в работу камер фотовидеофиксации. Например, администраторами соответствующего программного обеспечения корректировались базы данных государственных регистрационных знаков с тем, чтобы дорожные комплексы фотовидеофиксации игнорировали отдельные автомобили государственных служащих и бизнесструктур наравне с теми транспортными средствами, водители которых имеют право на отступление от правил дорожного движения (транспортные средства специальных служб, общественного транспорта и такси при движении по выделенным полосам) [1].

В условиях, когда не обеспечена ключевая составляющая эффективности любого вида ответственности – ее неотвратимость, нельзя говорить о каком-либо приемлемом уровне эффективности административной ответственности за нарушения в области дорожного движения в Российской Федерации. Существенно повысить уровень частного и общего предупреждения противоправного поведения на дорогах можно, лишь убедив большинство участников дорожного движения в очень высокой вероятности привлечения к ответственности за такое поведение. Единственным экономически приемлемым в настоящее время способом достижения этой цели может быть вовлечение в процесс выявления и фиксации наруше-

ний самих участников дорожного движения. При этом нужно исходить из того, что использование старых методов вовлечения общественности в борьбу с правонарушениями, например, не имеющих никаких реальных полномочий и работающих практически на одном энтузиазме добровольных народных дружин, необходимого результата сегодня дать уже не может. В настоящий момент реальным стимулом может стать возможность получения материального вознаграждения за каждое выявленное и зафиксированное административное правонарушение. На эти цели можно направлять часть взыскиваемых с нарушителей штрафов, а еще лучше взыскивать с нарушителя не только штраф, пусть даже самый минимальный, но и фиксированную в зависимости от опасности нарушения сумму в пользу каждого сообщившего о правонарушении и зафиксировавшего его с помощью видеозаписи лица. В этом случае средства, подлежащие выплате правонарушителем, могут составить очень значительные суммы, которые многих заставят отказаться от противоправного поведения на дороге. Кроме того, в этом случае ответственность будет более соответствовать уровню общественной опасности совершенного деяния, так как фиксация нарушения большим количеством людей объективно свидетельствует о том, что нарушение либо было совершено в условиях плотного дорожного трафика, либо длительным во времени (например, стоянка в запрещенном для этого месте). Безусловно, также необходимо обеспечить оперативное исключение из действующего законодательства «белых пятен», позволяющих избегать административную ответственность или препятствовать применению мер обеспечения.

Литература

1. Генпрокуратуру просят проверить «честность» дорожных камер // Известия. 2015. 28 января.

2. Постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. № 864 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» (в ред. от 06.11.2014). URL: http://www.pravo.gov.ru

3. Пышечкин И. Уезжай, а то увезут. Водители объединились против эвакуаторов // Российская газета. 2015. 12 февраля.

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА (НА ПРИМЕРЕ УМВД РОССИИ ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ)

Примаченко В.В., начальник отдела организации применения административного законодательства УОООП
УМВД России по Хабаровскому краю

В статье проводится анализ законодательства, ограничивающего проведение азартных игр, рассмотрены проблемы пресечения административных правонарушений в данной сфере, внесены предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: азартные игры; незаконный игорный бизнес; игорное оборудование; лотерея; биржа; терминал; законодательная инициатива.

TOPICAL ISSUES OF SUPPRESSION OF GAMBLING (FOR EXAMPLE, THE MOI OF RUSSIA IN KHABAROVSK KRAI)

Primachenko V.V., chair head of the MOI of Russia in Khabarovsk territory

In the article the analysis of laws restricting gambling, deals with the problems of suppression of administrative offences in this area, proposals for improvement of legislation.

Keywords: gambling; illegal gambling; gambling equipment; lottery; exchange; terminal; legislative initiative.

С 1 января 2015 г., со вступлением в силу Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [1], в России ужесточена ответственность за нелегальную организацию и проведение незаконных азартных игр.

Данные законодательные изменения дополняют систему мер, принимаемых российским законодателем, и одновременно отражают чрезвычайную живучесть и изворотливость нелегального игорного бизнеса.

В Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [3] определены правовые основы государственного регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр и установлены ограничения на осуществление данной деятельности в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан. Его действие не распространяется на деятельность бирж и на организацию и проведение лотерей, деятельность которых регламентируется федеральными законами от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах» [2] и от 11 ноября 2003 г. № 138-ФЗ «О лотереях» [4]. Согласно данным федеральным законам, функциями контроля за деятельностью бирж и лотерей полиция не наделена, полномочий по составлению административных правонарушений в данной сфере сотрудники полиции не имеют. Правом составлять протоколы об административном правонарушении по ст. 14.27 КоАП РФ «Нарушение законодательства о лотереях» наделены сотрудники Федеральной налоговой службы.

Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ вступил в силу с 1 января 2007 г., при этом игорные заведения, соответствующие установленным требованиям, до 30 июня 2009 г. вправе были продолжить свою деятельность без получения разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне. С 1 июля 2009 г. в России была запрещена работа казино и игорных заведений, за исключением специально созданных игорных зон. Территория Хабаровского края в перечень игорных зон не входит.

Несмотря на запрет, игорный бизнес продолжает свою работу, маскируясь под интернет-кафе, лотерейные клубы, развлекательные аттракционы, биржи.

До 1 июля 2014 г., то есть до вступления в Федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 138-ФЗ «О лотерее» изменений, которые запрещают все виды негосударственных лотерей, организаторы игорной деятельности маскировали свой бизнес под проведение мгновенных, стимулирующих и иных лотерей. Перечень уловок столь прибыльного бизнеса не является исчерпывающим и постоянно обновляется.

Практический опыт пресечения правонарушений в данной сфере, проводимый анализ оперативной обстановки в районах функционирования подпольных игровых заведений наглядно демонстрируют более широкий уровень социального вреда, приносимого бизнесом, выстроенным на эксплуатации азартности людей. Непреодолимое желание отдельных граждан во что бы то ни стало улучшить свое материальное положение нередко перерастает в преступные устремления. Параллельно и стремительно развиваются криминальные составляющие данного бизнеса, такие как незаконный оборот наркотиков, краденого имущества, фиксируется рост преступлений в прилегающих общественных местах. Как правило, подполь-

ные заведения функционируют в условиях антисанитарии, многократно возрастают угрозы заболеваний туберкулезом для лиц, их посещающих.

Во многом эффективность пресечения данных правонарушений определяется активной жизненной позицией граждан, оказывающих добровольную помощь правоохранительным органам в выявлении таких адресов.

Сотрудниками отдела ОПАЗ УОООП УМВД России по Хабаровскому краю наработан положительный опыт документирования административных правонарушений в сфере нелегальной игорной деятельности, изобличения нарушений закона в судах, реализации решений судов, например, уничтожения игорного оборудования. Практические наработки успешно внедрены в ряде территориальных органов внутренних дел.

На практике процедура доказывания незаконной игорной деятельности является крайне сложной и долговременной. Временные затраты обусловлены процедурами надлежащего уведомления. В это время осуществляется хранение изъятого игорного оборудования, соответственно обращают на себя внимание издержки полиции при осуществлении мер обеспечения административного производства. Требуются новые прозрачные и эффективные правовые нормы не только в области привлечения к уголовной и административной ответственности, но и в иных отраслях права: информационного, налогового, гражданского и т.д.

В настоящее время отделом ОПАЗ УОООП УМВД России готовятся предложения по внесению изменений в законодательство. В частности, они касаются введения обязательной регистрации (сертификации) различных терминалов и ведения специализированных реестров разрешенных к деятельности терминалов с привязкой их регистрированного номера (сертификата) и места функционирования. На наш взгляд, реализация данного предложения обеспечит прозрачность деятельности легальных терминалов и прекратит практику маскировки игрового оборудования под биржевые, платежные и другие терминалы. Одновременно это позволит исключить налоговые нарушения.

Во второй половине 2014 – начале 2015 г. отделом ОПАЗ внесено еще одно предложение. Так, ч. 1 ст. 14.1.1 КоАП РФ предусмотрена обязательная конфискация игрового оборудования. Вместе с тем в соответствии с ч. 4 ст. 3.7 КоАП РФ конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, принадлежащих на праве собственности лицу, не привлеченному к административной ответственности за данное административное правонарушение и не признанному в судебном порядке виновным в его совершении, не применяется, за исключением административных правонарушений в области таможенного дела (нарушения таможенных правил), предусмотренных гл. 16 КоАП РФ. Исходя из положений данной нормы, при рассмотрении дел об административных правонарушениях по ст. 14.1.1 КоАП РФ, в случае, если лицо, привлекаемое к административной ответственности, не является собственником данного игрового оборудования, данное оборудование подлежит возврату собственнику.

Игорное оборудование, возвращенное по решению суда, позволит функционировать незаконным игорным учреждениям на территории края, что в целом способствует осложнению оперативной обстановки, связанной с имущественной безопасностью граждан и ростом сопутствующих правонарушений.

На основании вышеизложенного в целях профилактики совершения фактов организации и проведения азартных игр отделом ОПАЗ подготовлено предложение в Законодательную думу Хабаровского края для последующего направления законодательной инициативы в Государственную Думу Российской Федерации о внесении дополнений в ч. 4 ст. 3.7 КоАП РФ, а именно после слов «за исключением административных правонарушений» добавить слова «в области организации и проведения азартных игр, предусмотренных статьей 14.1.1 настоящего Кодекса».

Данное предложение получило положительную оценку на заседании общественного совета УМВД России по Хабаровскому краю и поддержано руководством Управления. В адрес УМВД России по краю из Законодательной думы края уже поступил ответ, в котором отмечена актуальность обращения и содержится уведомление о проводимой подготовке указанной законодательной инициативы в Государственную Думу Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон от 22 декабря 2014 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 138-ФЗ «О лотереях». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 342.9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ ИНФОРМАЦИИ ЭРОТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ПО ФЕДЕРАЛЬНОМУ И РЕГИОНАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Рыдченко К.Д., старший преподаватель Воронежского института МВД России кандидат юридических наук

В статье рассматриваются отдельные проблемы административно-правовой защиты детей от информации эротического характера по федеральному и региональному законодательству. Автором внесено предложение о приведении регионального административно-деликтного законодательства в соответствие с КоАП РФ.

Ключевые слова: несовершеннолетний; сведения эротического характера; информационная безопасность детей; региональное и федеральное законодательство.

SOME PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE-LEGAL PROTECTION OF CHILDREN FROM EROTIC CHARACTER INFORMATION BY FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION

Ridchenko K.D., senior lecturer of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia *Kandidat nauk* degree in Law

In the article some problems of administrative-legal protection of children from information of erotic character by federal and regional legislation are discusses. Alignment of a regional administrative tort legislation with the Code of Administrative Offences, are proposed.

Keywords: juvenile; erotic character information; information security of children; regional and federal legislation.

Принятие 29 декабря 2010 г. Федерального закона № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [4] и последу-

ющее за этим реформирование российского административно-деликтного законодательства повлекло определенные проблемы правоприменения, связанные с конфликтом правовых норм федеральных и региональных законов. Целью настоящей статьи является соотнесение составов административных правонарушений, предусмотренных:

- ст. 6.17 КоАП РФ «Нарушение законодательства РФ о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию»;

- статьей закона субъекта РФ об административных правонарушениях, предусматривающей ответственность за нарушение правил распространения эротической продукции (на примере ст. 19 Закона Воронежской области от 31 декабря 2003 г. № 74-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Воронежской области» [2][*]).

Административное правонарушение по закону Воронежской области корреспондируется с положениями Закона Воронежской области от 26 октября 1995 г. № 30-З «О порядке распространения эротической продукции на территории Воронежской области» [1] и влечет достаточно серьезное материально-финансовое наказание – административный штраф для граждан в размере от 200 до 2 000 рублей, для должностных лиц – от 3 000 до 5 000 рублей, для юридических лиц – от 30 000 до 50 000 рублей.

Статья 6.17 КоАП РФ, в свою очередь, опирается на нормы ФЗ № 436 и предусматривает административное наказание: для граждан – административный штраф от 2 000 до 3 000 рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; для должностных лиц – от 5 000 до 10 000 рублей; для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от 5 000 до 10 000 рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; на юридических лиц – от 20 000 до 50 000 рублей с конфискацией предмета административного правонарушения или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток. Следует отметить, что санкция статьи КоАП РФ имеет более широкий, а следовательно, и более действенный инструментарий.

Несмотря на общность регулируемых правоотношений, Федеральный закон № 436 и Закон Воронежской области № 30 имеют концептуально разные подходы к определению средства негативного информационного воздействия. Если в региональном законе речь идет об эротической продукции, то федеральный законодатель говорит о непристойной информации независимо от формы ее закрепления.

Так, статья 5 Федерального закона относит к запрещенной для распространения среди детей информацию, содержащую сведения порнографического характера, а к ограниченной в распространении среди детей определенных возрастных категорий – информацию, представляемую в виде изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной. При этом ст. 9 и 10 этого же закона определяются категории информационной продукции, которая может быть доступна для детей:

1) достигших возраста двенадцати лет – не эксплуатирующие интереса к сексу и не носящие возбуждающего или оскорбительного характера эпизодические ненатуралистические изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной, за исключением изображения или описания действий сексуального характера;

[*] Отметим, что в Кодексе Хабаровского края об административных правонарушениях от 24 июня 2009 г. № 256 [3] аналогичный состав правонарушения не обнаружен, в этом субъекте РФ применяется ст. 29 «Осуществление розничной торговли, а также оказание услуг в неустановленных для этих целей местах».

2) достигших возраста шестнадцати лет – не эксплуатирующие интереса к сексу и не носящие оскорбительного характера изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной, за исключением изображения или описания действий сексуального характера.

Далее следует выяснить, что понимается в региональном законе под эротической продукцией. Ответ дается в статье 1 – продукция (газеты, журналы, книги, кино-, видеофильмы, иная продукция), эмоционально воздействующая на сексуальные чувства читателя, зрителя. Очевидно, что данное определение шире трактовки федерального закона, ведь в нем не уточнены такие факторы, как натуралистическое изображение или оскорбительный характер описываемых половых отношений. Более того, «воздействие на сексуальные чувства читателя» – категория сугубо субъективная, наличие которой зависит во многом от психофизиологического состояния конкретного человека. Субъективизм, как известно, неприемлем в правовом регулировании. В связи с этим считаем правильным подход федерального законодателя, который устанавливает режим ограниченного оборота не для продукции, а для информации. Не следует также забывать, что в силу специфических свойств информации она может свободно менять носитель без потери вредоносных качеств.

Вместе с тем говорить о полной бесполезности регионального регулирования в рассматриваемой сфере нельзя, ведь рассматриваемым нормативным актом определяются дополнительные, действующие только на территории Воронежской области правила оборота информации эротического характера:

1) запрет заниматься распространением эротической продукции для несовершеннолетних, а также для физических лиц, предприятий, учреждений и организаций, основным направлением деятельности которых является культурно-просветительная, образовательная или воспитательная деятельность с детьми и подростками (ст. 3);

2) обязанность расположения предназначенных для распространения эротической продукции помещений только в местах, определяемых исполнительными органами местного самоуправления (ст. 4);

3) запрет распространения эротической продукции в доступных для несовершеннолетних местах (на вокзалах и портах, в киосках, с рук и т.д.), а также наравне с иными товарами, не связанными с удовлетворением сексуальных потребностей человека (ст. 4);

4) запрет на размещение специального помещения для распространения эротической продукции ближе 500 метров от отдельных организаций и зданий: учебных и детских организаций; зданий, предназначенных для отправления религиозных обрядов и т.д. (ст. 4);

5) запрет на ознакомление несовершеннолетних с эротической продукцией и нахождение их в специальных помещениях, предназначенных для ее распространения (ст. 6).

Следует отметить, что нормы регионального закона чаще дополняют, нежели противоречат правовым установлениям Федерального закона № 436, что позволяет говорить о стремлении законодателя учесть специфику состояния общественной нравственности в субъекте РФ. Вместе с тем выявленные недостатки, а также тот факт, что в региональный закон не вносились изменения с 2008 г., указывают на необходимость подвергнуть данный нормативный акт правовой ревизии в целях согласования его положений с принятым в 2010 г. Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и конкретизации терминологического аппарата, составляющего базис для определения составов соответствующих административных правонарушений.

Литература

1. Закон Воронежской области от 26 октября 1995 г. № 30-З «О порядке распространения эротической продукции на территории Воронежской области» // Коммуна. 1995. 26 декабря.

2. Закон Воронежской области от 31 декабря 2003 г. № 74-З «Об административных правонарушениях на территории Воронежской области» // Коммуна. 2004. 13 января.

3. Кодекс Хабаровского края об административных правонарушениях от 24 июня 2009 г. № 256 // Приамурские ведомости. 2009. 17 июля.

4. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

УДК 342.9

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБМЕНА В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Нехорошева С.С., адъюнкт Воронежского института МВД России

В статье рассмотрен информационный обмен как способ взаимодействия органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам минимизации семейного неблагополучия, предложены рекомендации по оптимизации рассматриваемой сферы деятельности.

Ключевые слова: органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; статистические формы отчетности.

CERTAIN ASPECTS OF INFORMATION EXCHANGE IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF CHILD NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY

Nehorosheva S.S., post graduate of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article considers the exchange of information as a way of interaction of bodies of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency on the reduction of family dysfunction, the proposed provisions for the optimization of the considered sectors.

Keywords: the bodies of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency; statistical reporting form.

Более двадцати лет в Российской Федерации идет поиск оптимальной модели, которая могла бы обеспечить благоприятные условия для жизни и развития несовершеннолетних, защиты их прав. В 1990 г. нашей страной ратифицирована Конвенция ООН о правах ребенка. Однако до сих пор российское законодательство во многом противоречит международным правовым актам и не решает проблем, порождаемых межведомственной раздробленностью, отсутствием целевых источников финансирования, системы государственного управления и контроля за исполнением законодательных и нормативных актов, обеспечивающих защиту прав детей.

Необходимость построения более эффективной согласованной системы органов, занимающихся проблемами профилактики семейного неблагополучия и профилактики правонарушений среди лиц, не достигших восемнадцатилетия, подчеркивается многими учеными. Кроме того, на данное обстоятельство указы-

вают и многочисленные изменения в законодательстве, регламентирующем функционирование системы предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, как на федеральном, так и на местном уровне.

В частности, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 435-ФЗ «О внесении изменений в статью 31 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3] был расширен перечень органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В него в настоящее время входят: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов РФ, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции).

Подобное нововведение, по нашему мнению, объективно. В территориальные органы дознания МВД России в 2013 г. поступило почти вдвое больше сообщений о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в 2014 г. тенденция увеличения количества таких сообщений продолжилась. Органами Следственного комитета Российской Федерации, расследующими большую часть уголовных дел данной категории, в суды направлено 1587 уголовных дел о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков, что в 2 раза превышает данный показатель 2012 г. [1]. При этом формы статистического наблюдения не позволяют проанализировать реальную картину с распространением наркомании среди детей и подростков, а также их родителей.

А органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в пределах своей компетенции обязаны:

- обеспечивать соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних;

- осуществлять их защиту от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации;

- выявлять несовершеннолетних и семьи, находящиеся в социально опасном положении;

- незамедлительно информировать соответствующие органы системы о подобных фактах.

В настоящее время в нарушение требований ст. 23.2 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2], введенной Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 435-ФЗ, территориальными органами по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ еще не организовано взаимодействие с иными органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

На наш взгляд, Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков при организации и законодательной регламентации данного взаимодействия на своем ведомственном уровне следует закрепить положение об обязательном информировании о фактах выявления лиц, совершивших преступления или административные правонарушения, связанные с незаконным оборотом

наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, которые имеют несовершеннолетних детей. Это касается и уголовных дел, и административных правонарушений, выявляемых полицией. Данная информация позволит вовремя начать и качественнее проводить профилактическую работу с данной категорией граждан, ведь ведущая роль в формировании личности несовершеннолетнего принадлежит семье. Именно семья с первых дней жизни берет на себя всю заботу о ребенке, его здоровье, воспитании, жизни. Семья дает детям первоначальные знания об окружающем мире, руководит ими и вырабатывает определенные представления и навыки.

Если проанализировать статистические формы отчетности Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и Министерства здравоохранения, то вышеуказанных показателей мы не обнаружим. Между тем они могли бы помочь увидеть полную картину о семьях, находящихся в социально опасном положении. Данная форма взаимодействия представляет собой, в общем смысле, совокупность методов формирования фактических данных, которые при их сравнении и объективной оценке позволят принять решения.

Важно подчеркнуть, что особое значение в вопросе профилактики семейного неблагополучия приобретает вовремя полученная информация, поскольку своевременная нейтрализация, последовательная его профилактика обеспечивает возможность предупреждения преступлений и иных правонарушений в отношении несовершеннолетних. Взаимный обмен информацией между субъектами в большинстве случаев носит эпизодический характер, что, к сожалению, не позволяет достичь положительных результатов в профилактической работе. Именно поэтому в Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», где определяются не только субъекты профилактики, но и их права и обязанности в данной сфере деятельности, должны быть закреплены и конкретные полномочия органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Литература

1. Результаты проверки исполнения законодательства, направленного на профилактику наркомании, противодействие незаконному потреблению и обороту наркотических средств и психотропных веществ среди несовершеннолетних. URL: http://genproc.gov.ru/stat/ (дата обращения: 30.09.2014).

2. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. и доп. на 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

3. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 435-ФЗ «О внесении изменений в статью 31 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7000.

УДК 342.9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Занина Т.М., профессор кафедры кандидат юридических наук, профессор;
Лукина Е.И., адъюнкт
(Воронежский институт МВД России)

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования полномочий субъектов в сфере информационной безопасности несовершеннолетних, особенности определения субъектов профилактической деятельности в данной сфере.

Ключевые слова: информационная безопасность несовершеннолетних; субъекты обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних; профилактика правонарушений.

SOME PROBLEMS OF DETERMINATION OF SUBJECTS CRIME PREVENTION INFORMATION SECURITY MINORS

Zanina T.M., chair professor *Kandidat nauk* degree in Law, professor;
Lukina E.I., post graduate
(Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

This article deals with the legal regulation of the powers of the subjects in the field of information security of minors, particularly the definition of the subjects of preventive activities in this area.

Keywords: information security juvenile; subjects of information security juvenile; delinquency prevention.

Сегодня Российская Федерация находится в условиях интенсивного процесса социальных изменений. Общество, видоизменяясь, приобретает новые формы и структуры, тем самым продуцирует возможные варианты поведения, как допустимого, так и противоправного. Очевидно, что нынешнее состояние нравственности несовершеннолетних обязывает государство использовать все существующие государственно-правовые механизмы защиты несовершеннолетних от деструктивного влияния окружающей среды. В данном аспекте в первую очередь речь идет об обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних, так как в настоящих условиях шквал негативной информации из различных источников имеет наиболее пагубное и негативное влияние на них. Государство же, так же, как и общество, непосредственно заинтересовано в воспитании не только физически, но и нравственно здорового нового поколения. В связи с изложенным очевидна актуальность обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних.

Наиболее важной составляющей модели информационной безопасности несовершеннолетних является определение субъектов, то есть той категории, которая непосредственно влияет на информационную безопасность несовершеннолетних и несет ответственность за ее обеспечение. Руководствуясь Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, следует выделить 3-уровневую систему субъектов информационной безопасности – федеральные органы законодательной, исполнительной и судебной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправле-

ния (т.е. непосредственно государство), общественные объединения, и наконец, собственно граждане, принимающие в соответствии с законодательством Российской Федерации участие в решении задач обеспечения информационной безопасности Российской Федерации [1]. Таким образом, информационная безопасность несовершеннолетних также обеспечивается вышеуказанными субъектами.

В статье 4 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – ФЗ о защите детей от информации) перечислены полномочия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере защиты детей от информации, причем наиболее широкому кругу государственных органов делегируются полномочия по разработке и реализации федеральных целевых программ обеспечения информационной безопасности детей, производства информационной продукции для детей и оборота информационной продукции [4]. А вообще, говоря о субъектах обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних, необходимо принять во внимание тот факт, что после принятия ФЗ о защите детей от информации последовало принятие Постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 859 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части распределения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» [2], согласно которому полномочия, указанные в п. 1-3 ч.1 ст. 4 ФЗ о защите детей от информации, распределены между Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством культуры Российской Федерации. В связи с этим представляется весьма затруднительной реализация предоставленных полномочий перечисленными субъектами, особенно в сфере профилактики.

Разработка и реализация федеральных целевых программ обеспечения информационной безопасности детей, производства информационной продукции для детей и оборота информационной продукции создают безопасную информационно-образовательную среду, обеспечивают сохранение и укрепление нравственного, физического, психологического и социального здоровья детей и молодежи. Для реализации указанных целей необходим разносторонний подход к решаемой проблеме. Однако ФЗ о защите детей от информации ориентирован в большей степени на создание организационно-правовых механизмов защиты детей от распространения информационной продукции, причиняющей вред их здоровью и развитию. Об этом свидетельствует большинство положений данного федерального закона, в которых отражены требования к классификации, обороту, экспертизе информационной продукции. Вместе с тем отсутствуют положения, регламентирующие профилактику у детей и подростков интернет-зависимости, игровой зависимости и правонарушений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, формирование у несовершеннолетних навыков ответственного и безопасного поведения в современной информационно-телекоммуникационной среде через обучение их способам защиты от вредной информации, информационное просвещение граждан о возможности защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Хотя второе направление обеспечения информационной безопасности представляется не только наиболее сложным, но и наиболее эффективным. Как раз в данном направлении огромную роль и должны играть упомянутые в вышеуказанном федеральном законе о защите детей от информации федеральные целевые программы обеспечения информационной безопасности детей, разработка и реализация которых

должна быть отнесена к компетенции целого ряда государственных органов, так и не затронутых в рассматриваемом федеральном законе.

Необходимо учитывать тот факт, что система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних уже существует. В соответствии с ФЗ о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в нее, в числе прочих, входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, органы внутренних дел, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждения уголовно-исполнительной системы [3]. Помимо этого, руководствуясь ст. 12 ФЗ «О полиции», к прямым обязанностям полиции, в том числе, отнесено выявление причин административных правонарушений и условий, способствующих их совершению, принятие в пределах своих полномочий мер по их устранению; участие в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; участие в пропаганде правовых знаний [5].

Таким образом, ФЗ о защите детей от информации не использует уже сформированные государственно-правовые механизмы профилактики правонарушений несовершеннолетних в целях обеспечения их информационной безопасности.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 // Российская газета. 2000. 28 сентября.

2. Постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 859 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части распределения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 44. Ст. 6272.

3. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. и доп. на 31 декабря 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

4. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

Содержание

Пленарные доклады

Николюк В.В. Судебный контроль за исполнением наказаний: смена парадигмы в отечественной правовой доктрине, «болевые точки» правоприменения / **3**

Волков К.А. Судебная практика как фактор укрепления уголовной политики / **8**

Тулиглович М.А. Использование междисциплинарной методологии при исследовании системы уголовно-правового регулирования / **13**

Болдырев В.А. Прекращение полномочий руководителя организации: взаимосвязь норм публичного и частного права / **17**

Антонова Е.Ю. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности малолетних / **20**

Насонова И.А. О производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и дискреционных возможностях его участников / **24**

Жукова С.Л. Обеспечение прав несовершеннолетних в судебных решениях об определении места жительства детей и их имущественных прав / **27**

Садохин В.А. Наделение адвоката полномочиями защитника в установленном порядке – гарантия законности его участия в уголовном деле / **31**

Теоретические и практические вопросы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права

Лопашенко Н.А. О влиянии экономики на уголовное право / **36**

Авдеев В.А., Авдеева О.А. Новеллизация уголовного законодательства в контексте уголовно-правовой реформы в Российской Федерации / **39**

Антонов И.М. К вопросу о понятии пенализации преступлений / **45**

Агильдин В.В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера / **48**

Васютин С.А. К вопросу о неоднократности преступлений / **52**

Забелов А.Ю. К вопросу о понятии провокации преступления в российском уголовном праве / **56**

Чурсина И.В. Уголовная ответственность юридических лиц за превышение полномочий частными детективами и охранниками: возможность законодательной регламентации / **58**

Авдеева Е.В. Доктринальные основы уголовно-правового регулирования свободы личности / **61**

Бойко Н.В. К вопросу о минимальном возрасте уголовной ответственности / **67**

Любимов Л.В., Резникова Е.А. Теоретические и практические аспекты применения возрастной невменяемости / **70**

Осипова Т.В. К вопросу о способах вовлечения в преступную деятельность / **73**

Семикина М.С. Совершенствование законодательства, устанавливающего ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего / **75**

Пляс Д.Г. Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в памятниках русского права / **79**

Тертышникова Е.М. Правовые проблемы определения термина «тело умершего» в контексте статьи 244 Уголовного кодекса РФ / **82**

Ильюк Е.В. Совершение насильственных преступлений лицами с психическими расстройствами: противоречивая оценка законодателя и судебной практики / **85**

Замалеева С.В. Зарубежный опыт законодательной регламентации незаконного медицинского эксперимента / **87**

Петров С.А. Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, в состоянии опьянения / **90**

Кошкина В.В. Итоги введения статьи 159.4 в Уголовный кодекс РФ / **93**

Выходцева С.А. Особенности квалификации незаконной рубки лесных насаждений, совершенных на особо охраняемой природной территории / **97**
Соловьев В.С. Спорные вопросы квалификации получения взятки за незаконные действия / **100**
Заблоцкая А.Г., Третьякова Е.И. Квалификация оборота фальсифицированных лекарственных средств в свете изменений уголовного законодательства / **103**
Зимин Е.В. Объект преступления против правосудия / **106**
Хилюта В.В. Можно ли нематериальные блага признать предметом хищения? / **108**
Тепляшин П.В. Научная презумпция реализации идеи неопределенных приговоров в практике исполнения уголовных наказаний / **112**
Шошин С.В. Неопределенность положений о применении смертной казни в Уголовно-исполнительном кодексе РФ / **116**
Кобец П.Н. Важность криминологического анализа и мониторинга криминальной ситуации для контроля оперативной обстановки в стране / **118**
Самойлюк Н.В. Криминологические аспекты предупреждения преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства / **121**
Баских Е.И. Предупреждение участковым уполномоченным полиции правонарушений и преступлений, совершаемых этническим населением / **125**
Хомик Э.В. Проблемы предупреждения преступлений в семейно-бытовой сфере / **128**
Сукманов О.В. К вопросу о формах реализации методов индивидуального предупреждения преступного поведения / **131**
Ищенко Е.В. Некоторые вопросы правового регулирования профилактики повторной деликтности в подростковой среде / **134**
Беляева Ю.А. Молодежный экстремизм в современном мире как угроза подрастающему поколению, его профилактика / **137**
Королева Д.В. Мировоззрение человека в борьбе с идеологией экстремизма и терроризма в обществе как гарантия национальной безопасности государства / **139**
Перелыгин С.В. Демографическая политика на Дальнем Востоке России как фактор национальной безопасности / **141**

Вопросы раскрытия и расследования преступлений
Кашапов Р.М. Проблемные вопросы обеспечения законности производства предварительного расследования по уголовным делам / **144**
Бочинин С.А. Преюдиция в уголовном процессе России: основные тенденции развития / **147**
Воробей С.Н. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве: достоинства и недостатки, перспективы развития / **151**
Токарева Г.С. Проблемы применения нового института – дознание в сокращенной форме / **154**
Мамошин М.А. Несколько аргументов в пользу необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе / **156**
Костенко К.А. Отказ в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: проблема соблюдения конституционных принципов и гражданских прав личности / **159**
Березина Е.С. Проблемы необоснованного приостановления предварительного следствия / **162**
Харитонов В.Ф. Обжалование действий и решений должностных лиц, производящих расследование, как гарантия соблюдения прав участников уголовного судопроизводства / **166**
Прохорова Т.Л. Восстановление утраченных уголовных дел / **169**
Жидконожкина О.Н. К вопросу о расширении перечня мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых / **172**

Чеснокова Н.А. О некоторых аспектах проведения допроса потерпевшего по уголовным делам о причинении вреда здоровью из хулиганских побуждений несовершеннолетними / **175**
Скоморохов О.Н., Чурсин А.В. Особенности фиксации данных, полученных в ходе осмотра места происшествия по делам о незаконном культивировании наркотических растений / **178**
Чичик А.Ю. Наложение ареста на личное имущество обвиняемого, совершившего налоговое преступление при исполнении обязанностей руководителя юридического лица / **180**
Олейник В.В. Проблемы правового характера, возникающие в процессе взаимодействия органов прокуратуры и органов предварительного следствия / **182**
Захарова В.К. О некоторых особенностях статуса адвоката в уголовном процессе КНР / **184**
Попандопуло Д.В. О порядке рассекречивания постановлений суда, разрешающих проведение негласных оперативно-разыскных мероприятий / **188**
Самоделкин А.С. Координация оперативно-розыскной деятельности и ее виды / **191**
Краснова К.А. К вопросу об использовании технологий психологического воздействия в процессе оперативно-розыскной деятельности / **194**
Болычев Н.И. Детерминанты преступлений экстремистской направленности, совершаемых в сети Интернет, и использование знаний о них в оперативно-розыскной деятельности / **196**
Белохребтов В.С. Проблемы реализации оперативных материалов при выявлении и раскрытии мошенничеств при возмещении НДС / **199**
Усенко О.В. О необходимости разработки оперативно-тактических комбинаций при возбуждении уголовных дел по незаконным организации и проведению азартных игр / **202**
Худицкий П.Е. Методика анализа материалов приостановленного дела о нераскрытом преступлении / **205**
Калдышев А.Н. Паспорт с вырванной страницей / **208**
Киселев Е.А., Казачек Е.Ю. Осмотр места происшествия по делам об убийствах, труп по которым не обнаружен: организационные и тактические аспекты / **212**
Брагер Д.К. К вопросу о принудительном освидетельствовании при расследовании дорожно-транспортных преступлений, совершенных лицами в состоянии опьянения / **215**
Поздняков М.А. Судебная экспертиза как источник доказательств при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, совершенной с использованием иностранных морских судов / **218**
Тайнов С.В., Жердев П.А. Преступления в сфере производства строительных работ как объект криминалистического исследования / **222**
Галкин Д.В. О практическом применении криминалистических прогнозов преступности / **225**

Вопросы теории юридической науки и судебной практики
Древаль Л.Н. О сроках в исполнительном производстве / **229**
Коробейникова Т.С. Обеспечение исполнения контракта, заключаемого для государственных и муниципальных нужд / **231**
Белинская М.П. К вопросу о предупреждении злоупотреблений в системе госзакупок / **234**
Аноприенко К.В. Проблема «легализации» самовольных построек / **236**
Полякова С.А. О применении статьи 306.4 Бюджетного кодекса РФ / **241**
Клепикова А.А. Нововведения в обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика перед пассажиром / **244**

Поспелов Р.Р. Особенности страхования предпринимательского риска на случай нетрудоспособности руководителя и собственника предприятия / **246**
Миловидова А.С. О некоторых направлениях развития отечественного законодательства в свете феномена юридического удостоверения / **250**
Дырда С.Г., Панфилова В.И. О повышении качества высшего юридического образования / **253**
Колесников С.А. Проблемы реализации норм юридической ответственности в судебно-риторическом дискурсе А.Ф. Кони / **257**
Турчина О.В. Реформирование гражданского судопроизводства в свете Концепции единого Гражданского процессуального кодекса / **260**
Мазитов Р.Р. Некоторые вопросы информационного обеспечения деятельности судов общей юрисдикции / **262**
Лучник А.В. О некоторых вопросах дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации / **264**
Манцурова Л.А. Некоторые проблемы предъявления для опознания в суде / **268**
Ким С.С. Судебные действия как отдельный вид уголовно-процессуальных действий / **271**
Трофимова Н.А. Правила определения верхнего предела санкции статьи при назначении наказания / **276**
Шапиро Е.А. Актуальные вопросы мониторинга судебной практики органов внутренних дел и его значение для совершенствования действующего законодательства / **280**
Друзяка А.В. Исследования истории публично-правового института нотариата на Дальнем Востоке России / **283**
Полякова Н.В. Дисциплинарное дестимулирование в государственно-служебном законодательстве / **291**
Федотова О.А. Ротация государственных служащих как мера, направленная на преодоление коррупции в системе государственной службы / **293**
Шульга В.И. Коррупция в России в цифрах статистики / **296**
Леженин А.В. Российское полицейское право как структурная общность норм: некоторые вопросы соотношения с отраслью административного права / **299**
Манцуров А.Ю. Административно-правовое положение органов национальной безопасности Китайской Народной Республики / **302**
Куликова К.А. О совершенствовании законодательства Российской Федерации в сфере трудовой миграции / **306**
Антонова Л.Б. Об эффективности административной ответственности за нарушения в области дорожного движения на современном этапе / **308**
Примаченко В.В. Актуальные вопросы пресечения правонарушений в сфере игорного бизнеса (на примере УМВД России по Хабаровскому краю) / **311**
Рыдченко К.Д. Некоторые проблемы административно-правовой защиты детей от информации эротического характера по федеральному и региональному законодательству / **314**
Нехорошева С.С. Отдельные аспекты информационного обмена в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / **317**
Занина Т.М., Лукина Е.И. Некоторые проблемы определения субъектов профилактики правонарушений в сфере информационной безопасности несовершеннолетних / **320**

Научное издание

Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции

27 марта 2015 г.

Редактор
В.К. Твердохлебова

Корректор
Н.Б. Хохлова

Подписано в печать 05.10.2015. Формат 60х84 1/8.
Усл. печ. л. 38,13. Тираж 180 экз. Заказ № 94.
Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.